

Юлия Флоренская

Файтири

Говорят, дорога рождается под ногами идущего. А как насчет несущегося на высокоскоростном плайвере? Или поднимающегося в горы на причудливой яхте-трансформере, или плетущегося по раскаленной пустыне? В стране Лунного камня путешествуют все, кому не лень. Да и те, кому лень, тоже. Правда, с большой неохотой. И каждый рано или поздно находит свое сокровище.

1. О поэтах, силовых полях и фирменных блюдах

Имя ее прошептал ветер, струясь по отрогам Лунных гор. Таймири. Волосы ее были густые и черные, как покрывало ночей. Глаза — бездонные, как два горных озера. Еще вчера она была крошкой-ребенком, играла с породами лунного камня — адуляра, переливающимися всеми оттенками голубого и фиолетового.

«Что ты теперь будешь делать?» — вопрошал ее голос, скользящий в ночи, как эхо. Это ветер дул за окном, завывая серенады и пересыпая пески пустынь.

И правда, что делать ей теперь, когда ей почти двадцать лет? Ведь в этом возрасте каждый житель страны Лунного камня отправляется навстречу своему Приключению.

«Я найду что-нибудь такое, что осчастливит меня, — подумала Таймири. — Я всё время буду искать. И пускай эти поиски не закончатся никогда. Сидеть на шее у моей тетушки я не стану — совесть замучает. Кроме того, тетя Ария (Ариадна- Меценария-Илле) называет меня этим длинным, ужасным именем, которое я сама и выговорить-то не могу. Ну почему в стране Лунного камня всем дают такие жуткие имена?!

Да, я уеду. Я буду искать... мой единственный, неповторимый лунный камень».

Она посмотрела вслед уходящей луне. Расцветала утренняя звезда.

«Сегодня же полнолуние! Вот почему я не спала всю ночь, — подумала Таймири. — Верно, полнолуние существует специально для того, чтобы после бессонной ночи мы могли видеть рассвет, видеть, как Лунные горы облекаются светлой ризой, как проступают на прозрачной породе темные цепи сосновых лесов...»

— Тириэна-Авиграда-Мерия, завтрак готов! — Впорхнула в комнату тетушка Ария, жизнерадостная и легкая, как мотылёк.

— Большое спасибо, милая тетя! — улыбнулась Таймири. — Но сегодня я завтракаю в городе. Меня пригласила Сэй-Тэнь.

— Сэй-Тэнь Рань-Донь, да? — озадаченно протянула тетя. — Тогда ладно, иди. А я разделю завтрак с кем-нибудь другим...

«Подумать только! Сегодня такой важный для всех день, а единственная моя племянница уже с утра уезжает в город! Нет, даже на близких тебе людей не всегда можно рассчитывать», — разочарованно подумала Ария и удалилась на кухню, перемывать и без того чистую посуду, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

«Я еще не готова воплотить в жизнь то, о чем мечтала ночью, — решила Таймири. — Мне нужен чей-нибудь совет». Из своей комнаты она спустилась вниз по полупрозрачной голубой лестнице, к арке из желтоватого адуляра. Там, за аркой, должен был бы цвести дивный сад. Но земля была неплодородная, и растения, едва укоренившись в почве, тотчас погибали. Так, никому из жителей страны Лунного камня не удалось пока стать хозяином хотя бы одного деревца. Зато все без исключения могли считать себя хозяевами желтых песков, которые распростерлись по стране на многие сотни километров.

А из песков вырастали одинокие гиганты — скалы из ледяного шпата. Все эти скалы, точно надзиратели бесконечных равнин, рассредоточились по стране. И был у них один отец — большой горный массив прямо за городом Цвета Морской Волны. А мать у скал с упрямыми пиками была беспощадная песчаная буря, которая перекроила отпрысков Лунного массива на свой лад, затупив их гордые вершины. Вскоре после этого ветры принесли на поверхность скал-отшельников сосновые семена. И они проросли. На пустой, голой породе,

только по цвету напоминающей собой воду. Молодая поросль тянулась ввысь, закаляясь ветрами и зноем. И уже через несколько десятков лет корни диковинных сосен проникали глубоко-глубоко в сердце скалы. Про эти скалы и сосны люди слагали множество легенд. А о том, что случилось со смельчаками, отважившимися пересечь массив Лунных гор, ходили самые необыкновенные слухи.

На песке, за аркой ее ждал плайвер. Таймири приобрела его два дня назад и успела облететь на нем почти весь город. Город Огней. Он был ее родиной, местом, которое она никогда бы не отважилась покинуть надолго, если бы не ее мечта. Мечты могут завести нас в такие края, о существовании которых мы даже и не догадываемся.

Таймири с удовлетворением поглядела на новенький плайвер, погруженный серебристым днищем в песок. Его округлые белые борта были сделаны из мягкой резины, а крыша и вовсе отсутствовала.

— Ну, сегодня мы с тобой снова летаем, — сказала Таймири. На выставке плайверов ей предлагали самые разные модели, вплоть до таких, которые повинуются голосовым сигналам. Но она предпочла непритязательную машину на ручном управлении. Когда ты сам выбираешь маршрут, сам нажимаешь на кнопки и крутишь миниатюрный руль, то чувствуешь себя хозяином ситуации и наслаждаешься поездкой в полной мере.

Таймири вывела серебристый плайвер на дорогу из белого фосфора, и тот, урча, заскользил на высоте около двадцати сантиметров от земли. Стояла сухая, жаркая погода. Воздух был неподвижен. А солнце пекло так, словно хотело выжечь весь песок в округе. Потому что, кроме песка, жечь было решительно нечего.

Надев защитную маску и спрятав густую копну волос под отражающей лучи шляпой, Таймири помчалась через город на всех парах. Тут-то и подул встречный ветерок, слабенький, выдыхающийся. Куда делась та песчаная буря, которая свирепствовала сегодня ночью?!

Справа и слева от фосфорной дороги мелькали голубые переливающиеся здания самой непредсказуемой формы. Архитекторам не нужно было долго мучиться над проектами этих диковинных сооружений. А строителям даже не пришлось воздвигать стены. Материал был у них под рукой — гигантские глыбы адуляра, в освежающей лазури которого играли желтые огоньки. Правда, чтобы продолбить в этих глыбах комнаты и дверные проемы, понадобилось немало сил. Но цель оправдывала средства: столичные дома, в отличие от скромных жилищ на севере страны, не нагревались на солнце.

Туристы в город Огней так и стекались — на дома поглазеть да по улицам побродить. Но бродить желательно ночью. Ночью спадает жара, и город преображается до неузнаваемости.

Таймири и Сэй-Тэнь договорились встретиться в центре города, в Призрачном кафе. Кафе это особо никто не жаловал. Только дети да поэты. И поэты преимущественно в душе. Таймири себя поэтом не считала, а вот у Сэй-Тэнь к творчеству имелись немалые задатки. Слишком уж она была мечтательна и легкомысленна. В отличие от реалистов и прозаиков, ее ничуть не раздражали переливистые колокольчики, которые призывно звенели всякий раз, как отворялась дверь. Не смущала ее и узкая лестница с прозрачными перилами. Эта лестница спускалась в мрачный просторный зал, где под потолком бестолково сутились смешные голографические призраки.

В кафе было прохладно. Не то что на улице. На улице сейчас очень душно и жарко. Так бывает перед грозой.

Сэй-Тэнь сидела за столиком неподалеку от лестницы и потягивала сок через соломинку.

— Опаздываем, опаздываем! — сказала она, взглянув на часы. И небрежно обвела рукой зал. — Знакомься, мои новые соседи. А также слуги, — И она многозначительно глянула на официантов. — Я здесь уже ночь как квартирую.

— Что это значит? — изумленно спросила Таймири, присаживаясь за столик. К ней тотчас подлетел призрак и издал приветственный возглас:

— У-у-у!!

Но сейчас было не до призраков.

— Выкладывай, что стряслось?

— Мои меня выставили, — с напускной веселостью сообщила Сэй-Тэнь. Эта веселость ей ой как не шла. — Дело в том, что муж мой — жуткий прагматик. А с ним — и его мамаша. Они твердят, что если уж Айрин учится, то ее следует держать в ежовых рукавицах. А я так не хочу. Детям нужна свобода. Понимаешь, свобода нужна им, как свежий воздух!

Сэй-Тэнь устало откинулась на спинку стула, сплетая и расплетая пальцы рук.

— Но тебя ведь и отсюда выставить могут, — осторожно заметила Таймири.

— Я потому тебя и позвала. Совета спросить, — горестно сказала та.

Какое совпадение! Таймири тоже искала, к кому бы обратиться за советом.

— А еще я предлагала им переехать, — после недолгого молчания добавила Сэй-Тэнь. — В город Небесных Даров. Там, по ту сторону массива Лунных гор, нет песчаных бурь. И солнце не такое обжигающее. Но муж говорит, это безумие... Ах, они все наперебой твердят, что я безумна! Все, кроме Айрин. Бедной малышке всего шесть лет, а ее жизнь уже становится невыносимой.

Помолчав еще немного, Сэй-Тэнь прошептала:

— А ведь мы пытались сбежать...

Глаза у Таймири полезли на лоб. Здесь наверняка виной солнечная радиация. Разве могла бы мать в здравом уме пуститься с ребенком в такую даль!

Словно бы уловив мысли подруги, Сэй-Тэнь вздохнула:

— Про таких, как я, говорят: «нет царя в голове». А зачем мне царь в голове, когда в стране у нас полный бардак?! Сегодня на трон взошел новый Авантигвард. И я даже предположить боюсь, к чему приведет его правление.

Помолчав в третий раз, она решительно стукнула кулаком по столу и не менее решительно объявила:

— Уезжаю! Сегодня же! Вот уеду — и не будет у меня никаких проблем. А дочку потом заберу.

— И куда же ты уедешь? — окончательно уверившись в своих подозрениях, спросила Таймири.

— Ясно куда, в город Небесных Даров. Буду домик там себе подыскивать. А ты давай, со мной. Твой срок уже подходит. Тебе просто положено хоть какое-нибудь Приключение.

Таймири была к этому готова и даже сочинила длинное объяснение, чтобы чем-то подкрепить свой отказ. Но сейчас в объяснении нужда отпала. За какие-то пять минут Таймири вдруг поняла, что ей непременно нужно отсюда уехать.

— Вот что, раз тебе всё равно некуда податься, давай заскочим ко мне домой. А по дороге я приму окончательное решение, — сказала она.

— Окончательное? Значит, ты почти согласна! — обрадовалась Сэй-Тэнь. — Но у тебя

не будет времени, чтобы всё как следует обдумать, потому что мы помчимся наперегонки!

— Ага, значит, плайвер свой ты с собой прихватила, — заметила Таймири.

— Как и прочие пожитки, — самодовольно отозвалась та.

Они выходили из кафе, как вдруг Сэй-Тэнь насторожилась:

— Подожди, я чувствую неладное.

Сбоку от Призрачного кафе послышался какой-то гул, а в следующий миг мимо пронеслась серая туча песка. Ничего особенного, если не брать в счет полное безветрие, или, как говорят в народе, штиль на безводье.

— Не к добру это, — сказала Сэй-Тэнь, отплевываясь от песка.

— Ерунда, — заявила Таймири.

— С тех пор, как в стране воцарился новый Авантигвард — то есть с утра — я не могу отогнать от себя противоречивых мыслей, — прошептала Сэй-Тэнь. — Все радуются новому правителю, а мне почему-то кажется, что он погубит нас и нашу страну.

Таймири пропустила эти слова мимо ушей. Будет она еще беспокоиться о всяких там правителях, когда впереди у нее, возможно, долгая дорога, полная непредвиденных поворотов.

Сэй-Тэнь попыталась пригладить свои короткие непослушные волосы, но те встали у нее на голове черным ёжиком. Ее плайвер был совсем не такой красивый и блестящий, как у Таймири, а под стать своей хозяйке — изрядно запыленный да потрепанный жизнью.

— Кстати, в честь коронации тётя приготовила отличный завтрак. Нам будет, чем попить! — сказала Таймири, проворно забираясь в свою машину.

Сегодня в стране Лунного камня состоялись долгожданные выборы Авантигварда, правителя, который смотрит вперед. Крупные политики соседних государств прочили ему абсолютную победу на выборах. Народ восторгался им. Но по городам расползались зловещие слухи, будто новоявленный правитель связался с одной очень опасной особой, и что особа эта — самая настоящая ведьма, которой палец в рот не клади. Сейчас другой век. Век, когда люди положили конец всем войнам на земле. Люди разучились воевать, если не считать тех, кто всё еще мечтает о величии и ведет с миром скрытую войну...

Улицы пустовали, окна домов были зашторены. В парке вяло играл ошалевший от жары оркестр. Сэй-Тэнь улетела на своем помятом плайвере далеко вперед, и эхо разносило ее звонкий, залиvistый смех.

«Наперегонки, — мрачно думала Таймири. — Ага, как же. А потом — сразу в ремонт». Порой ей действительно казалось, будто «царь» собрал свои вещички и в спешном порядке улетучился из головы Сэй-Тэнь.

Широкая фосфорная дорога была ровной и гладкой, точно лента серпантина. По обочине мелькали молчаливые монолиты зданий, которые глубиной и насыщенностью цвета могли бы поспорить с самим небом, а то даже и с освежающей синевой высокогорных озер.

Таймири следила за скоростью, а заодно любовалась новенькой панелью управления, как вдруг на этой самой панели загорелось предупреждение. Датчик показывал, что впереди, там, где медленно, но верно теряла голову Сэй-Тэнь, есть какая-то преграда.

— Да ведь ничего же... — изумилась Таймири, выпучив глаза. Сколько она ни старалась, разглядеть преграду у нее никак не выходило. Но датчик мигал настойчиво и чуть ли не злобно. Пришлось затормозить. А кое-кто впереди тормозить даже и не думал, хотя на панели у этого кое-кого лампочка мигала столь же настойчиво и яростно.

«Бамц!» — раздалось оттуда. Плайвер Сэй-Тэнь на полной скорости врезался во что-то

бесплотное и упругое. Сэй-Тэнь не успела даже выругаться. Ее отнесло от преграды и основательно протащило по земле. А плайвер, который от удара, похоже, ничуть не пострадал, остался вертеться в воздухе над дорогой.

Очнулась Сэй-Тэнь на песке, у обочины. Тело ныло, руки и ноги были стерты в кровь, а спину словно распахали бороной. Всё, что произошло до сих пор, виделось ей теперь, как в тумане.

— Ах, что же это?! Да как же так?! — запричитала Таймири, подбежав к подруге. — Только не умирай. Слышишь? Я сейчас, за подмогой!

Она стала беспомощно озираться — поблизости никого. Какое невезенье, что Сэй-Тэнь вздумалось прокатиться как раз в день коронации Авантигварда! На дорогах — ни души, у всех праздник. «У них праздник — а у меня горе», — подумалось Таймири. Она едва расслышала слова раненой:

— Не надо... Ничего... не предпринимай, — хрипло, с натугой проговорила Сэй-Тэнь. И потеряла сознание.

Если напомнить Таймири этот эпизод, ручаюсь, она станет красной, как рак. Ибо, по ее разумению, она никогда не вела себя так глупо, как в тот момент.

Она уже прикидывала, каких размеров заказывать гроб, кого приглашать на похороны и кто первым кинет горсть песка на могилу, когда Сэй-Тэнь внезапно села, потянулась и удивленно уставилась на нее.

— Чего ревешь? — спросила она.

— Так ведь ты же умерла, — размазывая слезы по щекам, сказала та.

— Ну-ну, погляди на меня — ни синяка, ни царапинки.

Сэй-Тэнь взяла ее за руку, а когда и это не помогло — ущипнула изо всех сил.

— Эй, чего щиплешься?! — запищала Таймири.

Они шагали вдоль трассы, держась за руки. Причем Таймири сжимала руку Сэй-Тэнь так, словно боялась, что она (то есть Сэй-Тэнь) вот-вот исчезнет.

— Так это и было твое первое Приключение? — спрашивала Таймири. — Ну, в тот день, когда ты обнаружила в себе способности к самоисцелению?

— Да. Это случилось, когда мы вместе с мужем путешествовали вдоль залива Мейтнерий, — сказала Сэй-Тэнь. — Там у моря очень острые скалы. Земля под ногами неровная, и если ты споткнешься и упадешь, то можешь сильно пораниться. Я тогда упала. Было очень больно. Муж побежал за аптечкой, а когда вернулся, нашел меня совершенно невредимой. Оказалось, что усилием воли я могу лечить любые раны. Ох, как меня ругали, когда я потом проводила над собой эксперименты! Кровь ручьями лилась, малышка Айрин плакала. Я нарочно резала себе руки, чтобы посмотреть, быстро ли заживет. А заживало мгновенно — стоило мне только захотеть.

— А других исцелять ты умеешь? — поинтересовалась Таймири.

Сэй-Тэнь отрицательно помотала головой.

— Как бы то ни было, ты человек нового поколения. Человек-чудо! — восхищенно заметила та.

— Ты тоже, — серьёзно сказала Сэй-Тэнь. — У тебя тоже есть способности, о которых ты не знаешь.

— Не уверена, — скептически отозвалась Таймири.

— А ты не сомневайся! Скрытые способности есть у каждого человека. Надо только глубже заглянуть в себя.

— Даже у тети Арии они есть?

— Даже у нее.

— Ах да, конечно! Она же превосходный кулинар! — рассмеялась Таймири. — Давай-ка побыстрее к ней, а то завтрак съедят без нас.

— Погоди, — сказала Сэй-Тэнь. — Надо еще выяснить, на что это я налетела.

Они приблизились к тому месту, где произошло столкновение и где, как ни в чем не бывало, висел, моргая фарами, плайвер. Не понадобилось и двух минут, чтобы выяснить, в чем дело. Воздух перед плайвером был прозрачный, холодный и твердый, как стекло. Прямо какая-то льдина в краях вечного зноя. Таймири недоверчиво постучала по льдине:

— Что это?

— Брось! Неужто ты никогда не слыхала о силовых полях?! — вскинула брови Сэй-Тэнь. — Они возникают на месте, где через час или два должна вырасти новая скала из лунного камня!

Таймири, конечно же, знала о случаях, когда в городе начиналась суматоха из-за того, что голубые гиганты без всякого предупреждения поднимались посреди улиц. На самом деле не без предупреждения. Предвестниками их появления служили силовые поля, невидимые — и потому опасные. Если бы на месте Сэй-Тэнь в момент несчастного случая оказалась она, Таймири, то ей пришлось бы несладко.

— Через час или два! — с нажимом повторила Сэй-Тэнь. — Кто знает, как долго здесь высится этот прозрачный столб? Если мы не хотим, чтобы извержение каменной глыбы доставило нам новые неприятности, лучше поскорее отсюда убираться. Поехали!

И они вновь помчались по фосфорной дороге, мимо зданий, которые словно бы парили в знойном мареве.

«Из этой скалы камнетесы изваяют новый дом, куда потом заселятся люди, — думала Сэй-Тэнь. — А дорогу проложат в объезд...»

Внезапно в лицо Таймири подул сильный ветер. Холодный и враждебный, он пригнал за собой набрякшую от воды грозовую тучу. Полуденный зной был свержен со своего пьедестала точно так же, как был изгнан прежний правитель страны, — быстро и без лишнего шума, чтобы никто ничего не понял, чтобы все поверили в честную борьбу. Но честной борьбы не было. Был заговор с темными силами...

— Быстрее! В дом! — крикнула Таймири, останавливая плайвер возле арки. — Сюда! — позвала она. — Так мы поднимемся прямо ко мне в комнату.

Прогремел первый гром. Нет, не гром — хохот! Громкий и низкий, он походил на гром и был слышен на всю округу. Молния — и снова хохот. Туча не могла не веселиться: ведь сейчас пойдет дождь, и она освободится наконец от того груза, который тянет ее к земле. Каждая туча всегда мечтает стать легким облачком.

— Фу-у! Успели! — выдохнула Сэй-Тэнь, плюхаясь на кровать, застеленную пестрым покрывалом. Снаружи частыми струями брызнул дождь.

— Располагайся и не обращай внимания на беспорядок, — сказала Таймири. Вдруг из кухни донесся чей-то басистый, рокочущий смех. «Мужчина, — безрадостно подумала она. — Опять он».

Устроившись рядом с подругой, Таймири легла на спину и заложила руки за голову. От покрывала сильно пахло эфирными маслами, с которыми она иногда любила поэкспериментировать.

— Как давно я у тебя не была, — протяжно сказала Сэй-Тэнь. — Мне очень нравится

твой дом. Здесь атмосфера другая, не гнетущая.

— Да, здесь каждый делает, что захочет. Тетя Ария, например, любит убирать, готовить и стирать. А мне не позволяет. Хотя я и не прошу... Слушай, Сэй-Тэнь, а почему бы тебе не поселиться у меня? Тогда разрешатся все твои проблемы!.. Или почти все.

— Не-ет, я предпочитаю бежать от проблем в другой город. А ты уже решила? Ты со мной?

— Да, я готова. Вот поедим и начнем укладывать сумки.

— У меня всё в одном рюкзаке уместится, — с достоинством сказала Сэй-Тэнь. — В городе Небесных Даров я начну новую жизнь, поэтому весь мой скарб — два билета на поезд через пустыню, сменная одежда и немного денег, чтобы не умереть с голоду в дальних краях.

Таймири вздохнула. Уж она-то любого набоба переплюнет. Ведь непременно наберет с собой в дорогу уйму безделушек.

Она застала тетушку за кухонным столом в компании нового соседа. Тетушка Ария смутилась и покраснела. Этот сосед появлялся у них в доме ежедневно с тех пор, как переехал. Таймири старалась не попадаться ему на глаза и всякий раз перед его приходом пряталась у себя в комнате.

— Почему не предупредила, что приведешь подругу? — Тетушка Ария не умела злиться, и когда пыталась показать характер, выходило это у нее смешнее некуда. — Знакомьтесь, Тириэна-Авиграда-Мерия, моя племянница...

— Можно просто Таймири, — поправила тетушку та.

— А это.... — Ария, похоже, запомнила длинное имя гостя. И тот представился сам:

— Чикаторе-Итео-Калле.

Таймири чуть не прыснула со смеху, услышав, как он произносит своё имя нараспев.

Сэй-Тэнь ненавидела формальности. Когда очередь дошла до нее, она вскочила и отрекомендовалась так громко, что обладатель басистого голоса чуть не свалился со стула.

Тетушка Ария недолюбливала Сэй-Тэнь как раз за эту ее крикливость и непоседливость. «Орет, как полковой командир», — нередко говаривала она. Но указать ей на дверь не решалась.

— Тетя, у тебя осталось еще что-нибудь из того завтрака, который ты приготовила? — спросила Таймири. Тетушка Ария, у которой поначалу возникло желание выдворить непрошеную гостью, несколько смягчилась и побежала к холодильнику. Оттуда выплыло почти нетронутое блюдо. Причем выплыло само, без всякой посторонней помощи. Блюда у нее всегда выплывают, если выходят на славу. Но только тсс, никому ни слова! Прознай кто-нибудь, что Ария владеет кулинарной магией, и прощай ее беззаботная жизнь!

— Садитесь за стол, девочки. И отведайте моё фирменное! — не без гордости пригласила она.

Подруги были так голодны, что без промедления набросились на праздничное кушанье.

— А мы тут о политике разговаривали, — как бы между делом упомянула Ария.

— Сегодня, наверное, все только и разговаривают, что о политике, — буркнула Сэй-Тэнь, засовывая в рот здоровенный кусок кальмара.

Ария напустила на себя надменное равнодушие.

— Выборы Икротауса Великого — знаменательное событие! — холодно сказала она. — Лично я вполне довольна таким исходом. Уж Икротаус-то сможет поднять страну на новый уровень!

— Он возомнил себя великим. А на самом деле он — лилипут, — прожевав,

высказалась Сэй-Тэнь. Ох уж эта Сэй-Тэнь! Вечно норовит вставить острое словцо!

Таймири с ужасом отметила, что тетушка Ария побагровела. Она багровела только в двух случаях: когда у нее начиналась аллергия и когда ее выводили из себя. Едва ли у тетушки была аллергия на собственную стряпню.

— Ой, да не принимайте вы ее слова близко к сердцу, — вмешалась Таймири. И от нечего делать ляпнула: — Последний кусочек — и мы пойдем складывать вещи.

— Вещи? Какие вещи?! — опешила тетушка.

Взгляд Сэй-Тэнь красноречиво говорил: «Ох, и напрасно ты это».

Взгляд громогласного соседа не менее красноречиво говорил: «Сейчас грянет». Похоже, сосед знал тетушку Арию, как облупленную.

— Я уезжаю на работу в город Небесных Даров, — соврала Таймири. Ария сделалась пунцовой, и ее красноречивый взгляд мог бы пригвоздить к стене кого угодно, если бы сама она при этом выглядела чуть менее комично.

— В город... Небесных... Даров? — на восходящих нотах переспросила она.

— Ну пожа-алуйста, — заканючила Таймири. — Я ведь уже взрослая. К тому же работа будет непыльная... — Она секунду помедлила. — Да, непыльная, в библиотеке.

— И кто же тебя надоумил? — грозно спросила тетушка.

Сэй-Тэнь яростно замахала руками у тетушки за спиной, но было уже поздно.

— Кто?! Она?! Эта вертихвостка?! Не пущу!

— Послушай, дорогая, — вмешался наконец сосед. Его голос подействовал на Арию как успокоительное. — Ослабь хватку. Позволь девочке самой строить свою судьбу.

— Но я у нее единственная на всём белом свете, — слабо возразила та. — Мать умерла, а отец — чтоб ему пусто было! — сбежал в свое кругосветное плаванье. Я просто обязана за ней следить.

— А я вот возьму и тоже сбегу! — на всякий случай пригрозила Таймири. Хотя и так было ясно, что перевес окажется на стороне соседа. Очень уж убедительно он говорил.

Спустя полчаса уговоров да умасливаний Ария сдалась. Сдалась не без борьбы. И в результате этой борьбы к багажу Таймири прибавился саквояж со всевозможными лекарствами, старательно свернутое шерстяное одеяло и пара увесистых сумок с никому не нужными вещами.

Поезд отправлялся через час после заката. Постояв немного у дверей, Сэй-Тэнь спустилась к своему плайверу и вымыла его напоследок, чтобы он смотрелся не хуже других машин в караване. Этот караван поплывет через пустыню. Огромная, нескончаемая пустыня! Нужно запастись водой и едой. Нужно столько всего предусмотреть. В сутки плайвер сжигает около двухсот литров воды, а путник выпивает порядка трех. Значит, за неделю... Немыслимо! От расчетов у Сэй-Тэнь стала раскалываться голова.

... - Я тебя не забуду, — говорила Таймири, обнимая тетушку, которая к вечеру извела целую гору носовых платков и всё никак не могла утешиться. — Я буду писать тебе письма. По письму в день. Договорились? Буду делиться впечатлениями. Рассказывать, как велика и прекрасна наша страна. Только не плачь. Теперь у тебя будет повод завести новых знакомых. А чем больше друзей, тем ярче жизнь, ведь так?

— Ты права, милая, — хлюпала носом та.

Когда вернулась Сэй-Тэнь, проводы были в самом разгаре. Плайвер Таймири был набит до отказа и стал таким тяжелым, что мог оторваться от земли не более чем на дюйм.

— Э-э, нет, так не годится, — распорядительно сказала Сэй-Тэнь. — Половину сумок

долгой.

— Как долой? — всполошилась тетушка. — Нельзя! Там теплое одеяло и множество полезных вещей.

— Вы хотели сказать «бесполезных», — не отступалась Сэй-Тэнь. Под жалостливые всхлипы Арии она таки избавилась от части завалов, чем повергла несчастную тетушку в шок. Но тут подоспел сосед с непроговариваемым именем и сумел Арию обезвредить.

— Отправляемся! — скомандовала Сэй-Тэнь. — Не хватало еще на поезд опоздать.

— Смотри, не простудись! Не купайся в горных реках! И шли мне письма, не забывай свою тетю! — крикнула на прощанье тетушка Ария, утирая слезы носовым платком.

2. О превратностях пути и потерянной шляпе

Ночью фосфорные дороги светятся. Как только мрак окутывает землю, лик страны Лунного камня преобразается. Он озаряется свечением бесчисленных жилок, которые тянутся по всем направлениям, из города в город, через пустыни и непроходимые местности. Дороги излучают энергию, которой питаются батареи плайверов. Именно благодаря этому плайверы способны парить над землей.

Таймири и Сэй-Тэнь прибыли к месту отправления, когда на небосводе зажглась первая звезда. Сэй-Тэнь вручила билеты контролеру, и их пропустили к веренице плайверов, соединенных друг с другом прочными канатами. Пока к последнему звену длинной цепочки рабочие привязывали оставшиеся плайверы, подруги стояли поодаль и любовались вечерним небом.

— Завтра ночью будет звездопад, — мечтательно сообщила Сэй-Тэнь.

— Вот как? — безучастно сказала Таймири. Звездопад не больно-то ее интересовал.

— Да, и можно будет загадать желание...

— Надо же, кто-то еще верит во всю эту чепуху! — пробурчал какой-то субъект, проковыляв мимо. Сэй-Тэнь замолкла. «От этих ли людей я бегу? Не от себя ли?» — неожиданно подумала она.

Когда последние приготовления были окончены, в начале змееподобного поезда раздался свисток — пора трогаться. Пассажиры поспешно расселись по плайверам. Они махали руками и что-то кричали на прощанье родственникам и друзьям.

Таймири тут же свернулась калачиком на дне своей машины, укуталась в теплое одеяло и блаженно закрыла глаза. Потом она вспомнила, что надо накрыть плайвер стеклянным куполом, чтобы холодный воздух пустыни не проник внутрь. Надавила наугад на какую-то кнопку, и по краям машины из резиновых бортов стали бесшумно вырастать прозрачные лепестки лотоса, чтобы слиться в блестящую, непроницаемую полусферу.

«Вот и всё, — подумала Таймири. — Отпусти прошлое... Ты больше ему не принадлежишь. Теперь ты — крошечная часть вселенной, гораздо меньше тех звезд, что сияют там, наверху».

Нерешительно, робко сдвинулся с места караван. Кто-то забыл взять в дорогу чемодан с важными документами, кого-то задержали непредвиденные дела — и он бегом догоняет поезд. А Таймири лежит в тепле, предвкушая солнечную дорогу в барханах пустыни. Она знает, что в соседнем плайвере точно так же лежит Сэй-Тэнь, которая теперь наверняка винит себя за то, что бросила дочку, но которая не повернет вспять. Как отраднo это хрупкое чувство защищенности и покоя! Когда всё, что тебе нужно, с тобой. Когда осознаешь, что не ты один решился на безрассудство. Таких, как ты, много. И все они в этот час мирно спят в своих плайверах, покачивающихся в воздухе над фосфорной дорогой.

— Вот бы увидеть восход полной луны, — пробормотала Таймири погружаясь в сон. — Или рассвет... Рассвет в пустыне, говорят, красив...

По черным, четко прочерченным ресницам заскользили оранжевые струйки фонарного света. Поезд ускорил ход. Вот миновал он последние фонари, проводившие караван в ночь. Таймири смежила веки. Сладких тебе снов!

Каково это — проснуться утром, на рассвете? И не в уютной постели, а посреди

пустыни, когда первые солнечные лучи начинают вырываться из-за горизонта, разгоняя застоявшийся мрак? Сначала Таймири по привычке хотела встать и отправиться в ванную. Но потом убедилась, что никакой ванной нет и в помине. А вместо этого...

— Я бы советовала тебе не залеживаться, — постучала по куполу плайвера Сэй-Тэнь. — Смотри, какая красота! И это только начало!

Таймири немедленно вскочила на ноги и сквозь прозрачную крышу увидела алый рассвет. Она ахнула: никогда еще не приходилось ей наблюдать ничего подобного. Размытые огненные лепестки этого завораживающего цветка вздымались над пустыней, и с каждой минутой они росли, становились всё внушительней, вытягивая за собой тяжелый, пламенеющий шар солнца. Охваченная внезапным порывом, Таймири убрала стеклянный купол и сразу почувствовала сильный холод, так не вяжущийся с пейзажем на востоке. Она побыстрее завернулась в пушистое одеяло, и, стуча зубами, обратила свой взгляд на подругу. Та улыбалась солнцу и собственным мыслям. И холод не имел над нею власти, потому что она думала о тепле.

— Ну как? — поинтересовалась Сэй-Тэнь. — Как тебе первый день в дороге?

— Непривычно, — призналась Таймири. — Всё кажется, что где-то поблизости тетушка Ария со своими нравами и отбивной.

— Кто знает, когда вы теперь свидитесь, — пожала плечами Сэй-Тэнь. — Жизнь такая непредсказуемая штука...

— А долго нам еще плестись по пустыне?

— Четыре или пять дней — как повезет. Сразу за пустыней стоит культурная столица, город Цвета Морской Волны. Там мы сядем на паром, который отвезет нас к массиву Лунных гор.

— А потом?

— Не будем загадывать... — философски изрекла Сэй-Тэнь. И в этот момент она была похожа восточного мудреца. Только разве что без бороды и тюрбана.

С невообразимой скоростью мчался караван на север. А солнце припекало всё сильнее. И вскоре Таймири почувствовала, что хочет пить. Она откупорила одну бутылку из тех запасов, которыми была обязана подруге, и жадно припала к горлышку. Вода не успела как следует прогреться после ночи и была ледяной, поэтому пить пришлось маленькими глотками.

Перед глазами пейзаж так и мелькал. Вон пучеглазая ящерка — вылезла погреться на валун. А вон толстый зеленый кактус (откуда он только воду берет?). И повсюду — рыжие, как лисья шкура, пески. А ведь когда-то давным-давно на месте пустыни цвел, серебрился утренней росой луг...

Таймири вздохнула. Тетушка Ария полагает, будто всё это фантазии сказочников, но что если нет? Что если много лет назад кто-то действительно превратил плодородные земли в пески?

С высоты птичьего полета поезд из плайверов казался одной прыткой змейкой, то вползающей на барханы, то зигзагами спускающейся вниз, чтобы подняться снова и снова. И если ночью большинство машин было накрыто куполами, то теперь люди, жадные до новых впечатлений, вдыхали горячий воздух и с любопытством глазели по сторонам. Кто они такие по сравнению с величественной пустыней? Малютки-муравьи, которые выбрались из своего муравейника, чтобы проделать долгий и опасный путь. Кто-то отправился на поиски счастья, кого-то ждала родня, а кто-то, как Сэй-Тэнь, захотел сбежать от пагубной жары юга

и вечно скрипящего на зубах песка.

Несмотря на обилие запасенной воды да съестных припасов, голод и жажда неотвязно следовали за путниками по пятам.

— Эй, Таймири, — позвала Сэй-Тэнь. — Перебирайся ко мне в плайвер, перекусим.

Та опасливо глянула в проем между плайверами. Там, внизу, вздымаясь и оседая, бурлила белая фосфорная дорога.

— Даже если я к тебе переберусь, — прокричала Таймири, — мне еще долго кусок в горло лезть не будет!

Она страшно пожалела, что не взяла провизии из машины Сэй-Тэнь. А всё они, эти баулы тетушки Арии! Несмотря на то, что часть багажа осталась дома, плайвер всё равно был битком набит одеждой и предметами первой необходимости.

— Ну, давай! — подбадривала ее Сэй-Тэнь. — Не будешь же ты палец сосать! Нужно всего-то натянуть канат на себя. Ты справишься!

Таймири справилась. Не без предательской дрожи в коленках и бешеного сердцебиения. Но, как она и предсказывала, кусок ей в горло не лез. Поэтому Сэй-Тэнь, ничтоже сумняшеся, предложила подруге йогурт.

— Кошмар, — высказалась Таймири. — Ты не будешь возражать, если я прилипну к стенке твоего плайвера на остаток пути?

— Учись преодолевать страхи, — назидательно сказала Сэй-Тэнь. — К тому же, вдруг ты храпишь по ночам?

— Не храплю, — надулась Таймири. — Кроме того, мне одной жуть как скучно. Даже нечем себя занять.

— О! Так вот в чем проблема! — протянула Сэй-Тэнь. Для нее это был отличнейший предлог, чтобы рассказать подруге о настоящей причине переезда. — Я поделюсь с тобой пищей для размышлений, — пообещала она. — Переваривать ее тебе — не переварить.

Таймири вся обратилась в слух:

— Ты меня заинтриговала. Давай, выкладывай.

— На самом деле я стремилась в город за массивом Лунных гор, чтобы побывать в мастерской счастья Лисса, а если повезет, то и поучиться там уму разуму.

— Что ты говоришь?! Что такое мастерская счастья... как её там?

— Мастерская счастья Лисса. Это такое училище, откуда выпускают настоящих фей.

— Фей? — недоверчиво переспросила Таймири.

— Слушай, я не знаю, кто такие эти феи, но говорят, что создания они просто восхитительные. Феи излучают доброту и всегда поступают по справедливости.

— Если ты хочешь стать одной из них, то я пас, — нахмурилась Таймири. — Лучше бы ты сразу сказала мне правду.

— Правда — это то, во что люди верят, — уклончиво ответила Сэй-Тэнь. — А тебе, по моему, не было, да и нет нужды в моей правде, потому что ты и сама хотела уехать.

— С чего ты взяла?

— Тебя даже уговаривать не пришлось! Ты согласилась почти без колебаний!

Таймири издала что-то наподобие «Г-р-р!» и сползла на дно по округлой стенке плайвера.

— Ну, да, да! Ты совершенно права. А всё потому, что мне ужасно опостыла жизнь под крылом у тети. Я мечтала раздобыть талисман и стать самостоятельной.

— Талисман? — улыбнулась Сэй-Тэнь. — Талисман не сделает тебя самостоятельной.

— Ага, но за то время, пока я буду его искать, самостоятельности у меня точно прибавится, — беззастенчиво отвечала Таймири.

Когда она возвратилась к себе в плайвер, настроение у нее было скверное-прескверное, и ей казалось, что сомнения облепили ее со всех сторон. Так облепили — не продохнёшь.

«Правильно я поступаю или нет? — гадала она. — Не лучше ль было оставить всё, как есть? Ладно, Сэй-Тэнь без головы на плечах. Но я-то вроде не совсем безнадежна. Кто меня дернул согласиться на это путешествие?!»

Потом она сжевала сухарик, припрятанный в кармане на черный день, поменяла позу и снова задумалась:

«Отступить всё равно некуда, — сказала она себе, и сказала так убедительно, что успокоилась совершенно. — Прошлого не изменишь, а будущее никогда не наступит. Так что волноваться бессмысленно. Глядишь, и безголовость Сэй-Тэнь где-нибудь да пригодится».

Она подняла глаза к небу. Небо было такое же, как и всегда: с вышитыми на голубом полотне розовыми и желтыми узорами. Однако узоры изменились. Сложно было сказать, что они предвещают. Но если меняется небо, жди перемен на земле.

Фосфорная дорога тянулась вдаль тонкой нитью размотанного клубка. Эта путеводная нить — спасительная. Свернешь — и ты пропал. По ночам дорога светится, и ее видно с большого расстояния. Другое дело — одинокий, заплутавший среди песков путник. Его если и обнаружат, то через несколько дней — полумертвого, с помутившимся рассудком. Поэтому следует быть начеку: пустыня коварна, хотя порой ее миражи столь притягательны...

— Как жарко! Мне бы сейчас веер или опахало! — слышалось из переднего плайвера. Волоокая дама средних лет, с копной светлых волос и изможденным лицом, была явно расстроена.

— Представляете, какое невезенье, — обратилась она к Таймири. — Мою шляпу сдуло ветром. И теперь я просто умираю от жары.

Порывшись в вещах, Таймири обнаружила старую, вчетверо сложенную карту страны. Именно то, что нужно!

— Как вы добры! — воскликнула дама, проворно поймав карту, которую тоже едва не унесло ветром. — Премного благодарна!

Она принялась обмахиваться, то и дело поглядывая на Таймири.

— А знаете, что я вам скажу, — наконец не вытерпела она. — Плыли бы мы сейчас в прохладе, по тенистой аллее, если б не Вестница Весны. Это она всю кашу заварила. Из-за нее образовалась пустыня. А она бродит где угодно, только не здесь.

— Вестница Весны? — переспросила Таймири.

— Куда она ни ступит, везде вырастают травы да цветы. Но стоит ей удалиться, и растения засыхают. Она как будто дразнится: глядите, мол, что я у вас забрала и чего вы назад никогда не получите! Тьфу!

Таймири слушала с раскрытым ртом, потому что эти слова подтверждали правдивость сказок из ее детства.

Тени удлинялись. И вечерние ветры, как дикие псы, готовы были сорваться с привязи, чтобы распотрошить чрево пустыни. Чем ближе к горизонту скатывалось солнце, тем отчетливее слышалось их завывание. Начиналась буря. Таймири боялась, что из-за бури она не увидит восход луны. Но как только скрылось солнце, на другом краю неба, из-за низких туч, стала потихоньку выплывать луна. Круглая и желтая, она была похожа на испеченный

блин. Как раз такой, какие умела готовить тетушка Ария. Луна уже не была полной, как две ночи назад. Один ее краешек чуть-чуть истаял.

«Вот и хорошо. Я увидела всё, что хотела, — сказала себе Таймири. — А теперь спать». И только она накрыла плайвер стеклянным куполом, как поднялся ураган...

3. О черном ходе и заговорщиках

«Друзья, говорила ты, у меня будет много друзей. Ну, и где они? Когда наступает вечер, все мои знакомые расходятся по домам. А напроситься к ним в гости у меня недостаёт духу. Остается только читать книжки да гипнотизировать луну из окна, — печально вздыхала Ария. — Листай книги, переводи книги! Порой это выводит меня из себя!»

Она вот уже который год работала переводчиком на дому. Каждый день к ней поступали новые заказы: тоненькие книжки с историями ужасов, карманные экземпляры бульварных романов, сомнительная научная периодика. Тетушка Ария переводила всё без разбору, и скоро ей это до смерти наскучило.

«Никакого разнообразия, — ворчала она. — Серые тексты, скрипучее перо и неистребимый запах чернил. Даже язык серый-пресерый. И пресный, как тесто без закваски».

Ничто не радует, если в душе погасла лампада. Такая лампада, которая питает тебя изнутри и придает сил... В лампаде тетушки Арии заканчивалось масло.

Когда на следующий день после отбытия племянницы Ария ощутила острую необходимость в общении, к ней наведалься тот самый сосед, который обладал на удивление умиротворяющим голосом.

— Знаешь, как я поступаю в таких случаях? — подперев подбородок, сказал он. — Я что-нибудь меняю в своей жизни.

Его совет показался Арии дельным. В собственной жизни ее устраивало всё, кроме, пожалуй, работы.

«А отправлюсь-ка я во дворец, — решила она. — Вдруг у них найдется вакантное местечко для кухарки? Я ведь так люблю готовить. Да я просто маг, когда орудую у плиты!»

Несмотря на решимость, поджилки у нее тряслись еще как. Сперва она даже обула разные туфли и чуть не запуталась в шелковой накидке. Но желание устроиться на кухню Авантигварда было сильнее. К тому же, чего ей бояться? Законы в стране справедливые, и в случае отказа Ария просто вернется к своим переводам. Вернется ли? Как бы ни так! Она скорее сварит из ненавистных книг компот!

«Хорошо, что столицу перенесли именно в город Огней, — улыбнулась тетушка Ария. — А то пришлось бы топать за сотни километров, только чтобы испросить у правителя аудиенции. Ничего, что уже поздно. Я знаю, Авантигвард мне не откажет. Он никогда не брезгует умелыми поварами». Ария не отдавала себе отчета, что если он всё-таки откажет, то для нее это будет хуже любой казни.

Когда песчаные вихри настигли караван, в котором находилась Таймири, тетушка Ария уже бодро вышагивала по направлению к дворцу. Она остановилась лишь, когда заметила, что дворец совсем рядом и недоуменно взирает на нее своими светящимися стрельчатыми окнами. Она задрала голову: громоздкие колонны по краям от входа поддерживали мощный свод и как-то угрожающе тянулись ввысь, утопая в темном небе. Несравненно более безобидной показалась ей стража, что караулила ворота. Но едва Ария поднялась по ступеням, как путь ей заградили две блестящие пики.

— Вы, видно, вконец обезумели! Кто же идет во дворец в такой поздний час?! — сурово произнес один из стражников.

— Я по очень важному делу, — с непреклонным видом сказала Ария. — Можно мне

увидеть Авантигварда?

— Это решительно невозможно, уважаемая, — любезно проговорил другой стражник. — Сейчас правитель отдыхает. И если кто-нибудь его побеспокоит, то не сносить нам головы. Поэтому мы вас не пропустим.

— Ну что ж, тогда мне ничего не остается, как повернуть обратно, — с притворным прискорбием сказала тетушка Ария. И сошла по лестнице на площадь.

«Рано или поздно это должно произойти, — подумала она про себя. — Я имею в виду, что рано или поздно эта парочка у входа нарушит какой-нибудь приказ, и им, возможно, отрубят головы».

Сдаваться Ария отнюдь не собиралась. Она догадывалась, что в любом приличном дворце непременно должен найтись черный ход. И хорошо, если он приведет не куда-нибудь, а в ложу правителя.

— Смотри у меня, — приговаривала она, крадучись вдоль шершавой восточной стены. — Если ты порядочный Черный Ход, ты не заставишь меня шарить впотьмах, а сам услужливо скрипнешь.

Пару раз она споткнулась, один раз ободрала ладонь об острый выступ стены, а капризный Ход всё не обнаруживался. Но вот, наконец, удача: нащупав гладкую дверцу, которая подалась без всяких проблем, тетушка Ария попала прямиком... на кухню. Там едва теплился одинокий масляный светильник.

— Силы адуляра! — в восхищении прошептала тетушка. — Сколько же тут сковородок и жаровен! А ножи! А кастрюли! Это рай!

На плите остывала кастрюля с супом, и суп источал до того приятный аромат, что Ария даже осмелилась его попробовать.

— Здесь не хватает мансалевого масла, — со знанием дела заметила она и, взяв мигающий светильник, быстро отыскала на полках упомянутый ингредиент. — Вот так будет гораздо лучше. Хотя с плодами араурики получилось бы просто фантастически.

Это она собиралась сказать шеф-повару, когда устроится на работу. Теперь ей казалось, что ее непременно возьмут.

За кухней находился гулкий коридор с сотней центнеров давящего мрака. Мрак в том коридоре был отборный — густой, как чернила в чернильнице у тетушки Арии.

— Ну, попала так попала, — пробормотала Ария. — Лампа в ее руках погасла, и ей ничего не оставалось, как двигаться наугад. Минуты две она шла относительно спокойно и даже пыталась сочинить речь, которую произнесет перед правителем. Но в следующий миг ее вдруг проняла дрожь: на нее кто-то смотрел. На нее пялились сзади и спереди, сверху и снизу. Пялились и выжидали.

— Не дамся! А ну кыш отсюда! — срывающимся голосом крикнула Ария в пустоту. И рванула со всех ног, практически сразу же споткнувшись о ступени какой-то немыслимой винтовой лестницы. Ступени эти были явно рассчитаны на великана — высокие, кривые, а для страха еще и осыпающиеся по краям. К концу третьего витка тетушка Ария уже едва переставляла ноги, и ей казалось, что преследователь точно так же, на последнем издыхании, плетется позади.

«А сколько у него глаз?» — попыталась вспомнить она и вдруг поняла, что ни преследователя, ни тем более его глаз в глаза не видела. Ничьего прерывистого дыхания, кроме ее собственного. Ничьих торопливых шагов.

— Простоу кого-то разбушевалась фантазия, — разозлилась Ария и стала решительно

подниматься к еще одной догорающей лампе, которая освещала площадку на самом верху винтовой лестницы. Похоже, во дворце, куда ни кинь, везде развешивали догорающие лампы и повально пользовались лучиной. Неужто им невдомек, что на свете существуют канделябры?!

Спустя три дюжины охов и вздохов тетушки Арии лестница наконец перестала извиваться и смиренно застыла перед очередным длинным коридором. В конце этого коридора тоже мерцал слабый огонек. Ария оглянулась на море мрака, которое неощутимыми волнами колыхалось у ее ног. «Странно получается, — подумала она. — Ты бежишь, а страх твой бежит следом лишь потому, что ты разрешаешь ему гнаться за собой».

Она устремилась к яркому пятнышку света, чувствуя себя совсем как аквалангист, который вот-вот вынырнет из холодных глубин на теплый пляж. Однако на этом пляже тепла не было и в помине.

— Ты верно рассудил, мой господин, — услышала Ария, добравшись до светильника. Услышала и замерла у стены. Таким голосом можно было говорить только гадости. И именно так разговаривала бы змея, если бы вдруг обрела дар речи. Змеиный голос струился из комнаты, и комната эта, судя по всему, служила Авантигварду спальней.

— Мы заставим этих никчемных людишек работать, да так, что у них пар из ушей повалит. И мы разбогатеем! Верь мне. Это беспроигрышная партия.

— Вот за что я полюбил тебя, Терри, — сонливо сказал Авантигвард. — Ты никогда не сдаешься и веришь в свои силы.

— Скорее, в силы рабов, — ележно проговорила змея. Арию замутило. Заговор! Протие жителей страны Лунного камня! Надо срочно сообщить эту новость... но кому? Ведь если зло копошится в сердце страны, у самого трона правителя, то как одолеть это зло?!

Потом она услышала, как в комнате задвинули шторы, как зашуршала плотная ткань. Видимо, Авантигвард завершал приготовления ко сну.

«Не мог правитель сам до такого додуматься! — решила тетушка Ария. — Наверняка змея постаралась».

— Мой господин, там кто-то есть! — всполошилась обладательница змеиного голоса.

— Пойди, проверь! — Авантигвард лениво откинулся на подушки. В своих шелковых одеждах Терри бесшумно подошла к двери.

— А! Крыса! — раздался яростный вопль, и через мгновение тетушка Ария была повержена на ковер перед ложем правителя.

— Вот не ожидал! — подскочил на кровати тот, и на его лице было написано замешательство.

— Повсюду шпионы! — вскричала Терри.

— Не спеши судить о великом, не разобравшись в малом. — глубокомысленно заметил Авантигвард. — Может, эта женщина хочет нам что-то сообщить?

В его вопросе сквозило любопытство.

У Арии же зуб на зуб не попадал после такого испуга. И произнести что-нибудь вразумительное сейчас для нее было равносильно подвигу.

— Что же ты молчишь? — сердито обратилась к ней Терри.

— Я... я бы хотела у вас поработать, — проямлила Ария. И в тот же миг комната огласилась громким смехом Авантигварда:

— Как?! Ха-ха-ха! Поработать?! — переспросил он, утирая рукавом слёзы.

— На твоём месте я не была бы так наивна, — раздраженно сказала Терри. — Эта

женщина слишком много знает. И ей не место в городе. Ее надо отправить в ссылку.

— Не хочешь ли ты сказать, что она войдет в число твоих рабов, которые, как гномы, трудятся под землей недалеко от мастерской...

— Замолчи! — оборвала его Терри. И ее сверкнувшие глаза пронзили правителя, как две острые стрелы.

— Ты забываешься! Не смей повышать голос на своего Авантигварда! — разъярился тот.

— Это ты забываешь, что занял трон только благодаря мне, — хищно оскалилась Терри. Фактически, власть принадлежала ей, и она не уставала напоминать об этом правителю. Приобретя власть, Авантигвард тем самым лишился власти. Его гордость, конечно, восставала против такой несправедливости, однако что было делать? Ведьма Терри оказалась могущественнее него, и спорить с нею было не столько бессмысленно, сколько опасно. Авантигвард понуро опустил голову и с покорностью согласился. Вместо кухни, тетушка Ария отправится на рудники.

«Ничто мне теперь не светит, — чуть ли не плача, думала она, пока над нею смыкался купол высокоскоростного плайвера. — Кому придет в голову искать меня в подземельях мастерской счастья... — как её там? — Лисса».

К утру ее доставят в мастерскую вместе с посланием Терри. В подземной пещере, где будет работать Ария, наверняка жутко холодно и неприятно. И надзиратели там наверняка строгие и несговорчивые. Но это ничего. Главное, чтобы племянница благополучно добралась до северных пределов.

... В полночь Таймири проснулась: тишина — заслушаешься! Буря улеглась, и со звездного неба сыпались на пустыню искры потухающего костра. Звездопад! Сэй-Тэнь говорила, что во время звездопада можно загадывать желания. «Только бы полярная звезда не упала! — подумала Таймири. — Она так чудно сияет!»

Сэй-Тэнь тоже лежала с открытыми глазами и, шевеля губами, беззвучно произносила своё желание, которое, по поверью, должно было прилипнуть на хвост падающей звезде и совершить с нею долгий полет вокруг земли. Со всего размаху оземь ударяются только невоспитанные кометы.

Таймири сгорала от нетерпения — так ей хотелось поскорее увидеть город Цвета Морской Волны. Люди там, наверное, живут совсем не так, как в городе Огней. И, уж конечно, праздники у них совсем другие. Что и говорить! Это же не столица, а самобытный город со своими порядками и устоями. Исторический центр, расположенный между двух рек, стекающих с высоких голубых гор.

Потом она вновь направила свои мысли к небу. Одна очень маленькая звездочка прочертила неясную траекторию к горизонту. «Я всегда считала, что если с неба падает звезда, то какой-то человек на земле перестает быть счастливым, — подумала Таймири. — Это не моя звезда, потому что я счастлива. И уж навряд ли звезда Сэй-Тэнь. Пускай того кому пришлось туго этой ночью, оставит печаль...»

4. О диковинах и самых заурядных вещах

Сплетя пальцы рук на коленях, у входа в академию сидел старик и о чем-то размышлял. Его взор блуждал по кирпичным домам с причудливыми черепичными крышами, пока, наконец, не остановился на фонтане, изливающим в каменную чашу прозрачную воду.

— Вода течет, — сказал он сам себе, и спокойный голос старика привлек внимание спускавшихся по ступеням учеников. — Вода течет и показывает нам, как быстротечно время.

— Философ, вы себя как чувствуете? — испытывая неловкость, обратился к нему один из молодых людей. — Здесь очень жарко, вы можете получить солнечный удар.

— Всему свой черед, — размеренно произнес философ, разглаживая складки серой хламиды. — Сегодня ночью с небес падали огненные брызги, — загадочно изрек он, и ученики сгрудились вокруг него, заинтересовавшись, что философ скажет еще. — Они возвестили мне о скором прибытии непрошенных гостей. А вслед за ними придет и беда...

— Давайте, я принесу вам зонт от солнца, — предложил всё тот же учтивый юноша. Посади на солнцепек сапожника, столяра да швею — и скоро они хором предскажут тебе тридцать три несчастья, начиная со стихийного бедствия и заканчивая крушением мира. Что уж говорить о философе! Разумеется, его словам не придали должного значения. А философ между тем сообщил:

— По пустыне к нам движется караван из города Огней.

Это было последнее, что он сказал в то утро. Потом ему всё-таки вручили какой-то старый, потрепанный зонт, и старик погрузился в молчание, полное раздумий.

Таймири не сиделось на месте. В очередной раз проделав маневр с переправой в машину Сэй-Тэнь, она уже успела прожужжать подруге все уши.

— Неужели в мастерской счастья, и правда, готовят настоящих фей?

— А феи — это кто, волшебницы?

— А феи могут повелевать природой?

Сэй-Тэнь отхлебнула воды из второй по счету бутылки из своих запасов и принялась старательно расправляться с персиковым пудингом.

— Ну, что ты словно малое дитя! — не выдержала она. — Волшебницы бывают только в сказках, понятно?

— А-а-а, — разочарованно протянула Таймири. — Но мы разве не в сказке? Вон, какая сказочная пустыня!

— Прежде всего, феи умеют творить добро. Добро преображает...

— Тогда чем добро не магия? — вставила Таймири. — Слушай, а ты действительно собираешься поступить в обучение к тамошним профессорам? Как бы и тебя эта магия не преобразила... Представь, вернешься ты домой, а тебя не узнают.

— Не вернусь я домой, ясно? — вскипела Сэй-Тэнь. — Будь добра, оставь меня ненадолго.

Таймири сникла. В последнее время подруга была сама не своя, вечно раздражалась по пустякам и всё чаще стремилась к уединению. Не следовало упоминать при ней о доме. Ведь там у нее осталась малышка Айрин, к которой мать теперь и на милую не подпустят. Нету у Сэй-Тэнь дома — вот и весь сказ.

Едва Таймири перебралась к себе в плайвер, караван начал резко тормозить. Может, она что-то нарушила и теперь ей придется отвечать? Может, лазить друг к дружке запрещено по правилам?

Однако правила здесь были не при чем. Поезд остановился из-за Вестницы Весны, которая на фосфорной дороге оказалась совершенно случайно. Ну, еще бы! Дама, к которой перекочевала карта Таймири, утверждала, что Вестница в пустыню и носа не кажет. Но это был определенно исключительный случай. Уникальное расположение звезд, прихоть судьбы, воля злого рока (а может быть, и не очень злого). Называйте, как хотите.

Вестница Весны прекрасно понимала, что, попадись она на пути каким-нибудь кочевникам, солоно придется и им, и ей. Хотя, в основном, всё же ей. Люди ненавидели ее с незапамятных пор. С тех самых пор, как в стране Лунного камня пропали растения и птицы. Она смутно помнила время процветания, равно как и того, кто погубил природу. Кто-то воспользовался запретным колдовством и попытался стереть ей память, после чего хладнокровно заставил ее блуждать без цели, пристанища и друзей. Однако на отсутствие друзей Вестнице жаловаться не приходилось. По ее плащу вот уже который день медленно взбиралось какое-то ползучее и очень вредное растение. Это растение, похоже, считало, что на шелковом плаще живет удобнее, чем на земле. Вообразив себя выюнком, оно завивалось колечками, а иногда даже выпускало белые ароматные цветки.

Несмотря на то, что проклятие, из-за которого она без отдыха бродила по стране, разбить никак не удавалось, Вестница была довольно-таки могущественной волшебницей. Она могла бы в два счета обезвредить выюнок, а заодно избавиться и от вырастающих под ногами ромашек. И от птичек, которые кружились над головой да весело щебетали. И от легкого ветерка, который сопровождал ей в странствиях. Она могла бы прогнать их всех, но тогда она бы осталась совсем без друзей. А этого-то и добивался тот, кто наслал проклятие. Он целыми веками терпеливо ждал, когда же дух Вестницы Весны будет сломлен. Как только она впадет в отчаянье, ее магические способности целиком перейдут к нему. Но Вестница почему-то не отчаивалась. И тот, кто ждал, уже наверняка зарос мхом.

Вестнице было глубоко безразлично, что творится с тем-кто-ждет. Гораздо больше ее волновало, как пройти через пустыню незамеченной. Но караван притормозил на самом ее пути, так что деваться было некуда. Люди повылезали из плайверов, вдвойне раздраженные тем, что поезд остановился в самое пекло.

— Колодец там что ли? — спрашивали пассажиры. Более веского повода для них попросту не существовало.

Те, кто был в хвосте поезда, делали ставки на колодец. Те же, кто сидел в начале цепочки, догадок не строили, ибо Вестницу они видели так же явственно, как и свои башмаки. А злости у них было хоть отбавляй.

У каждого имелась своя причина ненавидеть Вестницу Весны. Женщины досадовали на ее юности и красоте, а еще тому, что она так свободно разгуливает, не страшась нападений. Мужчины негодовали: что же это получается, она разгуливает, а мы своих жен вынуждены охранять?

Кроме того, птицы во всей стране щебетали только над ухом Вестницы Весны. Диковинные цветы распускались только у ног Вестницы Весны. А солнце, которое норовило спалить волосы у тебя на голове, щадило только Вестницу Весны.

В общем, списки с жалобами можно было бы писать бесконечно. И похоже, что такое занятие претило одной лишь Минорис. Совсем недавно ей исполнилось семнадцать, и

теперь ее везли к дальним родственникам, чтобы те позаботились о ее судьбе. Таков был обычай. Эти «дальние родственники» устраивали какие-то странные церемонии, выбирали для девушек женихов, после чего непременно настаивали на помолвке. Через подобные испытания в свое время прошла старшая сестра Минорис. Сейчас она живет неведомо где, неведомо с кем, и никто не знает, что с ней случилось, включая вышеназванных «дальних родственников». Минорис это абсолютно не устраивало. Но что толку перечить, если родители твои словно сговорились. Тему не обсуждаем — и всё тут.

В данный момент она опасливо заглядывала в список жалоб, составленный ее склочной мамашей и предназначенный для глаз Вестницы Весны.

— Я ей перцу задам! — воинственно покрикивала мамаша, выбираясь из плайвера. Минорис последовала за ней, чтобы хоть как-то ее укротить. Но, судя по всему, сила в мамаше бурлила неукротимая.

— Что там такое?! — всполошилась дама со светлой шевелюрой. — Почему стоим?

— Понятия не имею, — сказала Таймири. — Вы как хотите, а я пойду разомну ноги. Слышишь, Сэй-Тэнь?

Сэй-Тэнь на ее слова никак не отреагировала. Она сидела в своем плайвере с отсутствующим взглядом и что-то бормотала потрескавшимися губами. В таком состоянии и обычного-то человека тормозить опасно. А Сэй-Тэнь была, прямо скажем, не совсем обычной.

— Я за ней пригляжу, — пообещала дама, обмахиваясь географической картой.

Проваливаясь в песок поочередно то одной, то другой ногой, Таймири с трудом продвигалась вдоль каравана. Она чувствовала себя неуклюжей и грязной с головы до ног. Некоторые из пассажиров тоже решили прогуляться, а заодно выяснить, почему произошла задержка. Многие спешили присоединиться к толпе, образовавшейся вокруг Вестницы Весны.

— Это она! Она! — наперебой кричали люди. Кто-то с восхищением, кто-то с нескрываемой злобой, а иные даже со злорадством. Они забавно переваливались с ноги на ногу, и чем быстрее бежали, тем смешнее становилось Таймири.

Десять минут ходу — и она поравнялась с шумной толпой. Основную массу недовольных составляли женщины. Они трясли перед Вестницей своими списками жалоб и требовали невозможного. Среди невозможных требований были такие, как, например, оазисы в пустыне.

— А еще лучше, чтобы пустыня целиком превратилась в оазис! — выкрикивала какая-то сварливая дамочка.

— Ты украла у нас воду, так будь добра, верни на место! — разорвался выраженный в мундир мужчина.

— Кому ты служишь? Кто заплатил тебе за горы адуляра? — интересовался упитанный старичок. Он был низок ростом и, чтобы спросить, всякий раз подпрыгивал, а его набитый монетами кошелек так и звенел на поясе. — Ведь правда, что деревья стали глыбами лунного камня?

Не получив ответа ни на один из своих вопросов, он огорченно отошел в сторонку и уставился на боевую мамашу Минорис, которая сурово приближалась к группе и, по-видимому, собиралась устроить Вестнице Весны хорошую взбучку. Вестница беспомощно озиралась в поисках поддержки. Но голоса птичек, верных ее спутниц, были потоплены волной голосов толпы.

Минорис отчаянно цеплялась за рукав непримиримой мамыши.

— Мэра, может, не надо? Зачем тебе? Брось ты это!

Мамаша раздраженно отдергивала руку. Вот, наконец, ей удалось пробраться сквозь толчею. Она взмахнула листком бумаги перед лицом волшебницы и схватила ее за белые, как снег, волосы.

— Мерзавка! Ты еще посмела преграждать нам путь! Украла наши луга и леса, отравила нам жизнь — и думаешь что вот так запросто отделаешься?!

Вестница Весны честно пыталась вернуть людям их луга и леса. Но заклятье, приведшее страну в упадок, было не абы каким, а хитросплетенным. Когда ее изо всей мочи дернули за волосы, ей припомнилось, что в свое время хитросплетенные заклятья мастерски сочиняла некая Ипва. На большее затуманенный разум Вестницы Весны способен не оказался.

Обыкновенно Минорис побаивалась своей мамыши и старалась на рожон не лезть. Но только видано ли дело, чтобы беззащитным волшебницам без предупреждения вцеплялись в волосы?! Саму Минорис частенько таскали за косу, и она знала, как это больно.

— Перестань! — крикнула она прямо в ухо мамаше и оттолкнула ее с такой силой, что потрясенная мамаша повалилась на песок.

Толпа осуждающе загудела. А Минорис, увернувшись от пощечины и на всякий случай перекинув косу через плечо, загородила собой Вестницу Весны.

— Прекратите! — вскричала она, следя взглядом за мамашей, которая, похоже, готовилась устроить показательную взбучку и Вестнице, и дочери. Уж на сей раз она влепит Минорис пощечину, что надо. И не промахнется.

Пассажиры выглядели совсем недружелюбно, и Таймири решила вмешаться. Она подросла как раз тогда, когда мамаша попыталась наброситься на Минорис. Еще одно падение в песок. Рефери мог бы сосчитать над мамашей до ста — это был нокаут.

— Надеюсь, очухается, — выдохнула Таймири, виновато взглянув на Минорис.

— Поделом ей. Она не моя настоящая мать. Моя мама пропала давным-давно, — мрачно ответила та.

Вестница лучилась от радости. О таких заступницах она не смела даже и мечтать.

— А ну, быстро по плайверам! — взяв командный тон, распорядилась Таймири. — Отправляемся!

Люди неохотно разбрелись по машинам. Ну, надо же, какая покорность! Видела бы ее сейчас Сэй-Тэнь!

— Простите их, они не ведают, что творят, — обратилась Минорис к Вестнице Весны. — Я-то знаю, вы не виноваты. А вот как им объяснить?

— Ничего, — прожурчала волшебница. — Я не держу обид. На судьбу не ропщут.

Девушки стояли так близко к Вестнице Весны, что могли ощущать прохладу ветерка и тонкий аромат цветов. А одна птичка из тех, что кружили у Вестницы над головой, даже приземлилась Таймири на плечо. И Таймири вдруг подумалось, что волшебница непременно должна всё знать о лунном камне, а еще о том, где можно достать себе амулет из адуляра.

Минорис между тем изобретала всё новые и новые вопросы. Видимо, у нее был очень пытливый ум. Вестница Весны отвечала лаконично, но всё равно скоро начала уставать. Ей впервые попалась такая любознательная особа.

— Так кто же всё-таки испортил нам жизнь, а? — допытывалась она. — Готова спорить, он насолил и вам тоже.

— Ты сможешь это выяснить, если научишься зреть в корень, — бессильно вымолвила

та.

— В какой такой корень? — опешила Минорис.

Таймири ужас как не терпелось расспросить Вестницу о лунном камне. Но вдобавок к тому, что Минорис доконала волшебницу со своими бесконечными «кто?» и «почему?», раздался еще и тревожный свисток. Караван лениво двинулся прочь.

Вестница Весны словно бы догадалась о желании Таймири. Хотя, собственно, волшебникам и положено догадываться. Она выудила из складок своего платья какую-то книгу — в твердом переплете и с потрепанным корешком.

— Не будете ли вы так любезны, — проговорила она, протягивая книгу Таймири, — вернуть ее в библиотеку мастерской счастья? Я... Видите ли, я забыла...

— Ах, что вы! Для меня это сущие пустяки! — заверила ее та. Взгляд задержался на желтой обложке. Там жирными буквами значилось: «Лунный камень. Записки отшельника».

Таймири вытаращила глаза. На лоб они поползли уже без посторонней помощи. Ну и чудеса!

Пока она сообразила, что на свете существуют такие слова как «спасибо» и «благодарю», Вестница Весны успела удалиться настолько, чтобы эти слова до нее не долетели. Она ступала по песку босыми ногами, оставляя нечеткие следы. И в следах еще некоторое время изящно белели луговые ромашки.

Выйдя из транса, Таймири заметила, что кто-то тянет ее за руку.

— Быстрее! — умоляла Минорис. — Если поезд уйдет, мы изжаримся в этой пустыне, как два кролика!

Таймири не стала выяснять, почему именно кролики. А поезд действительно набирал ход. Они едва успели заскочить в предпоследний плайвер. Сэй-Тэнь, которая сидела в последнем, только тогда и оживилась. Вволю поразмышляв над какой-то своей проблемой, она проявила к новой попутчице немалый интерес и даже взяла на себя труд перебраться в машину подруги.

— Имя?

— Минорина-Акустина-Вайе, — неохотно представилась Минорис.

— Учишься или работаешь?

— Ни то, ни другое. Меня собирались выдать замуж.

— Матушка?

— Мачеха, — поправила Минорис. — И вообще, к чему этот допрос?

Сэй-Тэнь ничего не сказала и удовлетворенным видом прислонилась к стенке плайвера. Значит, Минорис повздорила со своей мачехой, и теперь девушке так же негде приклонить голову, как и самой Сэй-Тэнь. Это их в некотором роде объединяло.

— Если хочешь, устраивайся у меня, — предложила она.

— Или у меня, — тут же подхватила Таймири.

— У меня ей будет комфортней, — веско заметила Сэй-Тэнь.

— А я отдам ей свое одеяло, — не уступала та.

— А у меня прорва еды!

— Не такая уж и прорва.

В итоге, Минорис выбрала плайвер Таймири.

— В убытке вы не останетесь, — клятвенно пообещала она и в тот же день слопала добрую половину пирога, который Сэй-Тэнь нарочно припасла для торжественного случая.

Сэй-Тэнь дулась и про себя называла Минорис обжорой. В конце концов, это очень

даже хорошо, что она теперь с Таймири.

Книга о лунном камне оказалась довольно старой и с такими тонкими листами, что сквозь них просвечивался текст. Шрифт у текста был замысловатый, с закорючками и красными буквицами. А от оглавления разбегались глаза. Тут тебе и магические свойства адуляра, и адуляр в строительстве, и влияние адуляра на характер людей...

Таймири задержала дыхание и нырнула в эту книгу, как ныряют на морское дно. Минорис только диву давалась, как она умудряется читать при плохоньком освещении карманного фонарика. Сумерки сгустились быстро, и сейчас пустыня озарялась лишь сиянием луны да звездных россыпей.

— А мне дашь почитать? — с надеждой спросила Минорис.

— Вот еще! — фыркнула Таймири. Она как раз начала главу об эмоциях. Но попробуй сосредоточься, когда тебе жужжат в уши!

— Я вот думаю, что же всё-таки значит — смотреть в корень? — не умолкала Минорис. — Если Вестница имела в виду корни растений, то растений у нас ведь раз, два и обчелся. Одни лишь сосны массива Лунных гор. А если подразумевались другие корни? Ну, например, корни семейного дерева? Или корешок вот этой самой книжки?

Таймири фыркнула еще выразительней и повернулась к ней спиной. В книге как раз говорилось о том, что адуляр способствует очищению пространства и освобождает от вредоносных влияний. Не помешало бы!

Когда Сэй-Тэнь оставляли в покое, она общалась с дочерью. Иначе подобные телепатические беседы были бы попросту невозможны. Находясь в медитативном состоянии, Сэй-Тэнь обыкновенно лежала пластом и очень походила на мертвеца. Ясно, что при посторонних побыть мертвецом ей бы не удалось. Ни мертвецом, ни спящей красавицей.

Сейчас Сэй-Тэнь была уверена, что ее не потревожат. Она накрыла плайвер куполом и включила систему обогрева.

«Как ты там, доченька? — проскользнул и умчался вдаль один-единственный вопрос. Этот вопрос пронесся со скоростью, в сотни раз превосходящей скорость поезда. И если поезд держал путь на север, то вопрос Сэй-Тэнь устремился в обратном направлении, к городу Огней. Другая, ответная мысль вернулась к ней почти в тот же миг.

— Эти бессовестные мальчишки опять разрушили твой песчаный замок? А помнишь, Айрин, чему я тебя учила? Не обращай внимания. Сделай вид, что тебе на руку их баловство. Они оставят тебя в покое лишь тогда, когда ты перестанешь на них реагировать.

Шесть лет — это ведь почти что десять. Ты уже такая взрослая! Ты сумеешь за себя постоять. Уверяю тебя: терпеть осталось недолго. Однажды всё изменится. Я заберу тебя в мастерскую счастья Лисса, где тебя научат быть сильной и мудрой».

5. О змеях и выживании

Где-то далеко, в тысяче километров от плывущего серебристого каравана, наступал вечер. Совсем скоро он доберется до фосфорной дороги, стусит над нею сумерки и окутает ее холодом. Но пока что вечер задержался в лесу. Там он гость желанный.

Лесов как таковых в стране Лунного камня не существует. И это прекрасно знает тот-кто-ждет. Он уничтожил все леса. Точнее, почти все. Волшебные сосны массива Лунных гор слишком прочно вонзились корнями в породу, чтобы их можно было оттуда выкорчевать. Но, кроме заколдованных сосняков, встречаются и особые, еще более неприхотливые заросли, целиком состоящие из каменных столбов — из столбов лунного камня. По ночам они отражают лунный свет, а днем в них горделиво глядится солнце. Город Огней тоже когда-то был скоплением адуляровых гигантов, но люди быстро осваиваются. Освоившись там, они невольно прогнали из каменного леса неповторимый дух тишины.

Думать, что столбы из адуляра мертвы, — большое заблуждение. Те, кому хоть раз случалось среди них побывать, расскажут, как тихо бывает, когда разговаривают камни. Они общаются между собой абсолютно неслышно — так неслышно, что в жилах стынет кровь. Поостерегитесь шуметь в адуляровых лесах. Если вы помешаете совещанию скал — вам несдобровать. А совещание это может тянуться веками:

— Мнение свое изволь высказать, сосед. Расширять наш дивный строй будем или нет?

— К западу пошлем отряд молодых ребят. Пусть укоренятся там и вовек стоят.

Так, перешептываясь, разрастаются леса голубых камней. И шепот этот не похож ни на один шепот в мире. А внутри неподвижных столбов, в жеодах, течет неведомая жизнь...

Таймири уснула с раскрытой книжкой на груди. А Минорис только этого и дожидалась. Она аккуратно взяла «Записки отшельника» и принялась читать при лунном свете.

«Ну и пусть, что зрение посажу, — думала она. — Такой шанс представляется раз в жизни».

Книга была раскрыта на «Былинах и преданьях», и эпиграф убедительно гласил, что былины — это то, что было, а преданья — то, что передано, причем передано безвозмездно. Чья-то рука корявым почерком подписала: «Только попробуйте в чем-нибудь усомниться!»

Минорис сомневаться не собиралась.

«Испокон веков землю обильно питали дожди. И капельки дождей безропотно падали вниз, выполняя своё предназначенье. Но однажды родилась на свет такая капля, которая не пожелала расставаться с жизнью. Она с удивлением смотрела на своих старших сестер и недоумевала: почему они настолько покорны судьбе? Почему прыгают с вышины, чтобы навсегда исчезнуть в почве?

— Что вам это даст? — спрашивала неужемная капелька. — Ведь вы могли бы жить вечно! Да и не просто вечно, а припеваючи!

Но сестрицы капельку не слушали. Они понимали, что заключенная в них влага позволит прорасти семенам. А из семян появятся цветы и деревья, без которых немисливо счастье земных созданий. Дружно покидая сиреневую тучу, капли с плеском ударялись о листья растений, весело скатывались по ним и отдавали свою жизнь ради жизней других существ.

Но вот настал черед нерадивой капли. Сколько она тучу ни умоляла, туча оставалась

непреклонна. Она исторгла ее вместе с другими ее сестрицами. И падая, капля воззвала к солнцу:

«Солнце светлое, солнце неугасимое! Подари мне жизнь вечную, как у тебя! Не дай мне пропасть бесследно!»

Солнце услышало ее мольбу. Услышало и возмутилось.

«Я опалю тебя лучами, я превращу тебя в пар! Ты станешь маленьким облачком, чтобы вечно блуждать по небу!»

Но велико было упорство капли. Вместо того чтобы испариться, она сделалась камнем, голубым и гладким, с золотым свечением в глубине. Этот камешек упал на землю. Увидали его цветы луговые, травы да деревья. И сказали деревья: «Не к лицу туче сыпать градом. Да и нам стыд под градом выситься. Уйдем отсюда в края теплые, чтобы избежать суровых времен!»

Деревья высвободили корни из-под земли и вперевалку зашагали прочь. А за ними потянулась прочая поросль. Так, осталась в тех местах лишь голая пустыня. Подули со всех концов яростные ветры, а камень, который прозвали лунным, пророс, потому что солнце, осветлив его сердцевину, подарило ему бессмертие. И из камня того поднялась ввысь исполинская голубая колонна, потомки которой обжили новые пустоши. Со временем появились сиреневые и зеленоватые столбы адуляра. И они населяли всё новые и новые земли...»

Минорис устала читать и примостилась у стенки плайвера, натянув на себя какое-то ветхое покрывальце из вещей Таймири.

«Если глыбы адуляра действительно разрастаются, как кустарник, то нам лучше поскорее сматывать удочки и убираться из страны за океан», — подумала она.

Сэй-Тэнь металась на своем неудобном ложе, то и дело вскакивая в холодном поту. Ей было никак не заснуть, и ее знобило, хотя обогреватель в плайвере работал на всю мощность. Над головою зияла черная пропасть неба.

— Утро никогда не наступит, — бормотала Сэй-Тэнь. — А если и наступит, облегчения оно не принесет.

При очередном тревожном пробуждении она обнаружила, что горизонт чуть-чуть посветлел. Мимо проносилась бледная, выцветшая пустыня. Тут и там встречались сухие русла рек, уродливые валуны и воронки непонятного происхождения. Ветер завивал свои воронки из песка.

Сэй-Тэнь безумно хотелось домой.

«Я никогда не попаду в город Небесных Даров. Меня не пустят в мастерскую счастья Лисса. Все мои попытки обречены на провал».

Она скажет Таймири, что с мечтами покончено. Теперь Сэй-Тэнь будет реалисткой. Она повернет назад и заживет прежней, счастливой жизнью с расчетливым мужем и умницей-дочкой. Счастье нужно строить постепенно, возводить из кирпичиков, размер которых уже известен. Мотаясь по городам, счастья не добудешь. Ведь так и кирпичики недолго растерять.

Солнце восходило неохотно, и с каждой минутой барханы всё более окрашивались в рыжий цвет. Подставив ветру гнутые спины, они дремали, как большие, неповоротливые киты.

«Они выглядят такими одинокими и покинутыми», — вздохнула Сэй-Тэнь. От этой мысли ей почему-то хотелось рыдать.

Пустыня, с ее бесконечными грядками, стылым ночным воздухом и ничего не предвещающими рассветами, отнимает надежду. Но караван движется ходко. Десятки людей в нем, возможно, испытывают такую же безнадежную печаль, какая охватила Сэй-Тэнь. «Спать... Сон прогонит тоску», — решила она и плотнее завернулась в одеяло. Если бы она знала, что готовит ей утро, то бодрее нее в караване сейчас не было бы никого.

Откуда взялась эта пыльная буря, невозможно было предположить. Она набросилась на караван, как изголодавшийся разбойник на миску с похлебкой. Серые волны песка и пыли метались по пустыне туда-сюда, разыгрывая хаотичное, безобразное действо, пока, наконец, вся сцена не скрылась за плотным занавесом дождя.

Больше всего неприятностей буря доставила пассажирам задних плайверов. А если точнее, то Таймири, Сэй-Тэнь и Минорис. Их машины просто-напросто отрезало от основной цепочки, и они оказались наполовину зарытыми в песок. Пока бушевал ураган, Сэй-Тэнь снилось, что она кружится на карусели. Но потом аттракцион вдруг приказал долго жить, и она со всего размаху ударилась лбом о стенку плайвера.

— Что за... — простионала Сэй-Тэнь. Темень вокруг стояла еще та. Стекланный купол совершенно запорошило песком, а извне до нее не доносилось ни звука. Ни малейшего намека на то, что караван движется. Сердце стало выделявать кульбит за кульбитом — вот-вот упадет.

— Если я здесь застряла... — пробормотала Сэй-Тэнь, после чего голос у нее заметнсел. — Одна-одинешенька...

Она лихорадочно понажимала на какие-то кнопки возле руля, чтобы очистить купол, и принялась соображать, что ей делать дальше. Поезд ушел в прямом смысле этого слова. Однако с некоторым облегчением она обнаружила плайвер Таймири, который неуклюже приземлился неподалеку. Значит, уже не одна-одинешенька.

— Вместе что-нибудь придумаем, — сказала себе Сэй-Тэнь и, открыв купол, втянула носом иссушенный воздух. Дожди здесь были кратковременны и нечасты, а солнце слыло беспощадным угнетателем всего живого.

Она была почти уверена, что Таймири не пострадала, однако всё равно припустила к ее плайверу со всех ног.

— Ты... цела? — не отдышавшись, как следует, спросила Сэй-Тэнь.

— Как видишь, — преспокойно отвечала Таймири, сидя верхом на бортике своей машины и расчесывая длинные волосы. — Здорово же нас перетрясло! Нам еще повезло, что так легко отделались.

— Ничего себе легко! — возмутилась Сэй-Тэнь. — Как теперь выбираться будем?

Таймири откинула волосы, подставив лоб солнцу.

— Сперва надо прийти в себя и собраться с мыслями.

В это время из груды вещей выползла еле живая Минорис. Ее коса изрядно растрепалась, а на руке, ниже локтя, синел здоровенный кровоподтек.

— Если бы меня сейчас увидела Мэра, то сказала бы, что я ужасная неряха и недотепа, — надтреснутым голосом сообщила она. — Может, вам поискать чего-нибудь от солнца?

— Вишь, какая услужливая! — буркнула Сэй-Тэнь. — Сами поищем, а ты лучше в порядок себя приведи.

Она бесцеремонно столкнула Таймири с бортика, и та, вскрикнув, повалилась на плотный тюк с одеждой.

— Для начала хорошо бы понять, как так вышло, что мы сели на мель, — проговорила Сэй-Тэнь, разгребая ногою песок.

— Да что тут понимать! — сказала Таймири, роясь в вещах. — Мы летели в хвосте, а канат, соединявший плайверы, лопнул. Вот что бывает, когда экономишь воду, — помрачнев, добавила она.

— Ты что же, ехала с выключенным двигателем?! — всплеснула руками Сэй-Тэнь. — Ты нас всех погубила! Как мы теперь найдем фосфорную дорогу?!

— Не всё так плохо! — подала голосок Минорис. — Я умею ориентироваться по солнцу.

Таймири раскопала в вещных завалах широкополую шляпу и две косынки. Повязав одну такую косынку себе на голову, Сэй-Тэнь стала похожа на пирата. А Таймири в изящной шляпке могла бы запросто сойти за его пленницу.

— У кого-нибудь есть наручные часы? — со знанием дела спросила Минорис. Сэй-Тэнь без всякого энтузиазма вручила ей свои. Толстая позолоченная стрелка основательно наползла на цифру двенадцать, а стрелочка потоньше трепетала на шестерке. После путаных объяснений — что да как — Минорис принялась вертеть часы, важно поджав губы. Наконец она сказала:

— Юг там!

— А нам на север. Значит, туда, — сообразила Таймири. Она вновь забралась на свой «насест», но, не удержав равновесия, опять свалилась на гору сумок.

— Будем надеяться, что этот метод действенный, — со вздохом произнесла Сэй-Тэнь. — Седлаем плайверы, дамы!

Они мчались по мелкосопочнику, высматривая белую дорогу. Вода в баках была на исходе, но об этом сейчас никто не думал. Девушки обливались потом и глотали пустынную пыль, которая поднималась над землей. К тому моменту Минорис уже уничтожила все съестные запасы Таймири и перебралась в плайвер к Сэй-Тэнь. Та чувствовала себя, мягко говоря, не в форме и надеялась, что Минорис в случае чего заменит ее у руля. Но не тут-то было. Обученная искусству выживания и знающая толк в ориентировании, она понятия не имела, как управлять плайвером.

Поэтому, когда Сэй-Тэнь плавно сползла по стенке машины, Минорис не на шутку разволновалась.

— Спасите-помогите! Разобьемся же!

— Не разобьетесь! — прокричала ей Таймири. — Просто крути руль и дави на среднюю педаль. Тормоз справа!

Так они продержались до вечера. Сэй-Тэнь хоть и пришла в сознание, выручать Минорис не спешила — пускай осваивается.

Уже загорелись звезды, а к заветной дороге они не приблизились ни на йоту.

«Пропадем, — решила Таймири. — Ну, а раз пропадать, можно напоследок и насладиться. Небом, например, или пейзажем».

Пейзаж, правда, несколько не вдохновлял. А небо мерцало загадочно и завораживающе. Какая-то звездочка сорвалась с петель и на радостях ринулась к земле. Заметив ее, Таймири тут же загадала желание:

— А ну, найдись, фосфорная дорога!

Она никогда не упускала случая воспользоваться легкомысленностью звезд и ни капельки не удивилась, когда в следующий миг раздался ликующий вопль Сэй-Тэнь:

— Ура! Спасены!

Всего в каких-то пяти метрах от плайверов притягательно светилась дорога. Беленькая, чистенькая — как будто пустынные ветры только тем и занимались, что ее подметали. Вот что значит вовремя загаданное желание.

Таймири скрепя сердце залила в бак плайвера воду из последней бутылки. Сэй-Тэнь проделывала то же самое под тяжкие вздохи Минорис, которая за последнее время несколько отошла. А всё оттого, что еда у Сэй-Тэнь хранилась в специальном тайнике с кодовым замком и прочими защитными устройствами. Минорис же была ненасытна, особенно если в ее жизни происходили странности. Сейчас странностей было хоть отбавляй.

— Если хочешь, перебирайся обратно к Таймири, — предложила ей Сэй-Тэнь. — У нее наверняка осталось, чем подкрепиться.

— Не осталось, — мрачно заверила ее та. — Я всё подчистую подмела.

Сэй-Тэнь усмехнулась: оперативно! Однако, несмотря на то, что Минорис была прожорлива, как стая пираний, весу у нее нисколько не прибавлялось.

— Можно мне с вами? — взмолилась она. — Вот честное слово, больше ни крошки без спросу не съем!

Ладно уж, уговорила! Таймири была не из тех, к кому тянутся люди. Она скорее предпочла бы сотни и сотни книг взамен одной любопытной и пристающей попутчицы.

А тем временем по песчаным холмам шагал неутомимый Остер Кинн, жуя на ходу сырое змеиное мясо. Змею он поймал под одним валуном. Она думала устроиться там, чтобы переждать жару, и вот нате вам — стала обедом Остера Кинна! Когда он появлялся в пустыне, у змей и прочей ползучей живности в жизни наступала черная полоса. Потому что он был ничуть не менее прожорлив, чем Минорис.

С намотанной на голову белой майкой, в земляного цвета шортах и рубашке, Остер Кинн был вылитый бандит с большой дороги. И не страшны ему были ни зной, ни холод, ни самум. Он только одного не мог понять: куда и зачем он направляется. Главное — всё время вперед, не то протянешь ноги.

С собой у него не было ни компаса, ни карты, а воды во фляге хватило бы лишь на то, чтобы смочить губы. Прошлую ночь он скоротал внутри какого-то убитого зверя, и потому сейчас от него воняло похуже, чем из канализации. Однако в ближайшие дни ни ванна, ни пополнение запасов ему не светили. Впрочем, Остер Кинн на судьбу не роптал и напрасно не гадал. Удача могла настигнуть его где угодно — и настигла. Когда вдалеке он заметил два одиноко плывущих плайвера, радости его не было предела. Он стал прыгать, размахивать руками и громко улюлюкать — прямо как индейцы из массива Лунных гор.

— Что это там за псих? — любопытствовала Минорис. Сэй-Тэнь сощурила глаза.

— Остановимся.

Таймири нехотя притормозила за ними следом и немедленно зажала нос, потому что от Остера Кинна воняло даже на расстоянии.

— Добрый день! — воодушевленно воскликнул он. На шее у него болталась горемычная змея. Вернее, то, что от нее осталось.

— Добрый, — неуверенно пробормотала Сэй-Тэнь и покосилась на его добычу. А Минорис, наполовину высунувшись из машины, разглядывала незнакомца, словно он был каким-нибудь ископаемым.

— Вы мое спасение! — сказал Остер Кинн и без предисловий забрался в плайвер к

Таймири. Та отшатнулась.

— От вас скверно пахнет, — не разжимая носа, заявила она.

— Как только мы найдем воду, я обязательно помоюсь, — уверил ее странник. Его обветренное лицо и потрескавшиеся руки свидетельствовали о том, что странствовал он очень и очень долго. И едва ли с какой-то определенной целью.

Они снова двинулись в путь. Остер Кинн всё дивился на летательный аппарат, которым управляла Таймири, и не уставал задавать вопросы. Ну, точь-в-точь вторая Минорис!

— Вы что, никогда плайверов не видели? — удивилась Таймири.

— Меня носит по свету, как бумеранг, и я всегда пропускаю что-нибудь важное, — чуть ли не с гордостью объявил он. — Например, эти ваши плай-ве-ры. Поверьте мне, достижения цивилизации до добра не доводят. Другое ли дело — умение выживать. Оно везде пригодится. Костры всегда будут гореть, реки — течь, а змеи — ползти. Кстати, не желаете ли змейку? — из лучших побуждений предложил он.

Таймири скривилась.

— Ну, и напрасно, — сказал Остер Кинн, откусывая кусок от своего трофея. — У нескус как у курятины. Если вы, конечно, когда-нибудь едали кур.

Таймири старалась полностью сосредоточиться на дороге. Но дорога была до ужаса однообразна, а Остер Кинн так хрустел своей змеей, что сосредоточиться никак не получалось. Таймири невольно припомнились соблазнительные блюда тетушки Арии и душевные, тихие вечера в гостинной. Как далеко теперь всё это!

«Ничего, — утешалась она, — мы нашли фосфорную дорогу, а значит, скоро будем в городе Цвета Морской Волны. Там мы снимем номер в гостинице, и я смогу наконец расслабиться...»

... - Где же этот колодец? — бормотала Минорис. — Неужели проехали?

— Не волнуйся, не проехали, — с уверенностью отвечала Сэй-Тэнь. — На что угодиспорю, он за следующим холмом.

Но дюны всё тянулись и тянулись, а колодец как сквозь землю провалился. Покосившийся, несуразный, он вынырнул из песков только под вечер.

«Бултых!» — плюхнулось вниз ведро. В глубине колодца темнела вода, и Таймири безуспешно пыталась разглядеть в ней свое отражение. Сэй-Тэнь оттянула ее за край рубашки:

— Не ровен час, ты полетишь носом в эту яму.

Когда они под завязку запаслись водой, Остер Кинн решил освежиться. Он мечтал об этом с тех пор, как пропитался запахом падали. Сняв с себя грязную одежду, он принялся поливаться из ведра. Вода была тепленькая, застоявшаяся — явно не первой свежести. Ну, и что из того? Путешественнику выбирать не приходится. За него выбирают обстоятельства.

Он, как мог, постирал свою одежду и, не выжимая, облачился вновь. В таком, совершенно мокром, виде он предстал перед своими спасительницами.

— Так гораздо лучше, — одобрила Сэй-Тэнь. — Крепитесь, друзья, до города часа три лёту. Скоро отдохнем, как белые люди.

Остер Кинн нахмурился: что она имеет против краснокожих?! Слышала бы ее Эдна Тау!

Путь возобновили ближе к ночи, после того как Остер Кинн дожарил на костре свою змею. Костер он умел разжигать в любых условиях, даже там, где поблизости не было ничего для растопки. Он как-то освоился в этих диких местах и жег всё, что попадалось под руку, будь то дневник Таймири или деревянный веер Сэй-Тэнь. Если хозяева вещей куда-нибудь

отлучались, в ход шло абсолютно всё. Кроме того, в рюкзаке у Остера Кинна было много сухого торфа, который хорошо горит. В общем, когда костер потушили, солнце успешно закатилось за горизонт и признаков жизни не подавало. Таймири завела свой плайвер. Дышалось легко.

— Теперь я вам менее отвратителен? — простодушно поинтересовался у нее Остер Кинн.

— Что вы! Я никогда такого не говорила! — воскликнула Таймири и покраснела до ушей. Но в сумерках это было почти незаметно.

6. О зыбучих песках и светящихся скалах

«Когда-то я была беззаботной песчинкой, и не страшны мне были грозные бури, потому что они носили меня на своих воздушных руках, не причиняя вреда. Когда я упала на бархан, то стала его частью, и с тех пор тревожилась, если ветер внезапно усиливался: он мог развеять мой новый дом, и мне, бесприютной, снова пришлось бы носиться по свету. Чем больше мы приобретаем, тем несчастнее становимся», — читала Таймири главу под названием «Притчи пустынь». Остер Кинн примостился рядышком и иногда заглядывал ей через плечо. Книжки для него были так же внове, как и всё остальное.

Таймири уже привыкла к тому, что, едва только заходит солнце, пустыня из раскаленной сковороды превращается в настоящий морозильник. Не зря, всё-таки, придумали для плайверов защитные купола. С таким куполом водителю что зной, что морозы — всё трын-трава.

После того как у фонарика сели батарейки, Таймири прибегла к помощи самодельной масляной лампы. Эта доисторическая лампа недовольно мигала и всем своим видом показывала, что эксплуатировать себя не позволит. А вокруг другого светильника, в вышине, мерцал серповидный ореол.

Сэй-Тэнь была категорически против того, чтобы лететь ночью. У нее уже некоторые сутки слипались глаза, а оставлять у руля Минорис чревато последствиями. Поэтому решили сделать привал. Утешало, что к их непредсказуемой тройке примкнул столь опытный путешественник, как Остер Кинн. Уж он-то наверняка сумеет выручить их из любой неприятности. Из такой, например, как зыбучие пески...

— Вот ведь ума палата! — разорялась Сэй-Тэнь. Она по оплошности посадила свой плайвер вдали от обочины дороги, и теперь его медленно, но верно затягивало в большую воронку. Чем тут мог помочь Остер Кинн?

Чутьём, конечно, он обладал отменным, и потому сразу сообразил, что пески в этой части пустыни особенно коварны. Но поднять машину силой мысли — уж простите.

Ночное зрение у Остера Кинна было острое, как у взрослой кошки. Таймири же в темноте видела не больше, чем подслеповатый котенок.

— Что там происходит? — занервничала она.

— Со вторым плайвером неладно, — глухо отозвался тот. Задув лампу, он стал напряженно вглядываться в темноту. — Ты когда-нибудь попадала в зыбучие пески?

У Таймири перехватило дыхание. Зыбучие пески?! Она бросилась к панели управления и дрожащей рукой повернула ключ зажигания. Где-то в недрах плайвера завибрировал мотор.

— Только купол не опускай, — предупредил Остер Кинн. Несмотря ни на что, он был спокоен, как слон.

Сонно урча, плайвер взмыл в воздух. Но почему же Сэй-Тэнь не взлетает? Неужели...

— Ее машина уже почти провалилась, — объяснил Остер Кинн. — Да и нам не следует отставать. Давай, газу! Сядем на них сверху!

— Вы самоубийца, да? — вскричала Таймири. — Хотите, чтобы и нас засосало?

— Именно так! — рявкнул тот. В нем разом проявилась вся армейская выправка (а школу в свое время он прошел суровую), и Таймири сейчас была для него едва ли главнее рядового. — Садись! Опускай машину, кому говорю! — проорал он ей в лицо.

Но та решила быть непреклонной.

— Вам надо, вот вы вниз и прыгайте. А я жить хочу!

Однако Остер Кинн оказался куда настойчивее, чем представлялось на первый взгляд. Он схватился за руль обеими руками и постарался вытеснить Таймири. Отличная попытка, но Таймири не из тех, кто уступает. Силы были неравны, и вскоре она почувствовала, как по виску сползает тоненькая струйка пота. А спустя еще несколько мгновений Остер Кинн окончательно завладел рулем. Он быстро приноровился к управлению и приземлился ровно на крышу плайвера Сэй-Тэнь — в самый центр воронки.

— Вы спятили! — ослабевшим голосом крикнула Таймири. — Вы маньяк!

Но Остер Кинн и ухом не повел.

— Под нами голубые горы! — таинственно прошептал он. И Таймири могла бы поклясться, что в этот момент его глаза сверкнули, как два граненых изумруда.

Скалы лучились ровным голубоватым пламенем, отчего в подземной пещере было довольно светло. Здесь, куда ни глянь, повсюду громоздились горы. Одни — гигантские и величественные, как статуи королей древности. Другие — поменьше, точь-в-точь карлики-шуты при этих королях. И форма у них была причудливее некуда.

Таймири протерла глаза и осоловело поглядела по сторонам. Выходит, Остер Кинн не наврал, и под ними вправду находилась пещера! Да какая пещера! Сверкающая, переливающаяся! А если отколоть кусочек от скалы? Будет он светиться?

Таймири сразу вспомнила про амулет. Достав из сумки перочинный ножик, она подбежала к скале и уже занесла руку, как вдруг над головой прозвучало осуждающее «ай-й-й-й» Остера Кинна.

— Ну, и на кого мы похожи? На вандала?

— Да не вандал я, — обиделась Таймири. — Мне амулет нужен.

— Во-первых, эта порода твоему ножу не по зубам, — авторитетно сказал Остер Кинн. — А во-вторых, осколки блекнут и становятся обычным лунным камнем. Без всякого сияния.

— Спасибо, что разъяснили, — процедила та и хмуро уселась на песок рядом со злосчастной скалой. А Остер Кинн, посвистывая, ушел к подземному ручью.

Пики голубых гигантов искрились во тьме и втихомолку спорили, кто острее. Но были в пещере и горы без пиков — с вершинами плоскими, как подошва ботинок Остера Кинна. Одна такая гора упиралась в самый потолок, где зияла широченная дыра. И из дыры время от времени с шуршанием сыпался песок.

«Так вот куда мы провалились! — сообразила Таймири. И вспомнила о Сэй-Тэнь. — Как там, интересно, они с Минорис?»

Минорис сидела на песке со скрещенными ногами и растерянно моргала. Сразу стало понятно, какое действие произвели на нее сияющие скалы. Таймири потормошила ее за плечо:

— Сэй-Тэнь не видала?

— Видала, видала, — безучастно откликнулась та. — Только в плайвере ее нет. Она сказала, что хочет разведать обстановку.

— А ты почему не с ней? — изумилась Таймири.

— Да куда мне за нею поспеть! — удрученно ответила Минорис. — У нее прыти хоть отбавляй! Так припустила, что только пятки сверкали.

Таймири призадумалась. Чтобы у Сэй-Тэнь да вдруг засверкали пятки, нужно крепко ее заинтересовать. Иначе она и с места не сдвинется. Что же там такое было?

— Куда она побежала?

— Да во-о-он туда, — показала пальцем Минорис. — И нет чтобы мне хоть что-нибудь объяснить.

— А пойдем-ка мы к ручью, — решила Таймири. — Сэй-Тэнь всегда была себе на уме, тут уж ничего не попишешь. А у ручья мы наверняка встретим нашего странника со странностями.

Минорис хихикнула и, поднявшись на ноги, отряхнулась от песка.

Остеру Кинну спешить было совершенно некуда. Присев на корточки, он следил за движением воды в ручье и что-то мурлыкал себе под нос. Когда подошли Таймири и Минорис, он задумчиво изрек:

— Древние говорили: если ты на горе, спускайся в долину. Набредешь на ручей — не удаляйся от него. Ручьи сольются с рекой, а река приведет тебя к людям.

— Мудрая мысль, — заметила Минорис. Остер Кинн пытливо на нее взглянул, и на его лице обозначилась улыбка.

— Если мы пойдем вдоль ручья, вполне возможно, это нас спасет, — сказал он.

— Незачем идти, — вздернула подбородок Таймири. — Батарей плайверов еще не разрядились. Мы полетим на плайверах.

— А вы случайно не видели Сэй-Тэнь? — с надеждой спросила Минорис.

— Это та упрямица с короткой стрижкой? — небрежно уточнил Остер Кинн.

— Почему упрямица? — нахмурилась Таймири.

— Самовольно в разведку уходят только упрямы! Я уговаривал ее подождать, пока не подтянутся остальные или, по крайней мере, пока я не наберу во флягу воды. Но она забрала себе в голову, что великие открытия совершаются в одиночку.

— В одиночку проще всего не открытие совершить, а потеряться, — буркнула Таймири. — Вот и где она теперь?

— Следы на песке, — проговорил Остер Кинн.

— Что?

— Мы отыщем ее по следам.

Одинокая дорожка следов петляла между скал, чертила на земле кривые и прямые, а возле ручья обрывалась. Сэй-Тэнь шла против течения, и это почему-то очень не нравилось Остеру Кинну. Он всё больше хмурился, а его «так-так-так» звучали всё более зловеще.

— С ней ведь ничего не случилось? — заглядывала ему в глаза Минорис. — Ведь, правда, ничего?

— Кто знает, кто знает, — пробормотал Остер Кинн. — Какого зверья здесь только ни водится...

На землю лилось холодное свечение, как если бы в подземной пещере сгрудились тысячи лун. Но стоило поднять глаза, и перед тобой возникали сияющие, полированные горы. Их сияние затуманивало разум, рождало несбыточные мечты и, Таймири даже подозревала, могло навязать человеку волю самих гор.

— Никогда нельзя терять бдительности, — приглушенно произнес Остер Кинн. — Скалы волшебные, они живут своей жизнью и, может статься, нарочно спрятались под землей. К чему им незваные гости?

Таймири совершенно запамятовала, что собиралась взять плайвер.

— Не голова, а решето! — воскликнула она и куда-то умчалась, сообщив, что скоро вернется.

Того недолгого времени, пока она была в отлучке, хватило, чтобы Минорис должным образом познакомилась с Остером Кинном и расспросила его про амулет, который болтался у него на шее.

— Это? Янтарь, — гордо ответил тот, покручивая амулет в пальцах. Величины янтарь был внушительной, а внутри оказалась замурована какая-то доисторическая гусеница. Никто раньше камнем не интересовался, и путешественник с нескрываемым удовольствием поведал Минорис о его замечательных свойствах.

— Вообще-то, это вовсе не камень, а застывшая смола деревьев, — заметил он. Но поскольку деревьев в стране Лунного камня было раз, два и обчелся, то ничего удивительного, что один только вид янтаря так потряс Минорис.

Как выяснилось, Остер Кинн суеверен дальше некуда и неудач боится больше, чем диких кошек, которые обитают в сосновых лесах. А амулет защищает его от бед и болезней.

— Я скорее пойду на дно горного озера, чем разлучусь с янтарем, — признался он. — Только об этом лучше помалкивай.

А Минорис так и не смогла понять, почему люди бывают настолько одержимы всякими талисманами.

Тетушка Ария привыкла мириться с любыми неудобствами. Но таких неудобств она и вообразить себе не могла! Чего только ни придумают люди, чтобы унижить других! Чего только ни изобретут! Но даже на каторге, в светящейся зловещим светом пещере, она не потеряла присутствие духа и старалась в любых вещах находить положительные стороны. Ничего, что от угрюмого однообразного стука раскалывается голова. Зато, кроме головы, с каждым ударом кирки раскалывается заодно и светящаяся порода. Ничего, что из пещеры не видно неба, неизменно разукрашенного в желто-розовую полосу. Зато здесь прохладно и свежо, и солнце не мешает работать.

Ария наполняет воз обломками адуляра, чтобы потом свезти эти обломки к общей куче на другом конце пещеры. Можно подумать, она — грузчик на стройке! Но даже если и грузчик, то не простой. За работу принято получать вознаграждение. Здесь же вознаграждением, по всей видимости, являются сырые лепешки на завтрак, обед и ужин. Нет, она, конечно, не против. Хуже было бы, если б совсем не кормили.

Сама стройка тоже непростая. Вместо того чтобы строить, они разрушают.

А отколотые куски ледяного шпата блекнут и перестают излучать сияние. От этого становится грустно. Но прекратить работу никак нельзя — повсюду надзиратели. Они следят за тобой из темных углов пещеры и время от времени угрожающе пощелкивают хлыстами. До сих пор тетушке Арии везло — ей еще ни разу не попало хлыстом по спине, потому как трудилась она исправно. Правда, с каждой сваленной в кучу порцией обломков на душе все больше появлялась какая-то тяжесть, хотелось согнуться и заплакать.

Не столько напряженный физический труд, сколько осознание напрасности этого труда заставляло людей ссутуливаться, вжимать голову в плечи и вгоняло в их сердца, как в живое дерево, гвозди неустрашимой печали.

Ария не смела поднять глаза от своей тележки с камнями. Ей казалось, что прямой взгляд, бесстрашный взгляд насторожит надзирателей и наведет их на мысль о зарождающемся восстании. А восстание карается здесь ударами кнута. Ты — всего лишь

бессловесный раб, уничтожающий красоту по чьему-то повелению.

Когда объявили получасовой перерыв на обед, тетушке Арии наконец-то удалось присесть. Всем раздали те же безвкусные лепешки, что и всегда. Всегда... Как легко, однако, можно свыкнуться с рабской участью! Ария не пробыла в пещере и недели, а ей казалось, что камни она таскала с рождения. И будет таскать, наверное, до самой смерти. Жуя лепешку, тетушка Ария стала невольно думать о своей жизни. Что она сделала не так? За какие грехи страдает? И есть ли из пещеры выход?

Пока она так думала, к ней на камень подсел какой-то субъект в продранной испачканной куртке. Руки у него были мозолистые и обветренные, а на лице блуждала странная ухмылка. Горящий взгляд, волевой подбородок. По виду — так самый настоящий бунтарь. Сегодня он трудился не разгибая спины. Но, судя по всему, наказание плетью совсем его не пугало. Он явно что-то затевал.

— Вечером делаем ноги, — коротко шепнул он на ухо тетушке Арии. И тотчас отвернулся, делая вид, будто ничего не замышляет. — Кирка, лопата — хватай первое, что под руку попадет. Осколки адуляра тоже пустим в ход. Попробуем с тобой уложить вон того верзилу, — сказал он, указав глазами на упитанного стражника. Стражник тем временем налегал на какое-то заморское блюдо (это вам не черствые лепешки!). С усов у него капало масло, а чавкал он на редкость громко, чем ужасно раздражал начальника охраны.

— Действуем точно по моему свистку, — распорядился бунтарь и отправился инструктировать остальных.

«Какой же он всё-таки смелый, — с восхищением подумала тетушка Ария. — И какие глупые эти стражники! Были бы они хоть капельку повнимательней, сразу бы его раскусили».

«Тетя, ты не поверишь, но в нашей стране есть подземные пещеры с волшебными скалами, а в этих пещерах водятся духи гор! Друзья только посмеялись, когда я сказала, что белый щенок — горный дух. Но я-то знаю! Своими глазами видела: у щенка со скалами какая-то связь. И следов на песке он не оставляет...»

Таймири отложила незаконченное письмо и безмятежно растянулась под пледом. Сон брал своё. Плайвер покачивался в прохладном воздухе, точно челн на воде, а под ним, чуть ниже, тек взаправдашний ручей. И это в пустотах под пустыней, на камнях которой можно в два счета изжарить яичницу! Плайвер вел Остер Кинн, причем вел на удивление хорошо. Он досконально изучил инструкцию, долго рассматривал панель управления и заключил, что машина вполне себе сносная. А ведь еще вчера, кажется, утверждал, будто блага прогресса ничто, в сравнении с умело разведенным костром да шашлыком из пойманной дичи.

Белый пес — вообще отдельная история. Когда Таймири, Минорис и Остер Кинн отыскиали, наконец, Сэй-Тэнь, она веселилась от души и потерянной себя вовсе не считала. А перед нею, звонко таякая, прыгал какой-то белый пушистый комок. Он приседал на передние лапы, как сумасшедший вилял хвостом, но стоило Сэй-Тэнь к нему нагнуться, как он с громким «тяв!» отскакивал в сторону.

— Что еще за невидаль? — выпучила глаза Минорис.

Остер Кинн пожал плечами.

— В заморских странах этот зверь собакой зовется.

Как бы он там в заморских странах ни звался, Сэй-Тэнь привязалась к нему с первой же

минуты. На ошейнике у зверька было выгравировано имя Зюм, и Сэй-Тэнь сказала, что более короткого и звучного имени не придумаешь. А Минорис пришла от Зюма в дикий восторг, когда увидела, как смешно он шевелит острыми ушками. Без сомнения, смысленный малыш. Таймири же умилялась ровно до тех пор, пока их «смысленный малыш» не наделал на ее туфли. Причем с самым невозмутимым видом.

— Неправильный ваш Зюм, — скривилась она. — Не иначе, вражеских рук дело.

— Каких таких вражеских? — поинтересовался Остер Кинн.

— А вот таких, — парировала Таймири. — Кому-то же понадобилось увести от нас Сэй-Тэнь!

— У кого-то просто мания преследования, — бросил путешественник.

Сэй-Тэнь стояла, уперев руки в бока, и буравила подругу взглядом — вдруг еще какой-нибудь вздор сморозит. И Таймири ее не разочаровала.

— Я просто уверена, — заявила она, — что это дух гор.

— Горные духи на обувь не писают, — сыронизировал Остер Кинн.

— А то я не знаю! Но они же умеют воплощаться, причем в кого только не лень. Нас еще в школе учили. Дух гор — союзник опасный. Далеко он тебя заведет — заплутаешь!

— Глупости! — вздернула носик Сэй-Тэнь. — Я возьму его в плайвер. Его здесь наверняка забыли...

— Бродячие артисты? — предположила Минорис.

— Проходимцы? — вставил Остер Кинн. Теперь он развеселился окончательно.

Мистика, которую за уши притянула Таймири, никем здесь всерьез не воспринималась.

Хозяева у щенка в любом случае были. А духи гор, как известно, ошейников не носят. Да к тому же еще и именных. Этот последний довод Сэй-Тэнь всем показался разумным. Только Таймири никак не хотела соглашаться. А Остер Кинн, у которого уже довольно долго урчало в животе, сказал, что если бы не его спутницы, то освежевал бы он собаку сию же секунду. По старой привычке.

Удивительно, как лихо у него получалось создавать себе дурную репутацию! Одно невольное сказанное слово, одна кривая (казалось бы, безобидная) ухмылка — и от тебя уже шарахаются, как от пустынной змеи!

Минорис подобрала щенка и уставилась на Остера Кинна, точно на прокаженного.

— Да это я пошутил, — попытался оправдаться он. Однако с тех пор к Зюму его не подпускали и на пушечный выстрел.

Таймири решила не упоминать в письме о том, как отнеслись к ее доводам. Если сама она расстроилась, то тетушка Ария, несомненно, расстроится вдвое больше — и за нее, и за себя. А надо, чтоб всё было чин по чину: письмо жизнеутверждающее, подпись оптимистичная... И почтальон с улыбкой до ушей. Только где же этого почтальона сыскать, под землей-то?

Остер Кинн, не унимаясь, вертел потрепанную карту и бубнил себе под нос географические названия. Одновременно он как-то умудрялся следить за панелью управления и регулировать скорость.

— Так-так, — доносилось до Таймири. — Если мы свернем вот сюда, а потом сюда, то выедем как раз на главную улицу города Цвета Морской Волны. Там мы прикупим снаряжения и отправимся штурмовать массив Лунных гор. Хм, а город Небесных Даров? Не пойму, зачем он им дался...

Философу Диоксиду нездоровилось.

— Это из-за духоты, — объяснил он участливому ученику, который встретился ему в библиотеке. Диоксид охотно бы расстался со своей плотной, тяжелой хламидой, если бы не правила. По правилам, в академии без хламиды расхаживать не положено. Это, видите ли, неприлично. Если на тебе нет хламиды, то будь ты хоть трижды философом — никто не отнесется к тебе всерьез. Поэтому Диоксиду оставалось лишь вздохнуть да утирать пот со лба.

Он снял с полки первую попавшуюся книгу и пробежал глазами содержание. Потом еще и еще одну. Страницы пестрели умными высказываниями, а кое-где помещались даже древние трактаты. Такие древние, что дух захватывало. Но ничего, совершенно ничего не говорилось в них о предчувствиях! У философа же, как назло, предчувствий было хоть мост мости.

— Учитель, почему вы сказали, что к нам придет беда? Неужто взаправду? — спросил его какой-то юноша. На руках у него громоздилось столько книг, что диву можно было даваться. Сам бледен, худощав — а наберет гору учебников, идет, шатается.

— Прости, если напугал. Иногда я размышляю вслух. Дурная привычка. Но этих мыслей в себе мне было не удержать. Знаешь, Карион, когда всё твое существо бьет тревогу, хочешь — не хочешь, а прислушаешься. Беда, о которой я упомянул, не свалится на нас с неба. Она подкрадется. То есть, уже подкрадывается. И источник ее мне неизвестен. Кстати, ты был сегодня на привокзальной площади?

— А то как же, — посмелел Карион. — Конечно, был. Людей там тьма тьмущая! Ни дать ни взять, переселение народов!

— Вот то-то и оно, — кивнул старик. — К нам прибыл караван из города Огней. Как я и предсказывал. А ты почему лекции прогуливаешь?

Карион покраснел до корней волос и потупился.

— Я это... Я того...

Ни для кого не секрет, что студентов вроде Кариона привокзальная площадь притягивает, как магнит. Им там медом намазано, причем в прямом смысле этого слова. Лавочники торгуют на площади сладостями, художники устраивают выставки картин, поэты декламируют свои стихи. А еще там продается множество сувениров, среди которых особое место занимают крошечные фигурки из раскрашенного дерева. У фигурок этих есть ручки, ножки, смешные носы и раскосые глаза. Ручки с ножками двигаются, из носов при желании можно пускать мыльные пузыри, а глаза моргают и смотрят на тебя так озорно, что ради одних только глаз ты уже готов спустить на фигурки всю свою стипендию.

Пропуская занятия, Карион часто наведывался в академическую библиотеку. Он был убежден, что посещение лекций — пустая трата времени, предпочитал одного наставника многим и весьма скептически относился к тоненьким учебникам-брошюркам, которые им раздавали в начале каждого семестра. Куда этим учебникам до увесистых, запылившихся фолиантов! Вот где настоящие залежи знаний!

Диоксид Кариона распекать даже и не думал, потому как в его возрасте сам не шибко-то жаловал профессоров. И гляньте теперь, что из этого вышло — маститый философ, который любому профессору фору задаст. Но если бы не балахон, было бы вообще замечательно.

— Учитель, а учитель, — робко напомнил Карион. — Так что же получается, эти туристы... ну, приезжие... Из-за них неприятности начнутся?

— Нет, путешественники здесь не виноваты. Сам посуди, разве повинны птицы в том,

что с наступлением зимы улетают в теплые края? Никак. Их отлет лишь предвещает пришествие холодов.

— Но так случается в заморских странах.

— А теперь случилось и у нас. И ты поймешь, что путники есть птицы. Они бегут из нынешней столицы, чтоб поискать места, где нету гнета, где благодать для горного полета.

Философ заговорил стихами, а это значило, что пора Кариону уносить ноги. Что он, собственно, и сделал.

Может, и небезосновательны были опасения Диоксида, но, поделись он предчувствиями с четверкой наших путников, те бы только фыркнули в ответ. Их сейчас волновало другое: все свободные номера в единственной гостинице наверняка расхватали проворные туристы. А о том, что гостиница единственная, сказал Остер Кинн. Он, похоже, знал всё на свете.

В подземном тоннеле, который привел отчаянную компанию напрямик в город Цвета Морской Волны, было куда прохладнее и тише, чем на узкой улочке, запруженной повозками, цветочными киосками и булочными ларьками. Весь этот гам-тарарам жутко раздражал Остера Кинна. Люди беспокойно сновали туда-сюда, то и дело натываясь на плайверы. Фосфорных дорог в этом городе не проложили, а энергия в батареях иссякала... Но Сэй-Тэнь не растерялась. Она объявила, что продаст оба плайвера, не сходя с места. Для Таймири это стало настоящим ударом. Как так продаст?! Она сложила руки на груди и выдала подруге своё веское «нет». Никто не имеет права распоряжаться ее собственностью! Пока они спорили и размахивали руками, Остер Кинн устроил себе перекур, выудив из карманов затейливо изогнутую трубку. Набив ее табаком, тоже непонятно откуда взявшимся, он принялся пускать клубы дыма. Запальчивость Таймири, горячность Сэй-Тэнь и, вдобавок, залихватский лай Зюма притянули толпу лучше всякой рекламной акции.

— Неужели ты не понимаешь?! — разорялась Сэй-Тэнь. — Если мы продадим наши плайверы, у нас появятся деньги, чтобы сесть на речной паром! Не возмешь же ты с собой эту неуклюжую громадину!

— Но если привязать плайвер позади парома, будет очень даже хорошо, — возражала Таймири.

Как тут не признать, что запасная шлюпка может сослужить на реке добрую службу? Сэй-Тэнь уступила, однако от затеи сбыть свою машину не отказалась. От покупателей немедленно посыпались предложения, и спустя некоторое время Сэй-Тэнь уже подсчитывала выручку, перекочевав в плайвер к подруге.

— Знатный куш, — сказал Остер Кинн. — Этого вам, безусловно, будет достаточно, чтобы доплыть до массива. С меня же странствий хватит. Осяду, пожалуй, в этом городке.

— А жаль. Вы бы нам пригодились, — сказала Таймири и лукаво поглядела на него. Тот похлопал ее по плечу и шустро выпрыгнул из плайвера.

— Еще увидимся!

Вскоре он уже растворился в толпе, независимый и бесшабашный. «Интересно, — подумала Таймири, — кто кого? Он этих суетливых горожан или они его?»

Сэй-Тэнь вызвалась побегать по речной пристани и порасспросить владельцев паромов о возможности отчалить без промедления. Но все, как один, были несговорчивы и заявляли, что отдадут концы не ранее, чем зайдет солнце. Странное упорство, но что поделаешь? Пришлось Сэй-Тэнь умерить аппетиты и удовольствоваться яхтой.

Таймири и Минорис ждали ее в плайвере, неподалеку от порта, и лакомились

бутербродами с колбасой. Они даже не заметили, что Зюм куда-то пропал.

— Как дела?

— Получилось? — хором спросили они.

— Нашелся один уступчивый капитан, который готов предложить нам свою яхту, — разочарованно сказала Сэй-Тэнь. Ну, еще бы! Искала паром, а поплывет на яхте. Прямо хоти плачь!

— Яхта тоже сгодится, — утешила ее Таймири.

— Да, сойдет! — подхватила Минорис.

И все вдруг разом почувствовали, что им очень не хватает поддержки Остера Кинна. Эх, как он там сейчас?

— Куда вы, философ? — воскликнул Карион, вбегая на причал.

— Я поплыву к массиву Лунных гор, — ответил Диоксид. — Неймется мне, не дают мне покоя мысли. Может, я самый глупый философ на свете, но я хочу отыскать корень грядущих несчастий и попытаться их предотвратить.

Философ был стар, немного худощав. Изможденное лицо, осиянное светом печальных голубых глаз, глядящих, несомненно, дальше, чем просто в даль, было изрезано тонкими морщинками. Точь-в-точь пустыня, испещренная каналами безводных рек.

— Прощай, Карион! Учись исправно! Когда вернусь, устрою тебе экзамен, — сказал Диоксид, восходя по трапу на ту самую яхту, которая уже сейчас могла отправляться в плаванье...

7. О тайных ходах и забывчивости

Не решаясь ступить на сходни, девушки стояли, переминаясь с ноги на ногу, и ожидали окончательного слова мужчины, который не пожелал снимать перед ними фуражку.

— К массиву Лунных гор, да? — потер подбородок капитан Кэйтирон. Это был очень рассеянный и чересчур сомневающийся во всем капитан. — Что ж, до массива я доведу вас кратчайшим путем.

Таймири было позволено привязать плайвер к крюку, вделанному в кормовую часть киля.

В послеобеденный час голубой шлейф реки «Стрилл», протянувшийся до самых гор, был неподвижен. Он солнечно искрился на холмах и таинственно темнел в низинах. Однако там, где воды низвергались с утесов плотной стеною, безумствовал настоящий шторм. Но не будем забегать вперед и дадим Таймири насладиться моментом отплытия. Шагнув на шаткую палубу яхты, она испытала странное чувство освобождения и сладкой пустоты. Какая-то женщина в расцвеченном платье катила по берегу тележку с ткацкой утварью. Поодаль два седых рыбака спорили из-за улова, за столиком портовой кофейни сидел длиннорылый старик и угрюмо оглядывал толпу из-под необъятной широкополой шляпы. Пахло тиной и дымом от папирос. А на севере поблескивал величественный и неприступный массив Лунных гор.

Судя по выражению лица Сэй-Тэнь, ей так же, как и Таймири, не было дела до того, что творится на пристани. Эта яхта — ее новое, пусть и не идеальное, прибежище. От проблем, которые висели на ней довольно-таки ощутимым грузом, почти ничего не осталось. Часть их застряла где-то в песках пустыни, а еще часть непостижимым образом растворилась в подземном ручье. Скоро Сэй-Тэнь почувствует себя такой беззаботной, что наверняка сможет перепорхнуть через массив! Так что и никакого снаряжения не понадобится.

Но у капитана Кэйтирона были несколько иные планы.

— Поплывем против течения! — заявил он. Таймири и Сэй-Тэнь удивленно переглянулись, а Минорис от потрясения даже икнула. Вот кому, скажите на милость, придет в голову плыть против течения, когда можно обогнуть массив с запада?!

С виду Кэйтирон был человеком рассудительным. Он помногу думал, сидя в рубке. И такого надумал, что у команды чуть не случился дружный припадок! Яхту непременно надо испытать, потому как это ведь не обычная яхта, а трансформер. В воде она была неприметным, хиленьким суденышком, зато на суше запросто превращалась в вездеход. Но и этого капитану показалось мало. На днях он наделил ее способностью перемещаться по вертикальным поверхностям и теперь хотел проверить, взберется ли его трансформер по отвесной скале массива, там, где бушует водопад. А для этого путь только один — вверх по реке.

Всякий из команды вам скажет, что капитана опасно оставлять в рубке надолго, потому как он слишком много думает. Иногда он может безвылазно просидеть там целые сутки. Но совсем не факт, что на следующий день у него родится какая-нибудь сверхгениальная идея. Кэйтирон был до невозможности забывчив. Если кто-нибудь входил к нему в период обострения забывчивости, капитан рвал и метал и чаще всего швырялся в матросов первым, что под руку попадет.

В каюте у него царил такой бедлам, какой и в страшном сне не привидится. А всё из-за

клеяких разноцветных листочков. Эти листочки капитан раздобыл на какой-то ярмарке и, похоже, без них своей жизни не мыслил. Записывая на листочке то, что ни в коем случае не следует забывать, он, как правило, приклеивал листочек на самое видное место. Потом появлялось еще что-нибудь, «чего-не-следует-забывать». И постепенно видных мест становилось всё меньше и меньше, а стены каюты приобрели дивное, ни с чем несравнимое «оперение». После того как «оперился» портрет его покойной матушки, Кэйтирон перешел на блокноты. С блокнотом он стал чувствовать себя гораздо уверенней. Время от времени он важно расхаживал по палубе и, заглядывая в блокнот, отдавал распоряжения матросам. Матросов это изрядно веселило, но, как говорят, посмеешься над капитаном — угодишь за борт. Или и того хуже — отправят на камбуз картошку чистить. Вот уж, действительно, беда так беда!

— Проходите, устраивайтесь. Каюта — там, — махнул рукой капитан. Минорис сразу заметила: какой-то он апатичный. Хандрит, небось, круглые сутки.

Яхту легко можно было спутать с большой шхуной, но, несмотря на крупные габариты, пассажирская каюта на ней имела всего одна. Обшарпанная, кое-как сколоченная из неровных досок. Чуть только Сэй-Тэнь открыла дверцу, как нос к носу столкнулась с философом Диоксидом.

— Ай! — отпрянула она.

— Чур меня! — как ужаленный, отскочил от нее философ. — Женщина на судне — плохое предзнаменование!

— А как насчет трех женщин? — напустилась на него та. — Мы будем жить в этой каюте, пока не доплывем до массива, так что извольте с нами считаться.

Диоксид расправил складки балахона, что-то проворчал, однако перечить не стал. Больно уж грозной выглядела Сэй-Тэнь.

Он протиснулся наружу и засеменил к корме. Его священный покой нарушили самым бесцеремонным образом. А философам положено размышлять, да притом в одиночестве.

На корме было довольно безлюдно. Только какой-то рыжий матрос штопал свою тельняшку. Подходящее место для размышлений. Но не успел Диоксид собраться с мыслями, как к нему прилипла Таймири.

— Дедушка, а, дедушка? А вы тоже к массиву путь держите?

Философ закатил глаза и испустил вздох тяжелобольного. Вот, оказывается, каково это, когда тебя называют дедушкой. Хорошо еще, что не старой калошей.

Сэй-Тэнь примерялась к кроватям и так и эдак. На какую ни сядь (а в каюте их было всего две) — скрипит, что несмазанная телега.

— Проходите, устраивайтесь, — припомнила она слова капитана. — Как же! Пружины здесь, верно, насквозь проржавели!

Дряхлое кресло в углу, явно предназначенное для таких же дряхлых пассажиров, доверия не внушало. А хромоногую столику с мятым жестяным чайничком Сэй-Тэнь сказала «пфе!» и заявила, что каюту эту, вероятно, целиком привезли из страны под названием «Никудышная».

В конце концов, она решила, что нет лучше места для сна, чем дощатый пол. А кресло пускай забирает старик.

Однако кресло досталось Минорис.

— Нехорошо, — сказала она, — пожилому человеку на такой развалюхе спать. У него же наутро все кости болеть будут!

Сэй-Тэнь передернула плечами.

— Вишь какая справедливая сыскалась! Запомни, если будешь всегда идти на уступки, долго не протянешь.

Первая ночь на реке выдалась мучительно долгой и душной. Таймири несколько раз предлагала отворить дверь, но Сэй-Тэнь, видите ли, боится простуды, а пол и без того холодный. Минорис каким-то невероятным образом умудрилась заснуть, скрючившись в кресле. А Диоксид видел цветные сны на той самой кровати, которую отвергла Сэй-Тэнь.

Утреннее великолепие ворвалось в дремлющий мир, осыпало блестками темно-синюю реку и разостлалось по палубе, исполосовав ее тенями мачт да снастей. Кормчий вяло поворачивал штурвал, заспанные матросы натягивали канаты, в то время как дивное солнце поднималось из-за гор. А горы с каждым часом становились всё ближе и ближе...

— Хорошо, что ветер попутный, — пробормотала Сэй-Тэнь. Ей так и не удалось заснуть. Философ храпел, как сотня бегемотов. Таймири жаловалась на духоту. А под полом скреблись и пищали крысы. Они, судя по всему, соревновались: кто больше шуму натворит.

Сэй-Тэнь стояла на палубе и смотрела, как парус выпячивает свое белое полотняное пузо. Иногда он сдувался, а потом, едва покрепчает ветер, вновь принимался пыжиться. Какой-то скрытый механизм под днищем позволял яхте беззаботно плыть вперед.

— Проклятущее изобретение! От его вибраций у меня скоро мозги искрошатся! — выругался кто-то у Сэй-Тэнь за спиной. — Когда-нибудь я пошлю к эннайрам этого чокнутого капитана и подамся в мореходы.

— А чем вам капитан-то не угодил? — поинтересовалась она.

— Чем-чем? Да хотя бы своими новшествами. Из-за навороченного устройства, которое яхту якобы против течения движет, у нас, у матросов, одни беды. Синре вчера с лихорадкой слег. А Калли так и вовсе дерганный стал. Не-е-е, нам причуды Кэйтиайрона вот уже где!

— То-то я думаю, отчего это крысы с ума посходили, — протянула Сэй-Тэнь. — Им мотор тоже покоя не дает.

— А старик ваш сразу смекнул, что к чему, — подмигнул матрос. — Уматывайте, говорит, с яхты подобру-поздорову. У самого, говорит, подагра разыгралась.

Никакой подагры у Диоксида не было и в помине, хотя насчет мотора он размыслил верно. На предательство философ тоже никого не подзуживал. Тут уж матросы за него додумали. Они вообще мастера додумывать — только повод дай.

Уважением к Диоксиду постепенно прониклись все до единого. Даже ворчливый, вечно озабоченный капитан. Мудрец и шагу ступить не мог без того, чтобы кто-нибудь не обратился к нему за советом. Или с просьбой предсказать будущее. Но уж в этом он был полный профан.

Что касается Минорис, то она сторонилась Диоксида по одной простой причине: она считала себя недостойной.

«Кто я такая, чтобы заговаривать с философом?! — терзалась Минорис. — Образования ноль, логики — ни на маковое зернышко. Надо бы хуже, да некуда!»

Она думала и думала, и мысли эти не приносили ей ничего, кроме отчаяния.

Как-то вечером сидела она на краю палубы и грустила о своей невежественности. Внизу бурлили темные воды, вверху сгущались темные тучи. А Минорис что? Такая же темная, а может, даже и еще темнее.

— Тем-но-та, — по слогам произнесла она. — Сколько ни старайся, к свету не выберешься. А я бы так хотела подняться хоть на ступенечку выше!

— Ты даже не представляешь себе, дитя, сколь протяженна лестница знаний! — прозвучал над головою добрый, спокойный голос.

Она вздрогнула и обернулась: в белой, как будто нарочно выбеленной, бороде Диоксида пряталась улыбка. А глаза светились вековой мудростью.

— Вы меня научите? — выпалила Минорис. — Всему-всему?

— Всему? Это, пожалуй, можно, — усмехнулся философ.

Ополчиться друг на друга оказалось куда проще, чем объединить усилия и продолжать борьбу. Узники слишком рано сдались. Вместо того чтобы разобраться в себе, сосед винил соседа. А зародившаяся между пленными дружба дала вдруг такую трещину, что ни одним клеем не склеишь. Восстание было подавлено.

Тетушка Ария волком глядела на своего горе-предводителя, который пребывал теперь в самом скверном расположении духа и гнул спину чуть ли не вдвое больше обычного. Его, как главного зачинщика, заставили пахать за семерых. Остальным, конечно, тоже на орехи досталось. Обеденный перерыв урезали, ноги заковали в кандалы, а за разговорчики установили двенадцать плетей. Разговаривать, правда, не больно-то и хотелось.

«Вот она, какая, преисподняя», — думала Ария, волоча ногу в железном кольце и толкая неподъемную тележку. Ей и в голову не приходило, что пленники избегли худшей участи. Одолей они стражников, наружу им всё равно нипочем не выбраться. И дело тут даже не в пещерных монстрах (хотя монстров никто не отменял).

Когда-то давным-давно под фундаментом мастерской счастья Лисса рабочие проложили бесчисленное множество ходов. Каждый ход вел в свою пещеру. И в одной из таких пещер держали тетушку Арию. Если бы ей вместе с остальными удалось бежать, она просто умерла бы от голода в подземном лабиринте. Так что пленникам стоило благодарить судьбу уже хотя бы за то, что не открылась им вся безнадежность их положения.

Как долго они еще здесь пробудут? Неделю? Месяц? Ответ был очевиден: пока гору до основания не разберут. Сперва эту гору, потом какую-нибудь другую. Будь в стране поменьше пещер, или «змеиных нор», как называла их Ария, ведьма Терри сюда бы не сунулась. Потому как ее интересовала нажива. И, разумеется, власть.

А тетушку Арию интересовало, что случилось с ее домом в городе Огней. Сколько пыли осело на комодах, во что превратились герани на окне и не вломились ли, случайно, в квартиру воры. Воры? Вломились, куда же без них! Авантигварду сейчас было не до порядка. Как, впрочем, и его полиции. Верхушка задумала что-то очень хитрое, и brave командиры вместе со своими подчиненными день и ночь толпились в главной зале дворца, отвечая на вопросы Терри и помогая чертить какие-то планы. Народ жил сам по себе. Вернее, выживал. Потому что город Огней распадался буквально по камешкам. Прилавки опустели, на рабочих местах начались забастовки, и ряды грабителей резко пополнились. Воры проникали в пустые жилища и набивали карманы всем, что только найдут. В тот момент, когда тетушка Ария вспомнила о доме, один такой ворюга как раз рвал на клочки ее рукописи. А на полу, в библиотеке, где Ария обыкновенно работала, полыхал костерок. Что послужило растопкой, догадайтесь сами.

Благо, лунный камень не горит. Если бы каждый воришка вздумал вот так погреться ночью у костра, город Огней с лихвой оправдал бы свое название.

Тетушка Ария понятия не имела, что творится в ее библиотеке, но все равно ходила с понурой головой, и не радовало ее даже свечение лунного камня. А однажды она услышала,

как люди поют. Петь — это вам не разговаривать. Пение пока что не запрещали.

Поначалу слов разобрать не удавалось. Стражники лениво пощелкивали кнутами, ходили из угла в угол и время от времени выражали свое недовольство смачным плевром в сторону. Им тоже в пещере не нравилось. И настроены они были до того неблагоприятно, что песню заключенных приняли на свой счет.

— Для чего мы рушим горы? — затянул какой-то умник.

— К нам в страну явились воры, — уныло ответили ему.

— Впору им марать заборы.

— Чем они займутся скоро!

Стражникам такое, конечно, пришлось не по нраву. Ох, и намахались они плетьюми в тот вечер! Каждому влетело, даже тетушке Арии. И с тех пор невольникам возбранялось даже петь.

Остер Кинн стал настоящей катастрофой для владельцев отеля. Заплатив положенную сумму за проживание, он начал с того, что перевел бездну воды и мыла. Он отмывался от пыли и грязи, которая налипла на него в дороге. И продолжалось это никак не меньше трех дней. Приблизительно в то же время к управляющему поступил тревожный сигнал: некто очень голодный и неопрятный сметает все кушанья в ресторанчике для постояльцев. Повара жаловались, что не успевают готовить и вертятся, как белки в колесе. Многие посетители оставались без ужина, а иногда и без обеда. Недовольство возрастало и, в конце концов, достигло своего апогея.

На третий день, когда Остер Кинн насытился и даже пресытился гостиничной обстановкой, терпение заведующего лопнуло, как мыльный пузырь. Он ворвался в номер вместе с толпой негодующих постояльцев — и прирос к полу. По паркету текли потоки пенной воды, ковер ручной работы (дорогой, надо заметить!) вымок до нитки и стал походить на болотный мох, а в ванной кто-то громко и нахально распевал куплеты.

— Безобразие! — вскричал владелец отеля. — А ну, выметайся отсюда ко всем вардам!

Остер Кинн умолк. Он как раз извел последнюю бутылочку жидкого мыла, тюбик с зубной пастой и флакон заграничного одеколона. Облачился во все чистенькое — и распахнул дверь ванной прямо перед носом управителя.

— Выметайся вон, я сказал! — рывкнул тот и, поскользнувшись, грохнулся на спину.

В общем, Остера Кинна без лишних церемоний выставили за двери гостиницы, пригрозив, чтобы он там больше никогда не появлялся. А тот и рад радешенек!

— Скучно у вас, — сказал он. — Развлечений тьма, еды прорва, а всё равно скука смертная.

Сунул руки в карманы, вытащил трубку — и давай дымить! А одеколоном от него разило на всю округу. Даже полицейские шарахались.

Остер Кинн единственному удивлялся: как и откуда брался у него табак? И эта злополучная трубка? Неужто он пристрастился к курению? Это умозаключение сильно его озадачило, и он пообещал себе, что от табака избавится при первой же возможности. А с трубкой можно и повременить.

Внезапно он остановился посреди улицы, потому что его осенила догадка: вредные привычки наверняка на дух не переносят экстремальных условий, и уж где-где, а в беспокойной воде растворяются лучше всякой соли! Убить разом двух зайцев — а именно, покончить с табаком и догнать судно, на котором уплыла Таймири, — для Остера Кинна

значило самому броситься в реку «Стрилл». Ему претила мысль о каких-либо подручных средствах, и он решил добираться до цели вплавь. Но прежде чем кидаться в омут с головой, он разузнал у паромщиков о яхте, снявшейся с якоря три дня тому назад. Паромщики с кривой улыбкой отвечали, что знают этого сумасбродного капитана, и предупреждали: «От него добра не жди!»

А потом народ, толпившийся на пристани, ахнул: Остер Кинн с разбегу прыгнул в реку, сопроводив свое погружение победным кличем и обильными брызгами. Конечно, до победы было еще далеко, но, раз вступаешь в бой с таким кличем, считай, перевес на твоей стороне.

Остер Кинн был заправский пловец, и как ни старались водовороты его закрутить, он всё равно упорно гнул свое и продвигался вверх по быстрине. Когда мышцы сводило от напряжения и холода, он едва успевал выбраться на берег. Неужто он, и правда, надеялся догнать яхту? Бурлящую реку уже нельзя было сравнить с той мирной и податливой рекой, которая вдохновила Остера Кинна в начале пути. Отплываясь и пыхтя, он проделывал то, что обычному человеку было бы не под силу. И вот, наступил долгожданный момент, когда вдалеке замаячил подпрыгивающий на волнах плайвер.

«Так-так, — подумал Остер Кинн. — Это плайвер Таймири. Хорошо же я в нем отдохну!»

И только он так подумал, как поток накатил на него со всей своей мощью. Река не на шутку взволновалась и попыталась затолкать настырного смельчака туда, откуда он явился. Но не таков был Остер Кинн, чтобы сдаваться, когда близок финиш. Он поднажал — и река отступилась. Уцепившись руками за резиновый бортик плайвера, он забрался внутрь, после чего издал клич, который теперь справедливо можно было назвать победным.

— Вовсе и незачем так орать! — заметила Таймири с палубы. Ей отчего-то взбрело в голову, что плайвер могут втихомолку отвязать. Мало ли, что у капитана на уме. — Кстати, очень правильно, что вы к нам присоединились. У нас здесь скука — хоть помирай.

— Правда? — удивился Остер Кинн. — В городе, знаете ли, тоже невесело. Чего стоят одни их правила да предрассудки!

— Зато у нас угнетающий философ, — парировала Таймири.

— Кое-кто слушает этого угнетающего философа с открытым ртом, — вставила Сэй-Тэнь, возникнув рядом. — Минорис просто влюбилась в его высокие материи! А вы бы поднимались наверх. В плайвере, должно быть, сыро. Простуду подхватите.

Остер Кинн не на шутку оскорбился. По пустыням всю жизнь бродил, никакая зараза его не брала. А тут, на реке, да еще после того, как он невесть сколько проплыл, — и вдруг простуда?

Внезапно Сэй-Тэнь выпучила глаза. Таймири решила от нее не отставать и тоже выпучила.

— Осторожно! На Зюма не наступите! — вскричали они в один голос.

Из под ног Остера Кинна белым пушистым комком выкатился щенок. Выкатился — и давай лаять! Остер Кинн чуть равновесие не потерял.

— Колючки пустынные! Откуда в плайвере пес?! — воскликнул он.

А ведь о Зюме совсем забыли! Как пропал в городе, так с тех пор и не появлялся. Сэй-Тэнь подозрительно взглянула на путешественника:

— Вы украли? Думали втихаря слопать?!

— Да ничего я не крал! — возмутился Остер Кинн. — Куда бы я его, по-вашему, запихнул? Рюкзак-то мой тю-тю! А в реке он бы захлебнулся.

Сэй-Тэнь призадумалась. И то верно. Как ни крути, Остер Кинн здесь ни сном ни духом.

— Ага, я же говорила! Дух гор! — обрадовалась Таймири. — На такое только духи способны.

Зюм лаял так звонко и самозабвенно, что даже капитан всполошился.

«Собака? Откуда на яхте собака?» — вздрогнул он. И тут же упустил нить своих рассуждений. А ведь битый час ломал голову, склонившись над картой речной долины. Он думал найти какой-нибудь рукав, чтобы заплыть туда и дать отдых команде.

— Ну всё, с меня хватит, — стукнул он кулаком по столу. — Что там, в конце концов, происходит?!

Кэйтирон надвинул на лоб фуражку, для пущей внушительности насупил брови и в решительном настроении вышел из рубки.

— Маленький, да удаленький! — хлопала в ладоши Минорис. Зюм скакал, как резиновый мячик, вилял хвостом и выглядел абсолютно счастливым. Таймири на пару с Сэй-Тэнь заливалась смехом. А рядом, мокрый с головы до ног, стоял Остер Кинн и, прищурившись, созерцал закатное солнце.

Посчитав, что над ним насмеются, капитан изменился в лице.

— Кто... без разрешения... пускает тут всяких... на борт?! — вскипел он.

— А почему им нельзя? — заикнулась Таймири.

— Нельзя, и всё тут! — отрезал Кэйтирон. — Они даже не пассажиры.

Сэй-Тэнь легонько толкнула Остера Кинна в бок:

— Он будет жить в плайвере... Щенок тоже! — быстро добавила она.

— Это ничего не меняет, — взъерошился капитан. — Знаете закон сохранения массы? А энергии?

В последнее слово он вложил всё свое негодование. Судя по всему, физика в его памяти занимала особое место. Можно даже сказать, почетное.

— Я пловец, каких мало, — с достоинством отвечал Остер Кинн. — И большую часть дня буду проводить вне плайвера. За съестные припасы тоже не беспокойтесь. Меня вполне устроит сырая рыба.

— Ладно, будь по-вашему, — остыл капитан. Наблюдавшие за ним матросы знали, что затишье это временное, поскольку Кэйтирон никогда не прочь выпустить пар...

8. О письмах и водопадах

Из-за сильного встречного течения шхуна немного кренилась влево, что, впрочем, не мешало Сэй-Тэнь не спеша прогуливаться вдоль ватервейса [1]. Кто-то в «вороньем гнезде» распевал матросскую песенку. А капитан деловито отдавал команды:

— Поставить булинь по нижней шкаторине!

— Убрать стаксель!

— Накрутить стаксель с фалом вокруг штага!

Эти и прочие непонятные выражения долетали до Таймири, которая, устроившись в шезлонге, с закрытыми глазами слушала корабельную симфонию. А симфония была что надо: музыкально трепетал на ветру парус, музыкально скрипели мачты, и не менее музыкально клекотала река, где как раз купался Остер Кинн. Только чайки не кричали. Ни чаек, ни других птиц в стране Лунного камня уже век не видывали.

Чуть поодаль от шезлонга неопытный юнга учился промерять глубину с помощью разноцветного футштока. И было слышно, как его ругает старший по званию.

«До чего же всё-таки здорово валяться вот так, на солнышке, и ни о чем не думать. Плыть себе и плыть», — подумала Таймири. Приоткрыв глаза, она встретила широкий взгляд облачного ока в лазурном исчерченном небе. Этот новый узор из серебристых стратосферных облаков крепко завладел ее вниманием.

— Быть того не может! — воскликнул оказавшийся рядом философ. — Вот он, знак свыше! Небесный глаз!

Повернуть голову в сторону Диоксида стоило Таймири больших усилий. Спрашивается, чего он раскричался? Подумаешь, какой-то глаз!

— Этой ночью нужно будет обязательно свериться со звездами, — сказал философ самому себе и важно прошествовал к каюте.

Ночью Диоксид как-то исхитрился погасить все навигационные огни, взять у капитана подозрную трубу и при этом не вывести его из себя. Смекнув, что на судне готовится нечто очень увлекательное, Остер Кинн поднялся по канату на палубу, не произведя при этом ни единого шороха.

— Вы смыслите в астрономии? — спрашивал философ, настраивая прибор. — Если нет, я научу. Вон Полярная звезда! А вон Южный Крест. Да, южная часть неба самая интересная... Гляньте-ка во-он туда!

Минорис безропотно следовала каждому указанию старика, и скоро у нее затекла шея. Потирая чуть ниже затылка, она начала осознавать, как тяжело приходится астрономам, когда они ночами напролет рассматривают звездное небо. Что касается Таймири, то ей дела не было до наставлений Диоксида. Подсунув под голову подушку, она улеглась прямо на лакированный настил, закинула ногу за ногу и мечтательно произнесла:

— Хотела бы я иметь такие глаза, чтобы видеть планеты и галактики без всяких там телескопов!

— Это не так уж и сложно, — на самое ухо прошептал ей Остер Кинн. — Нужно всего лишь заменить хрусталик трехслойным объективом и перевернуть светочувствительную поверхность глаза. Сетчатка, как ни странно, расположена у людей задней плоскостью к свету.

— Куда ни кинь — сплошь интеллектуалы! Просто диву даешься! — съязвила Таймири.

Она перевернулась на бок, чтобы лицезреть физиономию этого умника. — А вы не боитесь капитанского гнева?...

Между тем лицо философа просветлело, руки задрожали, а глаза наполнились слезами восторга.

— Эврика! — вскричал он. — Настал тот день, когда я сумел вникнуть в смысл начертанных на небе письмен!

Таймири хмыкнула. Вишь, какой впечатлительный! А Минорис, похоже, полностью разделяла его ликование. Как и полагается любой порядочной ученице.

Палуба постепенно заливалась лунным светом, и в этом свете всё четче вырисовывался силуэт капитана Кэйтирона. Притаившись за углом, он следил за «астрономами». Как бы подзорную трубу не сломали. Удивительно, отчего Остер Кинн со своим исключительным зрением его не заметил! Теперь безбилетнику грозила очередная вспышка ярости и изгнание за борт. Конечно, можно было бы наскоро сообразить и заделаться матросом, если бы не совесть, которая преследовала Остера Кинна с самой колыбели. Но на сей раз, вопреки ожиданиям, капитан не стал никого пропесочивать. Он пребывал в благодушном настроении, а всё потому, что нашел, наконец, свои золотые часы на цепочке. Часы — помощник незаменимый. Работать — работают, а жалованья не просят. Когда, в результате многочасовых раскопок, Кэйтирон извлек из-под бумажных завалов свой брегет, то прямо-таки светился от счастья и даже попробовал станцевать. Но танцевал он неважно.

— А-а, вы здесь? — обратился он к Остеру Кинну. — Так и быть, оставайтесь. Будете нести вахту.

— Потравить приводной трос! Выбрать шкот на галс! Поднять гафельный парус! — слышались команды Кэйтирона. Его будильник сработал вовремя, и он встал ни свет ни заря.

Было промозглое утро. Ветер крепчал, но в каюту порывы не проникали.

— М-м-м! Вкусно-то как! Что это? — спросила Таймири, зачерпывая ложкой суп.

— Уха, — скупно отозвалась Минорис. — Остер Кинн постарался. А Сэй-Тэнь по-прежнему спит.

— Она и вчера к уроку астрономии не вышла. Зюм и тот под ногами путался, — сказала Таймири. — Странно.

— Разбудила бы ты ее, что ли...

— Растормошить? Без проблем!

Но в этом-то и состояла главная проблема. Сэй-Тэнь лежала пластом и никак не реагировала на призывы. Снотворное она не употребляла, спиртного в рот не брала — Таймири могла бы поручиться. Что же тогда? Страшная догадка поразила обеих девушек, когда они поняли, что Сэй-Тэнь не дышит.

— Минорис, побудь здесь, а я сбегая за капитаном!

Таймири вылетела за дверь, больно поцарапавшись о косяк. И, выскочив наружу, тотчас растянулась на полу. Благо, когда-то ее учили, как надо падать, чтобы не расшибить себе нос. Волосы ее растрепались, а изморось украсила несуразную прическу мелкими, липкими капельками. В довершение всех бед, ужасно раскачивалось судно. Палуба сделалась скользкой, как каток. И Таймири с размаху налетела на Остера Кинна.

Тот придержал ее за руку, где, на среднем пальце, искрилось кольцо — пять голубых лепестков в серебряной оправе.

— Какое красивое! — подивился он. — Откуда?

— Потом, потом, — отмахнулась та. — Мне к капитану! Сэй-Тэнь совсем худо.

— Ха! — сказал Остер Кинн. — Да что он может, твой капитан! Он и с судном-то кое-как управляется. К тому же, в такую погоду из каюты лучше не высовываться — чего доброго, в воду свалишься.

Таймири стала в отчаянии заламывать руки — совсем как тетушка Ария, когда в холодильнике не находилось нужных ингредиентов для блюда. И Остер Кинн сжалился. Провел ее до самого капитанского мостика.

— Штормовое предупреждение! Пассажирам настоятельно рекомендую вернуться в каюту! — прогремел капитан в рупор. — Погода — дрянь!

— У нас срочное дело. Сэй-Тэнь, кажется.... в коме, — пролепетала Таймири.

— Что она сказала? Абберрация? — переспросил Кэйтиайрон, сообразуясь со своим представлением о слове «кома»[2].

— Пассажирке плохо! — гаркнул ему на ухо Остер Кинн. — То ли жива, то ли мертва — не разобрать!

Таймири одарила его убийственным взглядом. Нашел время шутить!

А Кэйтиайрон оторопел.

— Я, знаете ли... Я как-то не учел, что может понадобится врач.

— У вас нет врача?! — проорал Остер Кинн. — Плохи наши дела! Как говорится, суши весла!

Река так разбушевалась, что он был вынужден всё время орать. Таймири от его крика так и подпрыгнула:

— Ты бы сразу ко мне обратилась! Я в таких вещах хоть немного, но разбираюсь!

И, чтобы не быть голословным, Остер Кинн поволок ее обратно к каюте.

— Ух, и покажу я этой болезни, где раки зимуют, — бормотал он. — Наизнанку вывернусь, а Сэй-Тэнь вылечу. Иначе грош мне цена.

Еще некоторое время до них доносились команды на мудреном яхтенном диалекте:

— Взять два ряда рифов!

— Потравить оттяжку Каннингхэма!

Вскоре эти звуки окончательно потонули в ропоте kloкочущей реки. До водопада оставалось совсем немного.

Таймири в задумчивости наблюдала за манипуляциями Остера Кинна над оцепенелым телом Сэй-Тэнь.

— Что это? Черная магия?

— Медицина северных народов, — компетентно отозвался тот.

— Иногда мне кажется, что вы знаете гораздо больше, чем наш философ, — сказала Таймири.

— Поправка: философы не обязаны знать. Они мыслят и чувствуют.

Таймири стала в позу.

— Я тоже мыслю и чувствую. И что я, по-вашему, философ?

— Каждый в некоторой степени философ, — вмешалась Минорис. — Ну, как там Сэй-Тэнь? Жива?

— Скорее жива, чем мертва, — поставил диагноз Остер Кинн. — У нее глубокий сон. Дыхание ровное, хотя и очень слабое. Обмен веществ замедлился. В общем, она в анабиозе.

— Такое случается? — опасливо поинтересовалась Таймири.

— С рептилиями — да, с людьми — нет. По крайней мере, я ни разу о подобном не слышал.

Девушки с содроганием переглянулись. Еще чего не хватало!

А Остер Кинн, словно ситуация была самая обыденная, любезно улыбнулся, козырнул и умаршировал на свой пост. По его словам, Сэй-Тэнь могла проснуться когда угодно. Через десять минут или через десяток лет. Утешающе.

— Не шумите, не бейте в бубен! — передразнила Таймири, когда он скрылся за дверью. — По-моему, он о себе слишком высокого мнения!

— Но шуметь, может, и правда, не стоит, — заметила Минорис. — Вдруг ей снится что-нибудь приятное?

Однако здесь она прогадала. Сэй-Тэнь, мастерица самогипноза, «залегла в спячку» отнюдь не затем, чтобы испытать наслаждение. Она снова телепатически общалась с дочерью. И новости из города Огней поступали не самые обнадеживающие.

Пока своевольная Сэй-Тэнь спит, посмотрим, как обстоят дела у капитана. А капитан вновь сделался несчастным человеком на свете. У него пропал блокнот с указаниями для экипажа — и, как всегда, не вовремя. За излучиной — водопад, а Кэйтирон не помнит ни единой команды. Есть о чем погоревать.

Стащил же блокнот не кто иной, как Зюм. Когда волнение на реке поулеглось, он, проказник, улучил момент, чтобы проникнуть в неубранную каюту. Впрочем, не совсем так.

Зюм довольно скоро полюбился всей команде. Он без опаски бегал по палубе, выпрашивая у матросов еду. И вот один любитель пива как-то попытался угостить его брагой. Но из кружки так благоухало, что Зюм дал деру, едва почуял запах. И очутился у прикрытой двери в рубку.

С тех самых пор яхта плыла, как ей вздумается, а команда даже не пыталась что-либо предпринять. Кэйтирон бушевал неимоверно. Он с остервенением разбрасывал вещи по каюте, и некоторые даже вылетали через иллюминатор. Со злости капитан невзначай вышвырнул свой ботинок, и тот угодил точно в макушку Синре, который только-только оправился от лихорадки. Синре после этого, ясное дело, опять слег.

Кэйтирон шарил под койкой, в сотый раз осматривал углы, но блокнот всё не находился.

— Проклятье! Тысяча дохлых китов! — ревел капитан. Сторонний наблюдатель мог бы предположить, что он занялся наконец-таки уборкой...

Тем часом Зюм перебрался в привязанный к яхте плайвер и принялся с усердием грызть блокнот, потому как у него сильно резались зубки. Блокнот превращался в клочья бумаги, бумагу раздувало ветром, и один здоровенный клоч налип капитану на лоб в самый неподходящий момент. Матросы зашлись дружным хохотом, а кто-то до того разошелся, что опрокинул кружку с пивом.

Рывком отодрав от физиономии влажный продырявленный листок, Кэйтирон уставился на него, как на призрак из потустороннего мира. А потом издал такой вопль, что можно было подумать, будто тысяча помянутых китов свалилась ему на голову.

— Ну, и штормило же недавно! — сказала Минорис, присаживаясь на шезлонг.

— Э-э, да тебе просто настоящих штормов видеть не доводилось! — отозвался Остер Кинн, который добросовестно нес на палубе вахту. — Морских. Речные, по сравнению с

ними, детский лепет! А мы, кстати, миновали первый водопад. Оттого тут всё и бурлило.

— Водопад? Первый? — озадаченно переспросила Минорис.

— Второй куда страшнее, уверяю тебя, — осклабился тот.

Они плыли вдоль голубой отвесной скалы. Ни дать ни взять, застывшее цунами. А внутри — чего только нет! И звездочки, и бусинки, и какие-то причудливые цепочки. А то, как пустые глазницы, появятся вдруг на гладкой поверхности черные провалы.

— У второго водопада мы должны пришвартоваться к берегу, — сказал Остер Кинн, и в его глазах заиграли азартные огоньки. — Не знаю, что на уме у нашего безбородого капитана, но приключений точно не избежать!

Минорис поежилась. Ее порядком утомили приключения. Сперва пустыня, потом суматошный город, а теперь вот яхта, капитан которой явно мечтает поиздеваться над пассажирами. В голове вился рой тревожных и путаных мыслей. А ведь она, сама того не ведая, поступила в ученики к мудрейшему из философов! Вот у кого следовало искать поддержки.

Минорис полюбила слушать Диоксида, свесившись через перила на корме. Она глядела на речную зыбь, а философ в это время рассуждал о вечности, или об одиночестве, или о смысле бытия. Плавный поток его речей проникал в светлую головку Минорис, принося ей невыразимое утешение. Диоксид умел лечить словом.

— Что гнетет тебя? — спросил он однажды. — Я не помню и дня, чтобы ты не вздыхала.

— Это всё оттого, что я бросила свою семью, — объяснила Минорис. — Хоть Мэра мне на самом деле и не мать, я очень по ней скучаю. И по своим сводным сестрам. Они, наверное, считают меня последней негодяйкой.

Диоксид отставил трость и присел рядом, на краешек палубы. Кости у него так и хрустнули.

— Эх, никак не привыкну, — поморщился он. — Тяжко быть стариком.

Минорис покосилась в его сторону, однако ничего не сказала.

— А сама ты как думаешь? Хорошо поступила или нет? — спросил Диоксид. Но та лишь пожала плечами.

— Чтобы по чужой указке жить да на чужие мнения оглядываться, много ума не надо, — усмехнулся он. — А тебе, как я понял, оглядываться приходилось постоянно.

— Частенько, — кивнула Минорис. — Задумаю сделать по-своему — Мэра ворчит, а сестры... Они и без того меня задирали. Но, знаете, я чувствую вину.

— Да ни в чем ты не виновата, — махнул рукой Диоксид. — Это я тебе как мудрец из мудрецов заявляю!

Оба они рассмеялись.

— Ну что, полегчало?

— Полегчало, — заулыбалась Минорис.

— Уверен, что с Мэрой ты еще встретишься. А сейчас судьба дает тебе шанс пересмотреть свою жизнь, повзрослеть и обзавестись собственным зрением. Научиться зреть в корень.

— Вот и Вестница то же самое сказала.

Философ вскинул косматые брови.

— Ты видела Вестницу Весны? — воскликнул он. — Чудные дела нынче творятся!

— А по-моему, ничего особенного в этой Вестнице нету, — легкомысленно заявила

Таймири, которая всё это время без дела слонялась по палубе.

Диоксид вернулся в каюту, сияя, как июльское солнце, и улыбнулся распростертой на койке Сэй-Тэнь. А улыбка у него была ровная, без единой щербинки. И глаза блестели совсем по-юношески.

— Спишь? Ну, спи, спи. Меня отныне добрый ангел снов будет посещать еженощно. Потому что я наконец определился с целью путешествия. И не столько благодаря звездам, сколько благодаря моей новой ученице. Я отправляюсь с вами, в мастерскую счастья Лисса.

Если б услышала его Сэй-Тэнь, то, не раздумывая, выдвинула бы ультиматум: или вы, или я. Но, к счастью для обоих, словам Диоксида не вняла ни одна живая душа.

Никто толком не понимал, зачем капитан держит на яхте субъекта по кличке Папирус. Этот Папирус взял привычку строчить мемуары, приспособив под стол пустую бочку. Матросы считали его чудаком и не уставали над ним подтрунивать. Папирус думал, что из-за бочки, а потому не обижался. Да, конечно, если б он писал на приличном столе, его бы непременно зауважали. Но вдохновению-то — что стол, что пустой бочонок — разницы никакой. Оно накатывает, как приливная волна, и тогда уж становится безразлично, что о тебе думают другие. Хорошо, что у Папируса в запасе толстая пачка бумаги и бессмертная авторучка. Лет десять ее не заправлял, а она всё пишет и пишет.

Папирус сочиняет книги. Говорит, что для себя. Но читает их вслух явно не без умысла.

Еще он обожает писать письма. И, судя по их количеству, знакомых у него воз и маленькая тележка. Правда, Синре всегда упирал на то, что Папирус родом из весьма многочисленного семейства. Оттого и писем не сосчитать.

Только вот службы доставки на яхте нет. Ни радио, ни посыльного, ни даже облезлого голубя. Остается лишь думать да гадать, какая у этих писем судьба.

Кэйтирону, похоже, выгодно содержать на судне никудышного работника. Проку от Папируса мало, зато бумаги у него — завались. А всем известно, что без бумаги капитан из Кэйтирона такой же, как из лосося сухопутное. Поэтому он милостиво позволил «бортовому писаке» хранить в рубке всё его добро.

Основательно подмочив свою репутацию в глазах философа, Таймири отдала честь и поспешно ретировалась. Подумаешь, сморозила глупость! Каждый иногда несет чепуху. Главное вовремя остановиться.

Какой-то матрос, согнувшись в три погибели, тащил по линиям доскам связку желтой бумаги. Напрягался, бедняга, изо всех сил.

«Фи, рыжий», — с отвращением подумала Таймири. От рыжих она предпочитала держаться подальше. А этот был, к тому же, и с веснушками.

— А-а! Папирус, вот ты где! — прогремел из-за угла Кэйтирон. Рыжий мгновенно вытянулся в струнку и, заикаясь, прокричал что-то в ответ.

Ничего удивительного. Пообщавшись с капитаном, кто угодно заикаться начнет.

— Тебе сверхсекретное поручение, — сказал Кэйтирон, после чего перешел на доверительный тон. Таймири очень пожалела, что не умеет читать по губам. Кого, как не ее, положено посвящать во всякие тайны?!

Капитан около минуты беззвучно открывал и закрывал рот, нашептывая Папиусу какое-то задание. Тот пару раз мотнул головой. Видно, задание пришлось не по душе. Но настойчивости капитану было не занимать, и вскоре рыжий согласился. Испустив

безнадежный вздох, он поплелся за командиром. А плотная пачка бумаги осталась на палубе без присмотра. Самое время проверить, имеется ли на ней гриф секретности.

Таймири потом еще долго досадовала на Зюма. Ее жалкая попытка вытянуть из связки хотя бы краешек потертого листа закончилась полным провалом. А всё почему? Потому что Зюм, видите ли, учуял посягательство на чужое добро! Поднял лай, точно по команде. На лай сбежался народ, и Таймири поймали с поличным.

— Эх вы! — осуждающе проговорил Папирус. — Раз уж неймазся узнать, что там у меня в связке, меня бы и спросили. Ан нет, всё туда же! За корреспонденцией моей охотятся.

— Это что же? Письма? — удивилась Таймири. Она сидела на корточках и с удовольствием легла бы на пол, потому что лежачих не бьют. Нет, сегодня явно не ее день: и перед философом оплошала, и на мелкой краже попалась. А ведь она воровать не хотела. Только глазком взглянуть! Но матросы, ее обступившие, думали совсем иначе.

— Вот именно, письма, — сказал Папирус. — Залежались они, пора отправлять.

— Лучше сожги, больше толку выйдет! — издевательски бросил боцман.

Кто-то хохотнул, смешок передался по цепочке, и матросы разбрелись, посмеиваясь над Папирусом, а заодно и над Таймири.

Ну, надо же было так опростоволоситься! Всего-то навсего почта! Почта... А кто обещал тетушке Арии каждый день писать? Кто говорил, что не забудет?

Таймири почувствовала себя кругом виноватой.

— Вы меня, это... извините, а? — промямлила она. — Нелегкая дернула.

— Да ничего! Я отходчивый, — сказал Папирус и улыбнулся во все свои двадцать четыре зуба. То ли к сладкому он был неравнодушен, то ли часто ввязывался в драки, но некоторых зубов у него не доставало.

— А как вы письма отправляете? — полюбопытствовала Таймири.

— О, это всем секретам секрет! — таинственно отозвался Папирус. — Но если вам интересно, приходите вечером в трюм.

Предложение показалось Таймири странным, но чего не сделаешь, чтобы избавиться от укоров совести!

Остаток дня она уговаривала Минорис пойти с ней. Умасливала, как могла.

— Что, одной боязно? — сдалась, наконец, та. — Ладно, была не была! Только учти: в трюмах водятся крысы, — замогильным шепотом прибавила она.

Письмо, набросанное в пустыне, затерялось где-то среди вещей. Поэтому Таймири на скорую руку нацарапала новое, дважды перечитала и с удовлетворенным видом запихнула в карман.

В трюм они долго спускались по скрипучим, отсыревшим ступенькам. Внизу уже поджидал Папирус.

— Ну, и мрачно же тут, — заметила Минорис. — Керосиновой лампы не найдется?

— Даже и не думайте! — испугался тот. — Если капитан догадается, что мы затеваем, головомоуку устроит будь здоров!

— А что мы, собственно, затеваем? — небрежно поинтересовалась Таймири.

— Отправку писем, что же еще?!

— В таком случае, держите. Вот моё.

Папирус с сочувствием поглядел на протянутое ему скомканное письмецо, вздохнул и полез за ножницами.

— О, я, кажется, догадалась! — сказала Минорис. — Письма мы будем кромсать, а

клочки развевать над рекой. Да?

— И вовсе нет! — оскорбился Папирус. — За кого вы меня принимаете?

Он выловил ножницы из ящика с инструментами и приступил к таинственному обряду. В иллюминатор светила только тощая луна, поэтому Таймири долго не могла понять, что же Папирус вытворяет с ее письмом. А письмо претерпевало метаморфозу. За считанные минуты оно превратилось в элегантный бумажный самолетик с надрезами на крыльях и хвосте.

— Далеко полетит, — умиротворенно предсказал Папирус. — Подойдите, не бойтесь! Пустим его в окно.

— И вы полагаете, что письмо попадет к адресату? — скептически спросила Таймири. Ее тоскливая мина не укрылась от наблюдательного взгляда Папируса.

— Сомневаетесь? А я вам скажу, что тут всё дело в ловкости рук и кое-какой сноровке.

С такими словами он запустил самолетик, и тот плавно заскользил над водой.

— Говорил же, далеко полетит, — обрадовался Папирус. Когда белое пятнышко планера растворилось во мгле, его неожиданно потянуло на откровенность.

— Знаете, благодаря вам во мне ожила надежда, — сказал он, не отрываясь от иллюминатора. — Я всегда считал, будто у таких как я, ну, не совсем нормальных, друзей быть не может. А вы первые, кто спустился ко мне в трюм не за бочонком пива. Я думал, дружат только с теми, кто находчив и меток на словцо. Меня презирали, потому что я отличаюсь, потому что не люблю шумных сборищ. Но теперь, когда у меня появились единомышленники... То есть, я хочу сказать, единомышленницы...

Тут он обернулся и обнаружил, что всё это время говорил в пустоту.

— Обидно, правда? — обратился Папирус к своей связке писем. — Ну, ничего. Переживу. Ведь в рубке по-прежнему целая кипа бумаги, да и ручка у меня живучая. Я справлюсь.

И он принялся складывать очередной бумажный «боинг». Все на судне лягут спать, а Папирус будет пускать самолетики из трюмного иллюминатора до глубокой ночи...

[1] Ватервейс — крайний пояс палубного настила, идущий параллельно борту.

[2] Кома — в физике — искаженное изображение в оптических системах, проявляющееся в том, что точка приобретает вид несимметрического пятна; разновидность аберрации.

9. О том, как возвращаются вредные привычки

Левый борт яхты скользил почти вровень со стеной из ледяного шпата. Вот-вот останется без обшивки. Зато Таймири могла сколько угодно любоваться собой. Чем скала не зеркало? До пузырьков да звездочек в глубине окаменелого цунами ей дела не было.

Любовался отражениями и Остер Кинн. Сперва своим (ничего не скажешь, хорош!), потом отражением Таймири (тоже хороша, но вот если бы не вертелась...). В итоге, его околдовали те самые звездочки и пузырьки, на которые Таймири не обратила внимания. Они соединились в гигантское причудливое ожерелье и тянулись вдоль утеса нескончаемой гирляндой.

— Экие бусы! Великанше в пору! — присвистнул он.

— Что еще за бусы? — обернулась та.

— Погляди дальше своего носа — увидишь.

Таймири сделалась мрачнее тучи. С раннего утра — и уже читают нотации. Она нарочно заградила Остеру Кинну вид, потрянула шевелюрой и даже приготовила колкий ответ. Но тут случилось нечто из ряда вон выходящее. Их обоих по-настоящему околдовали.

Таймири вдруг перенеслась на заснеженную вершину горы, а Остера Кинна с головой окунули в холодный и таинственный океан. Но, собственно, на него голос Эдны Тау всегда так действовал. Когда она пела, индейский вождь племени Знойной Зари впадал в транс, а brave воины (если они, конечно, находились в пределах лагеря) начинали плакать, как дети.

Остер Кинн прислушался.

— Лотоса цветы

Утром раскрываются

С росчерком зари.

Коль в постели ты,

Встать не запрещается.

Встань да посмотри, — разливалась в воздухе песня. Несомненно, голос принадлежал Эдне Тау. Но что она забыла в бурной реке Стрилл?

— Облака игристые,

Лепестки волнистые,

В небе расцвели.

Стали частью лотоса,

Что вплетает в волосы

Солнце исстари...

Индианка плыла в каноэ навстречу яхте и безмятежно рыбачила. А рыбы у нее скопилось видимо-невидимо! Стало быть, и рыбу песня заколдовала.

— Вот ведь хитрюга! Запрещенные методы применяет! — не выдержал Остер Кинн. — Эй, Эдна Тау! Я узнал тебя!

Его оклик застал индианку врасплох. Выронив удочку, она устремила на него долгий и пристальный взгляд.

— Ах, друг давнишний, ты ли это?! — с акцентом воскликнула она. — Когда в последний раз с тобою мы курили трубку мира?

— Да уж не помню! А ваш вигвам? Он цел?

— Еще бы! Хотя после битвы с Бурыми Року в поселении сгорело много хижин.

Таймири с любопытством перегнулась через мостик. Долго они будут еще так любезничать?

— Давай, взбирайся к нам! Каноэ пустим сзади! — крикнул Остер Кинн, приставив ладонь ко рту. Весьма разумное решение. Течением челн уносило всё дальше, и Эдна Тау подналегла на короткое весло, чтобы пристать к кормовой части судна. Остер Кинн сбросил ей конец веревки.

У индианки были узкие карие глаза, а за спиной болтались две иссиня-черные косички. Ее смуглое лицо менялось подобно трепещущему пламени свечи: она умела разговаривать молча. И когда Таймири закончила привязывать каноэ к такелажной цепи, то застала в самом разгаре живейшую беседу:

«Спасибо, что одолжила мне тогда меткую стрелу, — подвигал бровями Остер Кинн. — Иначе я не сумел бы опередить твоего брата Кривое Копье».

«Духи гор тебе в помощь, бледнолицый брат, — сощурились глаза Эдны Тау. — Но Кривое Копье и без того не мастак стрелять из лука».

«Вот вам и очередной нелегал, — подумала Таймири. — То-то разозлится капитан!»

Вообще-то, ей очень нравились индейцы. Вольный народ с древними обычаями. Они высекают из камней наконечники стрел, расшивают стены хижин причудливыми узорами и слагают красочные истории о подвигах соплеменников. В детстве Таймири глотала книжки об индейцах одну за другой. Но о том, чтобы встретить их взаправду, даже не помышляла.

Если капитан выгонит Эдну Тау, это будет сущей несправедливостью! А с другой стороны, что стоит индианке околдовать Кэйтиайрона своей песней? Пара пустяков!

— Кто обучал тебя мастерству усыпляющего пения? — словно в ответ на мысли Таймири, спросил Остер Кинн.

— Старая Овдорна, кто же еще? — рассмеялась Эдна Тау. — Помнишь, как она хотела сделать из тебя непобедимого фардарина? Ты еще тогда пытался увильнуть.

— И увильнул! — гордо отозвался тот. — Но она действительно многому меня научила. Без ее советов я бы в пустыне не выжил.

— А кто такая старая Овдорна? — встряла Таймири.

— О! — закатила глаза индианка. — Она — самая мудрая женщина в племени.

— И самая докучливая, — подхватил Остер Кинн. — Ее ученики иной раз просто стонут.

Эдна Тау задержала на шутнике свой коронный испепеляющий взгляд и произвела рукой жест, который для непосвященного мог означать всё, что угодно. Остер Кинн понял правильно и тотчас замолк. Возводить напраслину на старшую в поселении было равносильно преступлению. За такое проклинали и изгоняли без права на возвращение.

— А неужели вы, и правда, живете в массиве Лунных гор? — зачарованно спросила Таймири. — Говорят, это гиблое место.

— Ничего подобного, — ответила Эдна Тау. — Его считают гиблым как раз потому, что там живем мы. А еще, — она поморщилась, — ненавистное племя Бурых Року. Они режут пришлых, как белок.

— Белки, — облизнулся Остер Кинн. — Давненько я бельчатинки не едал. Поймать бы парочку...

— Да изжарить, как когда-то! — замечталась Эдна Тау. И тут они, как ни в чем не бывало, принялись обсуждать все прелести пикника.

Таймири фыркнула. Может, индианка и охотник хоть куда, но едва ли она готовит лучше тетушки Арии. И как так вышло, что Остер Кинн набрел на поселение краснокожих? Неужто он уже бывал в массиве?

— Бывали, а капитану ни слова?! — перебила Таймири, когда речь зашла о приправах. — Вы бы его, как нечего делать, переубедили! Кому охота лезть в массив?!

— А на что мне переубеждать? — пожал плечами путешественник. — Его причуды меня вполне устраивают.

— Если ваш капитан и правда такой малахольный, я была бы не прочь с ним повидаться, — заметила Эдна Тау.

Остер Кинн резко и как-то сдавленно рассмеялся.

— Играй, малыш, пока играет. А капитана, как и злых духов, раньше времени призывать не стоит.

Таймири уже давно стала подозревать, что подхватила от философа какую-то заразу. Иначе как объяснить эти странные приступы задумчивости? Моет она, скажем, посуду — и тут, ни с того ни с сего, нахлынет волна размышлений. Такая волна, что и захлебнуться можно. Когда Остер Кинн сравнил капитана со злыми духами, на нее вновь нахлынуло. Стала столбом — и хоть бы что.

Эдна Тау тем временем весьма опрометчиво предложила раскурить трубку мира. Остер Кинн с готовностью уселся на пол и осведомился:

— Что курить будем?

— Сосновую кору, разумеется.

При этих словах он как-то сразу скис. Но когда Эдна Тау принялась наполнять трубку толченой корой (так похожей на его любимый табак!), снова оживился. Первой затянулась индианка. Дым она выпускала медленно и сосредоточенно. Думала составить из колечек фразу. Но дело подпортил ветер. Ни судовладельцу, ни матросу, ни пассажиру на реке Стрилл не удавалось до сих пор выдуть из трубки хоть сколько-нибудь четкое словцо.

Следующей трубку получила Таймири. Правда, она не особо понимала, что делает, потому как мысли ее витали невесть где. Втянув едкие пары, она закашлялась, как больной на последней стадии чахотки. Из глаз брызнули слезы. Но Остер Кинн на это лишь снисходительно улыбнулся. Сам он пропитался дымом, как старая печная труба.

— Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь! — воскликнул он, выпустив пепельно-серое колечко. — А ведь я завязал с курением!

Запасы сосновой коры значительно истощились, и церемония подходила к концу, когда волосы на затылке у Остера Кинна вдруг встали дыбом. Прямо над ним злобно высился капитан. И если бы у капитана были дротики, он точно нашел бы им применение.

— С того дня, как вы появились на моей яхте, здесь творится незнамо что! — гаркнул он прямо на ухо путешественнику. — Сначала щенка приволокли, теперь какую-то дикарку. У меня тут что, дом милосердия?! И прекратите, в конце концов, курить!

Эдна Тау встала и слегка поклонилась.

— Прошу прощения, — сказала она. — Это вы капитан?

— Ясное дело, я, — опешил от неожиданности тот. Он и понятия не имел, что дикари умеют разговаривать на его языке.

— Я вот думаю, что же у вас кораблик — и без названия, — выразила свою мысль индианка. — Нужно непременно дать ему имя, иначе нас всех ждет верная гибель.

— Г-гибель? — побледнел Кэйтирон. Он, конечно, тысячу раз слышал от бывалых

моряков, что, мол, как яхту назовешь, так она и поплывет. Но никто не говорил ему, что может угрожать безымянной яхте.

— Так как назовем? Развалюха? — предложила Таймири.

— В «Развалюхе» слишком много слогов. Не пойдет, — забраковал Остер Кинн. — Надо что-нибудь покороче...

— Фарнао! — блеснула эрудицией Эдна Тау. На древнем наречии «фарнао» означало «бессмертный».

— Не годится, — отмел Кэйтиайрон. — Нужно что-то родное, своё что-то.

— Царь! Назовите ее царем! — выпалила Таймири. В случае неудачи она решила штурмовать мозг Остера Кинна всеми известными ей словами. Однако не пришлось.

— Лучше — Царь Реки!

— Прекрасный Царь Реки!

Так и окрестили. Чуть позже Остер Кинн, обвязавшись для надежности двумя стропами, выводил малярной кистью красную надпись на боку яхты: ПЦР. Коротко и красиво!

Папирус тем временем корпел над секретным поручением капитана. А поручили ему, ни много ни мало, подготовить новый блокнот с командами (потому что со старым весьма успешно расправился Зюм). Благо, команды Папирус знал наизусть. Кэйтиайрон был предусмотрителен и всегда выкрикивал указания так, чтобы их слышали даже трюмные крысы. Что забудет он, то непременно вспомнят матросы. Однако лишь в Папирусе сочетались образованность и исключительная память. Правда, капитану всё же стоило учесть его склонность к домысливанию. Никто и не заметил, как в перечень основных команд прокрались новые выражения: «Перекур!», «Перекус!» и «На боковую!».

Если пройти пять шагов от заветной бочки Папируса к носовой части, то можно застать Остера Кинна за выманиванием табака у Эдны Тау.

— Ты ведь сказал, что бросил курить! — всплеснула руками та. Она поправила правый мокасин, где всегда хранились высушенные листья растений, и приняла неприступный вид.

— Так это было когда?! И вообще, мало ли, что я сказал. Знаешь ведь, люди меняются...

— Иногда чересчур быстро, — назидательно заметила индианка. — Ну да ладно, кто я такая, чтобы тебя учить? — Она нагнулась к мокасину-аптечной лавке, выудив оттуда темно-зеленый лист табака. — Держи.

Подул холодный порывистый ветер, и Эдна Тау закуталась в своё пестрое пончо.

— А вот и он, второй водопад, — констатировал Остер Кинн. Можно было подумать, что водопад — это всего-навсего старый знакомый, который припозднился на встречу и которого все жаждали.

Когда яхта всеми правдами и неправдами достигла самого опасного на реке места, капитан распорядился спускать паруса и выбираться на сушу. Плыть дальше оказалось невозможно, потому что за излучиной, пенясь и клубясь, ревел водопад. Он, как и предыдущий, низвергался со скалы в реку Стрилл. И массив Лунных гор встал перед путниками непреодолимой стеной. Умный в гору не пойдет? Нет, это не про капитана. Он-то как раз вознамерился восходить по отвесу.

Матросы сновали по палубе с загнанным видом, а среди всей этой толкотни и суеты безмятежно восседал за бочкой Папирус. Он пил кофе и поглядывал на пар из чашки, когда перед ним вдруг материализовался Кэйтиайрон и приказал очистить от хлама трюм. Папирус даже бровью не повел. Ух, как тут вскипел капитан! Сочинив на ходу многоэтажное ругательство, он опрокинул пресловутую бочку и отправился наводить порядок

самостоятельно.

— Раз вы все из себя боны-фанфароны расфуфыренные, без вас справлюсь! — напоследок гаркнул он. — Но как дело до жалованья дойдет, на свою долю можете не рассчитывать!

Взобравшись по гладкой поверхности капитан рассчитывал с помощью специальных ног-прилипал. Располагались они у самого днища, и, чтобы до них добраться, следовало сперва разгрести завалы снастей, ведер и прочих незаменимых вещей.

Таймири следовала к каюте, вжавшись в стену и стараясь никому не мешать. В детстве тетушка Ария рассказывала ей, что глубоко-глубоко под водою живут темно-зеленые скаты. Они плоские, такие плоские, что при желании могут свернуться в трубочку. Вот и Таймири старалась быть плоской, насколько это возможно. Шум на палубе стоял неопиcуемый, так что оглох бы, наверное, любой скат.

Следом за Таймири неслышно крался Зюм, и его определенно не интересовало, отчего на корабле такой переполох. Стоило приотворить скрипучую дверцу — как Зюм шмыгнул внутрь. В каюте ничего не изменилось: примостившись на полу, подле ног Диоксида, Минорис по-прежнему ловила каждое его слово. Сэй-Тэнь — счастливица — спала сном младенца. За нее, судя по всему, уже никто не волновался.

«Тоска зеленая», — подумала Таймири и решила переждать суматоху где-нибудь в другом месте. К примеру, на шезлонге под навесом. Она рассеяннo теребила серебряную цепочку у себя на шее, когда «ПЦР» стал на причал (или, проще говоря, столкнулся с береговой линией). Произошло это столь стремительно, что матросы разом замолкли, а Таймири чуть не повалилась на пол вместе с шезлонгом. Речной берег здесь был крутой и каменистый. И около часа ушло только на то, чтобы выволить яхту из лап стремительного потока.

Остер Кинн на пару с Эдной Тау бойко крутили педали в трюме, понуждая возвращаться черное гусеничное колесо. Благодаря их усилиям яхта потихоньку выползала из реки. А капитан потирал руки: скоро, совсем скоро он очутится на твердой земле!

Одно правило он усвоил твердо: какой бы абсурдной ни была твоя затея, главное вовремя обзавестись бесплатной рабочей силой.

В плечо тетушке Арии уткнулся носик бумажного самолетика. Она вздрогнула и обернулась. Поблизости — никого. Только там, за кучей осколков адуляра, стражник охаживает кнутом очередного бедолагу. На всякий случай тетушка Ария присела. Откуда здесь появился этот самолетик? Кто его бросил?

Она даже представить себе не могла, какое огромное расстояние преодолел простой самолетик оригами! Как несли его ветры на своих могучих крылах, как приветственно шелестели ему сосны массива, как ополчилась на него ворчливая грозовая туча. Послание Таймири долго носилось между небом и землей. Лишь счастливая случайность (а может, и не случайность) привела его по извилистым ходам в глубокую, гулкую пещеру.

Таймири, конечно, невдомек, что жизнь ее любимой тети полна лишений и тревог, и потому племянница пишет о пустяках. В прежние времена тетушка Ария могла бы до слез смеяться над пустяками. Она бы уж точно надорвала животики, слушая, как охотится на рыбу некий Остер Кинн. Как подныривает под пенистые волны и улюлюкает потом на всю округу, если вышел крупный улов. А еще ее наверняка позабавили бы рассуждения Таймири о щенке по кличке Зюм. Одна кличка чего стоит!

Но сейчас времена другие. Не успела она дочитать письмо, как его вырвал надзиратель. Пробежал глазами записку — благо, обратного адреса там не значилось — осклабился и порвал на мелкие клочки. Тетушка Ария задрожала мелкой дрожью.

— Переписка запрещена! — рявкнул стражник. — Работать! Работать, кому сказано! Пока руки-ноги целы... Что у нас полагается за переписку, а? — обратился он к напарнику.

— Хе-хе, — злобно осклабился тот. — У нас за это руки отрубают. Да-а-а. Завтра поутру отрубят.

Они лениво удалились прочь, и Ария в бессилии рухнула на груду голубых камней.

— Камешки вы, камешки... — заплакала она. — Кабы вы могли меня выволить. Кабы ваша матушка-скала меня защитила. Но теперь уже всё кончено.

Таймири наскучило прохлаждаться под навесом, и для разнообразия она решила наведаться в трюм. Однако на лестнице ее чуть не сбил капитан. Вылетел из трюма, как пушечное ядро!

— Вот это стремительность! — подивилась Таймири и, придерживаясь за шаткие перила, спустилась в полумрак. Там, покачиваясь и загадочно мерцая, горели два масляных светильника, да жужжал какой-то механизм.

На огромном и, судя по всему, нечищеном велотренажере вовсю крутили педали Остер Кинн и Эдна Тау.

— Что с капитаном? Вы его обидели? — поинтересовалась у них Таймири.

— Его трудно не обидеть, — отчеканила индианка. Она пропотела насквозь и отдувалась, как кузнечные меха. — А что с ним не так?

— Он какой-то скисший и... — Таймири поискала слово. — Морщин у него много, вот.

— Это оттого, что он постоянно чем-то озабочен, — выдохнул Остер Кинн. — У всех мыслящих людей рано или поздно появляются морщины. Да и не у мыслящих тоже.

— Значит, и у меня появятся? — ахнула та.

— А то ты не знала! — поддразнила ее Эдна Тау. — Оглянуться не успеешь, как превратишься в старушку. Жизнь, как ни крути, быстротечна.

Глаза у Таймири сделались по пятаку.

— Не хочу в старушку! — крикнула она и убежала вверх. Выскочила из трюма, как недавно капитан. А может, и еще проворней.

— Ох, и смешная же она, — покачала головой индианка. — Какие только мысли бродят в ее девичьей головке!

— А какие бродили в твоей лет эдак двадцать назад? — хитро полюбопытствовал Остер Кинн.

Эдна Тау перестала крутить педали и наклонилась к нему.

— Пообещай, что никому не расскажешь.

Тот ударил себя кулаком в грудь:

— Клянусь своей последней змеей!

Тогда индианка нагнулась еще ниже и прошептала:

— Я мечтала добыть зуб вождя. Чтобы научиться метко стрелять из лука и поразить местного обольстителя.

Остер Кинн не удержался и прыснул со смеху.

— Поразить — в смысле прикончить? — уточнил он. — А если не прикончить, то ведь есть же... — хи-хи-хи — есть же куда более доступные средства!

Капитан Кэйтийрон так разорался, что заглушил своим криком шум воды. Матросы во главе с боцманом, кок и даже юнга ходили по струнке и старательно исполняли приказы. Потому что если не старательно — то влетит.

— Приехали! — грохотал капитан. — Разматывайте канаты, да поживее!

Потом он с не меньшим энтузиазмом отправился грохотать в трюм.

— Добро пожаловать на берег! — оглушительно объявил он. У Остера Кинна чуть не лопнули барабанные перепонки. Эдна Тау испробовала на капитане свой знаменитый уничтожающий взгляд (единственное, что ей удавалось лучше, чем стрельба из лука). Не подействовало.

Кэйтийрон схватил швабру и тут же полез вглубь трюма, где зловеще лежали хлопья пыли да шныряли из угла в угол грызуны.

— Сколько грязи, а! — возмутился он и погрозил шмыгнувшей мимо крысе:

— Ух, найду я на вас управу!

Он принялся так нещадно мести пол, что Остер Кинн закашлялся, а Эдна Тау зажала нос. Они выскочили на палубу, взъерошенные и возмущенные. Матросы обходили их стороной и вопросов предпочитали не задавать. Потому как и без того было ясно: капитан снова разбушевался.

А Кэйтийрон в эту минуту преследовал только одну цель — добраться до места, куда встроены ноги-прилипалы, этакie большие красные вантузы, которые могут присасываться к любой наклонной плоскости.

Проснулась Сэй-Тэнь, когда этого никто не ждал. Она окинула каюту затуманенным взглядом — пустота. Острое ощущение одиночества. Через невымытый иллюминатор внутрь пробивался дневной свет.

Спустив ноги на пол, она припомнила свой мутный, изнурительный сон. Сколько он длился? Неделю? Месяц? Год?

— Ну, уж не год, так точно, — рассудила Сэй-Тэнь. — Не может же яхта целый год плавать по одной несчастной реке!

Единственное, чего ей сейчас хотелось — так это поговорить. Неважно с кем, пусть даже с эксцентричным философом.

Но тут в каюту ворвалась Таймири.

На море Эрбий, куда ездят отдыхать все порядочные жители столицы, Сэй-Тэнь много раз видела красных блестящих крабов. Когда краб взбирался на скалу, его ради забавы сталкивали в воду каким-нибудь прутиком. При этом краб щелкал клешнями, дико вращал глазами и, вообще, жутко паниковал.

Таймири сейчас почему-то особенно напоминала эрбийского краба.

— Сэй-Тэнь, скажи, что я не состарюсь! — заламывая руки, воскликнула она. — Неужели это со мной произойдет?!

— Со всеми происходит, — пожала плечами та. — И ты никуда не денешься. А еще ты умрешь.

— Бессердечная! — вскричала Таймири. — Тебе нет дела до чужих страданий! Дрыхнешь круглые сутки!

— Я не дрыхну, — жестко сказала Сэй-Тэнь. — В стране наступил кризис.

— Что? Как ты узнала?

— Больницы переполнены, в магазинах и на складах шаром покати, с образованием — беда, — равнодушно продолжала Сэй-Тэнь. — Спрашиваешь, как я узнала? Телепатически.

Моя Айрин сейчас в палате, ее сбил плайвер. Врачи говорят, город кишит преступниками. Ходят слухи, что Икротауса Великого видели у ворот в городскую тюрьму. Якобы он выпустил на свободу всех заключенных. Но я подозреваю, это дело рук ведьмы.

— Не может быть! — прошептала Таймири. — Неужели всё настолько серьезно?

— Серьезнее не бывает, — подтвердила Сэй-Тэнь. — Пока мы тут с тобой болтаем, страна Лунного камня гибнет. Горожан похищают на улицах прямо среди бела дня. Запихивают в полицейские плайверы — и за решетку. А потом их куда-то переправляют... Знать бы, куда.

Таймири затрясло.

«Хорошо, что мы отгорожены от городов пустошью. Хорошо, что с тыла нас защищают необъятные пространства пустыни. Хорошо, что река глубока и быстротечна, и никому не придет в голову пускаться за нами вдогонку... — У нее защемило сердце: — Тетя!»

— Тебе тоже знакомо чувство, когда близкий человек оторван от тебя и ты ничего не можешь с этим поделать? — как-то странно и отрешенно спросила Сэй-Тэнь.

— Скорее, это мы оторваны, — ответила Таймири. — Отделены сотнями и сотнями километров.

Та ничего не сказала, а только встала с кровати и, шаркая, направилась к двери.

— Она же не нарочно! — вступился за индианку Остер Кинн. — Откуда ей было знать, что Сэй-Тэнь не из племени Бурых Року?!

Кэйтиайрон переводил сердитый взгляд с одной изрядно потрепанной девицы на другую.

— Объясните мне, как?! Как вы, такие кроткие с виду, смогли учинить такой бардак?!..

К тому времени яхта перестала быть яхтой и приобрела черты вездехода; четыре подвижные ноги довольно резво переступали по зыбкому песку. И утес, которому предстояло стать дорогой в небо, приближался с невиданной быстротой. Работа спорилась, пока Остер Кинн с присущей ему непринужденностью очищал от чешуи наловленную рыбу, а «спящая красавица» колдовала над обеденной похлебкой, посыпая ее всяческими приправами. Но когда появилась Эдна Тау, всё перевернулось с ног на голову. Дочь индейского вождя приняла действия Сэй-Тэнь за шаманский обряд, а саму Сэй-Тэнь — за представительницу вражеского племени. Потому и набросилась на бедняжку с кулаками да проклятиями.

Потом они катались по палубе, таская друг друга за волосы (причем Сэй-Тэнь делала это исключительно в целях самообороны). Разнять их удалось только благодаря Остеру Кинну.

Но что самое удивительное, так это похлебка. Несмотря на драку, котел с похлебкой уцелел, и обед не пришлось готовить заново. Кок, которому с утра отчего-то нездоровилось, испытал невероятное облегчение, узнав, что еду сварили за него.

— О, прости, прости меня великодушно! — заламывала руки Эдна Тау. — Как могла я спутать тебя, утонченную натуру, с неуклюжей медведицей Року!

Сэй-Тэнь выглядела помятой, но довольной. Она украдкой взглянула на индианку: та была воплощением раскаяния.

— Я прощаю тебя. Ты сражалась как настоящий воин. И, думаю, медведице Року не поздоровилось бы, свяжись она с тобой.

— В честь примирения предлагаю выпить по чашечке мятного чая, — сразу оживилась индианка и сунула руку в мокасин.

Остер Кинн подозрительно сощурился:

— Слушай, давно хотел спросить, откуда ты берешь все эти листья?

— А зачем тебе? — хитро осведомилась Эдна Тау. Она явно норовила уйти от ответа.

— Но ведь сама прекрасно знаешь. В массиве, как ни изощрайся, мятунку не вырастишь. На камнях-то. Там только сосны уживаются. Так что признавайся.

Индианка закатила глаза к небу. В детстве ее отучили врать — за вранье шаман стриг девочек налысо.

— Мы их выращиваем, — наконец выдавила она.

— Выращиваете? — не поверил Остер Кинн.

— Рядом с мастерской счастья Лисса есть обширные угодья, и мы, племя Знойной Зари, издавна возделываем там клочок плодородной земли.

— Вот так-так! — присвистнул путешественник. — И почему ты раньше-то молчала?!

— Значит, и в магазинах у нас продукты из мастерской? — встряла Минорис, которая примчалась сразу же, как почуяла похлебку.

— Так и есть, — подтвердила индианка. — Но большая часть — поставки из-за океана.

Капитан Кэйтирон тронул Остера Кинна за локоть и лаконично заметил, что пора бы уже отобедать. На звон большого трапезного колокола сбежалась вся команда: и взмыленные матросы, и не менее взмыленный боцман-пересмешник, и даже Папирус, на которого накатило вдохновение и который, по идее, должен был прилипнуть к своей бочке, как клейкая лента.

Не явился только Диоксид. Таймири сказала, у него мигрень и хандра.

— Правильно, — отозвалась Сэй-Тэнь. — Пусть себе хандрит. Главное, чтоб мне на глаза не попадался.

— И отчего ж ты его так невзлюбила? — подивилась Минорис. — Он ведь никому не сделал зла.

— Личная неприязнь, — сухо пояснила та.

— Может, он сейчас как раз обмозговывает, какую бы учинить пакость, — хихикнул Остер Кинн.

— По себе судите, да? — вскинулась на него Минорис. — Философы так не поступают! У них есть честь. И благородство!

Разгорячившись, она нечаянно опрокинула тарелку с похлебкой. И, после того как Остер Кинн заключил, что у него ни чести, ни благородства нету, выбежала из камбуза в слезах.

— И всё-таки за едой нужно думать о еде, — изрекла Эдна Тау. — Золотое правило индейца.

— Золотая твоя головушка! — сказал Остер Кинн и любовно потрепал ее по щеке. Сэй-Тэнь машинально пригладила волосы.

Взвзвизгивавший невесть откуда Зюм проявил расторопность и начисто вылизал пол там, где разлилась похлебка. Его мог бы похвалить любой чистоплюй.

Щенка хватились на следующий день, когда капитан распорядился поднять легкий плайвер Таймири на крышу каюты. Все, даже самые непонятливые, уже догадались, что Кэйтирон собрался перевалить через горы в самом непроходимом месте.

— А где же твоя лодка, Эдна Тау? — спросил Остер Кинн.

— Я отвязала ее еще на реке. На суше каноэ было бы дополнительным балластом.

А плайвер так и волочился по песку до конца похода к горам. Из полированного он

превратился в пыльный и поцарапанный — больно было смотреть.

Зюм опять сбежал. Таймири рассудила, что раз уж он дух гор, то, стало быть, отправился к своим собратьям и впитался, подобно аморфной субстанции, в породу адуляра. Благо, в ее рассуждения никому вникать не пришлось.

Пока плайвер водружали на яхту, ей никак не давала покоя одна смутная мысль. Эта мысль ускользала, как только Таймири пыталась на ней сосредоточиться. Но вот мыслишку наконец удалось поймать за хвост: «Записки отшельника»! Вдруг их постигла та же участь, что и блокнот капитана? Вдруг Зюм и до библиотечной книги добрался?

Таймири бросилась к машине со всех ног, расталкивая на бегу зазевавшихся матросов. Кое-как вскарабкалась на крышу и, перекувырнувшись, очутилась в плайвере, где в бесформенной куче валялись ее вещи.

Вот они, «записки», невредимы! Теперь уж лучше пусть лежат в каюте. Там за ними присмотрит философ. Уж он-то знает цену книгам.

10. О ливнях и вершинах

«Хлоп-флип! Хлоп-флип!» — всхлипывали «ноги-прилипалы». Тяжек был для них труд восхождения в гору. Минорис отважно стояла на носу корабля и смотрела вниз: от высоты захватывало дух. Но стоило возвести глаза — и ты оказывался лицом к лицу с многовековой гладью утеса.

— Вам меня не одурачить! — как бы сквозь пелену расслышала Минорис. — Думаете меня провести, проникнуть в мои пещеры и завладеть моими сокровищами? Не выйдет! Едва вы достигнете вершины, всесокрушающий ветер свергнет вас в бездну!

Минорис с опаской глянула на реюющие флаги и подрагивающие на ветру приспущенные паруса. Действительно, если на яхту обрушится шквал, на скале ей не удержаться. Надо срочно предупредить капитана!

Но капитан предостережению не внял.

— Не хватало еще, чтобы всякие молокососы учили меня, как следует жить! — вспылил он.

Минорис сникла. И правда, кто она такая, чтобы лезть со своими советами к искушенному человеку.

Распахнув дверь каюты, Диоксид не поверил своим глазам: над яхтой угрожающе нависала затвердевшая гигантская волна. Он понятия не имел, что это за диво, но на всякий случай решил записать. Вдруг в ученых кругах его заметку сочтут открытием века? А волна была не чем иным, как высоким утесом, с которого начиналась горная цепь.

Изнутри массив Лунных гор полый. То есть, на самом деле это не такой уж и массив, и по строению он далеко не однородный. Этаким коренной зуб без пломбы. Индейцы зовут его родиной рек. И, надо сказать, неспроста. Потому что донце «коренного зуба» просто кишит этими самыми реками — бурлящими, свободолюбивыми и никем не укрощенными.

Яхта ползла по склону с размеренным чавканьем — ну, точь-в-точь как чавкает изголодавшийся Остер Кинн. Слева по борту отдаленно гудел водопад. Прислушиваясь к гулу, Сэй-Тэнь и Эдна Тау держались за руки. После недавней схватки они очень сдружились и открыли друг в друге много общего.

— Что дернуло меня навязаться вам в попутчики? — гадала Эдна Тау. — Плыла бы сейчас себе спокойно, пела бы песенки да выдергивала рыбу из воды...

— А по-моему, рыбачить совсем не весело, — возражала Сэй-Тэнь. — К тому же, ты могла задремать от собственных песенок.

— Случалось пару раз, — усмехнулась та. — Помнится, старая Овдорна меня еще и бранила. Нет, положительно, я бы много потеряла, если б не повстречался мне Остер Кинн. Ведь это он меня на яхту пригласил.

— И правильно сделал, — заметила Сэй-Тэнь. — Здравомыслящий человек нам не помешает. На нашего капитана положиться нельзя, а уж на матросов и подавно.

Эдна Тау с сомнением посмотрела на чмокающие у форштевня красные присоски.

— Интересно, могут они шибче? Или только так, по-улиточьи? Вершины что-то пока не видать.

Сэй-Тэнь задрала голову — макушка утеса дремала в облаках и сизовой дымке. И дымка эта окутывала скалу подобно легчайшему шелку. Точно вестник грозной бури, налетел хлесткий, шквалистый ветер. Он взъерошил волосы Сэй-Тэнь, которые за время

путешествия несколько отросли. В вышине прогрехотало.

— Вот ведь напасть! — воскликнула Эдна Тау. — Эдак нас сдует, как соринку! Придется убирать мачты.

— Куда же их убирать? — изумилась Сэй-Тэнь.

— Капитан знает, куда. В трюме полно свободного места. А мачты наверняка складные. На этой яхте всё не как у людей.

Капитан нервно попивал в рубке кофе и без толку гипнотизировал свой блокнот, когда к нему ворвалась индианка. За нею, бледная и дрожащая, следовала Сэй-Тэнь.

— Негоже с расправленными крылышками на ветру красоваться. Того и гляди, снесет! — сказала Эдна Тау с порога.

— Предоставьте мне самому решать, когда и что негоже! — огрызнулся Кэйтирон. — Или кто я, по-вашему, безмозглая кукла?!

— Но вы посмотрите, какой ветер! Еще пара баллов — и мачты переломятся, как былинки!

— Ерунда! — гаркнул тот. — Возвращайтесь в каюту. И чтобы никакого паникерства!

Эдна Тау пребывала в столь сильном раздражении, что даже старая Овдорна (не то, что вождь!) предпочла бы с нею не связываться.

— Надо было наброситься на него, скрутить — и в трюм. Я могла бы отлично его заменить, — высказалась она и от негодования поджала губы.

— Но теперь нам лучше самим спрятаться в трюме. Каюты слишком тесны, а буря вот-вот налетит, — примирительно сказала Сэй-Тэнь. Тут небо озарилось фиолетовой вспышкой, лопнуло, как сотня рвущихся снарядов, — и захлестал густой, тяжелый дождь.

— Аи-аи-у-у-у! — взвыла индианка. Кто их знает, зачем они воют? Если для того, чтобы призвать на помощь высшие силы, то напрасно стараются. Высшим силам такие завывания не по нутру.

Не успела Сэй-Тэнь опомниться, как очутилась в полутьме. С грохотом захлопнулась железная крышка люка. Они умудрились вымокнуть с головы до пят.

— Дико боюсь грозы, — призналась Эдна Тау. Это была, пожалуй, единственная ее слабость.

По всему трюму распространился стойкий запах рома, и какое-то привидение жутковато постанывало за большим кованым сундуком. Судя по тому, как решительно Эдна Тау двинулась к сундуку, с привидениями она была на короткой ноге. Но оказалось, что постанывал не кто иной, как Папирус. Он вдребезги расколошматил стеклянный графин, опустошил бочку с ромом, и теперь ром булькал у него в животе. Сам же Папирус был похож на потревоженного ленивца и бестолково водил перед собой руками. Его за шиворот извлекли из-за сундука, поставили на ноги (у Эдны Тау это получалось мастерски) и глянули на него отрезвляющим взглядом.

— А-а-а! Вот и вы! — нечленораздельно произнес Папирус. — Не хотите ли... бульк!.. капельку рома?

Сэй-Тэнь подалась назад, а индианка с отвращением отпустила «бортового писаку», и тот повалился на сундук.

— Три слона и черепаха окочурились от страха! Пошатнулся шар земной! Я напился, ой-ой-ой! — вдруг обалдело пропел Папирус.

— То-то и видно, что ты напился, — сказала Эдна Тау. — Эх, не оставлять же тебя в таком состоянии!

— А по-моему, он еще хоть куда, — неуверенно заметила Сэй-Тэнь.

— Да он же пьян в стельку! — воскликнула индианка. — А ну, подсоби-ка мне...

В этот момент Папирус как-то подозрительно икнул, откинулся назад, и голова его свесилась, словно у марионетки.

Они вдвоем с горем пополам дотащили бедолагу до каюты, несмотря на проливной дождь и частые вспышки молний.

— Одно слово, мешок с костями, — прокряхтела Эдна Тау, сгрузив «бортового писаку» на кровать к Таймири. Та подскочила, словно ей нанесли глубокое оскорбление.

— Его — ко мне?!

— А куда ж еще-то?

— Он мне всё одеяло вымочил! И то, что под одеялом, тоже. Где я теперь буду спать?!

— Сейчас о других вещах думать нужно, — возразила Сэй-Тэнь. — Нам бы Папируса и чувство привести.

— Н-не надо в чувство! — пролопотал тот. — Мне и т-так хорошо. Только чарочку рому, если не воз-зра-жаете...

— Ты его весь выхлебал, — скрестила руки Эдна Тау. — Лучше лежи и не рыпайся.

Позднее он признался, что сочетание качки и высоты вызывает у него панический ужас. От качки ему становится дурно, а при виде стремительно отдаляющейся земли хочется прыгнуть вниз. Поэтому всякий раз, как капитан экспериментирует со своей яхтой, он идет в трюм и напивается до чертиков.

— А что, восхождения и раньше бывали? — спросила Сэй-Тэнь.

— Бывали, бывали, — подтвердил тот. — Правда, с помощью других механизмов и не так высоко. Чувствую, последнее восхождение дорого нам обойдется.

— Как бы дорого ни обошлось, хвалить тебя не за что, — подал голос философ. — Каждый из нас чего-то боится. Но кто-то преодолевает свои страхи, а кто-то идет у них на поводу. Кто-то борется, а кто-то с позором отступает. Твое пристрастие к рому и есть позор. Борись, пока еще не слишком поздно.

— Буду, — пообещал Папирус, у которого только-только перестало двоиться в глазах. — Мне бы на пару слов к капитану...

Он хотел было выйти на палубу, но в этот самый момент яхту хорошенько тряхнуло, и Папирус потерял равновесие. Минорис вцепилась в кресельный подлокотник, а Диоксид измученно улыбнулся. Никто так и не понял, что значила его улыбка.

— Это что, землетрясение? — сипло спросила Минорис.

— Какое землетрясение?! Под нами же нет земли! — сказала Сэй-Тэнь.

— Значит, ветер, — заключила Таймири. — И мы умрем, не успев даже состариться.

Диоксид выразительно кашлянул, Сэй-Тэнь скорчила ей гримасу, а Эдна Тау одарила одним из своих многочисленных разящих взглядов.

У самой вершины яхте пришлось затормозить. Ее мотало из стороны в сторону, но она упрямо держалась за скалу всеми своими присосками. Сперва всеми, а потом они, друг за дружкой, стали отрываться с оглушительным чавканьем. Гроза к тому времени утихла, и только дождь продолжал самозабвенно драить палубу. Вдруг снаружи что-то хрустнуло, переломилось и со всего размаху ударилось о крышу каюты. Минорис и Таймири с перепугу завизжали. Философ зажмурился, а Папирус заполз под койку.

Виной неожиданному удару был ветер, а еще — чересчур большое самомнение капитана. Полный непобедимой уверенности в себе, он таки дождался жатвы. Первой

скосили мачту с укрепленным на ней парусом, и Кэйтийрону пришлось видеть это собственными глазами. Он потерянно взирал на обломки некогда величественной мачты, на обрывки парусины и являл собой такое печальное зрелище, что растрогался даже непроницаемый Остер Кинн.

— Только не вздумайте тут убиваться, — предупредил он капитана. — Нарубим в массиве сосен и выстрогаем вам новую мачту. А ткань возьмем у индейцев.

— Да как же не убиваться?! — вскричал капитан. — Ведь это был мой любимый парус! И мачта тоже любимая. Они погибли во цвете лет, и других таких мне не достать!

Он с удовольствием выдрал бы у себя из головы пару клочьев волос, если б они у него росли. Но ни для кого не секрет, что иногда люди носят фуражку не столько по долгу службы, сколько затем, чтобы скрыть лысину.

Итак, парус был безвозвратно утерян. А капитан — убит горем. Ну, или почти убит. Сколько ни свистел ветер в ушах Кэйтийрона, сколько ни завывал, никак не мог подвигнуть его на решительные действия. А ведь оставалась еще и вторая, не менее ценная фок-мачта.

Капитан призвал на помощь всё свое самообладание: «Соберись, тряпка! Будь мужественным!»

В небе зарождалось что-то черное и злое, поэтому он поспешил сложить фок-мачту и спрятать ее в надежное укрытие. А плайвер, который непрочно укрепили на крыше каюты, покачался-покачался да, не выдержав натиска бури, полетел в пропасть. Он горестно звенел, ударяясь о скалы, но никто даже не обратил на это внимания.

Тряска на яхте не прекращалась, а над головами не успевших спрятаться матросов с невероятной быстротой мчались тучи. Одним словом, вершина. Тем, кто жаждет ее достичь, порой приходится очень несладко. Пока ты топчешься в начале пути, не поздно отказаться. Но, если уж полез в гору, держись до последнего. Иначе свалишься и переломаешь себе все кости (а может статься, что и не только себе).

Судя по всему, ветер (или злодейский ветрюга, как прозвала его Минорис) возомнил себя боксером. В качестве боксерской груши он выбрал яхту Кэйтийрона — в кои-то веки повеселится!

«Ну, давай! Еще чуть-чуть!» — переживала Таймири, прилипнув к иллюминатору. На вершине-то, уж конечно, настанет тишь да благодать.

При очередном толчке она очутилась на полу каюты, а философ, восседавший на груде одеял и подушек, обнаружил себя барахтающимся с нею рядом. Им обоим следовало бы сейчас вжаться в какую-нибудь горизонтальную плоскость и молиться, чтобы яхта не сорвалась в пропасть. Но они пренебрегли правилами безопасности и заработали себе синяков. Охая, Диоксид вновь забрался на свой пьедестал. А Таймири потирала ушибленное бедро ровно до тех пор, пока ей не вздумалось совершить вылазку на палубу.

— Глупая! Куда полезла?! — завопила Эдна Тау, не осмеливаясь отнять руку от ввинченной в пол кроватной ножки. Но та уже выскочила из каюты. А незакрытая дверь так и осталась болтаться на петлях.

— Ну же! Тяни! — кричал Кэйтийрон. — Мы не должны врезаться в эту скалу!

Остер Кинн сейчас был на вес золота, потому что brave матросы схоронились в таких убежищах, о существовании которых капитан даже не подозревал. Таймири посчитала, что может быть полезной, и бросилась по шаткой палубе к носу. Но в это время сломался бушприт, и капитан взвыл от горя.

— Ну вот, еще одна потеря! Что станет с моим детищем?!

Остер Кинн выпрямился по стойке смирно (как ему вообще это удалось при такой-то качке?!).

— Будьте спокойны, командир! Сделаю, что смогу!

«Некоторым лишь бы только выпендриваться», — подумала Таймири и, пригибаясь, чтобы чем-нибудь не зашибло, поспешила на помощь.

Остер Кинн счел ее нежелательной помехой. С тех пор как разыгралась буря, полномочий у бессменного вахтенного заметно прибавилось, и теперь он мог командовать не только экипажем, но и пассажирами.

— Вот что, послушай-ка, — отечески начал он, приобняв ее за плечи, — давай, ты вернешься в каюту и не будешь доставлять нам неудобств.

Таймири отпрянула и собралась бросить ему в лицо, что он напыщенный индюк. Но в тот же миг их накрыло густым туманом. Дышать в этом тумане можно было только в четверть дыхания, а видеть... Лично Остер Кинн не видел ничегошеньки. Яхта вошла в зону облаков, где время от времени проскакивали шустрые молнии, и наши герои попали в настоящую сауну. Пот капал с волос и стекал за воротник. Таймири пыталась крикнуть, но вместо слов из горла вырывался придушенный хрип. Она здорово наглоталась облачной взвеси, прежде чем Остер Кинн соизволил чихнуть. Когда он чихнул, яхта в одно мгновение поднялась над тучами. Колдовство, не иначе.

— От этих молний в носу становится ужасно щекотно, — ухмыляясь, сказал путешественник. Он огляделся и решил, что попал в рай. Тепло, светло... «и никаких гвоздей», как говаривал его папаша.

Пока яхта мариновалась в тумане, Таймири успела отдалиться от Остера Кинна на почтительное расстояние, поэтому вначале ему показалось, что в рай вступил лишь только он один. Однако и капитан, и его суденышко вместе с пассажирами удостоились чести войти в чудесную обитель света. Они покорили этот утес.

Матросы повысовывались из своих убежищ и дружно зааплодировали.

— Хвала капитану!

— Хвала Остеру Кинну! — во всю глотку вопили они.

От радости Кэйтирон начисто позабыл слова, которые намеревался адресовать нерадивой команде. «Стыдитесь! — хотел сказать он. — Вы покинули меня в такой ответственный момент!»

Но для упреков всегда найдется время.

Из каюты несмело выглянули остальные. Сэй-Тэнь первым делом посмотрела, что делается за бортом. Люди ликовали, некоторые даже пустились в пляс. А под их ногами клубился белый океан.

— Рано радуетесь, — пробормотал Диоксид. — Нам ведь еще спускаться...

Если бы рядом с ним очутилась Минорис, то непременно бы заявила, что радоваться никогда не рано. Радость — это такое человеческое свойство, которое позволяет держаться на плаву даже в самую свирепую бурю.

Но как только Минорис сделалась ученицей философа, на нее сразу же посыпались задания. Выяснилось, что под необъятной хламидой Диоксид неизменно таскал с собой связку трактатов и сочинений древних стоиков. Минорис готова была этих стоиков возненавидеть, а трактаты — порвать на мелкие клочки. Как Зюм — капитанский блокнот. Потому что карабкаться по лестнице знаний оказалось ужасно скучно.

Каждый день ей задавали отзыв на трактат какого-нибудь Ангориуса-Мелиседота-Кирфа, и каждый день она изводила половину чернильного пузырька, строча на пергаменте до самой зари.

Она очень жалела, что нет под боком щенка, которого можно потрепать по ушам и который способен запросто превратить свитки философа в одну сплошную гору мусора.

— Эй, смотрите там, — крикнул Кэйтирон с капитанского мостика, — сильно не пляшите, а то палубу проломите! И не кучкуйтесь! Знаю я вас. Только повод дай — опять наклюкаетесь. А потом драки! И останутся от моей команды рожки да ножки. А мы, как развиднеется, начинаем спуск в котловину! — предупредил он.

Матросы после его слов заметно приуныли. Даже пенящиеся чарки отставили. Только самый беспечный из всех опрокинул пиво себе в плотку и громко рыгнул в полнейшей тишине. Эдне Тау, которая стояла тут же, неподалеку, надоело метать разгневанные взгляды, и она попросту огрела пьянчугу попавшимся под руку веслом.

Никому не нравится спускаться с небес на землю. Но что поделаешь? Такова жизнь. И земля тоже такова. Где есть подъем — там непременно будет и спуск. А если всё время вверх да вверх, то это уже не плоскость — гора получается. Огромная, бесконечная гора.

Утро точно окунули в безмолвие. Пелена туч рассеялась, и ландшафт внизу покрывала лишь тонкая, невесомая вуаль. С вершины открывался изумительный вид, и захваченная этим великолепием Таймири только и могла, что восторженно глядеть в даль. Сколь мелочны и ничтожны были ее заботы о собственном благополучии! Что такое сиюминутное удобство в сравнении с таинственной, непредсказуемой неизвестностью? Иногда нужно чего-нибудь лишаться, терпеть крушения, чтобы, когда выбросит тебя на берег свежей волной, по-новому вдохнуть воздух и острее ощутить жизнь.

На вершине Таймири вдруг поняла, что человек и природа — едины. Они неотделимы друг от друга, как дерево неотделимо от земли. Как дерево... от земли. Что-то случилось со страной Лунного камня, отчего люди, точно сосны массива, вместо питательной почвы избрали для себя почву скудную и затверделую. Если как следует не укоренишься в ней, неминуемо завянешь.

Пальцы Таймири с силой сомкнулись на поручнях ограждения, и захотелось вдруг впитать горный воздух каждой клеточкой тела, вобрать в себя краски этого погожего утра... И подумалось ей: «Если бы люди могли вот так, каждый день, восходить на гору и устремлять свои мысли к свету, в мире наверняка стало бы меньше зла».

— А я утверждаю, что это безумие! — прорезал тишину чей-то бас. — Механизмы держатся на соплях! Мы не можем рисковать!

— Ты мне поговори, поговори, — угрожающе прозвучал голос капитана. — Не ты ли тут главный инженер? Уж починить «ноги-прилипалы» ты в состоянии!

Тишина настойчиво вытолкала спорщиков из своих владений и вновь разлеглась ленивой барышней. Правда, ненадолго.

— Угодим мы в мухоловку, а крышечка-то за нами и захлопнется, — предостерегающе прогнусавил кто-то.

— Нет уж, брат. Меня такими рассказами не застрашаешь, — зычно отвечал невидимый матрос. — Капитан знает, что делает. Я, пожалуй, вздремну часок и пойду к нему за указаниями.

— Да ты послушай, послушай! — не унимался тот. — Проглотит нас голубая яма. Как пить дать, проглотит! И это вовсе не рассказы. Мой друг бывал здесь три года назад. До сих

пор не вернулся...

Странная беседа затихла в отдалении, и Таймири вдруг поняла, что совсем еще не готова к такому опасному приключению. Массив просыпался. Да, именно просыпался. Он уже не казался столь безжизненным, как прежде. Что-то в нем настораживало.

В зеркально-гладких склонах гор отражалась заря, а пики возвышались над пропастью причудливыми загогулинами, похожими на застывшие восковые капли. Эти «капли» венчали уродливую корону массива, которая поначалу так восхищала взор. Кто или что обитает в черных провалах? И нужно ли вообще туда спускаться?

Таймири нащупала в сумке «Записки отшельника» и сжала книгу в руке. Пусть на дне массива их поджидают какие угодно неприятности, «записки» всё равно попадут в библиотеку. Не подводить же Вестницу Весны!

Тут она вспомнила о талисмане — и страхов как не бывало. Ведь в горах, кроме ужасных монстров, наверняка таится адуляр небывалой красоты. Таймири заполучит его, во что бы то ни стало.

11. О безумствах и растерзанных подушках

Поглаживая седую бороду и щуря глаза, философ сосредоточенно проверял задание Минорис. Та выглядела подавленной и несчастной. Она уже давно поняла: от Диоксида поблажек не дождешься.

— Твои суждения поверхностны и категоричны, — вынес приговор мудрец. — А уму недостает гибкости.

— Я всегда это знала, — буркнула Минорис. — Интересно, как бы выглядел мозг-акробат или мозг-гимнаст...

— Постарайся относиться к учебе серьезнее, — кротко посоветовал Диоксид.

— Да куда уж серьезнее-то? Я и так днями напролет ваши свитки читаю. Надоело! Если ни на что не гожусь, прямо и скажите, — надулась та. — Сколько камень ни поливай, всё равно не прорастет.

— Видно, пора тебе отдохнуть, — устало проговорил философ. — А я, пожалуй, пойду, воздухом подышу.

Переубеждать ученицу он не спешил. Пусть поразмышляет да решит, способен ли прорасти ее камень. Усилием воли из любого, даже самого безнадежного камешка можно вырастить могучее дерево.

Когда Минорис осталась одна, ей страшно захотелось что-нибудь порвать. Или порезать. Она сползла с кровати, стащила вниз подушку и принялась нещадно колотить ею об пол. Ах, какое блаженство! Вскоре у подушки разошелся шов, и из нее посыпались перья.

— Почему... если... я... расстраиваюсь.... меня... никто... даже... не пожалеет?! — с придыханием на каждом слове допытывалась Минорис у деревянного пола. Потом это занятие ее утомило. Она встала с колен и потрясла истерзанную подушку.

— Интересно, откуда берутся перья? На каких фабриках их производят?

Птицу она видела всего один-единственный раз — в пустыне, на плече у Вестницы Весны. Но ей и в голову бы не пришло, что оперение этих диковинных созданий служат набивкой для такой тривиальной вещи, как подушка.

В стране Лунного камня с птицами всегда было туго. Они словно вымерли. Или вымерли, или насовсем улетели за океан. Но чудное дело: сколько ни бились местные селекционеры над разведением птенцов, те упорно не желали вылупляться. Как сговорились!

В общем, Минорис с полным основанием могла бы считать себя везучей. Однако здесь Таймири ее переплюнула. Она видела птицу не один, а целых два раза! Можно сказать, родилась под счастливой звездой.

Однажды, когда тринадцатилетняя Таймири возвращалась из школы (с неудом по поведению и тяжеленным портфелем за плечами), к ней подлетела юркая пташка. И в клюве у этой пташки что-то блеснуло. Оказалось — серебряное кольцо с пятью голубыми бриллиантами. Оно послушно скатилось на ладошку девочки, а пернатый упорхнул прочь.

Чудо-колечко Таймири хранила как зеницу ока — никому не показывала. Вдруг отберут? Сперва носила его на цепочке, а как повзрослела — стала надевать на указательный палец, тем более что пришлось оно в самую пору. Тетушка Ария поначалу допытывалась: кто подарил, откуда взяла? Возмущалась, что племянница щеголяет такой драгоценностью. Но Таймири держалась стойко. Кольцо — это знак, а знакам не место в запыленных уголках да забытых шкафчиках.

Сейчас она стояла на палубе и любовалась отсверками бриллиантов в серебряной оправе. И не тревожили ее ни страхи, ни сомнения. Чтобы воспрянуть духом, достаточно было просто взглянуть на пять голубых лепестков. Потому что в них отражалось небо. Или, лучше сказать, они сами были клочком небес.

— Распогодилось, да? — послышался голосок Минорис.

— Не то слово, распогодилось! — отозвалась Таймири.

— Остер Кинн говорит, в горах всегда так.

— А ты чего словно кислых арнелей наглоталась? Обидел тебя кто?

— Да не обидел. Я сама... — всхлипнула Минорис. — Не хочу больше учиться. До того мучительно!

— Смотри, огорчишь старика, а он после этого возьмет и сляжет, — резонно заметила Таймири.

— Если не сляжет он, слягу я, — с мрачным видом пообещала Минорис. — У всех приключение как приключение, а у меня — сплошное мучение. Я тоже имею право на приключения!

— Имеешь, — подтвердила Таймири. — Но только потом не жалуйся. Потому что, чувствую, достанется нам изрядно...

Кэйтирону отчего-то взбрело в голову сделать осмотр яхты.

— Осмотрим, — сказал он Остеру Кинну, — сверху донизу. Где надо, почистим. Где надо, вымоем. Не спускаться же грязными в массив!

— И то верно, — неохотно кивнул вахтенный. Он терпеть не мог уборку, зато беспорядок был ему и друг, и товарищ, и брат.

Покончив с трюмом да погоняв матросов по палубе, они добрались до пассажирской каюты. Вот уж где бардак, так бардак, надеялся Остер Кинн.

Кэйтирон приотворил сварливо скрипнувшую дверцу и отшатнулся.

— Да тут, не иначе, буря с вихрем промчались!

Весь пол в каюте был усеян перьями, а по центру живописно распласталась белая наволочка.

— Экое безобразие, — вздохнул капитан. — Чужую собственность на клочки!

— Возьмете с них штраф? — полюбопытствовал Остер Кинн.

— Да какой там штраф! У них, небось, ни гроша в кармане. Думаю, выговора вполне хватит.

— У-у-у! Выговор, — протянул тот. — Так и обнаглеть недолго. Попомните моё слово: однажды от всего на яхте, в том числе и от ваших парусов, останутся лишь лоскутки.

— Тоже мне прорицатель, — буркнул капитан. — Бери, давай, щетку — да за дело. И подушку чтоб зашил!

Яхта-трансформер потопталась на своих «курьих ножках», неуклюже повернулась на сто восемьдесят градусов и стала спускаться в Малый котел, где на дне синело чистейшее горное озеро. Его диаметр сложно было определить наверняка, но даже на высоте в полкилометра оно представлялось необъятным.

— Ого! Вот так лужа! — воскликнула Таймири и с риском для жизни перегнулась через леера.

— О горных озерах непочтительно отзываться — на себя проклятие навлекать, — авторитетно высказалась Эдна Тау. Она набила трубку толченой корой и смачно затянулась. — Озёра наглецов не любят.

— Ага, а еще они жутко мстительные, — поддразнила ее та.

— Бывает, — бесстрастно подтвердила индианка. — Озеро может легко проглотить обидчика. Старая Овдорна говорит, «горные очи» бездонны.

— О, вы столько всего знаете! — встряла восхищенная Минорис. — Вы, наверное, много где побывали.

— Иногда, — глубокомысленно произнесла Эдна Тау, — можно объехать весь мир, а ничего не увидеть и ни о чем не узнать.

Новость, что капитан собрался наводить порядок, разнеслась по яхте с быстротою молнии. И когда запыхавшийся Папирус сообщил эту новость Минорис, та опрометью припустила к каюте. Перья! За перья Кэйтирон ее убьет.

Она просунула нос в дверную щелку — да так и обомлела: по каюте, мурлыча под нос странную песенку, ползал на карачках Остер Кинн. А песенка у него была, ни дать ни взять, пиратская: «Кто же следующим пойдет на эшафот? Э-эх! Кому голову отрубят, кто ее сам принесет. А зачем глупцам голова? Если в ней пустые мыслишки — на устах пустые слова».

Он удостоил Минорис одним-единственным взглядом, после чего столь же невозмутимо продолжил уборку.

— Знаешь, — вкрадчиво сказал он, — а ведь капитан может уподобиться тебе и учинить расправу над тобой, как ты — над этой бедной подушкой.

— Я... я не хотела, — промямлила Минорис. — Меня философ довел. Вернее, его несносная философия.

— Все мы горазды спихивать на других. Но капитан разбираться не станет.

— И что же теперь будет? — с содроганием спросила она.

— Да что угодно. Поэтому трепещи и бойся. Но, вообще-то говоря, — издевательски протянул Остер Кинн, — вполне может статься, что капитана отвлечет куда более значительное происшествие...

Какой-то пьяненький чудаковатый, нагнувшись вниз, увидел воду. И рассудил, что для стоянки неплохо якорь опустить. Он размотал железный трос, напряг свои стальные мышцы, и якорь полетел со свистом, таща корабль за собой. Да, наш матрос не рассчитал, ведь пьяным море по колено...

Никто не успел ничего толком сообразить, как половина экипажа очутилась в озере. Яхта бултыхнулась ровненько в центр «горного ока», и ее тотчас начало сносить течением.

— Пойдите-ка, течение — в озере?! — опешил капитан, которому здорово досталось от подвесного шкафчика. Выскочив из рубки, он обвел взглядом сперва ту половину команды, которая удержалась на борту. После чего переключился на пострадавших. Эдна Тау уже бросала им спасательные круги и кричала ободряющие слова. Кэйтирон недобро на нее покосился. Он полагал, что ободряющих слов было бы вполне достаточно.

— Не ушиблась? — поинтересовался у Минорис Остер Кинн.

— Слезьте с меня, — прокряхтела та. — Никакой совести у людей! Сначала придавят, а потом еще спрашивают, не ушиблась ли я.

Она возмущенно высвободила ноги из-под живота Остера Кинна и уставилась на него, как на кровного врага.

— Таковы уж нерукописные законы: всё в этом мире притягивается, — извинительно улыбнулся путешественник. — Считай, тебе повезло. Капитан, могу поручиться, занят теперь спасением утопающих, и инцидент с перьями успешно забыт.

Когда яхта ухнула вниз, Таймири крепко вцепилась в поручни и не отпускала вплоть до

злосчастливого приводнения. Крику было немерено. Грохота тоже. И брызг. Таймири частенько слыхала от тетушки, что в горных озерах обитают чудища. У них — рассказывала тетушка в свете ночника — острые зубищи, огромные лапы и красные уродливые щупальца. Они, то есть чудища, с удовольствием съедят всякого, кто решит искупаться в озере. И косточками не побрезгуют. Бессовестно, вообще-то, с ее стороны, было пугать племянницу перед сном.

Швырнув утопающим последний спасательный круг, Эдна Тау с радостным улюлюканьем прыгнула в воду прямо в мокалинах. Только теперь Таймири увидела, что внизу барахтаются Папирус и Сэй-Тэнь. Сэй-Тэнь! От такого холода она окоченеет в два счета!

Таймири ничего не оставалось, кроме как последовать за индианкой. Холод в озере сковывал мгновенно. Он набрасывался на тебя, как ополоумевшая швея, и наматывал, наматывал на свое адское веретено тугие сухожилия. Казалось, вот-вот лопнут.

— Ха! Присоединяйся! — залихватски крикнула Сэй-Тэнь. — Водичка в самый раз. Освежает.

Индианка поманила Таймири пальцем, но у той уже стало сводить конечности, а зубы принялись выбивать барабанную дробь.

— К-как вы в таком холоде... — недоговорила она.

— Мы с Эдной Тау закаленные. Правда, Эдна?

— Жировая смазка сохраняет тепло, — поделилась секретом краснокожая.

Таймири взяла досада. Выходит, напрасно она геройствовала и жертвовала своим покоем.

Гораздо раньше индианка рассказала о буром жире предприимчивой Сэй-Тэнь. И подруги, недолго думая, решили испробовать его на себе. Они обмазались жиром из фляжки с ног до головы. Кожа их сделалась глянцевой, а волосы залоснились...

Папирусу перепал спасательный круг, и он поплыл к яхте. А Таймири стала жертвой переохлаждения.

...Ее укрыли пледом. Было тепло и даже жарко. В висках стучала кровь, а глаза, стоило их приоткрыть, невыносимо болели.

— Дайте же ей наконец чаю! — сказал кто-то. Заботливые руки подоткнули под нее одеяло и прикоснулись к щекам.

У изголовья, на табурете, сидела Минорис. Она то и дело меняла компресс и проверяла температуру на старом, поцарапанном градуснике.

— Угораздило же тебя так простудиться! — сочувственно проговорила она.

— А тетя ведь предупреждала... Коварна вода в горах, — пробормотала Таймири. Сделав над собой усилие, она приподнялась на кровати. Принесли жаропонижающее, и в роли доброго доктора выступал сам капитан.

— Вот. Чтобы выпила до дна, — буркнул он. Нет, ему куда больше подошла бы роль злого доктора.

Когда удалился Кэйтирон, в каюту юркнула Эдна Тау.

— Меня не должны здесь видеть, — коротко шепнула она. — Я пыталась помочь на кухне, но мне не доверяют.

Она проворно достала из-за пазухи какой-то флакончик.

— Моя микстурка быстро поставит тебя на ноги.

— Живая вода? — слабо спросила Таймири.

— Почти, — кивнула та. — А они, представляешь, решили, что это яд!

Испарилась индианка точно так же, как и возникла, — беззвучно. На полу остались только жирные следы от мокасин.

Через три часа после того как Эдна Тау намешала в лекарство свой эликсир, лоб заметно похолодел. Остановилась утомительная гонка мыслей, и Таймири почувствовала себя обновленной. Кто-то расщедрился и отдал ей пахнущую старой одеждой сорочку — с узорами и вышивкой. Наверное, Сэй-Тэнь. Она всегда питала слабость к вышивке.

На цыпочках, точно привидение, Таймири подкралась к двери. Снаружи играли на гитаре.

Остер Кинн пребывал в центре общего внимания и, судя по всему, получал от этого огромное удовольствие. Лихо перебирая аккорды, он сопровождал игру куплетами песенки собственного сочинения:

— Корабль теченьем не снесет,
ведь мы на якоре стоим.

Погаснет пламя, придет восход -
и страхи развеются, словно дым!

От каюты к краю кормы тянулись веревки с мокрой одеждой, а в центре кружка слушателей, шипя и искрясь, горел костер. Верно, затем, чтобы одежда скорее просохла. Сэй-Тэнь, Минорис, Эдна Тау и еще кучка матросов сидели на коленях, хлопали в ладоши и кивали в такт песне. Среди поклонников новоявленного артиста эстрады не обнаружилось только капитана да Папируса.

Папирус был убит горем. Он недоглядел, и его любимая бочка пала жертвой инквизиции. То есть, не совсем пала. Ее разрубили на куски ржавым, затупившимся топором и без зазрения совести бросили в огонь. Остер Кинн весьма убедительно дал капитану понять, что без костра не обойтись, потому как в критические минуты даже крохотный огонек поднимает дух. Тогда Кэйтирон предоставил в распоряжение вахтенного пемзовую плиту и всю ту рухлядь, что имелась на яхте. То ли по ошибке, то ли с умыслом бочку Папируса тоже списали в расход.

Когда Таймири выскользнула на палубу, Остер Кинн перестал играть и просиял:

— А вот и наша нимфа! — воскликнул он. Та смущенно потупилась. В ночной рубашке до пят она действительно походила на нимфу.

— Не стесняйся, садись к нам, — позвала ее индианка.

Вокруг царило веселье. Кто-то приятельски похлопывал собеседника по плечу. Кто-то, причмокивая, смаковал из кружки пиво. А кто-то с умным видом порол горячку — и остальные над ним потешались. Оранжевые сполохи высвечивали из темноты лица — у кого с улыбкой до ушей, у кого загадочные и отрешенные.

Если бы над массивом пролетала какая-нибудь мудрая и наблюдательная птица, то глубоко в котловине наверняка заметила бы подрагивающее пятнышко света. Яхта по-прежнему находилась лишь в начале пути. Преодолев бурные пороги и покорив дерзкую вершину, она опять оказалась на отправной точке. Таково уж нехитрое правило жизни: после каждого конца обязательно наступает новое начало.

Таймири скромно присела рядом с Сэй-Тэнь.

— Спасибо тебе за рубашку, — тихо сказала она.

— А! Я тут ни при чем! — отмахнулась подруга. — Благодарю капитана. У него в сундуке полно ненужной одежды.

— Не стоило ему беспокоиться. У меня и своей навалом. В плайвере.

Таймири задрала голову, надеясь разглядеть на крыше свою машину.

— Не трудись. Плайвер-то того... Сгинул. Я еще утром заметила. Так что теперь мы с тобой сравнялись. У обеих ни сменной одежды, ни припасов, — подытожила Сэй-Тэнь. После вынужденного купания она обмоталась какой-то простыней. (К слову, Эдна Тау тоже была в чем попало).

— Какая жалость! — вздохнула Таймири. — В плайвере лежало столько всего ценного... Постой, а откуда у капитана женская одежда?

— Говорят, — замогильным шепотом поведала индианка, — у него была жена, и он в ней души не чаял. А потом она умерла. И с того дня он бережет ее одежду как воспоминание.

Таймири передернуло.

— Приятного вечера! — пожелал откуда-то из темноты голос Кэйтирона. Остер Кинн подбодрил пламя, разворошив дрова кочергой, и оно заиграло ярче. — Сегодня у вас заслуженный отдых. Но завтра чтобы все были в форме! Понятно?

— Угу, — уныло прогудел хор матросов.

— А что касается вас двоих, — обратился капитан к Сэй-Тэнь и индианке, — то вот вам мыло и полотенце. Таз с водой уже приготовлен. Марш в трюм да отмойтесь хорошенько! Не хватало еще, чтобы настил покрылся этой гадостью, этим жиром, — буркнул он.

Матрос, драивший палубу, довольно ухмыльнулся.

— Нас покинули две очаровательные дамы, — притворно всхлипнул Остер Кинн и затянул жалостливую песню.

...Заканчивались дрова, иссякали слова, закрывались глаза. Многих стало клонить в сон. Таймири подложила руку под голову и растянулась прямо на полу, перед догорающими угольями. Гитара издала последний вздох, пальцы взяли неверный аккорд, и исполнитель шумно засопел. Прохладный ветер колыхал высохшую на веревках одежду, стояло безмолвие...

Пробудилась Таймири, когда вконец продрогла. Она огляделась: команда спала богатырским сном, а от костра осталась лишь зола со светящимися вкраплениями. Небо побледнело. Пошатываясь и поеживаясь, Таймири побрела к каюте. Там она устроилась на кровати, завернувшись в плед. Минорис ночевала в своем излюбленном обветшалом кресле, а философ виртуозно храпел на боку. Сэй-Тэнь с Эдной Тау, наверное, по-прежнему смывают с себя жир. Хорошо им вдвоем. Уж весело, так точно.

В бинокль можно увидеть многое. Например, как Сэй-Тэнь примеряет пончо и изображая из себя манекенщицу, прохаживается по вымышленному подиуму. Индианка аплодирует ей и беззвучно смеется.

А вон матросы, устанавливают фок-мачту. Многострадальный Папирус жмется в уголок. Никак не примирится с потерей любимой бочки. Кто-то должен убрать пемзовую плиту и очистить палубу от следов вчерашней вечеринки. А, отлично! Об этом позаботится тот парень со шваброй. Остеру Кинну можно расслабиться и ничего не делать. Только сперва следует найти капитана. Желательно, чтобы он сидел где-нибудь в рубке или руководил действиями матросов... Да где же он? Где?

— И кого это мы высматриваем? — приторно-любезно осведомился Кэйтирон. От неожиданности Остер Кинн чуть не выронил бинокль. — Я вам что сказал? Искать водопад.

А вы?

Капитан завладел биноклем и принялся изучать береговую линию. Через некоторое время он указал зазевавшемуся дежурному на довольно широкий участок озера, где берег не просматривался.

— Там быстрое течение, — бесстрастно проговорил он. — Туда и поплывем.

— Но... н-но! — заикнулся было Остер Кинн.

— Слабонервным просьба удалиться из зала, — металлическим голосом отчеканил капитан и, печатаая шаг, отправился к команде.

Озеро, куда упала яхта, было непростое. В нем имелся внутренний источник, и с него начиналась большая извилистая река массива — Аламер. Начиналась довольно пологим водопадом. Неудивительно, что капитан решил по этому водопаду сплавляться. Бурные потоки Аламера низвергались в Большой котел и текли на запад, разделяясь далее на множество мелких ручьев. А ручьи пропадали под землей. Вода циркулировала по массиву точно так же, как по живому организму циркулирует кровь.

Таймири весьма успешно освоилась в своем солнечном сне и даже научилась летать. Она ощущала в себе столько силы, что могла бы, наверное, передвигать горы и укрощать диких зверей, если в том возникнет нужда. По всей видимости, Эдна Тау с эликсиром малость переборщила. Он был способен исцелить целую армию, а вместо этого достался одной Таймири. Сейчас она, вместе со стайкой птичек, парила над каким-то пожелтелым полем, ощущая радость, легкость и прочие составляющие счастья. «Когда вернусь из сна, — подумала она, — непременно сочиню новый эликсир, где бы присутствовали все эти компоненты. Немного радостного настроения, пара капель легкости. Что дальше?..»

Задумавшись над тем, какие бы еще ингредиенты включить, она ненароком свалилась с кровати. Ничего не скажешь, достойное приземление.

В ночной рубашке, босиком, она выбежала на палубу. Солнце стояло уже высоко. Команде было приказано сушить якорь, и теперь яхта двигалась в направлении водопада. Таймири поспешила к носовой части, где Сэй-Тэнь выясняла отношения с капитаном.

— Решили нас угробить, да? — кричала она с переходом на высокие ноты.

— Что вы! Это совершенно безопасный спуск. Здесь тупой угол наклона.

— Тупой?! Надо еще выяснить, кто тут тупой!

— Остынь, Сэй-Тэнь! — вмешался Остер Кинн. — Другого выхода всё равно нет!

— Но это же чистой воды безумие!

— Безумие — там, за водопадом! — бодро отозвался Кэйтирон. — А вода здесь и вправду чистая!

12. Об узлах и коварстве

Плотно сжав губы, Таймири старательно обматывала себя канатом. Он прочный, он не порвется. Узел не развяжется. Она намертво закрепит его на фок-мачте.

— Нашему глубокоуважаемому сами-знаете-кому язык оторвать мало, — горячился Остер Кинн. — Надо же ему было ляпнуть!

А «глубокоуважаемый сами-знаете-кто», то есть капитан, ляпнул, ни больше ни меньше, следующее: «Водопад, — сообщил он, — не за горами. Поэтому советую всем отправиться в укрытие. А кто для этого чересчур смел, можете привязать себя к мачте».

Такая невинная, по мнению капитана, шутка повлекла за собой неожиданные последствия.

Пока Таймири изобретала новые морские узлы, Сэй-Тэнь, Остер Кинн и Кэйтирог стояли, как замороженные. А яхта в это время неумолимо приближалась к кромке озера.

Сэй-Тэнь опомнилась первой.

— Что ж ты творишь? Жить тебе, что ли, надоело? — вцепилась она в подругу.

— Вовсе и не надоело, — беспечно отозвалась та. — Просто после того падения мне жутко захотелось опасностей.

— Опасностей ей захотелось! — всплеснула руками Сэй-Тэнь. — Эй, ты, поедатель змей! — позвала она Остера Кинна. — Образуем дуреху!

Но Остер Кинн сделал вид, что не слышит. Он взгромоздился на брус, уцелевший после поломки бушприта, и, раскачивая ногами, стал издавать призывные кличи, адресованные, без сомнения, бурлящей впереди реке.

«Таймири так похожа на мою покойную жену, — подумал капитан, прячась в рулевой рубке. — Та тоже любила адреналин. Потому и погибла. Эх, кабы я мог ее отговорить!»

Палуба опустела. Только Таймири, привязанная, стояла на носу и пыталась подпевать Остеру Кинну, который к тому времени покончил с призывными кличами и наскоро сочинил бойкую песенку. В нарастающем шуме слов было почти не разобрать, а страху всё прибавлялось и прибавлялось. Может, бросить эту затею и убежать поскорей в каюту? Она попробовала узел на прочность — тугой, негодник! Нипочем не развязать.

Когда судно увлекло в извилистое русло, Остер Кинн, который претендовал на роль носовой фигуры, ничуть не испугался. Ему в лицо полетели тысячи брызг, задул влажный ветер, а в уши грянул грязный аккорд неистового водного этюда. Он устремил дерзкий и бесстрашный взгляд туда, где вскоре должна была оказаться яхта. Его яхта. Сейчас это была только его яхта. А капитан и все прочие — трусы, да, именно трусы — держались под крышей, где-то за его спиной, и не значили для него ровным счетом ничего. Конечно, кто-то самоотверженно стоит у штурвала. Но что может этот маленький, никчемный штурвальчик в эпицентре неистовой стихии?

Таймири никогда бы не согласилась занять место Остера Кинна. Как он, бедняга, до сих пор не угодил в поток?! Всё-таки с ее стороны было невероятной глупостью привязать себя к мачте. В каюте ей было бы гораздо удобнее, теплее, а главное, безопаснее.

Она попала на какой-то чудовищный аттракцион, где тебя бесконечно швыряет то вверх, то вниз, а ты не можешь даже двинуться. И так до тошноты.

— А-а-а-а! — кричала Таймири, молясь, чтобы не подвели веревки. Судно преодолеvalo пороги, скребя днищем по подводным камням. Обшивка трещала, угрожая дать течь.

Таймири трясло.

Ах, почему бы этой яхте не стоять где-нибудь в порту желтого, как охра, побережья? Почему бы не качаться на безмятежных волнах моря Вольфери? Не нужно больше опасностей, не нужно приключений! Есть же на свете мудрые, рассудительные люди, которые мирно живут в своих домах, едят по утрам кашу из мериники и слушают переливы десятиструнного фарнета. А если поманит их зов из сверкающей жемчугом, неведомой дали — нет-нет, они не бегут на этот зов. Они затыкают уши, едят больше мериниковой каши и идут на какой-нибудь провинциальный концерт, где фарнеты звучат в два, а то и в три раза громче. И так, постепенно, день за днем, эти благоразумные люди утрачивают способность видеть чудеса... Они хиреют прямо на глазах, становятся тусклыми и серыми, как осеннее небо.

«Нет, — решила Таймири, — я не хочу превратиться в бесцветного обывателя. Если уж без приключений никак нельзя, пройду через них, как через тернии. И уж наверняка там, за терниями, будут звезды».

Ее обдало студеной, пузыристой волной, и она зажмурилась.

Икротаус Великий растерянно стоял перед зеркалом. Сейчас он не был ни великим, ни всемогущим. Ввязавшись в нешуточную шахматную игру, он оказался в ней всего лишь пешкой, которую ничего не стоит раздавить. Что изменило его за такой короткий срок? Что или кто?

Напротив он видел человека, не заслужившего тех титулов, которыми его когда-то награждали. Кроме одного титула — болван.

«Я недостойн носить эту парчу и этот бархат, — вздыхал он. — А шапка с рубинами сидит у меня на голове, как шутовской колпак. Даже скипетр мне не принадлежит. Безвольный, жалкий трус!»

— Объяснись с ней сегодня, — заговорило отражение в зеркале. — Скажи, что больше не будешь ползать у нее в ногах. Дай понять, кто тут главный!

— Но как? Как я ей скажу?!

— Что, поджилки трясутся? — съязвил воображаемый собеседник. — Честное слово, ведь она всего лишь женщина! Если не сможешь ты, с ней разберусь я. И тогда пеняй на себя.

— Ты? Но ведь ты плод моей фантазии!

— Может, и так. Но я сильнее тебя. Как надумаешь сдать, подведи ее к зеркалу. Тут-то я и возьмусь за дело. Буду твоим адвокатом. Вместе мы непременно выпутаемся из сетей этой мегеры. Ну что, идет?

Икротаус заколебался. Жухлая кожа на его лице (хотя он был еще довольно молод) пошла пятнами.

— Договорились? — напирало отражение.

Авантигвард уже собрался заключить сделку, но тут в покои ворвалась Терри. Та самая, которую в народе именовали ведьмой. Отражение скорчило недовольную гримасу и убралось восвояси.

— Что ты перед зеркалом кривляешься? Как маленький! — бросила та и медоточиво добавила: — А я тебе вина принесла, красного.

Иной раз в ее словах сквозила такая напускная заботливость, что хотелось бежать без оглядки. Но дворец стал для Икротауса темницей, а золотая цепь у него на шее представлялась удавкой, которая нет-нет да и затянется. Эта цепь со знаком власти гнула

его. Он прекрасно понимал, что страна под его «чутким» руководством превратится в руины, а ведьма наживется на добыче лунного камня и укатит в свою заморскую державу.

«Смирись, — сказал себе Икротаус. — Ты сам виноват».

«Нет! — беззвучно крикнуло отражение. — Не смей смиряться! Действуй!»

Терри поставила на покрывало поднос с бокалами. В них безобидно искрился рубиновый кагор. Отражение видело, как в один из бокалов она подсыпала яд.

«Презренная женщина! Неужели все они одинаковы? Коварно подберутся к тебе, вотрутся в доверие, а потом — раз — и ключик, который ты бережно хранил у сердца, украден. Ты таешь, ты превращаешься в такую безвольную лужицу или смиренный половичок, о который можно смело вытирать ноги. Пора с этим кончать!», — сказала Икротаусу отражение. К вышеупомянутой особе оно питало явную неприязнь.

— Выпьем за процветание, — предложила Терри. — Бери бокал. Да нет, не этот. Другой.

Авантигвард сразу смекнул, что к чему. За суетливостью ведьмы наверняка кроется обман. А то, может статься, и предательство. Хотя, что лжецы, что предатели — всё едино. Они как головня на колоске светлых человеческих чувств.

Правитель отодвинул бокал, и отражение бесшумно поаплодировало. «Вот, это я понимаю. Если хочешь показать характер, нет ничего лучше отказа».

— С этого дня, — решительно сказал Икротаус, — ты отстраняешься от дел. Теперь государственными вопросами я буду заниматься лично.

Терри побледнела и столь же решительно ударилась в слезы. Она так умело разыгрывала из себя жертву непонимания, что на месте Авантигварда смягчился бы любой. Но первые пять минут тот был непреклонен. Следующие десять он мрачно раздумывал, способна ли женщина биться в истерику более получаса. Когда же истекло полчаса, не выдержал и потряс ее за плечо:

— В самом деле, сколько можно распускать нюни? Что ты как маленькая?! — воскликнул он.

«Не проняло, — сообразила Терри, всё еще рыдая в три ручья. Вернее, делая вид, будто рыдает. — Значит, придется использовать запасной план».

В детстве о запасных планах нянюшки и матушки прожужжали ей все уши, так что с этим проблем не предвиделось.

«Что там у нас? — стала припоминать она. — Привораживающие зелья? Позапрошлый век. Угрозы? Их сейчас всерьез не воспринимают. О! Вот оно! Гипноз! Вернейшее средство».

Перед гипнозом умудренные опытом матушки и нянюшки всегда советовали как следует пореветь, потому что красные глаза — залог успеха. Чем краснее глаза, тем ощутимей результат.

Терри уставилась на Авантигварда своими краснющими глазами и, шмыгнув пару раз носом, подползла к нему по шелковому покрывалу.

— Смотри на меня, — растягивая слова, приказала она.

Икротаус нехотя повернулся и встретил демонический взгляд ведьмы.

«Отравлю — и дело в шляпе, — подумала та. — От него ведь всё равно никакого проку».

Она дотянулась до бокала, куда предварительно подсыпала «секретный ингредиент».

— Ты подчиняешься мне. Ты во всем слушаешь только меня, — речитативом

произнесла она, неотрывно глядя на него. — Пей.

Икротаус покорно взял бокал. Но отражение в зеркале не дремало. Его отражение. Он по-прежнему сидел напротив зеркала, безвольный, жалкий, но уже не трус.

«Делаю это в первый и последний раз», — соблаговолило отражение и одним точным ударом выбило бокал с ядом из рук Авантигварда.

Вино разлилось по покрывалу.

Внезапно река присмирела, и течение замедлилось. Полированные берега из адуляра поросли стройными сосенками с голыми красными стволами и пышными кронами зеленой хвои. Неужели всё закончилось?!

Удостоверившись, что за борт ее не смоеет, Таймири кое-как развязала узел и унесла ноги подальше от злополучной мачты. В ходе отступления она чуть не запуталась в огромном, как простыня, полотенце, которое мирно трепетало на ветру. Кроме полотенца, на веревках сушился ее походный костюм. Самое время переодеться.

Из рубки за Таймири наблюдал Кэйтирон. Он хмурился, шевелил губами и озабоченно мял свою фуражку, которая впервые за всё путешествие покинула его лысину.

«Почему она так напоминает мне мою супругу? Те же волосы, те же движения. Это невероятно! Я много чего забываю, но о том, что у нас была дочка, мне не забыть никогда...»

Ход его мыслей прервал возглас Остера Кинна:

— Ого! Да там, впереди, еще один водопад!

Этот водопад был больше предыдущего и, что самое главное, он был отвесный. Если капитан согласится на скоростной спуск, то может статься, что яхта продолжит путь по реке не иначе как в виде щепок.

«Дурья башка!» — обругал себя Кэйтирон и стал созывать матросов. Надо было в срочном порядке пришвартовываться к берегу. Вялое поначалу течение усыпило его бдительность, а расслабляться было никак нельзя. Ох, и хитра же эта река со своими обманными маневрами!

Они насилу пристали к берегу. Течение норовило утащить корабль за собой, и стремительность, с которой мчался поток, была подобна стремительности лавины. На отшлифованном водою скате едва ли можно было найти место для причала. Ничего, никакой зацепки. «ПЦР» беспомощно скользил вдоль берега, не имея возможности закрепиться. Поэтому команде и пассажирам не оставалось иного выхода, кроме как совершить экстренную высадку.

Бытует мнение, что настоящий капитан не покидает судна, даже когда оно терпит крушение. Посмотрел бы Кэйтирон на того храбреца, который бы осмелился это заявить!

Первым на землю прыгнул Остер Кинн. Он удерживал канаты изо всех сил, чтобы хоть как-то притормозить движение яхты. Как только на суше очутились матросы, они бросились ему помогать. И Папирус в этом деле принял самое живое участие, потому как на кону стояло не что-нибудь, а его писчая бумага.

Но как ни лезли они из кожи вон, как ни надрывались, в состязании по перетягиванию канатов победила река. Едва капитан и пассажиры соскочили на берег, натянутые до предела тросы лопнули, и яхту стало относить к водопаду.

Когда-то Кэйтирон собственными руками сколачивал ее корпус, трепетно прикасался к только что сооруженной мачте, гордо поднимал к небу развевающийся флаг. Несмотря на

свою вопиющую забывчивость, он навсегда запомнил, как впервые отправился на рынок за снастями. Как придирчиво выбирал компас и карты, а седой, повидавший виды моряк дымил ему в лицо туго скрученной, заграничной сигарой.

Теперь эти воспоминания разом нахлынули на него, и к горлу подкатил противный, вязкий ком. С горьким сожалением взирал он на удаляющуюся корму. Надо было, и правда, утонуть с любимой яхтой, как тонут настоящие капитаны.

— Ой, глядите! — испуганно воскликнула Минорис, откидывая со лба челку. — Там, кажется, Зюм!

Визгливо твякая, по палубе бегал щенок. Издалека он был похож на белый пушистый шарик. Такой милый, ласковый клубок с мелькающим в воздухе хвостиком...

Минорис не выдержала и ударилась в слезы.

— Он же не выживет! Он пропадет! — жалобно причитала она. — Почему никто не взял его на берег?!

«Странно, — подумала Таймири. — Он появляется и исчезает, когда ему вздумается. Бедная Минорис. Она-то убеждена, что Зюм простая собака».

Сэй-Тэнь выглядела задумчивой и даже какой-то отрешенной.

— Я привыкла к лишениям, — проронила она. — Без этого, знаете ли, жизнь не жизнь.

Но Кэйтирон ее слов не слышал. Лишиться яхты было для него сродни смерти. Он присел на корточки и спрятал лицо в шершавых ладонях.

А Папирус тихонько плакал в сторонке. Без бумаги он больше не сможет писать книги. Все его труды пошли насмарку. Он зря растратил свой талант, напрасно берег пачки неотправленных писем.

— Ну-ну, не хнычь, — утешила его Эдна-Тау. — Ты думал, что твое призвание книги, и, кроме книг, ничего не замечал. Теперь, когда у тебя отнялась возможность творить, погляди-ка по сторонам. Наш вождь говорит: потерял стрелу — найдешь две. Уплыло каноэ — приплывёт целая флотилия. Оглянись, вокруг столько возможностей!

— Не будем медлить, — собрав всю волю в кулак, проговорил капитан. — Лес кишмя кишит разным зверьем. Здесь даже хищники водятся! И чем быстрее мы пересечем сосняк, тем меньше вероятность с ними встретится.

— Кхм, позвольте заметить, — вежливо начал философ, — что хищники имеют привычку преследовать подвижную добычу. А выживает тот, кто затаился.

— По мне, так лес вообще какой-то безжизненный. Вымерло тут всё, — ввернула Таймири.

— Э-ге-гей! — воскликнул Остер Кинн. — Может, этот бор и ведать не ведает, что такое лесная подстилка и моногоярусность, да только грызунов здесь хоть отбавляй! Я это не понаслышке знаю.

— Так что, ты уже бывал в горах? — удивилась Кэйтирон.

— А то как бы я с Эдной Тау познакомился! — веско заметил тот. Неуемная тяга к острым ощущениям вечно влекла его в запретные края. И не было в стране такой долины или возвышенности, куда бы ни ступила нога Остера Кинна.

— Тогда ты нас и поведешь! — обрадовался капитан и со спокойной совестью назначил его проводником.

13. О чае и сосновых иголках

— Минорис отказалась заниматься, — удрученно сообщил индианке философ, переместившись в хвост колонны, которую возглавлял Остер Кинн.

— Это прискорбно, — чутко отреагировала Эдна Тау. — Вы ведь не слишком ее нагружали, нет?

— Боюсь, что слишком. И что мне теперь делать? Она такая способная ученица!

— Попробуйте заинтересовать ее.

— Что вы подразумеваете под словом «заинтересовать»?

— Выберите для затравки человека, который бы... э-э-э, — поскребла в затылке Эдна Тау, — который бы изображал из себя вашего рьяного последователя. Тогда Минорис увидит, что ваша наука не такая уж и непосильная, и, может, вернется к вам.

— А вы не побудете моей ученицей, для затравки, а? — с надеждой спросил философ.

— Я? Да что вы! — смешалась индианка. — Да никто же не поверит, что я всерьез увлечена философией!

— Почему? Насколько я могу судить, вы очень образованны. Вы подойдете!

— Да? — неуверенно переспросила Эдна Тау. Перспектива такого ученичества совсем ее не прельщала. Ведь она могла бы проводить время с куда большей пользой, охотясь на белок или рыская по лесу в поисках целебных кореньев.

Пока индианка предавалась таким размышлениям, перед нею возник дух вождя племени Знойной Зари и стал читать мораль: «Мы, люди Зари, всегда помним о своем предназначении! Мы должны светить, как солнце. Если чей день омрачен тоскою, или кто в болезни, или в нищете, или в печали, мы помогаем ему по мере сил. Если видишь нуждающегося в твоей поддержке, не откажи ему. Но будь осторожен, брат мой, соплеменник: не попади в сети вражеские. Всегда будь начеку! Потому что люди становятся лживыми и могут воспользоваться твоей добротой в корыстных целях».

«Этот вроде бы ничего дурного не замышляет, — подумала Эдна Тау про философа. — Так и быть, помогу ему. Подыграю ради Минорис».

Минорис не присутствовала при этом тайном совещании. Она шла впереди группы, рука об руку с Таймири и Сэй-Тэнь. А рядом с ними шагал капитан и всё косился на Таймири.

— Чего он на тебя так смотрит? — шептала ей на ухо Минорис. — Влюбился, что ли?

— Типун тебе на язык! — возмущенно отвечала Таймири.

А Кэйтирон имел все основания полагать, что она его дочь. Во-первых, возраст. Во-вторых, внешность. А еще капитан считал, что случайности в судьбах людей занимают не последнее место. Он лишь однажды видел своё дитя — черноглазую малютку, завернутую в пеленки. А потом они вместе с женой отправились в долгое путешествие, оставив девочку на попечение тети. Он уже точно не помнил, как звали эту тетю. То ли Мириана, то ли Ариадна, то ли Анира...

Кто знает, что удерживало его все эти годы от визита в город, где подрастала дочурка. Сначала — бессрочный траур по спутнице жизни, которая ушла в мир иной, покинув его, неприкаянного, на бренной земле. После — какие-то неотложные дела, которые возникали, едва только Кэйтирон прочитывал первые строчки писем от сестры покойной супруги. В этих письмах тетюшка Ария настоятельно рекомендовала ему вернуться к дочери и не отлынивать от родительских обязанностей. Во все более частых и коротких посланиях Ария

ругала его, на чем свет стоит. А вскоре Кэйтиайрон просто перестал вскрывать конверты и по уши погряз в своих крайне важных проектах. Он думал, что его изобретения чего-то стоят. Но вот последнее изобретение попадает под жернова неистового водопада — и от прошлой жизни не остается ни гвоздика, ни щепки. Теперь он поглощен мыслями о дочери, и эти мысли будоражат его. Он не запомнил ее имени, так как имя было слишком длинное. Капитан держит в уме только первую букву — «Т». Так, может, это Таймири?

— Что же получается? Все припасы достались реке, а нам прикажут затянуть ремни потуже? — негодовал какой-то матрос.

— Подохнуть с голоду в массиве Лунных гор — что ж, славная кончина! — иронизировал его товарищ. — Еще никому такого не удавалось. Мы будем первыми!

Эдна Тау резко обернулась. Ей впервые приходилось слышать, как здоровые, полные сил мужчины так небрежно рассуждают о смерти. Им бы впору поделиться друг с другом навыками выживания, поразмыслить, как выбраться из затруднительного положения. А они уже ложатся в гроб!

— Что вы причитаете? — в праведном гневе воскликнула индианка. — Да наловлю я вам к вечеру белок! Разведем костер! Не надо сеять панику!

Матросы удивленно переглянулись.

— Я еще никогда не пробовал белок. А каковы они на вкус?

— Не хуже, чем перепелка, которую привозят из-за моря, — просто отвечала Эдна Тау. Она решила не задерживаться в этой компании и, перекинув через плечо перештопанную коричневую сумку, поспешила к своим друзьям.

Остера Кинна легко можно было узнать по размашистой походке. Он вел за собой никак не менее двадцати человек и чувствовал себя превосходно. Он едва сдерживался, чтобы не затянуть мотивчик своей любимой песни о дальних странствиях. О морях и капитанах, о штормах и о буранах. О пустынях и о ветре и о том, как спать в седле. И о многом другом. Он уже взял первую ноту, но тут к нему подбежала Эдна Тау. Она довольно отдувалась, глаза блестели, волосы были растрепаны. Именно так выглядят индейцы горного племени после быстрой пробежки.

— Ну что, не понравилось тебе тащиться в хвосте? — насмешливо спросил Остер Кинн.

— Да там, в хвосте, уже все скисли! — выпалила она. — Боятся, что распухнут от голода. По-моему, лучшего времени для охоты не сыскать. Сделаем привал и отправимся за дичью. А?

— Сейчас? А не рано ли? Я хотел подкрепиться вечером...

— А как насчет чая из сосновых иголок? — вставил капитан. — Очень полезная, надо сказать, штука. И от цинги спасает.

— Одним чаем сыт не будешь, — возразила Эдна Тау.

— А белки здесь всё равно щуплые. Что с них возьмешь? — гнул свое Остер Кинн. — Может, вечером?

— У меня на вечер другие планы, — кратко просветила его индианка.

— А я знаю, что иголки можно жевать. И еще корешки молодые, их, вроде бы, тоже можно... — неуверенно продолжил свою мысль Кэйтиайрон.

— Слышала я, что далеко на западе жили индейцы из непростого племени. Они засовывали себе за щеку семена некоего растения и так питались, дожидаясь, пока семена растворятся у них во рту. Может, это и правда, да только уже много лет никто этих индейцев

не встречал, — поведала Эдна Тау.

— Так, понятно, это притча. И мне придется лезть на дерево, чтобы добыть белку, — смирился Остер Кинн.

Таймири глянула вверх: в капканах из темных пушистых ветвей застряло синее небо. А чуть ниже тянулась полоса небесно-лазурных гор, озаряемых солнечным светом. Еще ниже свет пропадал, и порода приобретала серо-голубые тона. Сосны стонали, покачиваясь от ветра. Было прохладно. Таймири заметила, как Эдна Тау и Остер Кинн отделились от основной группы и удалились в глубь леса.

— У нас привал! — объявил Кэйтиайрон и в подтверждение своих слов уселся на рюкзак, чтобы не сидеть на остывшей земле. Остальные последовали его примеру, охотно поснимав с плеч пухлые котомки со сменной одеждой да разной кухонной утварью. У каждого матроса была своя жестяная кружка, свой нож и полотенце. Всё это они держали наготове, когда плыли по реке, потому как знали, что рано или поздно последует срочная высадка.

Чинно скрестив ноги, капитан жестом подозвал к себе тройку матросов.

— Ты, Синре, поди, принеси воды из ручейка за теми деревьями.

— Слушаюсь, сэр!

— А ты, Вальнери, пособирай-ка иголок в лесу. Да побольше!

— Так точно, сэр!

— А ты, Калли, набери дров. На крайний случай возьми топор. У тебя ведь есть топор? — обратился капитан к широкоплечему матросу.

— Э-э-э, ну, есть, — промямлил Калли. Ему совсем не улыбалось таскаться за сушиняком.

Эдна Тау, бок о бок с Остером Кинном, выслеживала белок. Легче всего их заметить по пушистому хвостику. И поймать на земле, конечно, намного проще, чем карабкаться за ними на дерево. Но белки, похоже, сговорились затаиться в дуплах. У них там, наверное, запасов немерено. Не то, что у экипажа потонувшего корабля...

— Придется тебе, друг мой любезный, побыть сегодня в роли мишки, — вздохнула Эдна Тау.

И Остер Кинн, засучив рукава, полез на сосну. Сосна была старая и смолистая. И где-то наверху в ней было выдолблено дупло. Самое что ни на есть беличье. Пока Остер Кинн отдирали прилипшую к стволу штанину, он думал о том, как возникают дупла. Привычная работа для дятлов. Но поскольку дятлы исчезли из страны лет двести назад, то можно полагать, что эта сосна на своем веку повидала многое. Очень многое. И белки там, наверху, наверняка откормленные.

Пока Остер Кинн без особого энтузиазма справлялся со своей задачей, Эдна Тау решила поискать молодых сосновых корешков. Она бродила меж сосен, нагибаясь и высматривая что-то у земли. Но вскоре желание разжиться питательными корнями отпало.

«Не подберешься к ним, больно глубоко в камне засели», — выразила свою досаду индианка, когда Остер Кинн спустился ни с чем.

— Как это нет белок?! — возмутилась Эдна Тау. — Сколько себя помню, всегда тут водились. Хм... — Она в недоумении почесала голову. — Лес не хочет нас принимать. И меня это тревожит. Здесь кроется какая-то загадка...

Как оказалось, причиной столь внезапного опустения послужил топор и матрос, им орудовавший. Одно срубленное дерево лес еще смог бы простить.

Но ругательства — уж извините! От ругательств Калли у леса началась самая настоящая

аллергия. А Калли злился на топор, который был тупее всех топоров на свете, и на деревья, срубить которые можно было, лишь спев им лесную колыбельную. Бранные слова с языка так и слетали — только подсчитывать успевай. Старая сосна, которую матрос без особого успеха атакował, насчитала с три дюжины.

Стерпеть оскорбления не каждый человек сможет, а уж дерево и подавно. Лес возмущенно и угрожающе зашумел. Зашевелились под землею корни, забурили в стволах соки. А белки попрятались.

Калли так разошелся, что вынудил старушку-сосну его отшлепать. Насилу ноги унес. Правда потом вернулся — с величайшими предосторожностями — за топором да нарубленными ветками.

Понурые, возвратились с неудачной охоты Остер Кинн и Эдна Тау. В лагере их поджидал сюрприз. В самом центре поляны горел костер, а на огне, на специальных подпорках, грелась кастрюля с водой. Команда, затаив дыхание, сидела вокруг.

— Что это такое? — процедила сквозь зубы индианка.

— Это? Да это ж костер! Скоро чаю из иголок попьем, — бесконфликтно объяснил капитан.

— Нет, откуда поленья? — шурясь, спросила Эдна Тау.

— Я послал ребят в лес. А что тут такого?

— Та-а-ак, теперь мне всё ясно. Теперь я понимаю, почему исчезли белки, — скрестив руки на груди, сказала Эдна Тау. — Вторглись в запретные владения, и не просто вторглись, а еще и самоуправством занимаются, — осуждающе изрекла она.

— Но позвольте, чьи ж это владения? Тут ведь никого, кроме нас, нет! — насупился Кэйтиайрон. Индианка в ответ насупилась еще сильнее.

— Ошибаетесь. Деревья живые и земля живая. Они всё чувствуют, каждый ваш шаг, каждое ваше движение. И что мы говорим, тоже слышат.

— А сосна меня хлестнула, — пожаловался Калли, чем поверг в трепет своих товарищей.

— Вот, видите, это не мифы!

— В общем, сегодня мы остаемся без ужина, — безжалостно сообщил Остер Кинн.

Хитрость состояла в том, что прежде следовало наловить белок, а уж потом рубить деревья и ругаться, если на то пошло.

Ночью Таймири слышала, как перешептываются матросы. Похоже, назревал бунт.

«Зачем Кэйтиайрон завел нас в эту глушь?»

«Мы не за тем к нему на яхту нанимались!»

«С какого перепугу он поплыл по водопаду? Путь назад теперь отрезан».

«А с дорогой вперед глухо дело», — ворчал кто-то. Только Папирус посапывал себе, и не было ему дела до всяких смут.

А утром матросы, как ни в чем не бывало, сходили к ручью умыться и завели привычные разговоры. В их голосах не слышалось и нотки недовольства. И Таймири подумала, что всё это ей приснилось.

Лес явно подобрел, потому что добытчики воротились не с пустыми руками.

— О да! У нас будет пир на весь мир! — захлопала в ладоши Минорис.

— Тут скатерть-самобранка постаралась, не иначе! — вставил один из матросов.

— Скорее, скатерть-самозванка, — последовала поправка. Кто-то подавился смешком.

Не обращая внимания на подшучивания, Эдна Тау приступила к готовке завтрака. Надо

сказать, она очень устала, пока гонялась за белками по лесу. Но охи-ахи не для нее. Она скорее испустит дух, чем кому-нибудь пожалуется на плохое самочувствие. Таковы уж индейцы племени Знойной Зари. Гордые.

Подавляя зевоту, выползла из своего спальника Сэй-Тэнь. На спальные мешки расщедрился капитан. Он вовремя догадался запихнуть их в дорожный рюкзак, когда увидел, что яхте грозит крушение. Самый целый, самый удобный мешок достался, конечно, Таймири. Капитан всё никак не мог собраться с духом и рассказать ей о своих подозрениях, о том, что она, возможно, его дочь. Ему даже в голову не приходило, что знаки внимания, которые он оказывает Таймири, могут быть поняты неправильно.

Уловив аппетитный запах, идущий от кастрюли с мясом, Сэй-Тэнь и Таймири сразу почувствовали, как заурчало у них в животе. Многие уже позавтракали и весело рассуждали о том, как следует проводить пикники. Однако в хорошем расположении духа пребывали отнюдь не все.

Эдна Тау и куска в рот не взяла. Она была мрачнее тучи. Остер Кинн вежливо уговаривал ее проглотить хотя бы кусочек, но, то ли из-за чрезмерной усталости, то ли из-за чрезмерного человеколюбия, индианка упорно твердила своё: «Я поем, только когда насытятся остальные».

— Вредина, — сказал Остер Кинн, когда у него исчерпались запасы вежливостей. — А ну, давайте, поживее там! — прикрикнул он на сонь. — Из-за вас у Эдны скоро живот сведет.

Таймири и Сэй-Тэнь единодушно вооружились ложками и расправились с порциями за считанные минуты. Только после этого краснокожая Артемида соизволила заглянуть в кастрюлю.

В лесу стоял терпкий, бодрящий запах хвои. Голубое, в прожилках, небо удивленно взирало на путников, которые поднялись ни свет ни заря и теперь сворачивали лагерь. Невесомые снопы солнечного света лились на прогалины, засвечивали выступившую на стволах смолу и озаряли верхушки близких гор аквамариновым сиянием.

Они двинулись дальше. Неторопливо зашагали прочь. И тут кому-то вздумалось обернуться: от кострища не осталось и следа. Словно чья-то огромная метла смела с каменной площадки весь пепел и недогоревшие ветки. А сосны задрали шапки своих крон, будто бы они здесь и вовсе ни при чем. Не исключено, что они бы еще и посвистывали, если бы у них было, чем свистеть.

Путешественники пересекали вброд мелкий ручей, когда произошла непредвиденная заминка: Минорис поскользнулась и упала, причем упала так, что умудрилась повредить себе ногу.

— Больно? — участливо поинтересовался Остер Кинн, который всегда оказывался там, где что-нибудь случалось. — У ручьев и рек массива дно как чешуя дракона. Уверен, массив это нарочно. Выжить нас хочет.

— Зачем девочку пугаете? — набросилась на него Сэй-Тэнь. — И без вас жути хватает. Лучше б бинт организовали. Есть у вас бинт, я спрашиваю?

Минорис хлюпала носом и, судя по всему, была бы не прочь разреветься. Команда вздыхала и возмущалась на разные лады, и капитан не без опаски поглядывал на матросов.

— Ходить можешь? — с апломбом опытного специалиста осведомился у пострадавшей Остер Кинн. Та попробовала встать и снова плюхнулась в воду. К тому времени она

промокла насквозь.

— Так, мне всё ясно, — изрек «опытный специалист». — У нее перелом. Вот ведь угораздило!

— Перелом, перелом! — сварливо передразнила Сэй-Тэнь. — Вы бы ее для начала из ручья вытащили.

— Ах, ну почему меня вечно преследуют неприятности?! — расплакалась Минорис. — Сначала философия, теперь вот перелом.

Диоксид, который топтался поблизости, ужасно оскорбился, когда услышал, что его философию причислили к неприятностям. И только Эдна Тау, которая вернулась из лесу после очередной своей вылазки, просочилась сквозь толпу и протянула девушке руку.

— Давай, не обращай на них внимания. У дерева и то сострадания больше. Стали истуканами, хоть бы кто помог! — укоризненно заметила она.

В тот же самый миг на прогалине, рядом с капитаном, материализовался Зюм. Такой белый, что белее и представить нельзя. Капитан отшатнулся, а пес с заливистым лаем бросился к Минорис. Минорис, ясное дело, бросилась ему навстречу. С восторженным визгом и прочими проявлениями радости. Ее ноги, как правая, так и левая, показали себя ногами отличного бегуна.

— Так что, перелом, говорите? — ехидно спросила Сэй-Тэнь. Остер Кинн лишь недоуменно пожал плечами.

— Ах, ты, мой Зюмчик! Вернулся, жи-и-ивой! — приговаривала Минорис, держа щенка перед собой. Тот уже успел несколько раз лизнуть ее в щеку и теперь, свесив язык, умильно повиливал хвостом.

— Гляди-ка, а это, часом, не тот зверек, по которому она горевала? — поинтересовалась у Таймири индианка. — Как странно, что он не прибежал, когда у нас всю варилось беличье мясо. Обычно животные весьма чувствительны к таким запахам.

— Спросила бы еще, почему к нам не пожаловали дикие кошки! — воскликнула Таймири.

— Да нет, я не то хотела сказать, — отмахнулась Эдна Тау. — Раз ему не нужна еда, значит, он охотится сам. Значит, в горах есть чем разжиться. Кроме белок, разумеется.

— Само собой, — согласилась Таймири. — Ведь и диким кошкам чем-то питаться надо. Но вот чем?..

— По преданию, — сказала индианка, — их питает горный эфир. Хотя иной раз они не против закусить чем-нибудь поплотнее. В их рационе весьма неплохо разбирается мой братец Кривое Копье. Будет время, заходи в гости. Он тебе всё подробно разъяснит.

Матросы сочли появление Зюма добрым знаком.

— Если он был на яхте и остался цел, значит, яхта тоже уцелела. Так, по-моему, — заключил Калли.

— Молоток, браток! Железная логика, — хлопнул его по спине Синре. У него уже созрел замечательный план. — План что надо, братцы, — шепотом поделился он. — Повернем обратно к реке Аламер, отыщем пологий спуск в Большой котел (яхта ведь туда угодила) и приберем «ПЩР» к рукам.

— Так что же выходит, мы — заговорщики? — нерешительно спросил Вальнери. Он был одним из тех романтиков, которые закладывают крутые виражи лишь в собственном воображении, но всякий раз дрожат от удовольствия, когда предстоит рисковать в реальной жизни.

— Не-е-е, — осклабился Синре. — Заговорщики — слишком громко сказано. Мы всего-навсего дорожим собственной шкурой. Понятно?

— Понятно, — кивнул Вальнери. Ему неоднократно рассказывали, что в Гиблых Сосняках массива водятся хищники размером с полдома, которые лапой могут запросто раздавить плайвер, а языком — слизать каменную крошку с речного дна. Куда же, в таком случае, ведет их Кэйтирон, если не на смерть верную?

— Вот что, капитан, — возвысил голос Калли. — Ты как знаешь, но мы больше не на реке, поэтому отныне твоей командой не считаемся. Мы уходим. Если кто-нибудь желает с нами, милости прошу!

Кэйтирон от негодования прямо-таки вспух.

— Предатели! — погрозил он кулаком. — Злодеи! Бросить меня тут! А сами-то что делать будете? Лес кишит ловушками. Вы без проводника пропадете! А с нами Остер Кинн. Он знает, куда идет.

Но его запугивания должного действия не возымели — на сторону Калли перешла почти вся команда. Только Папирус крепко уцепился за обшлаг капитанского пиджака и ни в какую не желал отпускать.

— Ну и пожалуйста! Катитесь! — крикнул им вслед Кэйтирон. Он попытался эффектно развернуться на каблуках, но ему помешал прилипала-Папирус.

— Да отцепись ты уже! — вскинулся на него капитан.

Надо было видеть, как осунулось его лицо, как потускнел взгляд и согнулась спина. Если раньше он чувствовал себя молодым и сильным, то теперь кто-то отнял у него и молодость, и силу. Вот что значит потерять команду. А может, и того хуже — потерять веру в людей.

— Пойдемте, — с убитым видом проговорил Кэйтирон. — Скоро стемнеет.

Остер Кинн глянул на небо. День действительно клонился к закату, а ночь обещала быть холодной. По холоду на земле не поспишь — надо взбираться выше. Кажется, неподалеку есть скала с круглыми пещерами. Там вполне можно скоротать темные часы.

— Я знаю отличное место... — заикнулся Остер Кинн.

— Веди, — оборвал его капитан.

Они брели как во сне. Проводник утратил словоохотливость. Эдна Тау поддерживала его за локоть и изредка что-то шептала на ухо. Философ, о котором все забыли, вразвалочку топал следом, размышляя о чем-то своем. Рядом с исцеленной Минорис трусил щенок...

А по лесу бродила тишина. Она что-то разыскивала, шурша ветвями молодых сосенок и изредка переворачивая, как страницы книги, насыщенный хвоей воздух.

14. Об иллюминации, вентиляции и галлюцинациях

Философ Диоксид наконец-то подобрался к Эдне Тау и напомнил ей об уговоре.

— Что еще за уговор? — приосанился Остер Кинн и вопросительно взглянул на индианку. — Почему я не в курсе?

Эдна Тау приняла многозначительный вид:

— Ты ведь умеешь хранить секреты?

— О чем речь! Да если понадобится, я могила! — сказал Остер Кинн, ударяя себя кулаком в грудь.

Изначально Диоксид был против того, чтобы посвящать в это тонкое дело всех и каждого. Но вскоре его убедили, что чем деликатнее вопрос, тем важнее мнение со стороны. И помощь умудренного опытом человека лишней не будет. Остера Кинна очень развеселил эпитет «умудренный», но он сдерживался, как мог, лишь бы старания Эдны Тау не пошли прахом.

Выслушав секрет, он бросил лукавый взгляд на философа и, улыбнувшись во весь рот, сказал:

— Хитрецы!

— Что посоветуешь? Как по-твоему, у нас получится? — спросила Эдна Тау.

Философ сощурился подозрительно и уничижающе. Об Остере Кинне у него сложилось мнение как о полнейшем профане в какой бы то ни было области.

— Ну-у-у, — протянул тот. — Минорис девушка сообразительная. Может вас и раскусить. Но это лишь в том случае, если игра получится искусственной. Тогда она сразу обо всем догадается.

— Мы кто, по-твоему, актеры? — процедила Эдна Тау. Уловив в тоне советчика издевку, она привела в движение все лицевые мышцы, чтобы выказать ему свое презрение. Но Остер Кинн даже бровью не повел.

— Любой, кто пускается на обман, пусть даже из самых благих побуждений, так или иначе вынужден играть. Вживаться в образ. Маски там разные надевать. Вот ты, охотница и меткий стрелок. Тебя ведь ни капельки не интересуется философия. А наш многоуважаемый Диоксид, — тут Остер Кинн не утерпел и подмигнул ему. — Он ведь вовсе не тебя учить намерен. Стало быть, вы оба актеры.

— Хочешь иголок пожевать? У меня немного осталось, — предложила Сэй-Тэнь.

— Не-а, спасибо. Что-то нет аппетита, — вяло отозвалась Минорис.

Сочные иголки на дороге, как известно, не валяются. На них тотчас же нашелся другой претендент. К подруге подскочила Таймири:

— Я хочу! Дай мне!

На вкус сосновая хвоя кислая. Хотя, нет, постойте: она горькая. Да что же это такое! Теперь ее вообще невозможно жевать! Таймири с отвращением выплюнула грязно зеленый комок, издав при этом звук далеко не пристойный.

— Что с тобой, Минорис? Разве тебя не радует возвращение Зюма? Разве вылеченная нога не повод для того, чтобы плясать от счастья? Что тебе еще-то нужно? — стала допытываться Сэй-Тэнь.

— Да отстаньте вы от меня! — в сердцах воскликнула Минорис и убежала вперед. Зюм, конечно, увязался за ней.

Не нужно было копать глубоко, чтобы доискаться до причины ее плохого настроения. Виной всему были занятия по философии, а вернее, их отсутствие. Да, разумеется, ей опротивело сидеть со свитками день и ночь. Ее до невозможности утомляло чтение нудных трактатов. Но совсем иное — рассказы Диоксида. Его мягкий, умиротворяющий голос она была готова слушать часами.

«Никто меня не понимает! — думала она на бегу. — Я изголодалась по знаниям, а они предлагают мне иголки! Какая жестокость! Какая несправедливость!»

Тем временем где-то в начале растянутого ряда идущих Эдна Тау репетировала роль:

— ... Считаете вы, жизнь сплошная дорога? А я утверждаю, что это спираль.

— Допустим. Спираль — это дым от курений, твоё бытие — это пламя свечи. Дымок от зажженной свечи примыкает к всеобщему дыму. Так ширится жизни спираль, — отвечал Диоксид.

— Вконец вы решили запутать меня. Я знаю: без дыма не будет огня!

— Скорее, напротив, лишь пламя завьется, так сразу и дым до небес вознесется. Но вы упускаете главную нить: самим нам спираль никогда не завить. То делают многие, многие люди. И чья-то дорога решающей будет. И чья-то дорога крутой поворот в спираль наших жизней внесет.

— На сегодня закончим, — прокашлялся философ и утер со лба крупные капли пота. — Вот видите, я уже и связки посадил. А вы, вообще-то, неплохо справляетесь. Я бы порекомендовал вас в высшую школу.

— Без подготовки? — вылупилась на него индианка.

— Да. У вас талант. Знавал я еще одну очень одаренную девушку. Но она отчего-то забросила науку...

Только сейчас Эдна Тау догадалась, к чему клонит Диоксид. Оказывается, их разговор подслушивала Минорис. Она кралась за ними столь тихо и столь грамотно (как выразился бы индеец Кривое Копьё), что если бы не Зюм, у которого весьма некстати завелись блохи, девушку нипочем бы не заметили.

Обычно нападать сзади не принято. Но Минорис об этом никто не говорил. Она толкнула индианку в спину, да так сильно, что та не устояла на ногах.

— Не смей занимать мое место, ты, дикарка! — не своим голосом вскричала она.

Философ тоже вскричал — что-то наподобие «Ой, дубина я стоеросовая!» — и схватился за голову. Уж такой бурной реакции он никак не ожидал.

На шум примчалась Сэй-Тэнь. И надо сказать, вовремя. Помедли она минуту-другую — у Эдны Тау, возможно, поприбавилось бы синяков. Минорис обуяла жуткая злоба. Такую злобу в себе не удержишь — непременно на кого-нибудь да выплеснется. Чтобы не выплескивалась, Сэй-Тэнь отвесила ей хорошую оплеуху. Но, когда ногти впиваются в ладони, а в сердце впиваются иглы ненависти, одной пощечины маловато. В итоге, пришлось вмешаться Остеру Кинну: он скрутил Минорис руки за спиной. Но как же она кричала, как вырывалась! Эдна Тау взидала на нее с невинностью молодой лани.

— Знать тебя не хочу! — вопила Минорис. — Мерзкая воровка учителей! — чуть ли не рыдала она. — Убирайся с глаз долой!

Тогда только индианка поднялась с земли и обвела всех равнодушным взглядом.

— Что ж, и правда. Загостились я у вас, — едва слышно произнесла она. — Домой пора.

В помрачневший лес она унеслась, развив спринтерскую скорость. Ни философу, ни даже всесильному Остеру Кинну ее было не остановить, и скоро ее расцвеченное пончо

совсем скрылось из виду.

— Обиделась, — скорбно заключил Остер Кинн.

— Вот именно, — рассерженно повторила Сэй-Тэнь. — Обиделась. А всё оттого, что кое-кто не позаботился о противоядии и вздумал отравлять нас тем, что накопилось у него внутри.

Этого «кое-кого» она готова была просверлить взглядом. Надо же! Прогнать любимую подругу! И ведь наверняка из-за какой-нибудь безделицы.

В голове у Минорис внезапно стало так пусто, как бывает пусто в заброшенном доме: окна и двери заколочены, свету не пробиться — нет щелей. Волна ярости отхлынула, но было слишком поздно что-то исправлять. Новая волна — волна стыда — поглотила ее целиком...

Румяное небо заметно потускнело, когда путники добрались до угрюмого утеса, заросшего бородой из переплетенных древесных корней. Справа и слева от утеса высились глухие стены, поэтому не могло быть и речи о том, чтобы их обойти. Остер Кинн дружески похлопал рукою толстый узловатый корень.

— Вот мы и на месте.

— Еще чуть-чуть — и этот великан упрется в небосвод! — восхищенно воскликнула Таймири. Внушительный образ горы мог всколыхнуть чье угодно воображение. — Минорис, посмотри, какая мощь!

Кто-то слегка тронул ее за плечо:

— Не забывай, мы всё еще с ней не разговариваем, — прошептала Сэй-Тэнь. — Она наказана. До завтрашнего утра.

Таймири надулась: нашли время для наказаний! Когда ты в походе, когда со всех сторон тебя величественно обступает природа, не правильнее ли примириться с обидчиком и снять камень с души друга? К тому же, разве жестокость не порождает ожесточение? А безразличие разве не вызывает холодность?

Таймири глубоко сомневалась, что от воспитательных методов Сэй-Тэнь будет хоть какая-нибудь польза.

Жаль индианку. Она наверняка уязвлена. Бредет, небось, сейчас по лесу и думает. А о чем она думать может? Уж не об отмищении ли?

— По корням лазить — это вам не шутки шутить, — проводил инструктаж Остер Кинн. — Бывают корни скользкие, а бывают сухие и ломкие. Повиснешь на таком — и, считай, твоя песенка спета. Поэтому на одни только корни надежду не возлагайте. На изломанной поверхности горы много расщелин, за которые можно уцепиться. И учтите, страховки нет, поэтому ваша жизнь в ваших руках.

— Нечего сказать, ободряюще, — проговорил Кэйтиайрон и натянул на себя кривую улыбку. А Диоксид проворчал, что у него уже не тот возраст, чтобы испытывать себя на прочность.

«Если сорвусь и разобьюсь насмерть, никто обо мне даже не всплакнет, — подумала Минорис. — Вот, значит, каково быть отверженным». Она приблизилась к скале и взялась за гибкий корень. Она совсем не волновалась. Какое-то глухое отчаяние завладело ею.

Между тем Остер Кинн поплевал на ладони и приступил к делу: с присущей ему ловкостью вскарабкался по толстому шершавому канату и повис на высоте в два своих роста, уперев ноги в каменную стену.

— Ух! — с облегчением вздохнул он. — А я боялся, что потерял былую сноровку. Эй,

вы, там, внизу! Давайте, поднимайтесь сюда!

С горем пополам до Остера Кинна дополз капитан. И пока он в недоумении разглядывал появившиеся на руках мозоли, по живой стремянке взобрался Диоксид. Правда, без оказий здесь не обошлось. У земли философ тщетно пытался высвободить застрявшую между корнями хламиду, пока ему на выручку не пришла Сэй-Тэнь.

— И что вы там бубнили про возраст? — спросил Остер Кинн, когда Диоксид с ним поравнялся. — Вы еще вполне крепкий старичок! — И он со всего размаху хлопнул философа по спине. Тот от неожиданности даже поперхнулся.

Сэй-Тэнь присоединилась к ним чуть позднее. Раскачиваясь на корнях, как на лианах, она подбадривала остальных:

— Таймири, Папирус, вы там, никак, чуда ждете! Ждете, что прилетит облачко и доставит вас к пещерам? Так вот, сообщаю, чуда не будет! Шевелитесь, а не то придут голодные тигры и слопают вас с потрохами!

Предупреждение относилось также и к Минорис, которая в это время усаживала Зюма в заплечный рюкзак. Но кое-кто принципиальный скорее прикусил бы себе язык, чем нарушил собственные правила и произнес ее имя вслух.

— Эй-эй, ты смотри, как подхватились! — рассмеялся Остер Кинн. Но праздновать победу было рано... Он подремывал, когда взмокшие альпинисты-любители наконец достигли промежуточного финиша. — А! Это вы! Не прошло и полгода, — не сумев подавить зевоту, выговорил он. — Ну, а теперь еще рывок — и мы доберемся до первого уровня!

— До какого такого уровня? — празднично поинтересовалась Таймири.

— До первого уровня пещер. Они, как этажи, располагаются в скале друг над другом. Но до них еще пилить и пилить.

— И вы называете это рывком? — раздосадовано проговорил Папирус. — Этак у меня руки отвалятся!

Он, видимо, хотел еще что-то добавить, но тут капитан так на него зыркнул, что у него пропала всякая охота жаловаться.

И друзья продолжили изматывающий подъем. У Таймири страшно болели мышцы, но она убеждала себя, что совсем скоро мучения прекратятся и она сможет как следует отоспаться в пещере. Не исключено, что сегодня в небе будет мерцать какая-нибудь необычная звезда, потому что ей, Таймири, за такой подвиг уж точно полагается звездочка.

Все вздрогнули, когда Остер Кинн внезапно зашелся звонким, мальчишеским смехом.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — не унимался весельчак.

— И часто с тобой такие припадки? — съехидничала Сэй-Тэнь.

На самом деле еще никому не приходилось слышать, как хохочет Остер Кинн.

— Ну, понимаешь, — отдышавшись, сказал он, — я представил себе, как злобствуют сосны. Это ведь их корни. А кому понравится, если его начнут дергать, скажем, за волосы?

— Тоже мне, сравнил! Да если меня кто за волосы дернет, тому мало не покажется. Шкуру спущу! — на всякий случай пригрозила Сэй-Тэнь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Капитан не удержался и прыснул со смеху. За ним, набравшись смелости, засмеялся Папирус. Даже Диоксид в кои-то веки обнажил в улыбке совершенно целые, ровные зубы. В сочетании с белой, точно мел, бородой, эта лучезарная улыбка выглядела натянуто и неестественно.

Единственной, кого не тронула шутливая угроза Сэй-Тэнь, была, пожалуй, Минорис. Сейчас ее занимали исключительно собственные мысли.

«Мне всё равно, — думала она. — Пусть потом я буду сожалеть, но назад к философу не вернусь. В мастерской счастья Лисса наверняка найдется учитель в тысячу раз мудрее Диоксида».

Она нащупала сухой корень, потянула за него — и тугая серая плеть, принадлежавшая, по-видимому, какой-то старой сосне, низринулась в пропасть.

Вот уже и солнце спряталось, ненадолго задержавшись на макушке утеса-бородача. А они всё взбирались и взбирались, иногда делая перерывы, чтобы дать отдых конечностям. Шибко высоко сидят пещеры. Зато уж наверняка никто в них не обитает.

—А-а-ах! — зевнула Таймири. Нет, не стоит сейчас засыпать: колени ослабнут, разожмут шишковатый корень — и пиши пропало.

— Еще немножко! Еще чуть-чуть! — подбадривал сверху Остер Кинн. Он и сам уже отчаянно зевал.

Метр, другой — и перед Таймири возникла черная квадратная дыра в посеревшей породе из ледяного шпата.

— Эге-гей! — крикнула она в дыру. Ее оклик разбудит невиданных существ, которые, возможно, облюбовали пещеру, и они потихоньку уберутся оттуда.

«Эге-гей!» — ответила пещера своим, незнакомым голосом.

— Нашла? — устало спросила Сэй-Тэнь.

— Нашла. Эхо там что надо. Отменное.

Сэй-Тэнь перебралась по корням ближе к подруге и заглянула внутрь.

— Ну что ж, этот лаз будет наш. А мужчины пускай забирают себе соседний! — нарочито громко прибавила она.

— Минорис, давай к нам, — решительно дружелюбно позвала Таймири. Она последний раз в эту ночь глянула на небо: ни единой звездочки. Нетканый ковер затянули какие-то неприветливые тучи. До чего же обидно!

Под гладким холодным полом виднелись странные прожилки. Они то вздрагивали неоновым светом, то вновь тускнели, словно провода, протянутые в толще породы. При каждой новой вспышке Минорис различала отражение своего лица и рук. Она ползла на четвереньках, потому что встать в полный рост возможным не представлялось. Ее коса наполовину расплелась и стелилась по чистой поверхности камня. Щенок за плечами норовил выпрыгнуть из портфеля. Минорис слышала, как он сопит над ухом.

«Не лучше ль было расположиться у входа? — думала она. — Почему мы не берем в расчет коварство горы? Кто знает, куда она может завести? Вдруг коридор извернется, и мы попадем туда, откуда уж ходу нет?».

Таймири, которая продвигалась ползком впереди, отчего-то замерла.

— Мне только что показалось... — проронила она. — Мне показалось, что пещера перед нами оправдывается. Мол, никакая я не коварная и зла вам не желаю.

— Отчего же ей кому-то зла желать? — удивилась Сэй-Тэнь. — Камень вещество мертвое, неорганическое. А в замкнутом пространстве вполне могут начаться галлюцинации. Так что вы там поосторожнее. Не всякому звуку доверяйте.

«Если бы галлюцинации, — покачала головой Минорис. — Нет. Сами горы с нами разговаривают. Видно, они всё-таки живые, только жизнь их таинственна и непостижима».

Постепенно проход расширился, и теперь можно было шагать, как шагают короли, —

гордо и уверенно. Но королевская походка пока что никому особо не удавалась. Гордо и уверенно вышагивал один только Зюм, который выбрался из портфеля и с деловым видом направился вперед — вынюхивать.

Гулкое эхо отлетало от стен и уносилось во мглу пещеры. И Минорис постоянно чудилось, будто кто-то большой и страшный движется ей навстречу.

Внезапно Сэй-Тэнь присела на корточки и стала усиленно тереть мочки ушей. В какой-то момент ей показалось, что земля под ногами ходит ходуном.

— Это от недоедания, — поспешно сообщила она своим спутникам. — Ничего, сейчас пройдет.

Таймири с содроганием отметила, что лицо подруги бело, как мрамор.

— Ты посиди, посиди, — заботливо сказала она, озирая мерцающие стены просторного зала с высоким потолком и несколькими круглыми выходами в крошечный мрак. — А знаете, мы вполне можем остановиться здесь.

— Как насчет того, чтобы остановиться здесь? — сдавленным голосом предложил Кэйтирон, протискиваясь в узкую щель между двумя обтесанными глыбами. Несмотря на жесткие условия похода, он ни капельки не похудел.

— Вот так хоромы! — восхищался тем временем философ. — Ни тебе душных коморок, ни тебе сквозняков. Даже источник из стены бьет! Живи и радуйся!

— Источник, между прочим, не бьет, а сочится, — скептически отозвался Остер Кинн. — И сквозняк здесь изрядный. Вон, поглядите, — И он показал пальцем в сторону гигантской серой отдушины, окруженной угольно-черной каймой.

— Да что вы понимаете! Это же вентиляция! — переиначил Диоксид. — Куда же в нашем веке без вентиляции?

Напившись воды из родничка, он вдруг обнаружил, что в стенах и сводах полным полно помаргивающих желтых ленточек. Пока Остер Кинн с Папирусом вытаскивали застрявшего между камнями капитана, философ без устали носился вдоль стен, оглашая пещеру своими восторженными возгласами.

— Замолчит он когда-нибудь или нет?! — прогремел Кэйтирон. — У меня от него уже башка трещит!

Капитана насилу освободили, и он потом еще долго мерил шагами пещеру, раздраженный и злой. Остер Кинн кружил с ним за компанию — посвистывая и искоса поглядывая на остальных. Но после третьего или четвертого круга ему вдруг сделалось невыносимо скучно.

— Пойду я от вас, — объявил он. — На разведку, так сказать. Чтобы время даром не пропадало.

И путешественник без малейших колебаний нырнул в темноту «вентиляции».

Черные камни мертвы. Если вам когда-нибудь доведется набрести на них в сердце голубой горы, так и знайте: в недалеком будущем эту гору одолеет «аспидная немочь», именуемая также «следом лиходейства». Остер Кинн столкнулся с подобным явлением впервые и был не очень-то обрадован. Едва он вошел в отдушину, как взору его предстала чудовищная картина: золотисто-лазурная порода адуляра была во многих местах поражена уродливыми темными пятнами. Их контуры были нечеткими, но это означало только, что болезнь прогрессирует. О том, что это болезнь, Остер Кинн догадался сразу. У него чутьё на такие вещи.

— Да-а, — потрогав пятно, раздумчиво протянул он. От прикосновения пол под пятном

припорошило сажей. — Я не я, если это не слежавшийся вулканический пепел!

Смахнув с пальцев пыль, он медленно двинулся вглубь коридора. По вспыхивающим стенам тянулись застывшие цепочки клякс, и чем дальше он шел, тем больше их становилось, пока все они не слились в один сплошной сгусток. Остаток пути ему пришлось идти вслепую, потому что освещение пропало вместе с мигающими полосками в голубых стенах. Графитовые стены и запах гари.

— Не годится лунному камню хворать. Н-нехорошо, — приговаривал Остер Кинн, а у самого душа трепыхалась в пятках. По дороге он растерял всю свою храбрость. — Пахнет горелым пирогом. А я бы сейчас от пирога не отказался. Эх! И даже от горелого...

Он удержался, чтобы не взвизгнуть, когда об его штанину потерлось что-то теплое и мягкое. Инстинкт самосохранения сработал безотказно, и он рванул с места, что было мочи. Ноги сами понесли его в обратном направлении — назад, к свету.

Таймири подивилась собственной выдержке: только что от нее улепетнул призрак, а она ничуть не испугалась!

— Кисонька, Неара, ты где? — позвала она в темноту. Эта кошка забрела к ним в пещеру по чистой случайности, и если бы не Зюм, который спугнул ее своим лаем, не плутала бы сейчас Таймири по коридорам. Сэй-Тэнь и Минорис сразу отнеслись к кошке с подозрением. Мол, откуда такая выскочила? Забыли, что Зюм к ним тоже не из зоомагазина попал.

В общем, заявив, что черное ничуть белого не хуже, Таймири устремила за кошкой вдогонку. Даже имя ей придумать успела — Неара, что с языка страны Лунного камня переводится как «черная».

— Ах, вот ты где! — воскликнула она. Светящиеся в темноте глаза выдали беглянку. Она выгнула спину, потянулась и поточила когти о твердый пол. От этого ужасного скрежета Таймири стало не по себе. — А ну-ка, дух копотти, иди ко мне!

Она подхватила кошку под пухлый живот, и та издала жалобное «мяу».

— Я, разумеется, читала обо всяких там домашних питомцах вроде тебя. Однако у нас в домах их не держат, потому как в нашей стране животных почти нет. А те, что бегают по пустыням и горным лесам, — дикие. Не удивлюсь, если грязь на стенах — твоих лап дело. Духи, спору нет, сами себе хозяева и могут вытворять, что им в голову взбредет, но пакостить внаглую они бы себе не позволили.

Так, помаленьку отчитывая кошку, она вышла на свет и увидела перепачканного Остера Кинна.

— Фу ты, ну ты! Напугала! — вздрогнул тот.

— А вас что сюда принесло? — недоумевающе спросила Таймири. — И отчего вы такой чумазый?

Остер Кинн не стал проливать свет на происхождение своей боевой раскраски. В том, что он удирал от маленького зверька, не разбирая дороги, было просто стыдно признаться.

— Дай-ка лучше я тебя спрошу: где ты эту тварь раздобыла? На самой вон чистого места нет.

Таймири заботливо опустила кошку на пол.

— Это дух, — серьезно сказала она.

— Еще один, стало быть, приبلудился? — пошутил Остер Кинн.

— Вы тут острить пытаетесь, а я, между прочим, порядком утомилась. Знаете, сколько отсюда до нашей пещеры? Топать и топать.

— Тогда добро пожаловать к нам. У нас неподалеку стоянка. И кошку свою позови.

«Если Неара и Зюм обычные животные, то чем же они, в таком случае, питаются? — рассуждала Таймири, следуя за Остером Кинном. — В пещерах растения не растут, насекомые не летают, четвероногие не обитают. Значит, можно сделать вывод, что они духи».

Папирус потягивал ром из полупустой фляжки. Капитан, который к тому времени несколько остыл, прохаживался взад-вперед, а философ сматывал какой-то бурый свиток, когда из вентиляционного хода показалась черная мордочка Неары.

— У! Нечисть! — среагировал Кэйтирон и швырнул в кошку первым попавшимся камнем. Он промахнулся, а кошка стремглав бросилась обратно в проход.

— Не обижайте ее! Это может вам дорого обойтись! — предостерегла Таймири, появляясь следом.

— Какими судьбами?! — оживился Диоксид и, выронив свиток, подбежал к ней, чтобы убедиться, что она не мираж. — А Минорис с вами?

— Нет, — покачала головой та. — И, насколько я могу судить, желанием учиться не горит.

Философа этот факт явно расстроил. Он горестно вздохнул и поплелся назад к своему свитку.

— Пойдите, но что же получается? — подал голос охмелевший Папирус. — Наши пещеры... ик!.. связаны между собой?

— Выходит, так, — подтвердил Остер Кинн. — А еще я вот что думаю: пещеры в этой скале образуют один сплошной лабиринт. Поэтому не исключено, что какой-нибудь ход приведет нас к вершине горы.

— Да уж. Куда проще, чем карабкаться по корням еще добрую сотню метров, — буркнул из своего закутка философ.

Капитан для порядка побушевал и повозмущался.

— Вот доедим мы беличьи тушки. А что потом? — вызывающе спросил он.

— Безбелковая диета, — отпарировал Остер Кинн. — Будем пить воду.

Такое решение ошеломило всех до единого, и они дружно заявили, что протянут ноги.

— Не сегодня-завтра протянем! И-ик! — добавил Папирус.

— Надо бы пораскинуть мозгами, — озадаченно проговорил Остер Кинн. — Мы немного погуляем, а вы трое запаситесь водой. Фляги наполните доверху. И ждите нас к ужину.

Он наказал кошке сидеть смирно, а сам увлек Таймири в коридор, заведя бессодержательный разговор об углеродсодержащих породах.

Кэйтирон хмуро посмотрел им вслед. Ему тоже хотелось поговорить с Таймири. Только с глазу на глаз, да так, чтобы не подумали о нем плохого.

15. О каменных звездах и ползучих корнях

Остер Кинн был так увлечен своей болтовней, что ненароком завернул в мрачный и безмолвный грот. Пройдя несколько метров, он застыл на месте: здесь был тупик. Руки уперлись в плоскую каменную преграду. Как выяснилось, все это время он разговаривал сам с собой, а спутница словно сквозь землю провалилась.

— Таймири! Таймири! Ау! — позвал он. Ответом была гробовая тишина. Может, его ораторство и не выдерживает критики, но это не повод, чтобы сбегать при первом же удобном случае... Остер Кинн не сразу услышал стоны. Сначала он подумал, что таким образом дает о себе знать его желудок, и эта мысль слегка его успокоила. По-настоящему он занервничал, только когда звуки стали нарастать. У него даже возникло чувство, будто его хотят свести с ума. Пещера стонала, как человек. Как множество людей, которых заживо замуровали в адуляре. Остер Кинн закрипел зубами и, зажмурившись, сполз вниз по стене.

Неведомая болезнь точит скалу. Неведомая болезнь заразна. И передается она от камня к человеку самым невозможным образом.

Внезапно его забила дрожь — он ощутил на себе чей-то взгляд.

«Не так кончают храбрые герои, — подумалось ему. — Храбрых героев спецэффектами не проймешь. Им настоящих чудищ подавай».

«О, а вот и чудище!» — вздрогнул Остер Кинн, когда обнаженной руки коснулось что-то тонкое и холодное. Голоса в пещере к тому времени со стонов переключились на завывания, и выходило это у них, прямо скажем, виртуозно.

Решив, что настал его последний час, Остер Кинн без смущения присоединился к леденящему хору и взвыл так, что у Таймири, которую он сгоряча принял за горного монстра, по спине побежали мурашки.

— Эй! Вы чего? — отпрыгнула она. — Сбрендили?

— Я? — очнулся тот. — А ты разве не чудище?

— Все чудища у вас в голове. Вставайте! Я вас повсюду ищу. Уже ног под собой не чую. А вы здесь развалились! — упрекнула его Таймири.

— То есть как? — опешил Остер Кинн. — Ног она не чувствует! А кто первым потерялся?

— Вы не давали мне и слова вставить, всё толковали о каких-то гранитах! Я потому и решила притормозить, подумала, что это остановит ваш нескончаемый монолог.

— Нет, слышали! — возмутился Остер Кинн. — Кое-кто языка не щадил, нёс чепуху, чтобы ей скучно не стало. А она!

— Вообще-то, — заметила Таймири, — вы собирались пораскинуть мозгами.

— Собирался. Но мне помешала гора. Пока ты не пришла, она стонала, как ненормальная.

— Выходит, горы не только говорят, но еще и стонут?!

— Это когда же они говорили? — поинтересовался Остер Кинн. Однако его вопрос остался без внимания. Таймири согнулась в три погибели, чтобы получше рассмотреть камешек, который поблескивал в углу. Он мерцал слабым светом у самого пола, на матово-пепельной поверхности скалы. И вокруг него медленно сгущалась тьма. В глубине исчезающего адуляра нежно посвечивались крохотные звездочки. Минерал дышал, совсем как живой: вдох — и звездочки заволокло туманной пеленой, выдох — и они бросились врассыпную. Светлое пятно пульсировало, и было ясно, что скоро пульсации прекратятся.

— Остер Кинн, быстрее! Есть у вас что-нибудь острое? Какой-нибудь нож или гвоздь?

Ни нож, ни гвоздь не помогли бы Таймири, имей она дело с обычным лунным камнем. Здесь же предстояло работать с пористой породой. Выдолбить из нее камешек размером с фасолину — пара пустяков.

Остера Кинна дважды просить не пришлось — он достал из кармана перочинный ножик и вонзил в слоистую стену на границе темноты и света.

— Вошел как в масло! — прокомментировал он, после чего предоставил действовать Таймири. Несколько нажимов лезвием — и самоцвет вывалился из гнезда на открытую ладонь. Он был восхитителен и не переставал сиять.

— Отныне ты мой амулет, — сказала ему Таймири. Теперь камешек будет всегда мерцать у нее на груди, как самая настоящая путеводная звездочка.

Остер Кинн стоял рядом, размышляя и попыхивая трубкой.

«Не пойму, почему эти стены до сих пор на нас не обрушились. Они ведь почти как спрессованная бумага! Хотя припоминаю, был случай, когда во время землетрясения пачки прошлогодних газет спасли от гибели какого-то гражданина. Хм, бумага... Такая незначительная, казалось бы, вещь. А сколько от нее пользы!»

— Так о чем бишь я? — спросил себя Остер Кинн, вынув трубку изо рта. Порой ему нравилось мыслить вслух. — Пепел. Откуда здесь пепел, если поблизости нет ни одного вулкана?

Таймири брезгливо поморщилась и зажала нос.

— Я бы попросила вас не дымить. Мало того, что здесь воздух спертый, так еще и воняет!

Но Остер Кинн, думая о вулкане, и сам сделался его подобием. А вулканы, как известно, с мнением людей не считаются.

— Выйдем отсюда, — только и сказал он. И стоило им выйти из ответвления в главный коридор, как позади бесшумно обвалился потолок. Сначала он прогнулся, обвис, как жировая складка на тучном теле, после чего лениво опустился на пол, погребши под собой следы Таймири и Остера Кинна. Стены карточного домика сложились. Грот больше не будет стонать. Грота больше нет.

— Не стоит задерживаться в этих переходах, — не сморгнув глазом, сказал любитель табака. — И лучше предупредить твоих друзей.

Таймири испарилась в мгновение ока — побежала предупреждать. Еще некоторое время по коридору разносилось гулкое эхо ее шагов, как если бы кто-то ритмично постукивал по полой картонной коробке. Потом всё стихло.

Черная кошка с желтыми миндалевидными глазами уселась посередине зала и принялась вылизываться. Она водила своим шершавым языком по бархатистой шерстке, то и дело поглядывая на спящего Папируса. Но Папирус не спал, а только притворялся. Он наблюдал за кошкой через узкую щелку приоткрытых век.

Неара закончила омовения и приступила к следующей процедуре — к обтиранию. Папирус скосил глаза вправо: совсем недавно философ громко храпел у него над ухом. Теперь он куда-то исчез. А Кэйтирон? Его тоже след простыл. Вот тебе и друзья-товарищи: бросят на произвол судьбы и даже не посовестятся. Один на один с подлюгой-кошкой — как-то это тоскливо. Он с пренебрежением покосился на Неару: выгнула спину дугой и, зная себе, трется о стену. А стена — это ведь самое настоящее произведение искусства!

Смотритель музея вряд ли разрешил бы притрагиваться к такому шедевру. Папирус всегда завидовал зрителям музеев. Не работа, а сплошное развлечение: прохаживаться по чисто убранным комнатам, напускать на себя важный вид и бить по рукам непонятливых посетителей — чтоб примерно себя вели. Смотрителя музея уж точно никто поучать не посмеет.

Но здесь не музей. А кошка... о ужас! Нет, ему не привиделось: отделившись от блестящей стены, Неара оставила после себя печать, таинственный и мрачный знак в виде круга с извитыми отростками по периметру. Черное пятно крепко въелось в каменную поверхность, ничем его не выведешь. Разрастется оно, как плесень — и конец волшебству. На смену очарованию придут страхи, погонят путников прочь. А заблудиться в беспроглядной тьме всё равно, что подписать себе смертный приговор.

Папирус подскочил к кошке с непреодолимым желанием надавать ей пинков, но та его и в упор не видит. Делает свое грязное дело, точно заведенная машина.

Очередная маслянистая клякса расплзлась по стене. «Это кошмар! Какой-то бредовый сон! Разбудите меня, кто-нибудь!» — вскричал Папирус и со всей дури укусил себя за палец, так что даже кровь потекла. Но ничего не изменилось. Кошка глядела на него с презрением и самодовольством.

«Мне надо проснуться, надо проснуться...» — заладил он. И тут кто-то сильно пихнул его в бок.

— Сколько можно дрыхнуть?! Мы тебя уже целую вечность расталкиваем! — прозвучал над головой рассерженный голос капитана. Кэйтирон — это в его манере не церемониться с теми, кто по званию младше. Команду «отставить любезничать!» он, небось, повторяет себе ежечасно.

Очнувшись, Папирус первым делом проверил, не кровоточит ли ранка на пальце. Но никакой ранки не было и в помине. Сон, всего лишь сон — ничего более! Значит, и стены в полном порядке, и кошка не злодейка, а обычная кошка!

— Мы собирались тронуться в дорогу с утра. А он и ужин, и завтрак проспал! — запальчиво воскликнул Остер Кинн.

— Чтобы петлять по лабиринтам, понадобится много энергии, поэтому на, вот, перекуси, — беззлобно сказал философ и подал ему еды.

Папирус только сейчас заметил, что в гроте толпятся абсолютно все участники экспедиции, и у Таймири на шее мерцает уменьшенная копия Альтаира. Минорис протирает заспанные глаза, а Сэй-Тэнь услужливо заплетает ей косу — судя по всему, они помирились. Зюм рычит на Неару. Правильно делает, что рычит. За кошками нужен глаз да глаз.

— Ой, чувствую, навлечет она беду, — пробормотал Папирус, покидая пещеру последним. Его взгляд невольно задержался на участке стены возле «отдушины». Там, внизу, предательски чернело круглое пятно...

— Живее, пошевеливайтесь, размазня! — ревел командир пятой роты, в то время как солдаты строем проносились мимо, рассредоточиваясь по главной площади. Командир «Всё захвачу, всех растопчу», а по-простому — Вазавр — буквально раздувался от гордости. На его смуглом надменном лице блеснули близко посаженные глазки, и он вспомнил тот знаменательный миг, когда они с Авантигвардом обменялись рукопожатиями. Именно об этом мечтал Вазавр в юности, именно так он рисовал себе первую встречу с правителем: пышные чертоги, почетный караул, красная дорожка до самого трона. И сверхсекретное

поручение. Историческая миссия. Правда, о миссии история страны умалчивает, как умалчивал о ней и сам Вазавр. От него вообще редко удавалось услышать что-нибудь, кроме порицаний или придинок. И солдаты предпочитали оставаться в неведении, нежели лишаться пайка и садиться на гауптвахту единственно из-за своего здорового желания быть в курсе дела. Приказ не разглашается — и точка. Некоторые бойцы тайком жаловались товарищам, что образ командира посещает их даже в сновидениях. А иногда он, точно злой дух, внезапно появлялся в казарме, едва там начинали шушукаться о его персоне. Квадратная, будто вытесанная из камня, фигура Вазавра приводила сплетников в немой ужас. И горе тем, у кого язык без костей, потому что не только в армии, но и во всей округе были изрядно наслышаны, что Вазавр скор на расправу.

Благоговей перед высокопоставленными особами, он считал подчиненных жалкими червяками, и высокомерию его не было границ. Тщеславная ухмылка почти никогда не сходила с его лица. Исключение составляли разве те случаи, когда его вызывали к военачальнику или во дворец.

«И как его земля терпит?!» — возмущались жители местных деревень. Казалось, зажечь среди них восстание могла одна малая искра.

«Не нам его судить, — умеряли их пыл старики. — Бедный он человек, ибо не то делает, что по сердцу ему, но то делает, что ненавидит».

Вазавр был из тех, кто не мог начатое на полпути бросить. Он любил завершенность во всем и исполнительностью отличался беспрекословной. Мысль о том, что миссия может провалиться, у него даже не возникала. А ведь часто неудача поджидает нас именно там, где мы рассчитываем на молниеносный успех. Может, оттого и не упоминается в летописи о тайной миссии, возложенной на Вазавра Икротаусом Великим, что не увенчался успехом военный поход на город Цвета Морской Волны. Этот город — крепость неприступная, правда, нет у крепости ни пушек, ни стен. Это цитадель, укрепления которой незримы. Оттого-то ее почти невозможно завоевать. Авантигвард знал, как подступиться к городу. У города есть хранитель, известный более как философ Диоксид. По его душу и пришел Вазавр. Он расставил на площади часовых и заявился в академию, а там все руками разводят: не слыхали, говорят, ни о каком Диоксиде. К мальчишке, говорят, обратитесь. Потряс командир мальчишку за шиворот, но тот ничего путного ответить не смог. Мальчишку звали Карион, и знал он лишь, что в таком-то часу такого-то числа отбыл учитель на яхте и не видели его с тех пор в академии.

Спустился Вазавр по ступеням, сел у фонтана и задумался. Философа след простыл, а у философа того свиток коричневый, куда имя каждого жителя записано. И покуда эти имена там числятся, ни один горожанин не подпадет под власть сильнейшего. Так-то.

И где теперь искать Диоксида со свитком?...

— Спрашиваешь, зачем мне город?! — восклицал Икротаус, ходя из угла в угол и заложив руки за спину. — Будто не знаешь, что я болен! Я заразился твоим безумством! Отныне мне, как и тебе, нужно лишь одно — рабы. Чтобы горы треклятые по камешкам разбирать!

Похоже, он все же хлебнул отравы, хотя и не той, которой хотела напоить его Терри.

Пятнышко от вина так и не отстиралось с покрывала, и в памяти Терри свеж был эпизод с опрокинутым бокалом. Ее план отравить господина с треском провалился, и виной тому была какая-то неизвестная ей магия. А Икротаус если и догадался, какую цель преследовала

ведьма, то виду не подал.

Вдруг он действительно маг какой или колдун? Что если он только притворяется безоружным, а сам втихомолку строит против нее козни? Молчаливый враг куда опасней врага-болтуна, и Терри предпочла на некоторое время втянуть коготки, чтобы как следует присмотреться к правителю. Нет, он далеко не из робкого десятка, этот Авантигвард. Мозги у него, может, и куриные. Зато предприимчив он, как никто другой. Его энергию главное в нужное русло направить.

— Итак, что мы имеем? — начал перечислять Икротаус, загибая пальцы. — Город Морских Штормов уже в осаде. Долго сопротивляться жители не смогут. К тому же, я давно хотел переименовать этот захолустный городишко. Сколько там кварталов? Раз-два и обчелся! Ему такое роскошное название не подходит... А что касается города Бликов, то он далеко. Пока мои люди будут попирать дорожные камни, Бликовцы успеют вооружиться до зубов. В выигрыше окажутся они, а не мы.

— А почему бы не отдать в распоряжение ваших людей высокоскоростные плайверы, мой государь? — спросила Терри.

— Кому? Этим остолопам — солдатам? — выпучился на нее Авантигвард. — Да они же рычаг передачи от рычага воздушного тормоза отличить не сумеют! Ничего, пусть побегают. Разминка всегда полезна.

— Даже в пустыне? — не сдержала удивления Терри. — Пустыня любого в могилу вгонит.

— Не вгонит, — отмахнулся Икротаус. — Моя армия уже прибыла в город Цвета Морской Волны. Все живы-здоровы, и, заметь, пустыня не явилась для них помехой. Специальные защитные костюмы — придумка придворного изобретателя — служат надежно, не подводят. А теперь позволь мне побыть одному, — попросил он, подкрепив свою просьбу жестом.

В опочивальне стояла духота. Последнее время здесь редко открывали окна, потому что правитель вбил себе в голову, будто вдыхать воздух с улицы небезопасно. Свежий воздух приносит свежие мысли. А устоявшийся порядок мыслей дорогого стоит, даже если этот порядок в корне неверный.

Икротаус исподлобья глянул в зеркало: оттуда на него укоризненно смотрел вздорный чудака с двухдневной щетиной и темными кругами под глазами.

— Ну, что ты уставился? Что уставился?! — раздражился он.

— Да знал бы я, в кого ты превратишься, ни за что не стал бы тебя спасать. Умер бы ты безвременной смертью и не мучился бы сейчас... А заодно других бы не мучил, — с упреком объяснило отражение. — Слишком много жизней уже покалечено.

— Я болен. Болен! Болезнь источит меня, как червь яблоко. Только мой червь покрупнее будет, — сказал Икротаус и ткнул себя пальцем в грудь. — Червь этот, вот он где! И ничто меня теперь не исцелит.

— Но средство всегда есть, — заметило отражение.

— Врешь! От моего недуга лекарств не существует. Пропавший я Авантигвард. Знаешь, надо было, и правда, выпить того яду в бокале. Я не хочу так жить! Не хочу! Не хочу!

Внезапно он испустил полный отчаянья вопль и поник. Он ждал, что вбегут лакеи или Терри, — справиться о его самочувствии. Но никто даже не приоткрыл тяжелую трехметровую дверь.

«У-у-у-р-р!» — утробно завывал ветер. В переходах с потолков, отмеряя такт, капала вода.

— Как думаешь, Сэй-Тэнь, почернение породы может быть связано с неурядицами в стране? — неуверенно спросила Таймири.

— Неурядицы? Это слабо сказано! Мы катимся в глубокую яму, вот что творится! Но, по-моему, здесь никакой связи нет. Видоизменение породы процесс химический. Будь добра, поддержи сумку, а то у меня шнурок развязался...

Они то пробирались в непроницаемой мгле, как незрячие, выставив перед собой руки, то снова выходили на свет пульсирующих огоньков. И так без конца. Таймири подозревала, что они блуждают по кругу.

Иного мнения был Остер Кинн. Он шел за Зюмом, а у Зюма, как известно, ню отменный — собака, всё-таки. Таймири не могла разглядеть этот белый мохнатый клубок, который семенил где-то впереди, — она замыкала строй. Вскоре коридоры сузились настолько, что путникам пришлось двигаться гуськом. И, когда внезапно пропадало освещение, она инстинктивно цеплялась за край выпростанной рубашки Сэй-Тэнь.

«Игра в паровозик» затянулась — это понимал уже каждый. Как долго пробыли они в пещерах? Сколько закатов и рассветов пропустили? Их измучила жажда, а от голода сводило кишки. Что и говорить, если даже Остер Кинн несколько раз изъявлял желание выпотрошить кошку Неару, которая не отставала от Зюма ни на шаг. Попробовал бы он заикнуться о щенке! Щенок — благородное создание — поступился своей неприязнью к кошке ради блага большинства. Гордо подняв мордочку и поваливая хвостом, он был самым воплощением снисхождения.

Всё реже стали попадаться в адуляре «язвы», измельчали черные нарывы и сажевые кляксы. А это несомненный признак, что ядро горы отодвигается вглубь. Выход близко — значит, близко и спасение.

Им не единожды приходилось подниматься по крутым лестницам с высокими кривыми ступенями, которые, казалось, были предназначены специально для того, чтобы наводить на путников ужас. Таймири где-то поранилась об острый выступ скалы и всё бы теперь отдала за хороший пластырь. Ступни болели от вскрывшихся мозолей, а руки были сплошь в ссадинах да мелких неприятных царапинах.

К концу нелегкого подъема уже ни у кого не осталось сил. Ноги Минорис точно свинцом налились, голова гудела, и что-то, как назойливый комар, непрерывно пищало над ухом.

— Больше ни шагу, — заплетающимся языком сказала она. — Я не сделаю больше ни шагу. — И в изнеможении опустилась на корточки.

Сэй-Тэнь с тяжким вздохом прислонилась к выдающейся из стены плоской каменной плите. А Диоксид так и вовсе разлегся на полу.

— Ого! Ползет! Что-то ползет рядом со мной! — воскликнул Остер Кинн. — Змея! — добавил он подрагивающим от радости фальцетом. Этого уточнения было достаточно, чтобы остальные подскочили и бросились кто куда.

Змеи были излюбленным деликатесом Остера Кинна, и он искусно расправлялся с ними, даже если под рукой не находилось острого предмета. Но как раз сейчас в кармане штанов он трепетно сжимал пахнувший железом перочинный ножик. Наконец-то у них появится еда! Он был уже готов нанести удар, когда вдруг понял, что ползет вовсе не змея. Полз поразительно похожий на змею плотный кожистый корень. Постепенно утолщаясь, он

с едва слышимым шорохом стелился по проходу.

Минорис стояла, удивленно хлопая ресницами. Папирус отшатнулся от уже довольно объемистого корня и вжался в стену, а Кэйтирон бросил на философа выразительный взгляд.

Диоксид развел руками:

— Я по этой части не знаток. Может, наши зверушки помогут?

Кошка зашипела и угрожающе выгнула спину — судя по всему, она тоже не знала. Зато Зюм радостно твякнул и принялся прыгать через корень — туда-сюда, туда-сюда.

— Нашел скакалку, — буркнула Сэй-Тэнь.

— Да нет, вы не понимаете! — воодушевилась Таймири. — Это знак!

— Тьфу, знаки! — скорчил гримасу Остер Кинн. — Я и без знаков соображу, что к чему. Не тратя времени даром, он оседлал молочно-белый жгут и зажал в руках два его извилистых отростка.

— Вот, глядите. Будем считать, это вожжи.

— Глупец! — нахмурился философ. — Эдак твой череп просто размозжит о своды пещеры.

Таймири смирila его осуждающим взглядом.

— Сами вы глупец, — сказала она и забралась на корень позади Остера Кинна. — До выхода, возможно, рукой подать, а мы непонятно зачем тут отсиживаемся.

Остер Кинн лихо пришпорил «коня», и тот немедленно встал на дыбы. Уж очень не понравилось сосне, что ее корни кто-то пинает. Пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о потолок.

— Батюшки-светы! А корнем-то, оказывается, можно управлять! — крикнул с высоты путешественник. — Хватайтесь за него, да поживее!

Диоксид уперся, как осел. Нет, даже хуже осла. Он почему-то считал, что непременно погибнет.

— Погибнете, ну и что с того?! — прокричал ему капитан, которому совершенно отказало чувство такта. — Всё равно рано или поздно помирать. А вы и так плесень старая!

— Это я-то плесень?! — не на шутку рассердился Диоксид. — Да я, между прочим, моложе некоторых!

Он подпрыгнул и вцепился в корень изо всех сил. Его длинная седая борода перевесилась через плечо, хламида обвисла и стали видны старческие ноги с выпуклыми зелеными жилами.

— Может, в душе вы и моложе, — согласился Кэйтирон. — Да только не сейчас об этом рассуждать.

Остер Кинн чуть шею не свернул, пока пытался сосчитать пассажиров. Все ли в седле?

— Готовы? — крикнул он.

— Так то-очно! — проблеял сзади Папирус. Вот у кого силенок явно не доставало. Когда друзья разом саданули пятками по бокам мясистого «удава», когда корень стал завиваться в кольца, биться о стены и, в конце концов, вынырнул из углубления, бедняга лишь чудом удержался и не соскользнул в пропасть. Описав дугу у вершины горы, корень стряхнул на землю друг за дружкой всех семерых путников. Стряхнул — и был таков, сунулся обратно в дыру.

— Тут одно из двух, — рассуждала потом Таймири. — Либо сосны чересчур чувствительны, либо чересчур любопытны. Ну а что? — приставала она к измученной Сэй-

Тэнь. — Будь я сосной, давно бы извелась от любопытства: кто это у меня в корнях копошится?

— Будь ты сосной, — устало отвечала та, — изнервничалась бы и половину иголок растеряла, гадая, какая зараза к тебе прицепилась.

16. О голодных тиграх и лице горы

После сильного нервного потрясения капитан сделался до невозможности говорлив и сыпал словами, как песком.

— Нет, видали? Скоро от нашего легендарного массива одно решето останется! Как его сосны дырявят, а!

Он еще долго городил несусветицу, а Сэй-Тэнь вдруг возьми да и засни. Прямо под той самой сосной, которая вытащила их из пещер. Остер Кинн и так ее расталкивал, и эдак — хоть бы что. Пришлось нести на руках.

— Ничего, сейчас иголок насобираем, чайку изготовим и будем здоровехоньки, — приговаривал он. — А еще на белок капканы расставим. Самодельные.

Ветер разгулялся над макушками деревьев, и лес сердито зашумел. Таймири всё шла да гадала, как она еще на ногах держится. Сытные завтраки и обеды за столом тетушки Арии проплывали в ее памяти мутными кадрами, а отдых на мягких подушках так и вовсе представлялся несбыточным.

«Помыться бы сейчас в чистом ручье, — мечтала она. — Наверное, пахнет от меня прескверно...»

Сэй-Тэнь повезло. Она опять провалилась в этот свой летаргический сон, и ей не нужно было утруждать ноги.

Край обрыва остался далеко позади, и путников со всех сторон обступили скрюченные деревья. Пейзаж здесь разительно отличался от пейзажа по берегам реки. Сосны росли плотнее и были кряжистее да приземистее. С непривычки казалось, будто они недобро смотрят на тебя из-под заскорузлых, нависших лбов. Но первое впечатление обманчиво. На самом же деле соки в них текут свежие, и смола из стволов выступает янтарными бусинками. Как приглядишься к деревьям-старожилам, так сразу и отметишь, что глазасучья у них, как у древних мудрецов, светятся необыкновенным светом. И бояться тебе нечего.

До чего же сладко бывает проснуться, когда по щеке бродит солнечный лучик, в двух шагах полыхает пламя костра, а в котелке, подвешенном на треноге, булькает варево. Кто-то в мятой рубашке сидит к тебе спиной и строгает ножом фигурку из дерева. Или, может, не фигурку, а колышек для самодельного капкана? Сэй-Тэнь почувствовала голод и расстегнула спальный мешок. Лесные запахи кружили ей голову. Терпкий, пряный аромат смолы проникал глубоко в легкие, бодрил и пробуждал бередящие душу воспоминания. Когда-то Сэй-Тэнь подарила дочурке на день рождения шкатулку с точно таким же запахом.

Костер плясал и плевался оранжевыми искрами, которые уносились куда-то вверх, к исполосанному облаками, отрешенному небу.

Остер Кинн — а колышек точил именно он — отложил почти готовую работу и помешал содержимое котелка.

— Что это? — поинтересовалась Сэй-Тэнь.

— Питательный бульон. Силы восстанавливает, — пояснил тот.

— А куда все подевались?

— Минорис и Таймири позавтракали и сейчас в лесу. Сказали, пойдут собирать какое-то растение. Оно встречается только в этих горах и только под старыми соснами.

— А философ?

— Возится со своим свитком. Говорит, свиток страшно секретный.

— А Кэйтирон и Папирус?

— Отлучились, кажется, по нужде, — махнул рукой Остер Кинн.

Таймири сорвала очередную кудрявую устерцию и бережно опустила в пакет, где скопилось уже достаточно трав, чтобы сварить из них полноценный суп. На листьях устерции была белая полупрозрачная пленка, а запах от растения шел специфический и необычайно крепкий.

— Может, пора закругляться? — спросила Минорис. — А то я скоро спины не разогну.

— погоди немного, наполним пакет доверху, — пробормотала Таймири. — Эдна Тау говорила, что устерция снимает боль, а настой из нее бодрит.

— В таком случае, эти травы очень быгодились моей сводной сестре Лимэрин. У нее долго не заживала рана от укуса скорпиона, что водится на южной оконечности острова Олмау.

— Ты скучаешь по ней?

— И не только по ней. В приемной семье меня не очень-то любили. Но я к ним привыкла...

— Что, даже к мачехе? Она-то уж точно не сахар, — отложив пакет, заметила Таймири. — Не переживай, ты ведь еще с ними увидишься.

— Нет, — покачала головой Минорис. — Если я попадусь мачехе на глаза, она сразу же выдаст меня замуж. У нее в роду побег невесты считается позором, смыть который может лишь немедленная свадьба.

— Ну и обычаи, — поморщилась Таймири. — Да если б моя тетушка заикнулась о свадьбе, я бы... Я бы тотчас сбежала из дому!

— Прислушайся, ты ничего не... — прошептал Остер Кинн и оборвал речь на полуслове. Крик повторился вновь.

— Зовут на помощь. Кто-то в беде! — встревожилась Сэй-Тэнь.

Остер Кинн вскочил на ноги.

— Последи за пламенем, а я сбегаю, посмотрю, в чем там дело, — сказал он и скрылся в лесу.

— Ну, что опять происходит? — недовольно спросил философ, высунувшись из-за ствола коренастой сосны. В последнее время он принципиально держался особняком. Ему, видите ли, требовалась тишина. Диоксид изучал какой-то свиток, но Сэй-Тэнь полагала, что всё это отговорки и что старик просто устал от их компании.

Сняв кастрюлю с огня, она набрала полный рот горького бульона и демонстративно отвернулась.

Когда, покончив со сбором трав, Минорис и Таймири вышли на прогалину, тишину вспорол неистовый рев. Как будто кто-то завел и тут же выключил исполинскую электропилу. Таймири импульсивно сжала пакет. Ей на минуту показалось, что гора сотряслась от основания до самой верхушки.

Рев повторился дважды, сопровождаемый на этот раз отчаянными, чересчур уж громкими криками, после чего лес зловеще замер. Даже сосны поскрипывать перестали.

— Так не может рычать ни одно животное на свете. Или может? — неуверенно спросила Минорис.

— Не знаю, — пробормотала Таймири. — Но мне это совсем не нравится.

Потом она вдруг оживилась:

— Ставлю десять неонов[3], что без Папируса здесь не обошлось!

— Ставлю двадцать, что влипли и Папирус, и Кэйтиайрон! — зажглась азартом Минорис. — Я, кстати, где-то читала, что в массиве водятся дикие кошки.

— Здоровенные клыкастые тигры?

— Вот-вот!

— А давай проверим, вдруг и впрямь тигры, — предложила Таймири. Шуршащий пакет она положила под дерево, рассчитывая забрать его на обратном пути.

Лесное эхо врало, причем самым наглым образом. Страшные звуки оно усиливало, а приятные, вроде чьей-нибудь беззаботной песенки, ослабляло. Лес уже давно научился выпроваживать незваных гостей из своих чертогов. Наловчился, можно сказать. Раздобыла, к примеру, белка орешек, грызет где-нибудь на ветке, а путнику кажется, будто к нему оборотень или упырь какой подбирается.

Вскоре оглушительное рычание стало рычанием разъярившихся тигров, а крики, от которых кровь стыла в жилах, — криками двух до смерти перепуганных мужчин.

— Ты выиграла, — шепнула Таймири на ушко Минорис, когда они засели в засаде за одним неохватным стволом. — Влипли оба. И как только их угораздило!

— Послушай, перестань дрожать, — нахмурилась она, заметив, как Минорис трясется. — Страх тигры наверняка чувствуют так же, как и запах.

— Но они т-такие жуткие, огр-ромные, — просипела та. — Проглотят — не заметят.

— Чепуха, — возразила Таймири. — По натуре они создания мирные. Нам еще в школе рассказывали, что лесные тигры Рирра в принципе никого не глотают. Они вообще питаются только молодыми побегами, понятно?

«Тигры Рирра, — стала припоминать Минорис. — Но... Это ведь совсем другие тигры! Рирра живут в дуплах старых смолистых секвой. Они тоже полосатые, с зубами и хвостом. Но, силы адуляра! Они ведь в сотню раз мельче этих гигантов!»

— Таймири! — забыв об осторожности, крикнула она. — Таймири, стой!

Однако та уже выпрыгнула из укрытия и, безоружная, встала перед хищниками.

— Ой, что будет! Мамочки, — пискнула Минорис и спрятала лицо в ладонях.

Тигры несколько опешили от такой вопиющей наглости, или храбрости, или дурости. Пока они прикидывали, что именно заставило Таймири броситься им наперерез, Папирус с Кэйтиайроном улучили момент и по раздвоенному стволу вековой пинии забрались на нижние ветки. Оба неуклюжие, а капитан к тому же и полноватый. Позднее они признались, что сделали это в состоянии аффекта.

Три белых тигра высотой в полтора человеческих роста представляли собой весьма внушительное зрелище. Аквамариновые глаза, мягкая шерсть, филигранно вычерченные на шкуре черные полосы...

Такую киску Таймири с удовольствием взяла бы к себе домой. Если б, конечно, не запредельные размеры.

Она посмотрела в блюдцевидные глаза близстоящего тигра, выдержала ударную волну грозного рыка и ни капельки не испугалась.

— Рряу! — возмутился тигр. — Ты почему не убегаешь? Я же тебя съем.

— Так я тебе и поверила, — отмахнулась Таймири. — В учебниках написано, что вы не плотоядные.

— А какие? — ощерив пасть, поинтересовался тот.

Таймири отступила на шаг.

— Ну, вы эти, как их... травоядные.

— Травоядные? — утробно захохотал тигр и обернулся к собратьям. — Слыхали?

— Мрряу, и-и-и-ряу, — оскалились те.

— Судя по всему, ваши учебники составляют олухи и остолопы, — продолжил он, обдав заступницу горячим дыханием. — Двунogie могут не стараться, — добавил он, имея в виду Папируса и Кэйтирона. — Мы ими всё равно закусим. А ты слишком глупа. Не хочу заразиться твоей глупостью. Ступай прочь, пока не передумал.

Капитан с Папирусом висели, уцепившись за ветки, и ничегошеньки не понимали. Что за язык использует Таймири? И почему ее до сих пор не растерзали? Минорис, зажмурившись, сидела за деревом и тоже ничего не могла разобрать. Ей хватало того, что разговор был отрывистый, громкий и порядком леденящий кровь.

— Я глупости не боюсь, — выступила вперед тигрица, подняв, как палку, полосатый хвост. — Меня вполне устроит длинношерстая.

Она, наверное, хотела сказать «длинноволосая», но кто знает, что на уме у этих тигров?

У Таймири внутри всё похолодело, и ей даже показалось, что заледенело и сорвалось с петель сердце.

— Вер-р-рно подмечено! — согласился третий тигр. — Разделим добычу поровну.

— А о той, кто вас на добычу навел, не забыли? — противным, приторным голосом промяукала черная кошка, появившись сбоку от тигрицы.

Таймири пришла в возмущение, но сумела лишь выдавить из себя:

— Неара! Так это твои происки?

— Не суй нос не в свое дело, человек, — надменно отвечала кошка. — И зовут меня совсем не Неара, а Ипва — Идущая После Великой Агонии. Как вы уже, наверное догадались, массив гниет изнутри. Распадается. Я — дух распада. Я несу несчастье. Ты имела неосторожность дотронуться до меня, чем обрекла на гибель себя и своих друзей. Я никого не пощажу, и что начнут тигры, то завершит Ипва.

— Убей меня, зачем тебе остальные? — сдавленно проговорила Таймири. Голос ей всё еще не повиновался.

— Да твое худосочное тело и гроша ломаного не стоит! — презрительно отозвалась кошка. — Хватит пустых разговоров. Принимайтесь за дело, — обратилась она к тиграм. Те оцетинились, оскалили зубы и стали медленно приближаться к дереву, на котором беспомощно висели Папирус и капитан.

«Ох, и увязли мы!» — подумала Минорис. Несмотря на то, что переговоры велись на непонятном для нее наречии, итог был очевиден. Куда Таймири поладить с голодными тварями!

«Дело табак», — нахмурился Остер Кинн, выглянув из-за соседнего дерева. Он примчался на рев чуть позднее и не придумал ничего лучше, чем притаиться.

У него в уме уже почти созрел гениальный план отступления, но домыслить ему не дали.

— А-а-а-и-и-и! — завизжала вдруг Минорис, да так пронзительно, что даже лес дрогнул. А тиграм хоть бы что.

— О, да их тут гор-р-раздо больше, — довольно рыкнул старший. — Всем по двуногому достанется.

Он одним прыжком очутился возле Минорис и приготовился ударить ее своей гигантской лапищей. Но тут, откуда ни возьмись, с оглушительным улюлюканьем из-за

деревьев выскочила индианка и ловко всадила ему в хребет копье. Ее соплеменник — молодой индеец с двумя красными перьями на макушке — молниеносно расправился с тигрицей, а третий полосатый хищник увернулся от руки краснокожего и задал стрекача. Кошка Ипва куда-то скрылась.

Через несколько мгновений на поляне стало так тихо, что Остеру Кинну показалось, будто вместе с тиграми умер и сам лес.

Посмеиваясь и отирая пот с лица, Эдна Тау оглядывала свой трофей — эта полосатая шкура скоро будет красоваться у нее в вигваме на зависть всем соседям.

— Знакомьтесь, мой брат, Кривое Копье, — сказала она.

Индеец смолчал и надулся на протянутую Остером Кинном руку. Видно, это считалось у него верхом дружелюбия.

— Да будет вам известно, Кривое Копье дал обет молчания, потому что в свое время слишком много мозолил язык, — заметила его сестра. — Вождь его наказал.

— А когда истекает срок... ну, этого, обета? — поинтересовался путешественник.

Эдна Тау сделала жест, который, как всегда, мог означать, что угодно, но который Остер Кинн истолковал как «не знаю».

— Послушай, мой бледнолицый друг, — сказала она, — нам лучше поскорее убираться из массива, потому что удравший тигр созовет сородичей, и они отомстят за убитых. Надо поторопиться.

Остер Кинн взглянул на взъерошенных Кэйтирона и Папируса. Вид у них был жалкий.

— Ну, чего такие постные лица? Невредимы? Так радуйтесь!

Таймири подняла с земли подругу. Та уже дважды успела потерять сознание и теперь понемногу приходила в себя.

— Пойдем, храбрая ты наша. В следующий раз думай, прежде чем беду на себя навлекать.

Минорис шла за индейцами, опасливо поглядывая на огромную черно-белую шкуру, которую волок за собой Кривое Копье. Вдруг оживет да снова набросится? Тут уж ей наверняка несдобровать, потому как тигры массива дважды добычу не упускают. Еще следовало бы попросить прощения у Эдны Тау, но Минорис не знала, как лучше начать...

... - За что? За что мне тебя прощать? — искренне удивилась индианка, и Минорис залилась краской.

— Но я ведь вас ударила! — через силу произнесла она. — Как... Как последняя свинья.

— Не изводи себя понапрасну. Всем неприятным эпизодам место в прошлом. К тому же, — нерешительно добавила Эдна Тау, — это была идея философа. Он хотел тебя вернуть. Эх! На что только не пойдет учитель ради ученика!

— Так значит... — сказала и тут же осеклась Минорис. — Но я больше не его ученица! — отрезала она и быстро зашагала вперед.

Стоянка была недалеко.

Отставив кастрюлю с бульоном, Сэй-Тэнь вытаращила глаза, подавилась и потом долго не могла откашляться.

— Ты... разговаривала... с тиграми?

— Пусть на меня свалится груда сосновых шишек, если это было не так! — с вызовом ответила Таймири и выжидающе поглядела вверх.

Там мирно шелестела иголками сосна, и было непохоже, чтоб она собиралась

расставаться со своими шишками.

Аромат из кастрюли шел такой, что хотелось немедленно выхлебать всё ее содержимое. Поэтому Таймири не удержалась и попробовала суп.

— Наша устерция, да?

— Она самая, — угрюмо подтвердила Сэй-Тэнь и покосилась на Остера Кинна. — Вот кому стоило бы поучиться у твоей тетушки. Эта стряпня неудобоварима.

— Ну, всем не угодишь, — миролюбиво отозвался тот.

Услыхав, что говорят об устерции, Эдна Тау причалила к костру.

— Так-так-так, — насмешливо осведомилась она. — Супчик сварили?

— Из сосновых иголок, шишек и кой-какой травы, — тут же отчитался Остер Кинн.

— Что-то ты темнишь, друг мой любезный, — поцокала языком индианка. — Это не кое-какая трава, а сон-трава. Вернее, ее разновидность.

— Сон-трава? — хором переспросили Таймири и Сэй-Тэнь.

— Конечно, она утоляет голод и всё такое. Но от нее засыпаешь.

— Что, даже от малюсенькой ложечки? — не поверила Таймири.

— Именно. Через полчаса будешь храпеть без задних ног, — сурово подтвердила индианка.

Сэй-Тэнь решила не дожидаться, пока пройдет полчаса, и широченно зевнула.

Капитан занервничал. Если заснуть на земле — то проснуться можно и в клыкастой пасти тигра. А то и не проснуться вовсе!

— Что сидим? Что сидим? — затараторил он. — Нужно быстро искать укрытие или какую-нибудь верхотуру. Свистать всех наверх!

Горе-повар разворошил хворост и раскидал затухающие ветки, чтобы костер не разгорелся снова. Поставил на ноги сонливую Сэй-Тэнь и вылил суп, который, по счастью, больше никому попробовать не привелось.

Все как-то позабыли об индейце. А Кривое Копье молча тащил туши убитых тигров, молча слушал разговор у костра, хотя ему так хотелось вставить словечко-другое. Если ты молчалив, тебя вроде как и не существует. На тебя не обращают внимания, тебя не хвалят за удачно ввернутую шутку, тебя даже не ругают! Сейчас Кривое Копье мечтал лишь о том, чтобы его хорошенько отругали. К тому же, сестра вечно упускает из виду очевидные факты.

— Что делать с дикими кошками? — спросил он своим низким мелодичным голосом.

Сборы тотчас отложены, взгляды обращены в его сторону, кадр остановлен.

— Ты нарушил обет! — в ужасе воскликнула Эдна-Тау.

— Как я могу молчать, если не было сказано главного? У нас есть два тигра. А это ведь пища на многие дни!

Прошло совсем немного времени с тех пор, как они покинули стоянку. Эдна Тау рассказала, что ближе к окраине массива растет могучий кедр, известный также как страж леса. Он ветвист и высок.

— Куда выше нашего Кривого Копья, — заметила она, щурясь от полуденного солнца. Все зашлись дружным смехом. Кривое Копье смеялся тихо и смущенно.

— Если запалить рядом с деревом сухие ветки, на нем можно будет отлично переночевать, — сказал он, когда остальные отдышались.

Индейцы не понаслышке знали, что огромные белые тигры больше всего на свете боятся огня.

Таймири и Сэй-Тэнь клевали носом, спотыкались на каждом шагу и время от времени подремывали на плече могучего и энергичного Остера Кинна. Капитану постоянно мерещилось, будто за ним кто-то крадется, потому что Кривое Копье волок позади охотничьи трофеи. Шкуры шуршали, как шуга на реке, и шорох нагонял на Кэйтирона страху.

Эдна Тау щедро кормила Остера Кинна индейскими баснями. Тот кивал, посмеивался, и было видно, что ему ужасно хочется отдохнуть, отлежаться где-нибудь в тенистой роще. Стволы у сосен из кофейно-коричневых сделались красными, как насыщенный каркаде. Небо тоже отчего-то разрумянилось, хотя до вечера было далеко. Минорис упорно избегала философа и старалась, по возможности, держаться рядом с Таймири и Сэй-Тэнь. Диоксид ее, конечно, со своей философией не преследовал, но окажись он поблизости, непременно завел бы разговор о каких-нибудь Декартах или Зенонах. И тогда прощай свободная жизнь! Он и сам, наверное, прекрасно догадывался, какой притягательной силой обладают его речи.

Минорис избрала для себя иную науку — с неожиданными выводами и непредсказуемыми результатами. Наука жизни любому по плечу, потому что, как игла, пронизывает всё существование человека. Сегодняшний урок, например, убедил Минорис в том, что индейцы незлопамятны и легко прощают обиды. Как это, должно быть, приятно — прощать. Отпуская горечь, мы становимся невесомыми, точно ветер, и в сердце заново разгорается заря радости.

К закату добрались до кедра. Он был испещрен глубокими бороздами от корней до самой макушки и так крепко впивался в породу адуляра, словно хотел превратить камень в воду. Под его широкой кроной мог бы поместиться целый шатер, а ветви вполне бы выдержали нескольких белых тигров. Остер Кинн с грехом пополам соорудил из подручных материалов хлипкую веревочную лестницу и закинул конец на верхний сук.

— Дамы вперед!

Сэй-Тэнь подтолкнули, и она неохотно полезла на дерево. По большей части, ей было всё равно, развалится эта лестница или нет. Одной ногой она стояла на шаткой, ненадежной ступеньке, а другой — в мире сновидений.

«Вот ведь соня, — подумала она, забравшись на ветку. — Весь поход дрыхну, как рыба-дремалка в заливе Волн».

Под Таймири лестница скрипела, извивалась угрем и угрожала рассыпаться на части. Папирус на перекладинах едва держался — цеплялся потными руками, выгибался дугой и сообщил, в итоге, что дальше нижней ветки подъем не осилит.

— Смотри, поджаришься там, как тушка на вертеле, — беспардонно предупредил его Остер Кинн. Сам он решил переждать ночь на земле.

Кривое Копье развел у кедра (как раз под той веткой, где устроился Папирус) большой костер и принялся жарить мясо. Оно потрескивало, пузырилось жиром и издавало весьма приятный аромат. За соседними деревьями голодно порывивали, однако не показывались на глаза хищники. Огонь держал их на расстоянии. Ближе к полуночи, правда, два крупных тигра вышли на поляну и стали зловеще кружить рядом с кедром, помахивая кончиками хвостов.

Эдна Тау отлаживала свой лук и точила стрелы. Остер Кинн стоял на страже с факелом, похлопывал в кармане кисет с толченой корой, которая теперь заменяла ему табак, и ощущение близкой опасности было для него как дурман.

А на разлапистом дереве, окутанная облаком хвойных запахов, спала Таймири. И

снилось ей, будто скачет она верхом на невиданном звере. У этого зверя волнистая грива, шерсть точно бархат и длинные, стройные ноги.

Раскинулись впереди желтые поля, пробежала сбоку зубчатая стена темно-зеленого леса, и снова — поле. Лежит — лениво колышет колосьями на тонких стеблях, а зверь всё мчится и мчится, как будто манит его незримая, заоблачная цель. За пухлыми, как вата, облаками, синее небо. Чужестранное, совсем без прожилок. Одни облака похожи на взбитые сливки. Разлетаясь мелкими лоскутками, они вновь собираются в стайки. Другие — покрупнее — как дворцы.

— Остановись, подожди! — кричит Таймири. — Я никогда еще не видела такой красоты!

И вдруг, словно из-под земли, вырастает перед нею гора — исполинский утес цвета морской волны. Он вонзил свою вершину прямо в небесную синь, а подножием загородил горизонт.

Таймири спешила, а тварь, которая мечтала обогнать ветер, унеслась по ниве прочь. В прозрачной глубине утеса медленно расцвело прекрасное лицо женщины, и она заговорила:

— Я страдаю. Твои люди — народ этой бесплодной земли — колют меня штыками, ранят и дробят мою плоть. Мое тело мертвеет, крошится, и я угасаю...

— Ты не можешь угаснуть, — возразила Таймири. — Ты прожила уже слишком много, чтобы погибнуть теперь.

— Залежи лунного камня обнаружены. Долго им не продержаться. Люди алчны, — вздохнула гора. — Я выбрала тебя, потому что твое сердце свободно от ненависти и в нем нет жажды наживы. Если почернеют все мои отпрыски, им уже никогда не стать деревьями. Спаси меня! Останови убийц!

— Да я бы с радостью, но как?

— Смотри в корень...

Вспыхнуло солнце, и его лучи разбежались по лесу, украсив золотыми подвесками каждый ствол и каждую крону. Один солнечный зайчик бесцеремонно уселся у Таймири на лбу.

— Привидится же такое! — пробормотала она и, перевернувшись, чуть не свалилась с дерева.

— Сонное царство, подъём! — гаркнул снизу Остер Кинн.

— Чего разорался? — сипло проговорила Сэй-Тэнь. — И без тебя мучительно.

— Еще бы! Столько спать — кому угодно мучительно сделается, — обиженно заметил тот. — А что, кстати, снилось?

— Море.

— О-о-о! Я бы и сам не прочь, чтобы мне море присни...

— Каменное.

Тут Остер Кинн прикусил язык, потому как, по соннику индейцев племени Знойной Зари, каменное море означает крупные неприятности.

— Никогда в жизни ничего подобного не видела! — продолжала Сэй-Тэнь. Она спустилась к костру, где, пошатываясь, сидел на корточках Кривое Копье. — Волны из гальки и ни капли воды. Эти волны вползают на берег с таким скрежетом, что хочется умереть. Я всю ночь напролет вынуждена была стоять на безлюдном пляже, под серым небом, и слушать кошмарное гроыхание прибоя!

— Ну а я, — передразнил Остер Кинн, — вынужден был всю ночь напролет стоять с

факелом у кедра и слушать кошмарное рычание тигров. Еще неизвестно, что хуже.

— Спасибо тебе, защитничек, — шутливо пихнула его Сэй-Тэнь. — И индейцам нашим спасибо. Если бы не вы, не видать бы нам рук... И ног. И всего остального.

Кривое Копье покивал-покивал — да и завалился на бок. Эдна Тау только хмыкнула. Ближе к рассвету она пустила в тигров пару стрел, и те сочли за благо убраться.

Стали завтракать. Добрую половину своего шашлыка Остер Кинн сжевал в один присест. Философ, как истинный аристократ, ел мало и медленно, а Папирус брезгливо заметил, что у зловредных тигров и мясо, скорее всего, зловредное.

Капитан голоса не подавал. Он с утра был не в духе и отмалчивался, как будто принял эстафету у индейца. Все друг на друга смотрели немножко косо, и только Остер Кинн выглядел бодрым, жизнерадостным и приставал к друзьям с добавкой порций.

Когда пришло время определиться с дальнейшей дорогой, у Эдны Тау и Кривого Копья возникли разногласия. Отойдя в сторонку, брат и сестра принялись бурно совещаться. Объяснялись они на немом языке жестов. Индеец ратовал за то, чтобы пойти по проторенной тропинке и не подвергать путников лишним рискам. Пластилиновое лицо Эдны Тау менялось на глазах — она была решительно против.

«Ты что же, хочешь, чтобы наши бледнолицые товарищи покинули массив, не увидев главной достопримечательности?! — возмущалась она. — Пройти через столько опасностей и сдать в конце — это не по-индейски. Это даже не по-мужски!»

Сначала Кривое Копье артачился, как мог, но, в итоге, уступил. Куда ему тягаться с сестрой!

Таймири рассеяннo разглядывала рисунок пепла под ногами.

«Что если мне привиделся вещий сон? — размышляла она. Странная фраза об отпрысках, которым уж никогда не стать деревьями, сильно ее смущала. — Но, с другой стороны, какой здравомыслящий человек будет искать истину во снах? Тетушка Ария всегда говорила, что придавать значение снам нелепо. А если я не права, то пусть мне сейчас упадет на голову шишка!»

Внезапно кедр зашелестел, расшумелся под невесть откуда прилетевшим ветром — и напoддал Таймири по-своему, по-кедровому. Ее буквально обстреляло шишками. Большие и маленькие, колючие и твердые, они посыпались сверху, как град.

Выбранная индейцами тропа была на удивление просторна и проходила по самым живописным местам. Вот уже который раз Сэй-Тэнь замечала вдалеке зеленую шапку горы. Гора, покрытая лесом? Не похоже. Обман зрения? Как бы ни так! Уж кто-кто, а Сэй-Тэнь своим глазам доверяет. Тогда что это может быть? Она нетерпеливо подергала Эдну Тау за край пончо.

— Великая вершина! Лунным Изумрудом называется, — почтительно отозвалась та. — Такой же адуляр, только зеленый.

Остер Кинн мимоходом упомянул, что зеленые горы на планете чрезвычайно редки.

Три дня кряду шагали они по массиву. Тропа петляла и вилась меж сосен, и с нее непременно открывался какой-нибудь завораживающий вид: то берег сверкающей на солнце, безымянной речушки, то грохочущий в отдалении водопад, то таинственная, мрачная пещера. А над всем этим великолепием то и дело выныривал изумрудный колпак горы.

Кривое Копье болтал, точно заведенный, зато капитан по-прежнему хранил молчание. Эдна Тау сказала, что и сама она порой не прочь помолчать, потому как с языка иной раз

такое слетает, что кажется, будто наглотался песка.

— Наверное, поэтому великие умы в нашей команде столь неразговорчивы, — со смехом откликнулся Остер Кинн. — Капитан соорудил чудо-яхту, а философ... ну, он и есть философ.

— В молчании заключена целительная сила, — проронила Сэй-Тэнь. И все в этот миг затихли. Угломился даже Кривое Копье. Вождь никогда не говорил ему, что молчать полезно.

— А давайте пару куплетов исполним, — не выдержала тишины Эдна Тау. Она знала и на ходу могла сочинить много боевых песенок. Этими песенками пользовались в племени для отпугивания диких тварей. Не дожидаясь одобрения, индианка начала:

— Лук и стрелы наготове,
Воин стойкий — верный воин!
Братьев много — враг один.
Вместе тигра победим!
Лук и стрелы наготове,
Лук и стрелы — мысль и слово.
Ждет нас враг непобедимый.
Сдашься — будешь невредимый.
А не сдашься — будет сеча,
В этой сече изувечат,
Покалечат, рассекут,
Но не сломят дух...

— У-ух! — завершил эту странную песню Остер Кинн.

И тут все слышали плач. Не то плач, не то мяуканье. Звуки исходили как будто из-под земли. Хотя, может статься, лесное эхо опять взялось за старое. Кэйтирон рванулся было с места, но Остер Кинн заградил ему дорогу.

— Осторожней, так могут плакать детеныши диких кошек!

Путники присмирели и насторожились.

— А что если это ребенок? — неуверенно предположила Сэй-Тэнь...

[3] Денежная единица страны Лунного камня

17. О дарах и расшатанных нервах

Это действительно оказался ребенок. Остер Кинн бережно вынул его из углубления между корнями сосны. Младенец заливался слезами и был весь красный от натуги.

— Видно, кто-то нам его подбросил, — сказал Кэйтирон, наклонившись над свертком. — У-тю-тю!

— Никаких «у-тю-тю», пока не поест, — строго распорядилась Сэй-Тэнь. — У него вон, и простынка вся в прорехах. А ну, давайте его сюда!

— Какая-то заботливая мамаша решила принести своего сыночка в жертву лесным обитателям, — пошутил Остер Кинн. — А он достался нам. Где, спрашивается, справедливость?!

Ребенок плакал навзрыд. Уж и укачивали его, и поили водой из фляжки, а успокоить всё никак не удавалось.

— Малышам есть о чем печалиться, — задумчиво изрекла Таймири. — «Не хочу взрослеть!», «Не хочу учиться!», «Не хочу серых будней!».

— Ерунда. По-моему, он просто наделал в штаны, — сказала Эдна Тау.

Остер Кинн решил проверить пеленки на предмет нежелательных выделений.

— Фи! Ну и вонь! — высказался он. — И что же нам теперь делать?

— Ясное дело, перепеленаем, — презрительно нахмурилась Сэй-Тэнь. — Твоя рубашка вполне сгодится.

— Эй! Я так просто не дамся! — запротестовал тот. Однако уже через несколько минут он стоял, оголенный по пояс.

В рубашке Остера Кинна малыш сразу почувствовал себя защищенным и лет эдак на десять повзрослевшим, потому что от прежнего владельца рубашка впитала не только запахи, но и немного храбрости, и даже кое-какую смекалку. Смекнув, что опасность позади, ребенок тотчас крепко уснул.

Грязную пеленку отдали Таймири — чтобы поменьше рассуждала и не витала в облаках.

— Чего кривишься? — сказала Сэй-Тэнь. — Дойдем до ручья — постираешь.

— А почему бы просто не бросить эту гадость здесь?

— Тигры учуют, пойдут по следу, — шепнула Эдна Тау. Краем глаза она заметила в простынке крошечный обрывок сосновой бумаги — лескры. Лескру умели изготавливать только в племени ненавистных Бурых Року. Люди Знойной Зари частенько получали от них свертки лескры с предупреждениями, угрозами и объявлениями войны.

Однако на сей раз послание было несколько иного содержания.

— Окружите лаской. Ритен-Уто, — прочитала индианка тоном, выражающим крайнее неодобрение. — Это в их духе — бросать детей.

— В чьем духе? — не уразумел Остер Кинн.

— В духе Бурых Року, — проворчала Эдна Тау. — Их женщины живут исключительно ради собственного удовольствия. Если ребенок не нужен, его выкидывают, как мусор. Обычно тигры даже косточек не оставляют. Но в нашем случае — исключение. Мать, очевидно, не хотела бросать малыша. Ее вынудили.

— Негодяи! — процедил Остер Кинн. — Ну, мы им покажем! Вырастим из крохи богатыря! А?

— Обычно мои соплеменники так и поступают. Из отпрысков Бурых Року получаются самые настоящие герои. Герои, преданные Знойной Заре.

— Если есть выбор отнести его в мастерскую счастья или в индейский вигвам, то, думаю, лучше первое, нежели второе, — включился в разговор философ.

— Это еще почему? — удивилась Сэй-Тэнь.

— А я разве не говорил? Каждый, кто приходит в мастерскую, должен принести дар. Это может быть что угодно. Вещь или человек. Или ребенок. Детей там растят и обучают искусствам да премудростям.

— В таком случае, отдам его в мастерскую, — решила Сэй-Тэнь и прижала малыша к груди. — Мой маленький, Ритен-Уто.

— А я? — подала голос Минорис. — Что мне отдавать? Со мною ведь никакого багажа!

— Ой, не прибедняйся! — глумливо сказал Остер Кинн. — Вон, какая у тебя коса! Загляденье!

Минорис схватилась за косу и одарила весельчака таким взглядом, что любого уже давно прошло бы насквозь. А этот стоит, посмеивается.

Таймири отошла в сторонку, размахнулась и, пока никто не видел, забросила мокрую пеленку в лес. Надеялась, далеко. Будет она возиться со всяким тряпьем! И мастера-ученые от нее ничегошеньки не получают (кроме «Записок отшельника», разумеется). Пусть Минорис и Сэй-Тэнь остаются в мастерской, коль им приспичило. А Таймири направится в город Небесных Даров. Там, говорят, и климат мягче, и работу найти проще. Что еще нужно свободному человеку?!

Это была их последняя ночь в массиве. Сэй-Тэнь ворочалась с боку на бок, тихонько стонала и шмыгала носом. Что поделаешь, бессонница! Рядом, на гладком адуляре, лежала Эдна Тау. Ей тоже не спалось, однако она предпочитала не изводиться понапрасну и просто смотрела на звезды.

— Знаешь, мне кажется, мы поступаем неправильно, — пожаловалась ей Сэй-Тэнь. — Не стоит отдавать Ритен-Уто в мастерскую. Он рожден вольной птахой.

— Он так и так будет вольным, — приглушенно отозвалась индианка. — Жизнь в племени сложна и непредсказуема. Нужно быть достаточно сильным, чтобы противостоять болезням, добывать пищу, защищать селение от напастей. Мастерам проще. Они движут науку, раскрывают загадки мироздания. У них всегда есть пропитание и крыша над головой. Посмотри-ка наверх, — вдруг сказала Эдна Тау. — Что ты видишь?

— Черное небо и ветки сосен, — без энтузиазма откликнулась Сэй-Тэнь.

— А теперь подвинься в мою сторону. Что-нибудь изменилось?

Та ничего не ответила. Лишь расплылась в сладкой улыбке: прямо на нее умиротворяюще глядела полная луна.

— И как я раньше не замечала! — пробормотала Сэй-Тэнь.

— Многие не замечают. Всё зависит от того, как мы смотрим на вещи. Наша жизнь — один огромный жертвенник. Мы жертвуем во имя любви, во имя свободы, ради достижения целей. Мы просто не замечаем этого. Только временами, когда жертва слишком велика, начинаем задумываться. Истинное призвание Ритен-Уто — в мастерской счастья Лисса. Спи и ни о чем не волнуйся.

Сэй-Тэнь вздохнула и закрыла глаза, чтобы погрузиться в глубокий, как горное озеро, сон. Тревога ушла. Ее как будто впитал безмятежный диск луны. А Эдна Тау, положив под

голову скрещенные руки, углубилась в созерцание. И чувство у нее было такое, словно в сердце уместилась вся необъятная тишина вселенной.

Неподалеку, в колыбельке из древесных прутьев, посапывал найденыш. Возможно, скоро у него появится семья...

— И-раз, и-два, и-раз, и-два! — делал зарядку Остер Кинн. Он поминутно наклонялся к кровати и гримасничал. Малыш заливался смехом.

— И что тебе в такой ранний час не спится? — прокряхтел капитан, шумно перевалившись на бок.

Кривое Копье, который тоже проснулся ни свет ни заря, невозмутимо подбросил в огонь дров. Он, как и Остер Кинн, жег костры при всяком удобном случае.

Смола зашипела, пламя взвилось выше и хищно затрещало. Ритен-Уто при этом жутко всполошился. Он покраснел с пяток до чубчика на голове и надрывно завопил.

— Да чтоб тебя! — ругнулся капитан. Кое-как вдев руки в рукава продранного, замызганного пиджака, он пнул Папируса. — Поднимайся, тефтеля!

Папирус на «тефтелю» не обиделся. Привык. Кэйтиайрон последнее время злился на всех и вся, вставал не с той ноги и был, мягко говоря, товарищ некомпанейский.

Эдна Тау вернулась с охоты со связкой убитых белок. Благодаря своей большой и невероятно острой штопальной игле она всякий раз умудрялась нанизывать их на бечевку, как баранки.

— Угощайтесь! — сказала она.

— Сперва приготовь, прожарь, как следует. Что ж ты сырое-то предлагаешь? — забрюзжал Кэйтиайрон и со скучающим видом уселся у костра. — Мою порцию можете кому-нибудь отдать. А то мне что-то кусок в горло не лезет.

Спустя пару часов, когда тушки благополучно изжарились и были съедены, Эдна Тау посмотрела вдаль, приставив ладонь козырьком ко лбу.

— Что ж, проводили мы вас, — с некоторой грустью сказала она. — Пора прощаться.

Остер Кинн так и подскочил:

— Что значит прощаться? Что значит пора?

— Мы с братом останемся в массиве, — ответила та. — Незачем нам в долину спускаться. Да и хорошо бы вашего белого щенка разыскать. Он где-то в горах затерялся. Жаль его, если на тигров набредет.

— Не то слово, жаль, — сказал Остер Кинн и призадумался. Надолго он призадумываться не умел, поэтому уже через минуту объявил, что пойдет с индейцами. Осядет в племени Знойной Зари, освоит замысловатое иероглифическое письмо, разучит местные танцы.

— Да мало ли что еще! — добавил он, явно воодушевленный собственными словами. — Буду делать вылазки в долину за травами. Там, недалеко, должна быть мастерская счастья Лисса.

— Значит, снова увидимся? — обрадовалась Таймири.

Обещать Остер Кинн ничего не стал, только хитро-хитро подмигнул.

Небо с утра украсилось ярко-малиновой вышивкой, и сквозь сказочные узоры клочками проступала синева. Простились с индейцами, пожелали удачи отчаянному путешественнику. Лес редел. Массив припадал к земле пологим склоном — как если бы потягивалась спросонок большая лазоревая кошка. Там, где склон плавно перетекал в желто-бурую равнину, жались друг к дружке линиялые, неказистые домики с выцветшими крышами.

Путники шагали понуро, погруженные каждый в свои думы. Их отчего-то охватила грусть. Казалось, что весь свет их бесконечного странствия забрали с собой Эдна Тау и Остер Кинн. Даже Кривое Копье пару лучиков отхватить изловчился. Вот и получалось, что брели они в какой-то дрёме и полутьме.

Резкими холодными каплями припустил ливень. Таймири шла, накрывшись капитанским пиджаком, и смотрела себе под ноги. За густой пеленой дождя не различить было ничего, кроме темных спин попутчиков. Гладкая поверхность камня сделалась скользкой, побежали к подножию тонкие, витые ручейки.

«Почему я не последовала за Остером Кинном, — сокрушалась Таймири, — в их беззаботное, радостное племя? Я ведь так люблю индейцев!»

«А индейцы тебя любят? — тут же обрывала она себя. — Кто ты такая? Что умеешь? Стрелять из лука? Охотиться на дичь? Или, быть может, строить хижины?» Выяснялось, что ничего-то она не умеет. Только спать да есть. Неприспособленная.

Капитан плелся позади всей команды. Он был мокрый, и оттого злой. Но еще больше он злился на себя за нерешительность. Что мешает ему открыть Таймири правду? Наверняка обычная, позорная трусость. Никто ведь не поручится, что дочь бросится ему на шею с криками «Где ж ты пропадал всё это время!». Пятьдесят на пятьдесят, загадывал Кэйтирон. А раз вероятность успеха невелика, кому нужна в этой его правде?

Так он шел и изводился почти всю дорогу, пока, наконец, не представился подходящий случай. Вернее, по его понятию, подходящий. По мнению остальных, сущая нелепица. Наступив в одну широкую и чрезвычайно вредную лужу, он растянулся на земле плашмя. Сил подняться у него не было, и спустя минуту-другую его уже поднимали Таймири и Папирус. Папируса капитан отослал прочь, отряхнулся, отплевался — и давай с места в карьер: мол, я твой отец, давненько не виделись. Городил что-то про срочные дела и недостаток времени. В общем, в этот дождливый день капитан поставил новый рекорд по несению вздора.

Таймири на его излияния отреагировала весьма предсказуемо: никакой вы мне не отец, говорит. А если бы и были, я бы вас всё равно не признала. Вернула ему пиджак, послала на все четыре стороны и энергично зашагала вперед.

Капитан клял себя за глупость и неосторожность. Наклялся вдоволь, после чего уныло заключил, что Таймири с ним до конца жизни не обмолвится и словечком.

— Этот ребенок тот еще фрукт! — посетовала Сэй-Тэнь. — Неуёмный, как Айрин в младенчестве. То-то думаю, кого он мне напоминает! Орет, пищит, вырывается. Небось, проголодался. А покормить нечем.

— Может, в деревне кто расщедрится, — предположила Минорис. — Вон, недалеко уже.

Дождь поумерил резвость, выглянуло солнце, и можно было видеть, как скачут и пузырятся по лужам блестящие капли. Ближе к деревушке совсем развиднелось.

Над несколькими крышами из печных труб струился змейками дымок. Минорис заметила дым, лишь когда отвела взгляд от своей толстой золотой косы. Раньше она и мысли не допускала, что можно отрезать такую красоту. Остер Кинн, подлюга, допустил. Коса в обмен на знания? Что ж, честная сделка. Только вот вопрос, удержатся ли знания в голове, если волосы коротки?

Сэй-Тэнь догнал запыхавшийся философ (к Минорис он подходить побаивался) и выразил твердое желание остановиться в деревне у кого-нибудь из жителей.

— В бане попаримся, краюху хлеба перехватим — и снова в путь.

— Тут вы правы, — заметила Сэй-Тэнь. — Мы с Ритен-Уто без отдыха не протянем.

— Да и у меня сейчас ноги отвалятся, — вставила Таймири, на которой еще минуту назад из-за признания капитана не было лица.

С того дня, как в город Цвета Морской Волны прибыл Вазавр, у местных властей началась головная боль, а на улицах — самая настоящая свистопляска.

Пока философ странствовал со свитком по горам, горожанам-то, конечно, ничего не угрожало. А вот у бедняги Вазавра мог случиться сердечный приступ. Если раньше нервишки у него только слегка пошаливали, то теперь действительно расшатались, и командир сделался не в меру вспыльчивым да издерганным. Из выдержанного вояки он превратился в ополоумевшего солдафона. Этот солдафон носился по улицам, орал на прохожих и одним своим видом вызывал обмороки у элегантных дам. На прохожих он, по большей части, обрушивался за дело: никто, решительно никто не хотел признаваться, куда исчез Диоксид. И ведь таких непутевых обывателей даже кулаками не наградишь — не выйдет. Вокруг них словно капсула непробиваемая. Захочешь ударить — рука отскочит. У тебя ушиб, а им как с гуся вода. Вазавр лично пробовал поколотить одного достопочтенного гражданина, но между ними точно невидимый щит образовался. И хоть ты тресни, а щит не расколется.

Другому порядочному господину командир пытался пустить пулю в лоб. Но пуля, как известно, дура. Да не простая дура — прыткая. Отскочила — и к Вазавру. У самого виска просвистела. Благо, царапиной обошлось.

Похожим образом обстояли дела с выводом пленных за пределы города (их толкали, как толкают кукол-неваляшек, — по-другому не выходило). Солдаты пятого взвода прозвали городскую границу «разумным барьером». Чужаков этот барьер пропускает, а пленника — словно чувствует, что он пленник, — никак. Сослуживцы уже и так, и эдак исхитрялись, но через неосязаемую преграду не переступила нога ни одного невольника.

— Знаете что?! Это пахнет колдовством! — в гневе кричал Вазавр. У него дергался глаз, дрожали губы, и казалось, бедолага вот-вот расплчется. Злость он срывал теперь исключительно на солдатах.

Со временем военных отрядов в городе прибавилось. В своей надежде сломить сопротивление численностью армии Вазавр был безнадёжен. На худой конец, он осложнит жизнь этим прохиндеям-горожанам хотя бы тем, что создаст на улицах заторы и стеснит движение, созвав вооруженные силы из разных подразделений.

В один из дней, когда улицы были донельзя запружены разным людом, сквозь толпу проталкивался Карион. Ему несколько раз отдавили ногу и единожды съездили локтем по макушке. Он хватал ртом воздух и уже прощался с жизнью, когда людской волной его выбросило к дверям какого-то магазинчика. Магазинчик пах краской и сварливо скрипел старой вывеской на железных цепях.

«Добрался-таки», — улыбнулся себе Карион и поспешил внутрь. Услужливо звякнул на притолоке колокольчик, с полок дохнуло древесиной и дорогими чернилами, которые использовали для черчения географических карт. Из-за прилавка вылез усатый продавец.

— На бульварах творится адуляр весть что! Парень, как ты цел-то остался?! — в непритворном изумлении воскликнул он.

— Мне это... — промямлил Карион, но потом собрался и бойче добавил: — Мне ранец, пожалуйста, длинный канат метров эдак на сто и спасательный жилет, если найдется.

— Найдется, у нас все найдется! А ты никак в поход собрался?

Карион кивнул. Он не стал распространяться, в какой именно поход, потому как пора нынче беспокойная. У стен повыврастали уши, на затылках случайных прохожих — глаза. А камни, того и гляди, скоро разговаривать начнут. Так что лучше попусту языком не молоть. Молчание всегда в цене.

Зачем вражеским агентам знать, что он собирается предупредить Диоксида? В город философу возвращаться ни в коем случае нельзя. Да и Карион теперь вряд ли вернется. Если за ним снарядят слежку, придется убегать, запутывать следы, а это — дополнительная трата времени и сил.

Вернувшись домой, он выволок из сарая утлую лодчонку, подлатал днище и погрузил в лодку свое незатейливое снаряжение. Ранним утром, пока не проснулись соседи-рыбаки, спустил суденышко на воду и, часто озираясь, стал грести. Слежки вроде бы никакой. Только бородатый старичок у прибрежной таверны носом клюет. Судя по всему, безобидный.

Заспанная река Стрилл не ожидала, что поплывут по ней в такую рань. Зевнула, потянулась на свой манер и давай подталкивать лодчонку. Вскоре Карион почти совсем скрылся из виду. И вот тогда-то безобидный старичок, что дремал под навесом, сдернул сначала куцую бороденку, потом широкополую шляпу и сделался ну совсем как Вазавр.

— За ним! — скомандовал он. Тотчас высыпали из таверны солдаты. Всю ночь мальчишку караулили. Злые, сонные. Кое-кто, правда, хлебнул тайком пива и был навеселе.

Вазавр восхищался собой всё больше. Город окружен, наблюдение за юнцом установлено. Наверняка ведь поплыл к Диоксиду, обстановку докладывать. Там его, Диоксида, и сцапают. Главное действовать из-за угла, под сурдинку, чтобы не спугнуть ненароком. Вазавр был почему-то уверен, что мальчишке известно, где укрылся философ со свитком. А вот Карион не был уверен ни в чем и в поисках решил руководствоваться шестым чувством. Ненадежная, правда, штука это шестое чувство. Но в лихое время лишь оно порой и выручало.

Какой рачительный хозяин наглухо заколотил ставни и запер двери на семь замков? Замков, действительно, оказалось семь — Минорис дважды сосчитала, не поверила.

— Что за неопрятная халупа! — возмутился капитан. — Даже внутрь заходить не хочется. Полы, небось, грязные, да на полках вековой слой пыли. Если, конечно, там вообще есть полки. А то может статься, что и нету.

— Разве можно жить отдельно от всех? — удивился Папирус.

— Можно, — язвительно отозвался Кэйтиайрон. — Но лишь в двух случаях: либо ты прирожденный затворник, либо скудоумный.

Этот деревянный домишко мог бы считаться изгоем общества статных срубов. Он ютился на окраине деревни, тогда как остальные дома, узорные, расписные, толпились в сторонке и недоверчиво смотрели друг на дружку серыми окнами. Очередного «изгоя» высматривали.

Постройки громоздились на высоких фундаментах и со своими треугольными клювами-навесами походили на гротескных кур. Образ старых, бесперых насекомых довершала облезлая краска на стенах. Казалось, они собрались здесь, чтобы покудахтать о том о сём.

— Может, мы набрали на дом с привидениями? — проронила Таймири, ковыряя в одной из замочных скважин найденным на земле шурупом.

Вдруг за плетнем кто-то зашевелился, затопал и стал поднимать клубы пыли. Ребенок

на руках у Сэй-Тэнь снова расплакался. Пришлось спеть ему колыбельную Эдны Тау да как следует побаюкать. Кто-то сильно напугал Ритен-Уто. С ним за компанию напугались Кэйтирон и Папирус. А философ стоически распрямился, чтобы взглянуть безобразнику в лицо, если таковое имеется.

18. О Многоликом и о том, как смерчи дурачат людей

Как выяснилось, шум создавала обычная выщипанная метла, а орудовал ею не кто иной, как Многоликий. Сейчас он был сосредоточен на подметании двора, поэтому лицо его выражало неподдельную серьезность.

Многоликий никого не ждал — ни торговца хлебом, ни старьевщика, ни портного. За оградой, на огороде, у него росла пшеница, из которой он пек хлебцы. Тем и питался. А вещной сундук под лавкой был полон старой одежды. Ее Многоликий перешивал, заштопывал дыры и оставался весьма доволен результатом.

Дверь на замке давно его не беспокоила. Кто, скажите на милость, станет стучаться, если вот уже семь лет жители деревни обходят его дом за версту? И неспроста ведь обходят. От Многоликого лучше держаться подальше, потому как субъект он во всех отношениях странный. Стоит ему загрустить — и он тут же превращается в плоский половичок. Только глазками моргает да сплюснутым носом хлюпает. При желании Многоликого легко можно повесить на стену, как ватман.

А если его разозлить, он моментально становится пламенем. Горит — не сгорает.

«Человек в огне!» — вопили, заведя его на улице. И сдуру окатывали водою из ведер. Возможно, именно поэтому он перестал показываться людям на глаза.

Он мог запросто сжаться до размеров футбольного мяча — для этого его достаточно было лишь испугать. Раньше жители деревушки нередко наталкивались по пути на какое-то перекасти-поле. У перекасти-поля было пожеванное лицо, коротенькие ручки да ножки. Катилось оно и, выпятив губы, раздраженно ворчало.

«Многоликий, — шептались крестьяне. — И что только природа не изобретет!»

Так жил он, поживал, без значительных потрясений и забот. Одна у него была забота — как не лопнуть от злости. Благо, пока еще никому не удалось довести его до той степени ярости, от которой непременно происходит взрыв.

Из-за его переменчивой внешности у него совсем не было друзей. То есть почти совсем. Когда накатывала тоска, он мог поболтать сам с собой или с подрастающей пшеницей. Но обыкновенно Многоликий перелезал через плетень (чтобы зря не отпирать дверь) и шел к большому валуну в пустошь, где грел кости лежебока по прозвищу Лентяй. Лентяй к нему в друзья не набивался и был бы рад от уродца улизнуть. Но его извечная повелительница лень прочно обосновалась на троне. Только и знала, что приказы отдавать. «Лежи, — распоряжалась она. — Всё тлен, — нахально утверждала она, — так что даже не начинай».

Вот Лентяй и томился у валуна круглые сутки. От дождей натерпелся, под палящим солнцем потел, а всё равно ни с места.

Завершив уборку, Многоликий решил проведать приятеля. Метлу — в угол, волосы пригладил, лучший свой костюмчик нацепил. Покрасовался у разбитого зеркала и глянул в сторону двери.

«Далась нам эта дверь! — сплюнув на пол, прокаркал он. — Мы по старинке, через окошко, через частокот. Чтобы никто нас не приметил».

После того как Таймири отступилась от затеи вскрыть замки при помощи шурупа, Кэйтирон со свойственной ему горячностью отозвался о хозяине дома как о бесчестном и отнюдь не гостеприимном человеке.

— Сколько можно здесь торчать! — возмутился он. — Всё равно ведь не впустят.

— Обождите. Пусть сперва Ритен-Уто заснет, — шикнула на него Сэй-Тэнь.

Тот только гримасу состроил. Из-за какой-то малявки обед с баней откладывать!

А Минорис считала колышки в заборе: «Раз — зеленый, два — красный, три — синий, четыре — обросшая голова, пять — красный...»

— Стоп! Что еще за обросшая голова?! — удивилась она вслух.

Там, где Минорис недосчиталась колышка, в заборе был пролом. А в проломе виднелась физиономия сморщенного карлика с узкими, недобрыми глазками. Он водил этими глазками туда-сюда, препротивно шлепал губами и производил более чем отталкивающее впечатление. В карлика Многоликий превратился сразу, как увидел чужаков.

— Какой недоброжелательный гном! — ляпнул Папирус.

«Недоброжелательный гном» взъерошился и процедил сквозь зубы какое-то оскорбление. Выкатился на дорожку, а оттуда — напрямик в пустошь.

— Об-оротень, — обомлев, пробормотала Минорис. Когда-то давным-давно мачеха рассказывала, что даже если просто посмотреть на оборотня, непременно превратишься в него сам.

— Чепуха! — отмахнулся Кэйтирон. — Оборотни — вымысел.

— Не имею привычки спорить, — пропел у него над ухом медовый тенорок, — однако, должен заметить, здесь действительно проживает в некотором роде оборотень.

Капитан столь резко обернулся, что обладатель медового тенорка едва устоял на ногах.

— А вы еще кто такой?

— Я? Благодарный, — прошелестел тот. — И мне две тысячи лет.

О своем возрасте он мог распространяться бесконечно. Добродушные соседи выслушивали эту «новость» по несколько раз на дню и каждый раз делали вид, будто невероятно удивлены. Разносчик почты, которого Благодарный вылавливал по утрам, чтобы напоить чаем, при упоминании о «двух тысячах» подобострастно кивал, хотя наслушался его бредней под завязку. Пекарь из местной булочной в ответ на приевшиеся реплики Благодарного выпучивал глаза и всеми силами старался показать, что чрезвычайно поражен. Ну а как иначе? Жители деревушки были изрядно наслышаны (а некоторые убеждались лично), что Благодарный не только богат, но и щедр. Ради лишней монетки можно малость и поусердствовать.

Капитан о лишних монетках осведомлен не был, а потому удивляться не стал.

— Браки, — отрезал он. — Так я вам и поверил.

— А вы загляните ко мне на огонек, там и побеседуем, — расплылся в сахарной улыбке Благодарный. Сегодня никакие другие гости ему не светили.

Жил он с размахом, на широкую ногу. Кладовая его ломилась от припасов, холодильник был полон фруктов и овощей, выращенных в мастерской счастья Лисса.

— Стоят недешево, — прокомментировал Благодарный, когда Таймири стала уплетать виноград. — По карману только самым состоятельным. Но вы ешьте, ешьте. Меня не убудет.

Гостеприимный хозяин так светился добротой и снисхождением, что хочешь — не хочешь, а заподозришь неладное. Кэйтирон сразу заподозрил, но делиться подозрениями в присутствии Благодарного не стал.

Вишь, и ванная у него со всеми удобствами, и вода из глубоких подземных источников, и даже собственная теплица под крышей. А каким уважением пользуется! Ведь та бабка, что им давеча по дороге встретилась, чуть лужицей по земле от почтения не расплылась!

Конечно, если тебе две тысячи лет, то и состояние баснословное сколотить можно, и всеобщее поклонение снискать. Но Благодарный-то выглядит всего на двадцать! Загадка здесь, не иначе.

Благодарный тем часом нашинковал овощи, испек пирог и приготовил для Ритен-Уто кашу. Сэй-Тэнь пребывала в полнейшем восхищении и смотрела на своего благодетеля блестящими от слез глазами. Побольше бы таких людей — отзывчивых, бескорыстных, великодушных.

Пирог уписывали за милую душу. Даже капитан, который поначалу думал, что начинка отравлена. Ритен-Уто разошелся и, громко лопоча, стучал по столу деревянной ложкой. А Благодарный лишь улыбался да успевал прислуживать. С расспросами не надоедал, поинтересовался лишь, куда путь держат.

— А вот как раж туда, откуда вам фрукты привожат, — с набитым ртом сказала Сэй-Тэнь. — В маштершкую шчащтя. Хошу штать одной иж них.

Благодарный понимающе закивал.

— Вы не спешите, берите добавку. Если что, я наверху. Пойду, приготовлю спальни.

Стоило ему удалиться, как из-за стола вскочил Кэйтирон. Навис над спутниками — мрачный, точно грозовая туча. Все моментально притихли. Даже Ритен-Уто баловаться перестал.

— Не знаю, как вам, а мне этот тип кажется неблагонадежным, — доверительно понизив голос, сообщил капитан.

— Что же в нем неблагонадежного, позвольте спросить? — заступнически осведомилась Сэй-Тэнь. — Вечно вы нагнетаете.

— Ничего я не нагнетаю! — рассердился тот. — За его широким жестом явно что-то кроется. А как вам басня про возраст? Не смущает?

— Не торопитесь с выводами, — сказал философ. — Обезоруживающая улыбка еще не повод хвататься за оружие.

— Так, по-вашему, я перегибаю? — зашипел Кэйтирон. — Думаете, у меня паранойя? Диоксид только руками развел — что с невменяемыми разговаривать!

А капитан между тем разорялся: все, дескать, против него, и, стало быть, нечего ему у Благодарного задерживаться.

Вышел из-за стола — и чеканным шагом, чуть ли не маршируя, к двери. Зырк на Папируса — а тот сидит, ёрзает, боится.

— И ты с ними! Прекра-а-асно! — ошетинился Кэйтирон. — Я знал, что преданности на свете не существует!

Последние слова вырвались из него, как из гейзера — фонтан горячей воды.

«Если кто говорит, что ему за тысячу, то, может, так оно взаправду и есть, если каждый месяц для него как год, а каждая минута как час... Не такой уж и фантазер этот Благодарный», — задумался философ, когда капитан со всей дури лязгнул дверью.

Хозяина порядком встревожил грохот в прихожей. Он ссыпался по лестнице, совсем как мальчишка, и неуверенно взглянул на компанию за столом.

— Кажется, вас было больше...

— Да это наш капитан проветриться пошел, — как бы невзначай бросила Таймири. — У него часто винтики вылетают.

— Какие винтики? — не понял Благодарный.

Минорис прыснула в ладонь, и тему благополучно замяли.

А Кэйтирон, одолеваемый противоречивыми чувствами, шагал по пыльной дороге. Чего, спрашивается, кипятился? Зачем всех кругом врагами сделал? Мыслям только дай волю — так придавят, что и рад не будешь.

Засмотревшись на чужеземца, крестьяне чуть шеи не посворачивали — давненько в их захолустье не случалось ничего выдающегося. А тут сразу целая группа туристов нагрянула. Да каких туристов! Чумазных, голодных, в драной одежонке. Этот, в фуражке, с остальными, видно, повздорил, вот и топает прочь. Но постойте-ка, зачем сдалась ему окраина? Там ведь Многоликий!

«Ничего, что изба невзрачная, ничего что на семи замках. И если крыша течет — тоже не страшно. Моя яхта, вон, протекала, куда ни плюнь, — разгневанно думал Кэйтирон. — Лохматое пугало, домовый этот, погоды не сделает. Будет допекать — получит по первое число».

Капитану очень хотелось, чтоб пришли его упрашивать, да желательно со слезами и причитаниями. Чтоб пожаловались, как им без него плохо и тоскливо.

«Плохо, тоскливо, — повторял он про себя. — Если кому сейчас и тоскливо, так это мне».

На исходе дня Благодарный собрал гостей за круглым столом в гостиной и, погасив на люстре огни, зажег одну-единственную свечу. Быстро сгущались сумерки.

— Как и обещал, расскажу вам о Многоликом, — загадочно изрек он.

— Многоликий? — переспросил Папирус. — Это не то ли чудо-юдо...

— Да-да, оно! — перебил его Благодарный и сразу смутился, ведь перебивать невоспитанно. — С вашим товарищем беды не приключится, слово даю. У нас криминала не водится. Многоликий и тот тише воды. Так вот, собственно, о Многоликом. Появился он в деревне не так давно — прошлым засушливым летом. Всполошил нас — нечего сказать. Он ведь поначалу зерно из закромов воровал, в чужие окна лазил. На богатство не зарился — пищу искал. Потому его и не трогали. Теперь, правда, без наших запасов обходится. Нелюдимый, на глаза не показывается. Только ночью по участкам шныряет и вроде как ворожит: поутру соседи иногда замечают у порогов отпечатки босых ног, а рядом — начерченные на земле фигуры и письма. Адуляр их знает, что там написано! Незнакомый какой-то язык...

Но самое интересное я припас на десерт: Многоликий неспроста такое прозвище получил. У него что ни час — то новое обличье. Мы его изучить успели, пока по селу бегал. А как заперся он у себя в лачуге, так ни слуху о нем, ни духу. Лишь горнодобытчики, что хаживают той дорогой, примечают иной раз, как что-то бесформенное в пустошь движется... Но Многоликий еще никому зла не сделал! — поспешно добавил рассказчик. — Мой вам совет, если снова на него натолкнетесь, постарайтесь не вывести его из себя. Я очень опасаюсь, что от злости он может лопнуть, как воздушный шарик.

— Одним оборотнем больше, одним меньше! — небрежно бросил Папирус.

— Не скажите! Он ведь тоже человек. А человек не бремя. Человек — благословение.

Лентяй упивался запахом вечернего воздуха и не заметил, как к нему подкрался Многоликий. Многоликий всегда подкрадывается, если хочет кого-нибудь удивить.

— Здорово, приятель! — крикнул он, до смерти испугав Лентяя.

— Я с вами знаком? — спросил тот, мысленно отшвырнув свой испуг к берегу Галечного моря. Он оглядел бледного приветливого господина, представшего перед ним во

всем своим блеске — в сюртуке, выглаженных брюках и лоснящемся цилиндре. Недоставало только золотых запонок да какого-нибудь изысканного перстня на пальце. Многоликий не был богат — всё его богатство составляла пестрая фантазия да природный дар менять одежду вместе с телом. — Шутка! Шучу я! Уже свyksя с тем, что у тебя каждый день маскарад!

— Это, между прочим, не маска, — сказал господин и, дотронувшись до своей щеки, мигом превратился в самого обыкновенного деревенского мужичка. — Закурить не найдется?

— Мои папиросы закончились, а новых достать негде, — пожал плечами Лентяй. — Да и неохота.

Вдалеке грозно ворчало Галечное море. От этого непрерывного ропота у Лентяя уже не раскалывалась голова, как бывало прежде. Он успокаивал и, в конце концов, успокоил себя тем, что вблизи Галечное море не ворчит, а грохочет, причем грохочет оглушительно. Если бы валун располагался, скажем, в сотне шагов от берега, Лентяй гарантированно сделался бы глухим.

У Галечного моря не летали чайки, его не бороздили суда, потому что даже самое крепкое судно расколется и пойдет ко дну под напором пересыпающихся каменных волн.

— Ко мне тут чужаки пожаловали, — скупно сообщил Многоликий, устраиваясь рядом с приятелем. — Дверцу мою изучали... А ты чего все сидишь да сидишь? Неужто не надоело?

— Надоело, — горестно подтвердил Лентяй. — Но что толку? Мало того, что я ленив, — я еще беда как умен! У меня хватает ума понять, что ничего полезного я сделать не способен. А ежели так, зачем вообще суесться? Лучше ты мне скажи, не надоела тебе эта чехарда образов?

Многоликий стал сжиматься, скукоживаться — и скоро его было не отличить от кучи залежалого тряпья.

— У меня с рождения так, — смущенно пояснила куча тряпья. — То ли родовое проклятье, то ли неизлечимая болезнь. Я бы и рад стать нормальным, но пока что от моей болезни лекарства не изобрели.

— Вывод напрашивается сам собой, — заключил Лентяй. — Кто хочет исправиться — не может, а кто может — не желает...

Когда небо усеялось веснушками ярких звезд, он уже вовсю храпел в тон шуму далекого прибоя. Многоликий вострепнулся от застигшей его дремоты, что-то пробурчал и покатился к себе в избу, где его поджидал незванный гость. А незванный гость, как известно, хуже татарина. И гнать его надо взашей.

Этой ночью капитану крупно не поздоровилось, потому как Многоликий (а с ним заодно и его таинственная хижина) разошлись не на шутку.

«Хрясь! Бамц! Хрумс! — доносилось из хижины. А потом еще: — Треск! Дзынь! Ыrrrr!»

«Ой! Ай-яй!» — кричал капитан, улепетывая от увесистой скалки Многоликого. Тот скакал по комнатам, сшибал стулья, бил посуду и отчаянно ругался. А когда ругательства иссякли, вспыхнул, точно ритуальный костер.

Капитан сам не заметил, как оказался на коньке крыши. За ним, пылая так, что виднелись одни лишь черные провалы глаз, с ножом в зубах полз Многоликий. Лезвие ножа накалилось до предела, и сейчас им можно было бы с легкостью резать ледяные кубики. Дело явно принимало скверный оборот.

— Проссяйся с жизнью, — прошипел огненный человек. — Вы у меня вот узе где! В

пецёнках!

Кэйтирон стал медленно пятиться. Вернее, отползать. Он даже оглянуться боялся. Оглядывался так один, оглядывался — его и прикончили.

Наконец Многоликому надоело цедить слова. Он вынул изо рта свой «кромсатель», размахнулся — и вдруг огонь пропал, как будто его всосали огромным пылесосом. На крыше осталось растерянно моргать лишь круглое, обугленное нечто. Но капитану от этого ничуть не полегчало. Нож-то у обугленного никуда не делся. Вот-вот всадит в глотку.

Однако до убийства не дошло. Многоликого весьма кстати стало раздувать. Он раздувался и раздувался, злобно пыхтел, размахивал коротенькими ручками. Нож упал и обиженно залязгал по кровельному скату. А в следующую минуту прогремел взрыв.

...Ближе к полудню на другом конце деревни разразилось настоящее бедствие. На горизонте стаями голодных ворон слетелись полчища туч и, сомкнувшись в одну внушительную черную массу, понеслись к мирному поселению. Закружились лихой завертью, завились смертоносной воронкой, чтобы через эту воронку вобрать в себя пыль и песок.

— Ураган Мэйо приходит в долину раз в несколько лет, — повествовал Благодарный, глядя, как завороченные друзья таращатся на темное небо. Там, во мраке, мелькали тысячи быстрых молний. А вдалеке дико вращался смерч. — Он приходит, накатываясь, как волна. Этот вихрь непростой. Рушит дома, рвет на части машины, уносит людские жизни. Но понарошку.

— Что значит «понарошку»? — глухо спросила Таймири.

— Мэйо внушителен только с виду. Если не хочешь полгода ходить унылым, просто игнорируй его. Но, думаю, вам уже поздно что-либо говорить.

— Так ведь он крушит всё без разбору! — воскликнула Минорис, коченея от страха.

— Кино, — рассеянно отозвался Благодарный, вертя в руках чашку из своей коллекции фарфора. — Представьте, что смотрите фильм.

Однако по приближении смерча фильм сделался что-то уж больно реальным. Задребезжали оконные стекла, замело пылью фасады домов, а смерч принялся завывать. Крики бегущих людей, судя по всему, его только подзадоривали, и Мэйо набрасывался на них с яростью бездушной стихии. Но, собственно, он и был бездушной стихией.

— Н-не верится мне, что это всё фикция. В-вон как голосят! — с легким заиканием заметил из-под кровати Папирус.

Минорис всхлипывала. Она извела уже порядочную кучу носовых платков, которые Благодарный выуживал из своих карманов, как фокусник. Философ уткнулся в какую-то книгу и неподвижно просидел почти до самого вечера, пока не утихла буря.

А Таймири пребывала в полнейшем недоумении и даже чувствовала себя немножко обделенной. Вокруг твердят, будто за окном дома рушатся, люди летают. Она бы и не прочь на летучих людей поглядеть, так ведь на улице тишь да покой. Только глупый, бутафорский смерч. Нет, не смерч — смерчик. Такой в себя и пылинки не засосет.

— Что вы нам мозги пудрите? — обратилась она к хозяину. — Загипнотизировали, небось. Минорис до слез довели. Диоксид, вон, чуть ли не истуканом сделался. А на меня ваш гипноз не действует. Так-то.

— Хотите сказать, я мошенник и плут? — деликатнейшим образом осведомился Благодарный.

Таймири передернула плечами.

— Да ничего я не хочу сказать. Просто не понимаю, почему все видят, а я — нет. И почему у всех, кроме меня, резко испортилось настроение.

— Наверное, вы невосприимчивы к уверткам Мэйо. Он всегда мечтал казаться большим, грозным, таким, чтоб дыхание захватывало. Это, увы, недостаток многих смерчей. Если не получается раздуться на самом деле, они используют хитрый прием — и раздуваются в сознании у людей. Им лишь бы пыль в глаза пустить. Вон, как ваша подруга побелела. Отведите ее уже от окна. Пусть займется моей коллекцией гальки из Галечного моря. С риском для жизни собирал.

Там, снаружи, деревня погрузилась в неимоверный хаос. Жилые постройки беззвучно превращались в крошево, беззвучно носились по дорогам песчаные стены, и лишь смерч распевал ветряные арии хорошо поставленным голосом.

Остер Кинн сжал рукоятку ножа: «Чирк! Чирк!». Если нож как следует заточить о плоский камень, им не только калумет вытесать можно — всё, что душе угодно! Сбоку от входа в вигвам на чугунной плите чернели какие-то пиктограммы. Старайся — не старайся, а без Эдны Тау в этих закорючках ногу сломишь.

Из куполообразного шалаша вышла индианка, на ходу завязывая свой вампум.

— Не соскучился по бравым товарищам? — проникновенно спросила она.

Остер Кинн соорудил кислую мину и принялся точить кинжал усерднее прежнего. Утро сегодня не задалось. Небо облепили мохнатые, хмурые тучи, и налетал влажный ветер, от которого на верхушках вигвамов печально звенели медные колокольчики.

— Какие ж они brave? — сказал Остер Кинн, в задумчивости отложив работу. — Я хочу стать одним из вас. Некогда мне тратить время на...

— На воспоминания, — подсказала Эдна Тау. — И правильно.

Когда-то вождь подарил ей на удивление мягкие мокасины. В таких можно бесшумно ходить по самым опасным лесам. И удалиться можно, не издав ни единого шороха. Так, что этого никто даже и не заметит. Вот и Остер Кинн не заметил.

«Давненько не одолевала меня скука, — думал он. — Когда я путешествовал по пустыне, меня надежно стерегли опасности. И скуке было не подобраться. Когда плыл по реке за яхтой, скука, кажется, пару раз утонула, гоняясь за мной. Но выжила, зараза! Выжила...»

С досады он нечаянно полоснул себя ножом по руке.

— Ай! Елки мохнатые! — выругался он и отшвырнул кинжал куда подальше. — А ты окажи услугу, не мельтеши перед глазами!

Эта просьба адресовалась белому щенку, который от нечего делать возился у вигвама. Он, похоже, решил подкопаться под шатер — чересчур уж активно скреб когтями по адуляру. Потом, насторожив уши, отрывисто тявкнул.

— Да, да, проваливай! Иди туда, где ты действительно нужен! — наставительно сказал Остер Кинн. — И какая нелегкая тебя принесла?!

Щенок постоял с минутой, почесался, а потом возьми да как рвани зубами обшивку шалаша.

— Тебе эта шалость с лап не сойдет! — взбеленился Остер Кинн и швырнул в проказника точильным камнем — промах. Мишень ускользнула и растворилась во мгле леса.

А бледнолицый новичок «Меткая Рука» сгреб в охапку свою циновку и пошел подбирать метательный снаряд.

— Ты прогнал Зюма? — спросила Эдна Тау, высунувшись из вигвама.

— Ему здесь не место, — отрезал Остер Кинн. — Да и мне, впрочем, тоже...

— Что ты такое говоришь? — ужаснулась индианка. — Мы всегда тебе рады.

— Так-то оно так... — протянул путешественник. — Но без приключений я зачахну.

Обрасту плесенью, мхом... Или чем там у вас обрастают?

Индианка обреченно вздохнула:

— Сарпарелью.

— Вот. Покроюсь сарпарелью — а вам потом думать, куда этого обросшего пристроить, чтоб не мешал.

— Значит, уйдешь?

Остер Кинн кивнул.

— Только не сейчас. Думаю, будет знак. И вот тогда-то...

— К Таймири? — спросила Эдна Тау.

— Ч-чего? — опешил тот. — Ну, нет! Таймири же в мастерскую намылилась.

Мастерская почитай что монастырь. Она меня отошлет.

— А если бы не мастерская, попытал бы счастья? — лукаво прищурилась индианка.

— «Если бы» в мой лексикон не входит. Не люблю условное наклонение, — отрезал Остер Кинн и поспешил спрятаться в шалаше: стал накрапывать дождик.

19. О дарах и горных нимфах

С трогательной улыбкой на устах в комнату вошла Сэй-Тэнь. Она только что искупала и перепеленала ребенка, вымылась сама и облачилась во всё чистое.

Впервые за много месяцев ее окутывало умиротворение. Ритен-Уто умилительно пускал пузыри у нее на руках и издавал такие смешные писклявые звуки, что оттаает кто угодно. Появление «мадонны с младенцем» немного разрядило обстановку в гостиной, и друзья сразу взбодрились.

— Ой! А я ведь совсем забыл! — воскликнул Благодарный. — Из головы начисто выветрилось. Я же для вас подарки приготовил!

При слове «подарки» у Папируса загорелись глаза и он расторопно вылез из-под кровати. А Благодарный подвел гостей к пузатому сундуку, украшенному резьбой да яшмовыми вставками. Отпер замок и не без гордости откинул крышку.

Таймири просияла: платья! Много платьев! Бери, что душа пожелает. Минорис издала восторженное «ах!» и молитвенно сложила руки. Ни мачеха, ни сводные сестры никогда не баловали ее нарядами. Себе они покупали самое лучшее, а ей доставались обноски.

— Я заметил, что ваша одежда поизносилась... В негодность пришла, — с заминкой пояснил Благодарный. — Вот и подумал: платья из сундука будут кстати. Я их, между прочим, сам шил. С кумой Дербенией. Она у нас швея высшего разряда.

— Вы просто кудесник! — воскликнула раскрасневшаяся Минорис. — А можно... можно мне синее платье?

— Разумеется! Всё для вас! И философу новая хламида найдется.

Диоксид придирчиво оглядел свой балахон и с удивлением обнаружил несколько протертых мест.

— Чур, желтое платье мое! — бросившись к сундуку, крикнула Таймири. У охристого, как пески пустыни, вечернего платья было одно неоспоримое преимущество: оно поднимало настроение не только владелице, но и всем вокруг.

В предвкушении потирал руки Папирус: ему наверняка достанется щегольской костюмчик с галунами на рукавах и модным воротником. А вот капитану обновки не видать...

— Разрази меня гром! — рывкнул Кэйтирон, распахнув парадную дверь. На арьерсцене свирепствовали ветры и вовсю резвилась пыльная буря. — Чем вы здесь занимаетесь?!

— Уверяю, ничего крамольного, — выступил вперед Благодарный.

— Ага, вижу! Наряжаетесь, а старого доброго Кэйтирона забыли!

— Никто вас забывать и не думал, — возразила Сэй-Тэнь. — Присоединяйтесь. Тут и для вас кое-что имеется, — И она демонстративно потрясла белым с позолотой пиджаком.

Капитан сначала растрогался, обмяк и даже стал примерять брюки из комплекта. Но потом вдруг насторожился:

— Позвольте, это ведь не бесплатно? Бесплатные варланги, сами знаете, где бывают.

— Отдаю за бесценок, — непринужденно отозвался Благодарный. — За вашу компанию.

— За компанию? — переспросил капитан. — Что ж, так и быть. Эй, Папирус, погляди, в таком костюме и к правителю не стыдно...

Спустя час все, кроме Сэй-Тэнь и Ритен-Уто, не сговариваясь, ринулись в ванную

Философ провозился в ванной, ни больше ни меньше, два часа. Он ни в какую не желал расставаться со своим старым балахоном и заявил, что выстирает его до белизны. Таймири кричала что-то о своих длинных волосах, которые якобы долго сохнут и вообще нуждаются в хорошем уходе. Капитан молча ходил из угла в угол, после чего вдруг резко бросался к ванной и неистово колотил в дверь.

Чуть позже они сидели в столовой и перекидывались в картишки. Кэйтирон курил, затягиваясь в полную силу и выпуская такие клубы дыма, что иногда даже сложно было разглядеть масти на картах.

— Как ваше самочувствие? — поинтересовался Благодарный. — Вы мне что-то не нравитесь.

— Я в последнее время всем не нравлюсь, — хмуро отмахнулся капитан.

«Явно же пережил что-то трагичное. Душевное потрясение налицо, а он молчит, — недоумевал хозяин. — Клещами из него, что ли, вытягивать?»

Внезапно его осенило: погреб! Вино сорокалетней выдержки наверняка развяжет гостю язык.

Благодарный решил не тянуть и вручил каждому по бокалу. Капитану — нарочно — самый большой.

Таймири пригубила вино и скривилась так, будто в бокале был скипидар. Сэй-Тэнь отказалась наотрез. Минорис вяло разглядывала солнечный напиток на свет. А Кэйтирон хлещет — и хоть бы что! Спустя полбутылки он дошел до кондиции и держался довольно-таки свободно.

— Итак, что там у вас стряслось? Выкладывайте, — мягко потребовал Благодарный.

— Да-да, нам очень интересно, — закивала Сэй-Тэнь.

— Ну что? Что вы ко мне привязались?! — заныл капитан. Казалось, еще чуть-чуть, и он начнет проливать крокодиловы слезы. — Подумаешь, вспылil малость! Пошел к этому... как его... к нежити этой!

— К Многоликому, значит, — сообразил Благодарный.

— Во! Толковый парень! — И Кэйтирон неуклюже взъерошил подсказчику волосы. — Многоликий, как вы изволили уточнить, когда заявился домой, был чрезвычайно хорош собой. Я бы даже сказал, имел интеллигентный вид. А как меня увидал, моментально преобразился. Зашипел, дескать, проваливай! А я ему: нетушки! Я ему говорю: будешь меня, как гостя, потчевать! И нечего, говорю, чудищем прикидываться. Тут он меня по всей избе гонять стал.

Капитан содрогнулся, припомнив страшные ругательства и заточенный ножик Многоликого.

— Ну, а потом что было? — заерзала нетерпеливая Минорис.

— П-потом? — переспросил тот. — Потом его разорвало... на мелкие клочки.

Он умолк, и в гостиной стала сгущаться, как туман, зловещая тишина. Сгуститься окончательно и бесповоротно тишине помешала Таймири.

— Что? Вот так просто разорвало? — невинно поинтересовалась она. Сэй-Тэнь бросил на нее быстрый осуждающий взгляд.

— Недаром вино кристальным называется, раз оно человека на чистую воду выводит, — сухо проговорил Благодарный, не сводя глаз с этикетки на бутылке.

— Что же получается, наш капитан — и убийца? — вздрогнула Минорис.

— Не мне его судить, — последовал мрачный ответ. — Я предвидел, что рано или

поздно это случится. Во время смерча и после него много такого происходит, на что рассчитывают одни и чего панически боятся другие...

Галечное море искромсало береговую линию, подмяло под себя пляж и подступило к пустоши. По всей округе — невыносимый шум, а Лентяй сидит, как ни в чем не бывало, — хоть бы пальчиком пошевелил.

«Опостыла мне эта унылая жизнь, — думал он обреченно. — Никакой от меня пользы. И раз уж море вышло из берегов, значит, камешки катит точно по мою душу. Стало быть, одна мне дорога — на дно».

Пока он занимался самовнушением, море перекликалось с ураганом, вихрившимся на задворках некогда живописного поселения. Теперь там царило разрушение.

«Утопну в Галечном море — получу по заслугам», — решил Лентяй. Однако уже в следующую минуту он, как ни странно, встречал раскаты вала верхом на своем валуне. Море громко скреблось у подножия валуна, захватив всё пространство вокруг, за исключением узкой полоски земли — единственного пути к отступлению...

— А стану-ка я, пожалуй, плотником, — в раздумьи сказал Лентяй и рванул, что было мочи, по тропинке.

— Я — преступник?! — поперхнулся капитан. — Кхе-кхе-кхе! Да я! Да вы все! Да у меня просто слов нет! — Услыхав обвинение, он протрезвел моментально. — Что ж, выходит, мне теперь голову с плеч?

— Ну, до головы дело не дойдет, — уверил его Благодарный. — Собственно, ваша вина здесь лишь в том, что вы не обладаете достаточной чуткостью и плохо разбираетесь в людях.

— Во всяких чучелах мне разбираться недосуг, — отрезал Кэйтирон. — И вообще. Пора нам. Загостились.

Папирус уставился на капитана так, словно тот только что предал родину. Не успели отдохнуть, отогреться — и снова в путь. Безобразие!

— Спасибо за теплый прием, за подарки, — поклонилась Благодарному Таймири. — Век буду вас помнить.

— Это я вас благодарить должен, — со слащавой, как показалось капитану, улыбочкой ответил хозяин. — Но постойте-ка, постойте! Почему вы не взяли замшевые башмачки из сундука? Они же вам в пору!

— Понимаете, этим старым туфлям сносу нет, и мне жуть как интересно, когда же они, наконец, порвутся!

— Но почему ты отказалась брать именно башмаки? Почему не платье, не накидку? — удивилась Сэй-Тэнь, когда они оказались за порогом.

— Просто это единственная память о тетушке, — сказала Таймири. — Подарок на совершеннолетие.

К тому времени установилась прекрасная погода. Воронка смерча пропала, дома стояли невредимые — только капельку постаревшие, с осунувшимися, погрузневшими фасадами и тусклыми глазами окон. Люди ходили хмурые, друг с другом не здоровались и провожали путников кислыми взглядами. Но и на том спасибо. Значит, не унес их ураган Мэйо, как опасалась Минорис. Значит, не было никаких летучих людей.

Тетушка Ария чуть было не сгруппировалась и не позвала стражников, когда перед ней вдруг

разверзлась полуразрушенная скала, обнаружив проход. Проход был мерцающий, слюдяной и вел если не в сокровищницу, то определенно в какую-нибудь таинственную и волшебную пещеру. Вовремя одумавшись, Ария нырнула внутрь скалы. Всё равно худшее позади. Прощай тяжкий, бесполезный труд! Прощайте, оплывшие и отупевшие надсмотрщики! Теперь никто не будет лупцевать ее плетьюми, никто не заставит есть эти противные, безвкусные лепешки... Отныне она вообще не увидит еды.

Спохватившись, тетушка Ария повернула назад — но было поздно. Скала срослась за нею, будто прохода и не существовало.

Плутая по коварному, светящемуся лабиринту, она не ела и не пила в течение вот уже двух суток. Во рту чувствовалась сухость, глаза слипались от усталости, а каша, к прискорбию, была не на тарелке, а в голове. Из-за негаснущего света у Арии стали сдавать нервы, и в довершение всех бед, ее продуло на сквозняках. В общем, к концу второго дня силы, здравомыслие и оптимизм были на исходе.

«Вот уж не подозревала, что встречу смерть вдали от дома, — заплеталась вялая, истощенная мысль. — Надо было остаться в пещере. Там, если посудить, не так уж плохо. Стражники народ несговорчивый, и вышибить из тебя дух для них раз плюнуть. Но это всё-таки какое-никакое общество. А здесь? Здесь я одна-одинешенька».

— Эй! Есть кто живой? — слабо крикнула тетушка Ария.

«Живой! Живой!» — прозвучал насмешливый ответ.

— Честное слово! Тут с ума сойти можно!

«Можно! Можно!» — не унималось эхо.

— Зачем ты впустила меня? Если намеревалась освободить, так знай, что моя свобода здесь мнимая! И мне суждена погибель!

«Гибель! Гибель!» — зазвенело, дразнясь, многоголосье.

Сообразив, что так от эха ничего путного не добьешься, Ария сменила тактику.

— Мне бы воды, — просительно сказала она. Тотчас откуда-то сверху засочилась холодная, сладковатая на вкус вода. И судя по всему, совершенно чистая. Пил бы и пил. После трех глотков тетушка Ария почувствовала себя другим человеком. Вернулась ясность мысли, разогнулась спина, простуды как не бывало.

— Чудеса! — подивилась она. — А ты, случайно, не можешь сочинить для меня отбивную с чесночным соусом?

Каменные своды в ответ недовольно завибрировали, и кое-где вниз посыпалась размельченная порода.

— Жаль, очень жаль, — вздохнула Ария. — Хотя, впрочем, ты и так неплохо постаралась. Спасла меня из плена, напоила, ведешь теперь непонятно куда... Ты уж не обессудь, но мне не дает покоя вопрос: почему именно я? Почему не Лионора-Аврелия-Марти, например? Уж кто-кто, а она точно заслужила, потому какгнула спину вдвое больше моего. И плетьюми ее угощали чаще.

«Если выбор пал на тебя, значит, такова твоя судьба. И нечего спрашивать!» — гулко донеслось из коридора. Какой вредный, однако, лабиринт! Уже и поинтересоваться нельзя.

Тетушка Ария застыла на месте. И вовсе не потому, что коридор вдруг заговорил человеческим языком. Нет. Она остановилась, потому что коридоров было шесть.

— Ну, и куда же мне идти? — озадаченно проговорила она.

«Идти... Идти...» — подхватила горная нимфа. Теперь Ария знала почти наверняка: с нею разговаривала нимфа. Стыдливая, застенчивая, но вместе с тем невероятно капризная.

Горные нимфы, все до единой, весьма трепетно относятся к чужим словам. Они ловят слова специальными сетями, начищают до блеска невидимыми щетками и складывают в парящие, призрачные шкатулки. Нимфы редко пользуются словами из своих коллекций. Чаще просто дразнятся, повторяя конец чьей-нибудь фразы. Лезть за парящей шкатулкой им ох как лень!

Внезапно один из коридоров заговорщически подмигнул тетушке Арии:

«Чего ждешь? Давай, сюда!»

Тут она уж и без слов поняла: выход рядом. У «общительного» коридора имелась масса преимуществ. Во-первых, он был не столь яркий, как предыдущие. Во-вторых, со сталактитов здесь обильно стекала та самая, живительная влага. А в-третьих, издали доносилась приятная инструментальная музыка. Верный признак того, что избавление не за горами.

Вскоре «издалека» превратилось в довольно ощутимое «близко», и когда Ария поравнялась с небольшим квадратным проемом, то не смогла сдержать удивления: звуки лились именно оттуда.

— Я брежу! — воскликнула она, увидав, как рояль из прозрачного кварца сам по себе играет польку, двигаясь в такт мелодии.

— Я точно выжила из ума! — нарочито громко крикнула Ария. Но виолончель, что стояла в углу зала, по-прежнему невозмутимо гудела приятным тембром. Контрабас (весьма гибкий для своих немолодых лет), как ни в чем не бывало, кропотливо выводил ноту за нотой. Пищала, заливаясь, скрипка. Вероятнее всего, от щекотки. Смычок так деятельно скользил по струнам, что, на ее месте, пищать начал бы кто угодно. Зависнув в воздухе, наигрывала мотивчик беспечная флейта. А в дальнем конце мистического зала дышала жаром печь.

«Форменное помешательство», — решила тетушка Ария и, осмелев, переступила порог. Вдруг музыкальные инструменты опешат от столь бессовестного вторжения и притворятся мертвыми? Но ничего подобного не произошло. Судя по всему, этим инструментам было глубоко наплевать, кто их слушает и кто к ним вторгается.

Разумеется, Ария не повредила в уме. Просто она абсолютно случайно попала в пещеру, где хранились музыкальные инструменты из мастерской счастья Лисса. Норов у них был непредсказуемый, и порой они вытворяли совершенно необъяснимые вещи.

Устав от необъяснимого и пресытившись непредсказуемым, тетушка Ария вернулась в мерцающий коридор. Но не успела выйти из зала, как проход прямо на глазах стал затягиваться тонкой, переливчатой паутиной, вслед за чем его медленно заволокло жидким адуляром. Хранилища как не бывало.

— Жидкий камень, — ошеломленно пробормотала Ария. — Кому рассказать — не поверят... Странное, право, место. Выбраться бы поскорее наружу. Ау! Ау-у!

«Ау-у-у!» — отозвалось ленивое эхо.

Половинка цветка — пять голубых лепестков в серебряной оправе. Лишь сейчас Таймири заметила, что они стали то загораться, то гаснуть.

— Неспроста колечко активизировалось. Скорее всего, до мастерской рукой подать, — сказала она. — Может, по кольцу, как по компасу, ориентироваться надо?

— Почем знать? Вдруг этот твой компас заведет в топь какую или в разбойничье логово? — засомневался капитан.

— Едва ли, — покачала головой Сэй-Тэнь. — Кольцо ей досталось от птицы. А птиц е

наших краях негусто. Если где и летают, так только под крышей мастерской.

— Не верю я в эту затею. По-моему, карта надежней будет, — сварливо сказал Кэйтирон и для пущей убедительности потряс картой перед спутниками. — Видите, здесь указан проторенный путь. А кольцо, простите, мигает на восток. На востоке у нас что? Правильно, пустыня.

— Гляньте на карту повнимательней. До пустыни отсюда приличное расстояние, — возразила Таймири. — А ваша дорога петляет — вон какие круги! Не проще ль пойти напрямик?

Капитан помрачнел и, сорвав с головы фуражку, швырнул себе под ноги.

— Что ж! Раз я вам не указ, поступайте, как знаете.

— Ручаюсь, — неожиданно подал голос Диоксид, — ручаюсь, что кольцо доведет нас до цели. Я уже бывал в этих местах. Не заблудимся.

Кэйтирон долго отряхивал фуражку от пыли, бубня под нос что-то про честь и уважение, а они всё шагали и шагали. На кольце зажигались и гасли лепестки. День сменился ночью, немногочисленные припасы, что выделил им Благодарный, почти иссякли, а мастерской по-прежнему не видать. Шли по колючкам, по холодному песку. Новая обувь натерла мозоли, и стало уже невмоготу, когда посреди непроглядной тьмы вдруг выросла чернильно-черная стена. Философ безошибочно определил: мастерская. Ворота отыскиались почти сразу: высокие, расписные, с узорами. Рисунок во тьме было не разглядеть, но Диоксид мог по памяти восстановить здесь каждую черточку и каждый завиток. Будучи десяти лет отроду, он собственноручно нарисовал под одним из завитков ехидно улыбающуюся рожицу. Потом, конечно, влетело. Но порой след в истории только так и оставляют.

— Если б мы воспользовались картой, — сказал он, — пришлось бы обходить стену, чтобы добраться до ворот. А это еще день пути.

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо отозвался капитан. — Намек понят. Я бездарный проводник.

— Зато вы отлично разбираетесь в судах, — тотчас заступился Папирус.

Минорис переминалась с ноги на ногу, обиженно косясь на подаренные сандалии, и негромко охала. А Сэй-Тэнь со спящим Ритен-Уто стоически молчала. Таймири в своих бессмертных, стоптанных туфлях чувствовала себя комфортнее всех.

— Может, постучимся? — предложила она. — Или, полагаете, не впустят?

— Со мной впустят, — пообещал философ, и голос его показался Таймири на удивление свежим, помолодевшим, совсем как у Благодарного.

Он постучал три раза, выдерживая паузу после каждого удара. За тремя долгими последовало три быстрых, ритмичных. Прямо какая-то азбука Морзе! Глядишь, еще и пароль спросят. Однако пароля не потребовалось. Немного погодя створки ворот неторопливо поползли в стороны, и перед путниками предстала совершенно незащитная девушка с ярким фонарем в руке. На девушке был длинный, до пят, балахон из какой-то очень дорогой материи, перевязанный на поясе широкой лентой. Пышные кудри струились до самой талии, а изумительный разрез пытливых глаз не мог оставить равнодушным даже самого привередливого сердцеда... Папирус вылутился на привратницу и немедленно потерял дар речи. Судя по его виду, вместе с даром речи улетучился и разум. Причем, безвозвратно.

— Добрые странники... Вы ведь добрые, не так ли? — невинно осведомилась девушка. — Потому что, если нет, я запущу в вас этим фонарем. А в нем масло. И... В

общем, сами понимаете.

— Мы добрые, добрые, — поспешил заверить ее капитан. — Только очень уставшие.

— Му-э-а-э, — обалдело промычал Папирус.

— Если вы устали, это еще не повод стучаться в мастерскую. У нас, между прочим, не гостиница и не приют для бездомных, — посуровела привратница. — К тому же, мужчинам сюда нельзя. Для них есть отдельный флигель.

— Вижу, философу Каэтта здесь не рады, — проговорил своим новым, молодым голосом Диоксид. Только сейчас, при свете фонаря, Таймири заметила, как он подтянулся и постройнел. Куда-то исчезла седина, разгладились морщины, а борода превратилась в густую трехдневную щетину. Взгляд из водянистого и близорукого сделался глубоким, насквозь пронизывающим. Если бы не посох да не одежда из сундука Благодарного, нипочем бы не узнать.

— Ба-атюшки! — прошептала Минорис. — Разве ж это он? Его подменили! Украли! Похитили!

С такими словами она набросилась на опешившего философа и принялась нещадно его колотить. — Я спрашиваю, куда вы дели Диоксида? Что он вам сделал? Вы — негодяй! Убийца!

— Видите, до чего дошло, — вымученно улыбнулся Каэтта, когда обезумевшую Минорис оттащили прочь. — Убийца.

— Хороша маскировочка, ничего не скажешь, — обрадовалась привратница. — Простите, что сразу вас не признала. Такой конфуз вышел.

— Пять лет прошло, а вы всё в прежней должности априорты? — спросил философ. — Нехорошо, дорогая Ниойтэ. Я поговорю с ардиктой, пусть на ваше место поставят какого-нибудь молодца из среды физиков-испытателей.

— Благодарю покорно, — поклонилась Ниойтэ. — Но моя должность меня ни капли не тяготит. Я, видите ли, обожаю ночь и масляные фонари. Это так романтично!.. Но что же вы стоите? Добро пожаловать. До утра поместим вас в комнате для гостей. А если понадобится, то и защитим. Свиток-то у вас с собой?

— Прошу прощения, — любезно возразил философ, — но свиток останется при мне. — За пять лет в мастерской многое могло измениться. Людские мысли зреют чересчур уж быстро, а предательство существовало еще на заре человечества.

— Ах! Что вы такое говорите! — опешила Ниойтэ.

— Я ничего не утверждаю, — внимательно взглянул на нее Каэтта. — Но предосторожность не повредит. И еще, — он потрогал свою щетину, — не найдется ли у вас цирюльника? Только такого, чтоб у него руки из правильного места росли.

Априорта радостно закивала:

— Для вас хоть из-под земли достанем!

Кэйтирон презрительно хмыкнул: вишь, как любезностями сыплет! Подлиза!

Уверенная в своей неотразимости, Ниойтэ плавно отступила в сторону, и перед гостями расстелилась гладкая, как лента, аллея, усаженная по краям — о, диво! — пальмами, фикусами и изящными, духовитыми кустиками. Стояла глубокая, тихая ночь. В траве — да, там росла самая настоящая трава! — робко потрескивали сверчки. Затеняемые кронами пальм, рыжели в темноте фигурные фонари. Капитан решительно двинулся вперед, но дорогу ему неожиданно преградили.

— Вам с молодым человеком сюда нельзя, — сказала Ниойтэ, под молодым человеком

подразумевая Папируса. — Пройдемте, провожу вас к Лисса-дому.

Она настойчиво увлекла Кэйтирона за локоть, подмигнула философу и скрылась за воротами. Всю дорогу до Лисса-дома (что за смехотворное название!) Папирус любовался роскошными локонами априорты, слушал мелодичное поскрипывание ее светильника и хотел лишь, чтобы ночь никогда не кончалась и чтоб они вот так шли и шли по пустырю, с теплым ветром да яркими, небрежно разбросанными над головой звездами.

А тем временем Таймири, Сэй-Тэнь и Минорис следовали по аллее за философом самозванцем, потому что только он знал, как пройти к главному входу. Минорис не могла решить, то ли ей перед Диоксидом благоговеть, то ли затаить на него обиду. Ведь он-то ее обманывал, стариком прикидывался. Правильно, значит, поступила, что отказалась от его уроков. А с другой стороны, если он прикидывался для пользы дела, если на него какая-нибудь сверхсекретная миссия возложена? Тогда, выходит, Диоксид достоин восхищения и почета? По крайней мере, одно Минорис уяснила твердо — первому впечатлению доверять не стоит.

Аллея была посыпана чистым, мелкозернистым песком. Он приятно хрустел под ногами и навевал на Сэй-Тэнь воспоминания о море, куда они раньше ездили всей семьей — семьей дружной, сплоченной. В этой семье не было места неприязни и упрекам. Упреки начались позднее — когда Сэй-Тэнь позволила себе роскошь мечтать.

Таймири таращилась на пальмы, которые (она была уверена) при свете дня выглядят гораздо эффектней, чем ночью. Посадить бы такую пальму у себя во дворе — тетушка умрет от счастья! Хотя нет, не нужно, чтоб умирала. Будет вполне достаточно легкого обморока. А потом они откроют пальмовую рощу, и в эту рощу будут стекаться люди со всей столицы. Тетушка наконец-то бросит свою нелюбимую работу, заживет припеваючи, и будет у нее что ни день, то праздник.

— Ну, вот мы и пришли, — скупно сказал Диоксид-Каэтта. Прислонился к меловой стене здания мастерской, скрестил на груди руки и, судя по вскоре последовавшему посапыванию с присвистом, предался блаженному сну.

Ардикту — верховного преподавателя — дожидались долго. Сбросив сандалии, Минорис успела исходить аллею вдоль и поперек. Таймири вполголоса разговаривала с Сэй-Тэнь, качавшей на руках младенца.

— Я не хочу, — возмущенно шептала она, — отдавать мастерам что бы то ни было! Провожу вас с Минорис — и распрощаемся.

— погоди, — отвечала ей Сэй-Тэнь. — Не беги впереди паровоза. Поглядим сперва, что представляет из себя верховная преподавательница. Вдруг она, как Благодарный, добрая и бескорыстная?

— Мне всё равно, — запальчиво сказала Таймири. — Кем бы она ни была, уйду.

Ардикта возникла на террасе серой шуршащей тенью. Лицо ее сумели разглядеть, лишь когда слуги поднесли свечу. Бледное, с узкими черными глазами и глубокими вертикальными морщинами между бровей. А взгляд острый, как шипы чертополоха. У Минорис от такого взгляда засосало под ложечкой.

Философ восторженно и двинулся ардикте навстречу.

— Сколько лет, сколько зим! — воскликнула та, раскрывая Диоксиду объятия. — А ты всё прежний. Ничуть не изменился. Под каким именем тебя знают в городе, а, господин Каэтта?

— До сих пор величали Диоксидом, — скромно ответил философ.

— Диоксид? — рассмеялась ардикта. — Недурно, недурно. Но мог бы придумать что-нибудь и позвучнее. Хотя теперь это уже неважно. Ты ведь остаешься?

— Остаюсь, — кивнул тот. — И они... Они тоже хотят остаться, — указал он на спутниц. — Просто жаждут.

— Жаждут? — хитро сощурившись, перепросила ардикта. — В таком случае, приступим к церемонии.

Она трижды хлопнула в ладоши, крикнула: «Дары!» — и у нее за спиной тут же выросли три высокие златовласые девы с круглыми блестящими подносами. Шурша платьем из не менее дорогих, чем у привратницы, тканей, ардикта вышла на аллею, где, выстроившись в рядок, стояли Таймири, Минорис и Сэй-Тэнь. Заглянула каждой в глаза, заставила назвать имя и, не мешкая, предложила пожертвовать мастерской что-нибудь ценное.

— Ценное? — сбивающимся голосом уточнила Минорис. — Б-боюсь, я вас разочарую. Всё, что есть у меня ценного, — моя коса.

— Годится, — одобрила ардикта и крикнула служанкам, чтобы принесли ножницы.

— Редко к нам приходят посреди ночи, — продолжила она, когда первая из златовласых дев бросилась к чернеющему входу. — Я слуг, конечно, тренирую. Вскакивают по сигналу колокола в любое время суток. Правда, сегодня пришлось их расталкивать. Тяжелый выдался день.

Когда Минорис, наконец, вручили большие портняжные ножницы, она вдруг прониклась такой жалостью к себе, что даже несколько раз шмыгнула носом. При свете фонарей коса выглядела точь-в-точь как чистое золото. Таймири и Сэй-Тэнь наблюдали за подругой с содроганием.

«Главное не думать», — сказала себе Минорис. Завела руку за голову, зажмурилась. Ножницы были заточены отменно — и уже через секунду коса упала в песок.

— А тебе так больше идет, — натянуто улыбнулась ардикта. — С короткой стрижкой.

Тут Минорис не выдержала — разревелась в три ручья.

Следующей на очереди была Таймири. Долго колебалась, что же ей отдать: кольцо или амулет. В итоге, опустила на поднос кольцо.

— Цен-но-е, — негромко напомнила ардикта.

— Да-да, не сомневайтесь, ценное, — заверила ее та. — С детства храню.

Она постаралась придать своему лицу наивное, простое выражение. Чтобы не раскусили. Кольцо утратило для нее ценность в тот самый день, когда они с Остером Кинном выдолбили из скалы звездный адуляр. Верховная преподавательница с минуту пристально смотрела ей в глаза. Видно, силилась понять, врет она или не врет. Таймири попыталась сделать свои глаза доподлинно честными, хоть это было и нелегко. В конце концов, ардикта отступила.

— Дар принят! — стальным голосом сообщила она. — Но предупреждаю заранее, нам важна искренность. Искренность и полное доверие. Без доверия из вас не выйдет даже мало-мальски годных муз.

— Музы? — удивилась Сэй-Тэнь. Больше удивляться было некому. Минорис, опустившись на корточки, тихонько сморкалась в носовой платок, а Таймири отходила после «гипнотического сеанса». — Как так музы? Я думала, у вас готовят фей.

— У нас готовят муз, — отчеканила ардикта. — Небылицы про фей сочиняют те, кто ни разу не был в мастерской. Итак, ваш дар!

Сэй-Тэнь собралась с духом, крепко прижала ребенка к груди и закрыла глаза, чтобы отчетливей услышать, как стучит его сердечко. Услышать в последний раз.

— Его зовут Ритен-Уто, — совсем тихо сказала она. — Не скрою, мне больно с ним расставаться. Но зато я буду уверена, что, возрадив его, вы подарите миру хорошего человека. Вы воспитаєте его лучше, чем это могла бы сделать я, — уже твердо закончила она и глянула на ардикту в упор. Та отшатнулась.

— Вы как будто приказ мне отдаете, право слово! Такой казус у нас впервые. Однако не вижу причин, по которым сей дар принять нельзя. Принимается! — громогласно возвестила ардикта. — Но учтите, с Ритен-Уто встречаться вы не сможете, поскольку воспитываться он будет в отдельном здании.

Сэй-Тэнь кивнула. Когда младенца унесли, она еще долго стояла, слушая, как затихает его плач.

— Ну, а теперь, — с явным облегчением произнесла ардикта, — поведайте мне о своих подвигах, о достижениях. Чем прославились, какие звания заслужили? Или вы думали, что отделаетесь одними дарами? — ее губы насмешливо скривились. — Я вся внимание.

Спутницы Диоксида понурились, и тот отрицательно покачал головой.

— Не числится за нами ни подвигов, ни достижений, ни побед. Видно, зря мы износили обувь, зря изорвали одежду...

— Не зря, — усмехнувшись, ответила ардикта. — Ваша главная заслуга в том, что у вас нет заслуг. Погуляйте пока по саду. Через час, на рассвете, за вами придут, — удаляясь, добавила она. — А если я вам вдруг понадобится, спрашивайте Ипву.

Таймири вздрогнула. То ли от страха, то ли от ночной прохлады побежали по телу мурашки.

«Ипва?! Совпадение или нет?..» — подумалось ей, но она не решилась закончить свою мысль.

— У этого лабиринта нет выхода! Я знала! Знала! — разорялась тетушка Ария. Мало-помалу ею овладело отчаянье. Третий день, а во рту ни крошки. За всё время блужданий по коридорам ей не встретилось ни скелетов, ни черепов, ни даже иссохшей косточки. Значит, она станет экспонатом номер один. Наглядным пособием для заблудившихся туристов.

Уж лучше бы здесь было темно, как в бункере! К чему всё это новогоднее представление с иллюминацией и мигающими огоньками, если к нему не прилагается торжественный ужин?!

Похоже, горная нимфа исполняла желания выборочно. На сей раз негодование тетушки Арии было замечено, и пещеру вмиг обесточило. Погасли веселые «лампочки», камень из гладкого сделался шероховатым и грубым на ощупь. А примерно через час в коридоре стали раздаваться стоны: «А-ах! О-ох! О-о-у-у-у! А-ах! О-ох! О-о-у-у-у!». Этот кошмарный вокализ заканчивался душещипательным глиссандо вверх до предельно высокой ноты: «Оиоиоиоиааааааааааааиииииииии!» — после чего «упражнение» повторялось вновь.

У Арии, само собой, при первых же звуках перехватило дыхание, однако она тут же смастерила затычки для ушей, воспользовавшись носовым платком.

Тем часом в дальнем конце коридора медленно, но верно осыпался потолок...

Она чуть не престаивалась, когда к ноге прикоснулось что-то мокрое и холодное. Защитив слух от назойливого пения, Ария успешно оградила себя и от других возможных звуков, в том числе от собачьего лая. А Зюм и так, и эдак приноравливался. Гавкал без

остановки, даже на задние лапы приседать научился. Но только что это даст, если Ария сидит и трясется, как в лихорадке! Ничего не видит, не слышит. Оставалось пустить в ход самое беспроегрышное средство — язык.

Тетушка Ария уткнулась лицом в колени.

— Не ешь меня! Я невкусная! Я бы и сама не прочь что-нибудь съесть...

Зюм схватился зубами за край ее изодранного платья и потянул.

— Так ты не будешь меня есть? — удивилась Ария. Оказалось, что кровожадный «страшный зверь» совсем еще кроха. Если он когда-нибудь и станет по-настоящему страшным и кровожадным, то в весьма отдаленном будущем.

— Куда мы идем? Ты знаешь, как отсюда выбраться? — спрашивала она. Но Зюм лишь порывивал сквозь сомкнутые зубы, терпеливо тянул, и Арии волей-неволей приходилось следовать за ним.

Миновав очередной поворот, она в изнеможении присела на широкую каменную плиту и прислонилась к стене.

— Сейчас, погоди, вот сосну маленько, — пробормотала она и обессилено свесила голову.

А вдалеке брезжил спасительный дневной свет.

20. О музах и колдовстве

— Не прибедряйтесь, коллега! Обсерватория всегда в вашем распоряжении, — говорил старичок, расплываясь в щербатой улыбке. Этот допотопный старик опирался на клюку, вечно теребил свою жиденькую бороденку и вот уже второй год обещал, что скоро уйдет на пенсию. — Я здесь практически не появляюсь. Радикулит, ломота в суставах. Если и поднимусь когда, то раз в неделю — не чаще. Так что, можете считать, обсерватория ваша.

Диоксид-Каэтта учтиво поклонился.

— Вы ведь специалист по облакам? — шепеляво поинтересовался старичок. — В бытность мою студентом основатель училища, Лисс, как-то сказал: «Тому, кто отыщет в небе усыпанное звездами облако, фортуна будет покровительствовать всю оставшуюся жизнь». Я искал. Пятьдесят лет искал, но безуспешно. Глядишь, вам повезет больше.

Каэтта на его слова снисходительно улыбнулся. Он не верил в подобные истории, полагался на собственный опыт и придавал значение лишь прочным, неоспоримым фактам. А еще он знал, что, когда солнце в зените, облака приобретают самые правдивые очертания.

Простившись со стариком-звездочетом, он стал подниматься по винтовой лестнице на башню, где его ждал телескоп с хорошими линзами и герметичной позолоченной трубой.

«Небо сильное, — думал Каэтта. — Оно сильнее человека, потому что человеку приходится задирать голову, чтобы его увидеть. И даже если мы исследуем его от корки до корки, мы едва ли научимся им управлять. Небо вернее будет управлять нами».

Лестница сделала последний виток, и философ вышел на огражденную парапетом площадку. Вдали, на циановом полотне, розовели непостижимые узоры облаков. А ниже, упираясь в лазурную стену массива, простиралась бурая равнина с одним-единственным высохшим деревом, которое почему-то никто до сих пор не срубил.

Таймири, как назло, отвели самую бедную комнату с истрепанными серо-буро-малиновыми занавесками на окнах и немывтым полом. Ржавый кран в не менее ржавом умывальнике протекал. Старинные напольные часы стояли без завода. А белые волокна паутины колыхались над кроватью, наверное, еще со времен основателя.

— Вот, значит, как они нам рады! — сказала Таймири пауку, который спустился с потолка на тонкой ниточке и повис перед ее носом. — Или я в чем-то провинилась?

Паук поспешно смотал свою пряжу и убрался восвояси. Теперь он точно знает, чего остерегаться: увесистой туфли новой хозяйки.

Таймири с размаху плюхнулась на кровать и тут же расчихалась, потому что вокруг поднялось густое облако пыли.

«Не выбивали, — заключила она. — Вспоминается, на яхте Кэйтирона нам приходилось спать на чем-то подобном».

Сбросила обувь и, поджав под себя ноги, принялась размышлять.

«Ипва, Ипва, Ипва... Кто же ты на самом деле? Кошка, человек или какой-нибудь высший разум? Зловредной ты не выглядишь, на людоедку непохожа. Не хватало еще, чтобы грамотная, ученая женщина шныряла по массиву в облике кошки! Чушь какая-то».

Рядом с кроватью на коротеньких деревянных ножках неуклюже стояла тумба, и, чтобы чем-нибудь себя занять, Таймири решила проверить, что лежит в ящиках. В верхнем оказалась помятая тетрадь, цветные карандаши и множество черных юрких жучков,

наматывающих круги по фанерному дну. Неутешительно. Таймири покривилась-покривилась, схватила тетрадку и принялась их нещадно давить.

— Нет, музой естествознания мне точно не стать, — пробормотала она, припомнив недавний диалог с воспитанницей училища, Лироей. Они случайно столкнулись в вестибюле, и Лироя незамедлительно выложила ей всё, что знает о нравах преподавателей и местных правилах.

— Колдовать, — сказала она, — у нас строго запрещено. Если кого-нибудь застукают, сразу выгоняют. Попробуй, заикнись, что под кроватью у тебя спрятана книга с заклинаниями или приворотное зелье. Вылетишь из мастерской, как пробка из бутылки.

— Но у меня нет никакого зелья, — опешила Таймири.

— Ясное дело, нету, — замахала руками Лироя. — Это я пример привела. А вот если заикнешься, что тебя интересует физика, живо загребут в лабораторию к профессору Кронвару. Он просто помешан на атомах и молекулах! Отсюда и музы — атомарные.

— Музы? А кто такие музы?

— Ох, и всё-то вам, новичкам, нужно разъяснять! Музы — хранительницы искусства и науки. Но мы не служим кому-то в отдельности, не посещаем писателей и художников, когда их покидает вдохновение. Мы храним и передаем древнее мастерство, ценные знания и рецепты. Существуют музы астрономии, поэзии, прозы, танца, пения, естествознания, скульптуры, живописи и атомарные.

— А что Ипва?..

Лироя поморщилась:

— Не поминай ее имени почем зря. Она сильная и могущественная ко...

— Колдунья? — шепотом продолжила за нее Таймири. — Но ведь колдовство запрещено!

— Ей нет. Только благодаря ее магическому таланту в садах мастерской произрастают целебные травы и плодовые деревья. Но говорят, — понизила голос Лироя, — что изначально волшебного дара у нее не было и что она этот дар украла...

«Как можно, — разлегшись на кровати, думала Таймири, — украсть чей-то дар? Запустить руку в чужой карман, присвоить чужую собственность — это еще понятно. Но дар? Хотя, если принять во внимание, что Ипва — колдунья...»

Ее размышления прервал бесцеремонный стук в дверь, после чего в щелку просунул нос какой-то горбатенький старичок с посохом.

— Обживаетесь? — как можно дружелюбнее прокаркал он.

Таймири бросила на него столь неприязненный и враждебный взгляд, что старичок сделался блее полотна, икнул и немедленно ретировался.

«Честное слово! До чего же мне не повезло, так проспорить! — сетовал он, семена по коридору с невиданной для себя прыткостью. — А ведь, пока не закончу обход, дотошный профессор от меня не отвяжется!»

Дотошный профессор физики, Кронвар, был человеком не робкого десятка и из любого спора выходил победителем. Всякий здравомыслящий завсегдатай «клуба дебатов», который создали в мастерской специально для полемистов, избегал излагать свою точку зрения в присутствии Кронвара, потому как Кронвар везде искал подвоха и не упускал случая заключить с кем-нибудь пари. Только не просвещенный на этот счет стоик Ризомерилл, прибывший в училище недавно и еще не до конца освоившийся, мог дать слабину и ввязаться в прения.

Дело было в день Восьми звёзд. Обычно в этот день весь ученый совет собирался за круглым столом в «клубе дебатов», чтобы подискутировать за чашечкой кофе. Когда в небе загорелась вторая по счету звезда, Кронвар сварливым тоном начал:

— Философы — паразиты на теле науки, вот что я вам скажу! — И припечатал свою реплику ударом кулака по столешнице. — Вся их мудрость быльём поросла и на одной только науке зиждется!

Ризомерилл, сидевший от ученого по правую руку, от такого заявления не на шутку рассердился. По природе он был человеком тонким, впечатлительным, а коллеги так и вовсе считали его застенчивым. Никто и мысли допустить не мог, что этот философ с кучей бородкой и кустистыми бровями вскочит со стула и примется доказывать, что умозрительные истины также имеют право на существование. Ризомерилл и сам от себя такого не ожидал. Пока между ним и Кронваром шел словесный поединок, остальные молча переглядывались и передавали друг другу листочки со ставками. Большинство ставило на Кронвара. Тут и гадать было нечего — он любого на лопатки уложит, причем не только иносказательно, но и в прямом смысле этого слова.

Однако к единому мнению спорщики так и не пришли: у философа не хватило аргументов, и он предложил перенести полемику на завтра.

— Ладно, ладно, посмотрим, что вы наваяете за ночь, — ядовито процедил Кронвар.

На следующее утро он кружил рядом с беднягой Ризомериллом настоящим коршуном. Ризомерилл кутался в свою тогу и суетливо вынимал из толстенной папки труды некоего Резонериса-Меонира-Линна. На эту папку философ возлагал большие надежды, но надежды рухнули, как только было опровергнуто последнее доказательство.

— Вы пытались убедить меня, что философия — самостоятельная стезя, а в результате факты всё равно упираются в науку, — довольно потирая руки, говорил физик. — Вы проиграли, и вот моё условие: пойдете на осмотр комнат вместо меня.

— Но как же так? Мы ведь не договаривались! — запротестовал Ризомерилл.

— Вас разве не предупредили? — с притворным изумлением спросил Кронвар. — Спор со мной подразумевает условие. А уж какое это условие, я сообщая позднее.

— Но позвольте... А Ипва в курсе? — осторожно полюбопытствовал стоик.

— Ой, только не вешивайте сюда Ипву! У нее и без вас забот хватает!

И Ризомерилл сразу понял, что Ипву непременно надо вмешать. Но так вмешать, чтобы не прослыть при этом доносчиком...

Сейчас он чуть ли не вприпрыжку бежал по сумеречному коридору. Под конец пути даже сердце зашло с непривычки.

«Если во второй комнате меня встретят так же неучтиво, я, пожалуй, отсижусь где-нибудь в теплом уголке, а потом отчитаюсь перед Кронваром, что обход совершен и постояльцы всем довольны», — подумал он и остановился. Следующая дверь таращилась на него свирепыми глазищами древесных годовых колец. Собрался с духом, постучал. Открыла раздумавшаяся Минорис. Она зачем-то держала молоток, а когда видишь молоток в руках у хорошенькой девушки, справиться с волнением бывает невероятно трудно. Особенно если представить, что впоследствии это орудие обрушится на твою несчастную голову.

— Не подумайте, я не грабитель, — прошамкал Ризомерилл и на всякий случай отступил назад.

— Что вы! Как можно! — всплеснула руками Минорис. Она не стала говорить, что в почтенном возрасте Ризомерилла ограбить кого бы то ни было в принципе

проблематично. — Представляете, какая досада! Отвалилась спинка кровати, и я раздобыла гвоздей, чтобы ее приколотить. А гвозди гнутся один за другим!

— И правда, досада, — понимающе кивнул стоик. — Я сообщу кому нужно, и вам помогут. Обязательно.

— А вы кто? — спросила Минорис, пряча молоток за спину.

— Я? Никто. Так... Обход совершаю. Может, у вас в комнате еще что-нибудь починить требуется?

— Вообще-то здесь поселили Сэй-Тэнь. Моя комната соседняя. Там ужасно скрипит паркет, а матрас отсырел, и в нем огромная дыра. Если не возражаете, я провожу.

— Что ж, не возражаю, — прокрихтел Ризомерилл. — Сегодня исключительный день. Сегодня всё складывается не совсем обычно...

Денек действительно выдался незаурядный. Минорис прочувствовала это особенно остро, когда твердая почва в буквальном смысле ушла у нее из-под ног. Кто знал, что идя по коридору, следует остерегаться ям? Вот так шагаешь, шагаешь, ничего не подозревая, а потом как ухнешь в пустоту! Философ даже не успел задать издавна мучивший его вопрос: «Куда это мы катимся?», как свалился на белую пуховую перину. Минорис зарылась в нее с головой.

— Добро пожаловать! — чарующе прозвучал чей-то голос. Ризомерилл давно утратил способность удивляться. Он степенно поднялся, подобрал свою трость, и, расправив мантию, медленно оглядел эбонитово-черный зал. Под сводчатым потолком холодным светом горел единственный торшер, а у стены напротив, на столе, плясали крохотные язычки пламени. — Как вы находите моё гостеприимство?

— Вы большая оригиналка, — ответил старик. — А ведь сперва я вас и не заметил!

Только сейчас Минорис различила в полутьме женщину в грязном, местами продырявленном лабораторном халате. Ипва собственной персоной! По рукам у нее стекала какая-то темная жидкость. И когда ардикта приблизилась к перине, оказалось, что на пол капает самая настоящая кровь.

— Вы ранены? — встревожилась Минорис.

— О, ничуть нет. Просто провожу эксперименты на мышах... И крысах. Обыденное, знаете ли, занятие.

— Вы их убиваете? — не сумела подавить отвращение Минорис.

— В целях эксперимента, — успокаивающе сказала Ипва и усмехнулась. — Кроме крыс и мышей, я пока еще никого зарезать не успела.

Повисла давящая тишина, нарушаемая лишь странными, зловещими звуками. Где-то в отдаленном подвальном помещении стежок за стежком выстрачивала огромная швейная машина. Скрипя, поворачивалось мельничное колесо, да не унималась трещотка.

— Это шумит динамо-машина, — пояснила Ипва. — Не пугайтесь.

— А правда, что вы истязаете лабораторных животных и потом выращиваете из них монстров? — спросил Ризомерилл, содрогнувшись от собственного предположения.

— Правда, мой друг, состоит в том, что сплетни имеют особенность распространяться быстрее вирусов, — осадила его женщина-ученый. — Советую не принимать на веру сведения, которые поступают из сомнительных источников. Я спустила вас сюда по очень важному делу, поэтому не будем отвлекаться. В мастерскую, а тем более, в мою лабораторию допускаются лишь избранные. И ты, Минорис, одна из них.

Минорис удивленно вздернула голову, и тут ардикта перешла в атаку:

— Твой дар был поистине неоценим, ты мне сразу приглянулась.

— По-моему, вы что-то путаете. Неоценимый дар мастерам преподнесла Сэй-Тэнь, — неуверенно заметила та.

— Ее дар — бесценный. А бесценный и неоценимый — несколько разные вещи, — сухо произнесла Ипва, после чего вновь перешла на торжественный тон.

Она долго упражнялась в витийстве, восхваляя достоинства муз. Говорила что-то про доброту и честность и напоследок сдобрила свою речь соусом лести, сказав, что дар Минорис не имеет себе равных. Во время ее тирады Минорис то краснела, то бледнела и не знала, куда себя деть от смущения.

Сначала она теребила бант на платье, потом завела руки за спину, но, сообразив, что так стоять неприлично, тотчас приняла исходную позу. Советуют же умные люди: если хочешь кого на свою сторону склонить, хорошенько его заболтай. Да начни, желательно, издалека, чтобы не огоршить собеседника своим внезапным предложением. Вот Ипва и заговорила Минорис зубы, а потом всучила ей какой-то подозрительный матерчатый мешочек на бечевке. Сказала, что в мешочке споры, и развязывать строго-настрого запретила.

— Носи на шее, не снимай, — посоветовала ардикта.

— А зачем он мне?

— Он поможет тебе стать искусной музой. Любая муза не муза до тех пор, пока не осчастливит хотя бы одного простого человека. В данном случае, вполне подойдет Таймири.

— Это еще почему? — вспыхнула Минорис.

— Я не разглядела в ней таланта на церемонии дароприношения, — солгала Ипва. — Полагаю, надолго она здесь не задержится. Настроение у нее наверняка будет портиться день за днем. Сама подумай: видеть, как товарищи играючи справляются с заданиями, которые ты раз за разом проваливаешь. Невелика радость.

Минорис вздохнула.

— Мне тоже ее жаль, — с сочувствием отозвалась Ипва. — Но ничего не поделаешь. Вернее, сделать-то кое-что можно...

— Я поняла, — твердо сказала та. — Если споры помогут ей собраться с духом... Но, выходит, я везде должна быть с нею рядом?

— Верно, — подтвердила ардикта. — Задача не из легких, но ты справишься. С сегодняшнего дня можешь считать себя моей студенткой.

— Студенткой?! — ахнула Минорис. Быть студенткой у самой верховной преподавательницы! Вот обзавидуется Диоксид! Да что там обзавидуется! Локти кусать будет, что такую ученицу не удержал.

На задание под кодовым названием «Осчастливить Таймири» ардикта отвела своей подопечной ровно полгода и заявила, что желает получать отчеты каждые две недели.

— Какие такие отчеты? — оторопела Минорис. У нее как-то из головы вылетело, что в училищах заставляют марать бумагу по любому поводу. Причем не только студентов, но и профессоров. Вспомнилось, как Диоксид понуждал переписывать свитки и как сильно после этого болела рука.

Ипва заскрежетала зубами. На непонятливость у нее была аллергия особого рода. Поскольку большую часть дня ардикта проводила за налаживанием работы своего генератора тока, электричеством она пропиталась насквозь. Стоило ей раздражиться, как вокруг головы тотчас появлялся мерцающий нимб, а волосы, наэлектризовавшись, вставали дыбом.

— Ой, что это с вами? — испугалась Минорис.

— Пройдет, — с кривой усмешкой ответила та. — В отчетах ты должна будешь описывать реакцию Таймири на споры. Самочувствие, настроение, цвет кожи, цвет глаз, если он вдруг изменится. И лучше, если твои друзья не узнают, что ты была у меня. Тем более не стоит разглашать, что ты моя ученица. Пусть наш сегодняшний разговор останется в тайне.

— Тайна? Обожаю тайны! — улыбнулась Минорис, а про себя подумала, что так и не сможет отомстить Диоксиду. Ведь ему теперь даже намекнуть нельзя — ни об Ипве, ни о секретном задании.

Внезапно Ардикта обернулась, задев Минорис отлетевшей полой халата.

— А чем это занят наш глубокоуважаемый философ? — едко поинтересовалась она.

Пока Ипва инструктировала свою новую подопечную, философ бродил по залу, высматривая на стенах хоть что-нибудь, достойное внимания: какую-нибудь картину или гобелен. Так и не найдя ничего стоящего, он приблизился к загадочному столику, где, пыхтя дымом, горело несколько десятков свечей. Некоторые из них уже довольно сильно оплавились и стояли такими рыжеволосыми вельможами в восковых камзолах. Другие и вовсе были погашены. Подставкой для свечей служила карта страны Лунного камня.

«Почему именно карта? Неужели нельзя было найти что-нибудь понадежнее? — думал Ризомерилл. — Например, коробку с песком. Если бы я не знал ардикту, решил бы, что она разрабатывает план военных действий или что-нибудь еще в том же духе. Тогда погашшие свечки означали бы завоеванные территории, а зажженные — места, где война в самом разгаре».

Оклик ардикты оторвал его от дедуктивных рассуждений.

— Чем занят? — дернувшись, переспросил он. — Карту вашу разглядываю. И должен заметить, воску тут накапало порядочно. Вы его что, не счищаете?

— А отчего вас так заинтриговала моя карта? Подите, подите-ка сюда. У меня для вас кое-что есть.

Ее язвительный тон настораживал, однако послушаться философ не посмел. Часто моргая, поплелся к ардикте.

— Больно смотреть, как вы ковыляете на своих двоих. Может, вам пошло бы на пользу небольшое превращение? Сублимация, так сказать. Этого порошка, — Ипва похлопала по карману халата, — вполне хватит для осуществления эксперимента. Не хотите ли побыть джинном... в колбе с притертой крышкой?

— Нет-нет, пощадите! — прокаркал Ризомерилл и, отпрянув, спрятался за спиной Минорис.

Ардикта рассмеялась низким, грудным смехом, отчего похолодели оба.

— Не принимайте мою шутку за чистую монету, — сказала она. — Я вообще люблю пошутить над гостями, особенно если гости глазают по сторонам и суют нос в чужие дела.

Она подтолкнула философа, поманила Минорис пальцем и направилась к высокой железной двери, за которой начиналась старая каменная лестница на первый этаж.

— Еще увидимся.

Всё тот же злорадно-ядовитый тон. Как Ипве только удастся держать посетителей в страхе? Наверное, дело в мышах. Если бы она ставила чуть меньше опытов и почаще бывала на свежем воздухе, это определенно пошло бы ей впрок.

21. Об угнетении и превосходстве

Сэй-Тэнь сидела на мраморном бордюре фонтана, и мысли в ее голове блуждали отнюдь не радостные.

«Куда бы ты ни пошел, повсюду встречаешь себя. В людях — себя, в природе — себя. Куда ни взгляни, везде твое собственное отражение. Ну, сбежала я из столицы. Ну, добралась до мастерской счастья. А что толку-то? Счастье не в мастерских искать надо. Оно следует тенью за мной по пятам и всякий раз, стоит мне обернуться, ныряет за угол. Как же плохо мне! Как плохо! Словно вырвали из груди сердце, словно я не я...»

Вокруг безмятежно бормотали фонтаны, одни — невысокие и беспечные, другие — статные и важные. Как будто на званом вечере собрались — не умолкали ни на минуту. И вдруг посреди этого шепота-шелеста — голос! Не то голос, не то звон стеклянных колокольчиков:

— Свет мой, о чем грустишь?

Сэй-Тэнь даже оборачиваться не стала. Догадалась, что это ее неуловимое счастье колокольчиками прозвенело. Больше на его удочку она не попадет. Пусть себе звенит, пусть ласковыми именами называет. Глядишь, еще утешать научится.

— Невосполнимая потеря часто только кажется невозполнимой, — участливо заметил обладатель дивного голоса. — Но стоит отвлечься...

— Поверьте, я слыхала подобное много раз. Словами горю не поможешь, — с раздражением ответила Сэй-Тэнь и поднялась, чтобы уйти. Как она вообще забрела в этот диковинный зал?

— Не спеши. Куда бы ты сейчас ни пошла, ты всегда будешь оставаться на месте, — прожурчало у нее за спиной. Надо же, какой уверенный!

Ей страшно захотелось развернуться, гневно глянуть в глаза того-кто-сидит-в-фонтане и, по возможности, испепелить взглядом. Но она сдержалась. Потому как, во-первых, воду всё равно не испепелишь, а во-вторых, нельзя же показывать свою слабость первому встречному!

— Откуда вам знать, что я пережила потерю? — с вызовом спросила она. Ответа не последовало.

Минута. Две. Она оглянулась: позади не было ни души, ни признака жизни. Если, конечно, не считать водяной руки, тянущейся к ней из фонтана. В толще этой великанской руки сверкали чешуей золотые рыбки. Грусть-печаль, снедавшая Сэй-Тэнь, вмиг улетучилась. Самое время обмереть от страха.

— Эй-эй! Отстаньте от меня! Н-назад! — срывающимся голосом крикнула она.

— А ты, я гляжу, оживилась, — сказал невидимый хозяин руки, которая внезапно уменьшилась до привычных, человеческих размеров. — Эмоциональная встряска иногда бывает полезной.

— Вы кто? — в ужасе спросила Сэй-Тэнь. — И что вы делаете... в фонтане?

— А ты, давай, ко мне, — поманила рука. — Там и узнаешь.

— Что же, выходит, мне юбку мочить?

— Юбка высохнет, а тебя, если откажешься, любопытство изведет, так что и рада потом не будешь.

Что ж, тут он прав. Когда под боком такая заманчивая тайна, когда до тайны, можно

сказать, три шага, стыдно прятаться в кусты.

Вопреки всякому здравому смыслу Сэй-Тэнь взяла да и вошла в каменную чашу. Чисто из спортивного интереса вошла: сумеет ли она одолеть незнакомца, если тот вдруг на нее набросится? И долой предосторожности.

В фонтане было, без преувеличения, мокро. Сэй-Тэнь намочила не только подол — она целиком искупалась, потому как секретный проход находился прямо за водной стеной.

— Ну, и куда дальше? — с некоторым раздражением спросила она. Никакого дельного ответа. Сплошной шум да брызги. — Сколько мне еще здесь стоять? Или вы вздумали надо мной...

Не успела она закончить, как ее рывком втащили внутрь абсолютно сухого помещения, где не было даже намека на то, что где-то рядом плещется вода.

— Ничего себе скорость! — выдохнула Сэй-Тэнь. — Где вы так научились?

Она потрогала платье, коснулась волос — и ошеломленно уставилась на обладателя водной руки.

— У вас тут что? Фен при входе? Хотя, впрочем, меня это мало интересует. Кто вы такой?

— Разрешите представиться, часовщик Норккладд, — поклонился хозяин.

Что перед нею часовщик, Сэй-Тэнь не усомнилась ни на минуту. В комнате, куда она попала, добрую половину пространства занимал массивный, пахнущий смолой стол. А на столе — шестеренок видимо-невидимо! Не говоря уж о лупах, тисках и пинцетиках.

— Бьюсь об заклад, вы всё это сами смастерили, — улыбнулась она, указав на резной шкафчик, сверху донизу заставленный будильниками, клепсидами миниатюрами курантов и брегетами самых невероятных форм.

— Вы не ошиблись, — лучезарно подтвердил тот. — Я и впрямь их создал. Но здесь, в основном, заказы. Завтра полки опустеют...

Напольные часы в углу нервно затрезвонили, а кукушка, которая, по идее, должна была выскочить из «дупла», в истерике забилась за деревянными створками. В тот же миг к часам подскочил Норккладд и шарахнул кулаком по скошенной «крыше» (совсем как у старинных домов, изображения которых Сэй-Тэнь видела на гравюрах в музее Альдамар).

«Ку-ку! Ку-ку!» — заверещала освобожденная. Визгливо прокуковав положенное число раз, нырнула обратно в часы и злобно затаилась там до поры до времени.

— Не пойму, что с ней не так, — извинительно сказал Норккладд. — Надо было вместе с кукушки сделать сову. Уж совы, по крайней мере, не кричат, как резаные. И вполне комфортно чувствуют себя в дуплах... Но мы, кажется, не успели толком познакомиться, — опомнился он.

— Меня зовут Сэй-Тэнь, — поглядывая на него, как на спятившего, представилась гостя. Она понятия не имела, кто такие кукушки и, тем более, кто такие совы.

— С вами еще кто-нибудь проживает? — спросила она, будучи уверенной, что автором искусно сваленной на диване кучи тряпья является никак не Норккладд.

— С домом я управляюсь один, а за беспорядок прошу прощения. Сейчас, сию секунду, — спохватился тот. — Дел невпроворот, на уборку времени не хватает.

Он спешно запихал одежду в ящик и вновь заблестал своей лучезарной улыбкой.

Сэй-Тэнь пристально посмотрела на часовщика и встретила взглядом открытым, как степь. Кристальным, как родниковая вода. В этих зеленых, с поволокой глазах ей вдруг безотчетно захотелось утонуть.

— В-вы учитель или ученик? — неожиданно для себя спросила она.

Нокладд непонимающе потрянул белокурой головой.

— Ах, да! Вы же из мастерской! — облегченно рассмеялся он. — Если не учитель, значит, ученик. Третьего не дано. Но мы с вами находимся за пределами мастерской. В карманном мире.

— Карманный мир? — покривилась Сэй-Тэнь. — Я так и знала. В этом училище рано или поздно сходят с ума.

— Да нет же, нет! — заулыбался тот. — Я вам сейчас покажу. Взгляните в окно.

За окном стояли деревья, по стволам вальяжно расползлся плющ, а на земле цвел ковер из маргариток. Жужжали шмели, порхали бабочки, чирикали пташки.

— Ну и что? — пожала плечами Сэй-Тэнь. — В мастерской растет всё то же самое. Хотя, должна признать, у вас мне нравится гораздо больше.

— Значит, верите?

— Верю, что мы в карманном мире? Не дождетесь! — зловредно отозвалась та.

— Эй, вы куда? Ведь договаривались же держаться вместе! — досадливо крикнула Минорис в спину удаляющемуся Ризомериллу. Проклятуший старикашка! Сам обещает, обещает — а в итоге пшик!

Едва добрались до первого этажа, припустил, как будто его погоняли. Видно, на него так Ипва подействовала. Но Ипва Ипвой — а Минорис теперь плутать. Не очень-то ей улыбалось заблудиться на ночь глядя.

— Не по нутру ему, видите ли, ямы в полу, — ворчала она, осматривая незнакомую часть здания. Высокие арки, сводчатые потолки, обсыпаящаяся штукатурка. И, что самое прискорбное, пустынные коридоры. Ни единой живой души.

Пахло сырым цементом и теплым летним вечером. Вечер вливался в полукруглое оконце запахом скошенной травы и багрянцем заката. Репетировали концерт цикады. Минорис никогда прежде цикад не слышала, и потому эти звуки нагоняли на нее страху.

— Влипла так влипла! — с горечью сказала она. — Если б у меня была карта, тогда другое дело. Я бы свою комнату мигом отыскала.

Прислонилась к побеленной стене, сползла на корточки. А что еще остается? Рано или поздно ее кто-нибудь обнаружит. Главное, чтобы не оказалось слишком поздно...

Мусорная корзина в углу была практически пустая. Дотянувшись до нее, Минорис от нечего делать принялась разбирать мусор. Обрывок подозрительной газеты из города Небесных Даров гласил, что на улице Мрака есть подозрительный бар и что в этом баре собирается всякая шантрапа и строит подозрительные планы. «Судя по лицам завсегдатаев бара, планы весьма и весьма коварные», — замечал обозреватель рубрики.

Следующим в урне оказалось смятое заявление некоего Има Рина. «Прошу освободить меня от работы на день, а лучше на два, — писал Има Рин, — в связи с необходимостью досмотреть важный сон. Ответственное лицо — предъявитель. В случае неудачного досмотра прошу никого не винить».

Последним Минорис извлекла сложенный вчетверо листок. Расправив находку, она воспрянула духом. Кто-то намалевал на листке план здания. Красным карандашом было отмечено расположение урны, а рядом стояла заковыристая подпись «Вы здесь». Из плана следовало, что, если двигаться вдоль противоположной стены, выйдешь к большой закрученной раковине.

— Раковина — это лестница, — догадалась Минорис. — И она приведет меня на третий этаж, где как раз находятся наши комнаты.

План решила изучить до конца — мало ли, когда пригодится. В целом, это была обычная, ничем не примечательная карта. Взгляд зацепился лишь за пометки «Виноградник с бесплатной одеждой» и «Тысяча и один компартмент».

«Прямо как «Тысяча и одна ночь»», — подумалось Минорис.

«Тысяча и один компартмент» оказался не чем иным, как библиотекой. Таймири обошла ее уже раз пять, но входа так и не обнаружила. Значит, замуровали. Может, библиотека вообще на реставрации, а она суётся сюда со своей книжкой! Вернее, с книжкой Вестницы Весны. Да если б не Вестница, ноги бы ее здесь не было!

— Элеоно-о-ра, о, нежный, светлый ангел мой! — распевались музы за дверью напротив. Кто-то пустил петуха, и пение стихло.

Таймири разочарованно вздохнула. Начинаясь от пола и вращаясь в потолок, густо сплетенной сетью резиновых пурпурных тяжей высились толстые библиотечные стены. Отверстий в них было, что камней в Галечном море, — не сосчитать! При желании через эти отверстия можно было проползти, но Таймири что-то не очень хотелось. Вначале она немного перетрусилась, увидев издали красный отсек. Спросить дорогу-то она спросила, но никто же не предупреждал, что библиотека такая уродливая! Губчатое нечто, напоминающее гигантский клубок кровеносных сосудов.

— Как я попаду внутрь, если здесь ни одной приличной двери?! — в сердцах воскликнула она. — Всё только складки да пластинки! Что мне, по-пластунски, что ли?

— А хоть бы и по-пластунски! — отозвалась Минорис. — Счастье встретить тебя здесь!

На радостях она уже собралась броситься Таймири на шею, но тут мимо прошествовал моложавый преподаватель со стопкой журналов в руках. Он озабоченно совещался с низеньким профессором по поводу каких-то инструментов, которые «опять вытворяют невесть что и ведут себя прескверным образом».

— Что, потерялась? — сообразила Таймири.

— У меня сегодня целый день кровь в жилах стынет, — призналась Минорис. — А ты чего околачиваешься... у библиотеки? — спросила она, сверившись с планом.

— Книгу Вестницы вернуть надо. Правда, есть небольшая проблема...

Внезапно Минорис скривилась и отпрыгнула от красной губчатой стены так, словно ее укололи иглой. А всё оттого, что в спину ей уперлось что-то твердое и круглое. Чья-то голова.

— Горазды тут всякие проём загораживать! И почему-то именно тот проём, через который лезу я! — возмущенно сказала светловолосая голова с веснушчатый носом.

— Лироя! Ты? — обрадовалась Таймири.

— Я. Кто же еще! Путь к знаниям труден и, я бы сказала, немного тесноват, — с одышкой отозвалась та. — А теперь посторонись-ка!

Вывалившись из отверстия, она встала на обе ноги, ухватила за что-то, что упорно не желало вылезать наружу, и стала тянуть. Вскоре на пол с характерным глухим звуком упал полотняный мешок, битком набитый зелеными томами.

— Проза жизни, — пояснила Лироя.

— Но зачем тебе столько... прозы? Ты ведь муза танца! — удивилась Таймири.

— Бывают моменты, когда одними танцами не обойдешься, — мрачно усмехнулась муза. — Например, если нужен пресс для гербария.

— Ге... что? — переспросила Минорис.

— Гербарий. Это когда растения засушивают и приклеивают в альбом, — не без гордости пояснила та. — Библиотечные книжки для пресса вполне сгодятся.

— Какое кощунство! — ужаснулась Минорис. А Лироя презрительно рассмеялась.

— Библиотекарей судьба книг заботит мало. По-моему, Магорта-Сакке спит и видит, как бы поскорее от них избавиться, — сказала она и потащила свой мешок по коридору.

— Ну что? Полезли? — предложила Таймири, когда муза танцев скрылась за поворотом. — Поглядим на Магарту-Сакке.

Минорис набрала в легкие побольше воздуха, как делают пловцы перед погружением. «Тысяча и один компартмент» — тот еще омут, и в этот омут ей придется нырять следом за Таймири. За нею отныне Минорис будет таскаться целую вечность, или, по крайней мере, до тех пор, пока не скажет Ипва. «Бедная я, бедная! — думала Минорис, проползая на локтях по тесному тоннелю. — Вздумалось ардикте меня обучать! Ведь если что-нибудь пойдет не так, она меня в узел завяжет!»

В трубе было красным абсолютно всё, включая воздух. Красный воздух и красно-черные подошвы туфель Таймири, которая ползком двигалась впереди. С каждым сантиметром дышать становилось труднее, пахло резиной и чьими-то дешевыми духами. Причем по мере продвижения внутрь запах духов усиливался.

— Знаешь, мне кажется, они это нарочно устроили. Хотят нас, как тараканов, отравить, — сдавленно проговорила Таймири, вываливаясь из тоннеля точно так же, как недавно вываливалась Лироя.

— Мы травим вовсе не вас, а книжную моль, — вежливо заметила пожилая уборщица. Она возила по мокрому полу намотанной на швабру тряпкой, и время от времени швабра недовольно визжала, деря паркет острым концом.

— А человеческий вход у вас есть? — ядовито поинтересовалась Таймири. — Или прикажете вечно ползать по удушливым трубам?

— Эта конструкция разработана самим Лиссом, — пожала плечами уборщица. На протяжении разговора с ее лица не сходило благоговейное выражение, а смотрела она чаще в потолок, нежели себе под ноги. И ее взгляд уж тем более не задерживался на посетительницах.

Сообразив, что дальнейшие расспросы бесполезны, Таймири потянула Минорис за собой, и скоро они оказались в настоящем лесу из книжных шкафов. Вернее, шкафов, как таковых, не наблюдалось. Книги тянулись вдоль стен темно-зелеными лентами, а вместо полок — алые пористые складки из того же материала, что и тоннели, и весь отсек целиком.

Чтобы дотянуться до нижней складки, Таймири пришлось встать на цыпочки.

— Не утруждай себя, — сказала Минорис. — Ты же видишь, здесь всё зелено, а у твоей книжки обложка желтая. Значит, надо искать желтый компартмент.

Камень на шее у Таймири потускнел, и Минорис забеспокоилась. Амулет из звездного адуляра никогда раньше не блекнул. Что если он возьмет и погаснет? Что если умрет точно так же, как умирал изнутри массив Лунных гор?

Таймири брела по лабиринтам хранилища, как сонная муха, — из отдела с синими книгами в отдел с розовыми — и заразительно зевала. Даже зрители в театре так не зевают на заключительном акте! Минорис бодро шагала впереди и недоумевала.

— Вот придем в твою комнату, соня, и я собственноручно уложу тебя в постель! — погрозила она.

Соня покачала головой:

— Я к себе не вернусь.

На лице Минорис отразилось крайнее изумление.

— А куда ж ты денешься?

— Сбегу!

— И куда, позволь спросить? В пустошь?

Таймири предпочла отмолчаться.

Книжным рядам не предвиделось конца, и ко второму часу блуждания энтузиазма у Минорис заметно поубавилось.

— Может, положим книжку на какую-нибудь полку и потихоньку смотаемся? — предложила она.

— Кто тут собирается смота-а-аться? — гневно спросила пожилая библиотечка в источенной молью шерстяной накидке. Эта серая накидка и сама отдаленно напоминала моль.

Нахлобучив на лоб кружевной чепец, библиотечка так резво вылетела из-за угла, что Таймири вмиг расхотелось спать. Оглядела девушек с ног до головы и порицательно продолжила:

— стыдно, стыдно себя так вести! Труд старых людей следует уважать!

— Но мы ведь ничего такого... — проямлила Минорис и с надеждой глянула на подругу. Та часто поморгала, перевела дух и вновь впала в прострацию.

— Побросаете-побросаете, а мне за вами ходи — убирай! — ворчала библиотечка. — И потом, кто будет за вас записываться? А читательский билет получать? Или, полагаете, всё так просто?! А ну, марш к Шелестящей Березе! — приказала она. — Да не туда! В другую сторону, через Радужный зал! Ох, и свалились вы на мою голову!

Не дожидаясь, пока старушка наградит их шлепками, как нашкодивших детишек, девушки трусцой побежали в указанном направлении. Вернее, это Минорис побежала, а Таймири вяло поплелась за ней.

Радужный зал не зря прописывают тем, у кого истоцилась фантазия. От одной стены к другой там наведены разноцветные мосты. Руками их не потрогаешь, по цветным бревнам не пройдешься. Настоящее голографическое чудо. Станешь посреди зала, рот разинешь, а сверху на тебя, как снег, сыплются золотые блёстки. Падают — и сразу тают.

В этом компартменте собраны сказки всех народов мира.

«Никогда не читайте сказки! Это страшно интересно!» — гласит лозунг на длинном плакате, подвешенном к нижней полке-складке. Как раз туда сейчас по стремянке взбирается Минорис. Что она там забыла? А! Вынимает какую-то книгу. Пролистывает и хитро-хитро так улыбается. Эскимосские сказки.

Таймири стоит, как истукан, и смотрит в пол. Скучно ей. Камень на шее отяжелел, тянет вниз. И светится едва-едва. С таким камнем — только на дно...

— А что у меня есть! — похвасталась Минорис. — Гляди-гляди! Мы и тебе книжку подберем.

— Не стоит, — остудила ее Таймири. — Мне что-то... нехорошо.

— Тогда скорее, к Березе!

Береза встретила их испуганным шелестом. Дерево знатное — десяти метров в высоту. Выше крыши вымахало! Хотя о крыше говорить не приходится. В этом, самом главном, отделе крышей служит развесистая крона. После редких, но обильных дождей на полу по

несколько дней не высыхают лужи, и библиотекарша одалживает музам галоши, чтобы не промочили ног.

Береза шелестела не сама по себе. За нею кто-то прятался и, похоже, безнаказанно вершил злодеяние. Кто-то сдирал с дерева кору.

— Это что ж вы творите?! — воскликнула Минорис. — А вот как я библиотекарше расскажу! Выходи, вандал, кто бы ты ни был!

Движение за деревом прекратилось — вандал притаился и наверняка раздумывал, как бы половчее извернуться.

— Постой-ка тут, — властно распорядилась Минорис. — А я пойду, разберусь, — и крадучись, направилась к березе.

«Надо же, — сонно подумала Таймири. — Вандалы орудуют у библиотекарей под самым носом, а никто этого не замечает». Подумала, зевнула и с ногами завалилась на обитый кожей диван, где на одной из подушек красной нитью была вышита убедительная надпись: «Собственность Магорты-Сакке. Не ложиться, не трогать, не сдуть пыль».

— Вы зачем растение увечите? — с кривой миной поинтересовалась Минорис у музыки, которая сидела на плетёной подстилке и выводила на коре какие-то инициалы.

Та неохотно отвлеклась от своей работы и запрокинула голову.

— А-а-а! Вы, наверное, здесь впервые. Не так ли?

— Ну и что! — вздернула подбородок Минорис. — Все почему-то считают, что новички круглые идиоты и не понимают самых простых вещей. А я вот понимаю. Кора деревьям нужна, чтобы защищать их от микробов и паразитов. А вы березу, можно сказать, лишаете последней линии обороны!

— Что верно, то верно, — улыбнулась муза. — Но с Шелестящей Березой дело обстоит совсем иначе. Ее ткани восстанавливаются с невиданной быстротой. А писать на бересте одно удовольствие.

Минорис почувствовала, что села в лужу.

— Так значит, вы вовсе никакой не вандал?

— Отчего же? — рассмеялась муза. — Вандал, и еще какой! Но только не на работе. Кстати, забыла представиться. Я Нарилла, подручная. Раскладываю по алфавиту читательские билеты, сортирую книги по жанрам. В общем, выполняю черновую работу... А знаете что, — оживилась она, — я попрошу, чтобы вас назначили музой естествознания. В теплицах срочно требуется садовник, и вы идеально подходите!

— Неужели? Правда? — зарделась Минорис. — Я бы и сама не прочь. Но вы уверены что я подхожу?

Нарилла широченно улыбнулась и кивнула.

— Дар у меня такой: за версту вижу, кто и куда годен.

К тому моменту, как похожая на седую метель библиотекарша Магорты-Сакке примчалась в зал с Шелестящей Березой, Таймири основательно погрузилась в сон и даже стала прихрапывать.

Сбросив свою молеобразную шаль, библиотекарша выпучила глаза и уставилась на спящую так, словно та была призраком из далекого, темного прошлого.

Точная до педантизма и непримиримая, если дело касалось личного имущества, Магорты Сакке страшно не любила, когда на ее собственность заваливались с ногами, да еще не спросив разрешения. Она нарочно проверила время: одиннадцать ноль-ноль. В одиннадцать часов на диван заваливаться должна она. Она, а не всякие невоспитанные музы!

Магорта-Сакке даже усомнилась: а действительно ли она библиотечкарь? Может, ее уже разжаловали? Может, она теперь безработная?

Помотав головой, библиотечкаря избавилась от «неправильных» мыслей и, вооружившись коварной улыбочкой, сладко пропела над ухом у Таймири:

— Хорошо ли тебе спится, красна девица?

Та потянулась, зевнула, а потом вдруг как вскочит да как стукнется лбом о лоб библиотечкаря! У обеих искры из глаз, а Магорта-Сакке вдобавок возьми да подыми крик. Не крик — настоящая канонада!

Не найдя поблизости подходящего окопа, Таймири заслонила книжкой, которая покоилась у нее на груди, пока она дремала.

Канонада вмиг затихла, и установилась зловещая тишина. Магорта-Сакке вырвала книгу из рук Таймири и, водрузив себе на переносицу очки, забыла решительно обо всём. Даже о «диванном запрете».

— Очень любопытно, — прогнусавила она. — Откуда у вас «Записки отшельника»? Эта книга была утеряна адуляр весть когда! В те времена я еще скакала, как козочка... Так откуда она у вас? — нетерпеливо повторила Магорта-Сакке и пристально посмотрела на Таймири.

— Вестница Весны попросила вернуть, — подняла взгляд та. — Мы случайно встретились в пустыне...

Библиотечкаря мерзко оскалилась.

— Ха! Случайно? У нее случайностей не бывает.

Потом вдруг поняла, что сболтнула лишнего, и прикусила язык.

— Так вы знаете Вестницу Весны? — обрадовалась Таймири. — Выходит, она тоже когда-то училась здесь?

О нет, только не это!

«Спи, деточка, на моих подушках! Забирай себе мой диван! — захотелось крикнуть той. — Всё, что угодно, лишь бы поменьше расспросов!»

Но Магорта-Сакке не крикнула. Отвернувшись, пригладила седые волосы, собранные пучком на затылке, и в беспомощности прикусила губу. Таймири не должна видеть ее замешательства, иначе это вызовет лишние подозрения. Ведь она и есть Та Самая девушка, о которой пели горы массива! Ипва была там в тот день и слышала... Слышала... Предсказание о девушке с книгой в желтом переплете. Ипва часто ходит по массиву в образе кошки, чтобы послушать, о чем толкуют горы. Но полно, Магорта, не тревожься, не суетись почем зря. Горы редко ошибаются в предсказаниях, но ведь ошибаются!

— Невелика честь знать Вестницу Весны, — с трудом сдерживая волнение, ответила она. — Но вообще, говорят, особа опасная. И лучше с ней знакомства не водить. Вам крупно повезло, что после встречи с нею вы не попали в переделку!

— Вообще-то, в переделку мы как раз и попали, — припомнив некоторые события, сказала Таймири.

Магорта-Сакке собралась было вставить своё притворное «Ох-ох-ох!», но тут к дивану подошли Минорис и Нарилла.

Таймири вновь почувствовала легкие — сначала легкие, потом довольно-таки ощутимые — покалывания в области висков. Кто-то стал раскачивать зал, Шелестящая Береза в отдалении накренилась, угрожая свалиться на книжные полки. Нарилла обеспокоенно взглянула на Таймири. Наверное, ей тоже не понравилось, что зал качается.

— Ой, как поздно-то! — воскликнула она, взглянув на часы. — Почти полночь!

— Полночь — не полночь, а записаться надо, — бросила через плечо Магорта-Сакке. — Идите, идите. А книгу я занесу в архив. Ценная вещь, — сказала она, после чего величественно удалилась, являя собой целый кортеж из одного человека.

Помощница библиотечарши подвела девушек к Шелестящей Березе и вручила им заостренную палочку для письма.

— Смелее, смелее! — подбодрила она. — Вы очень удивитесь.

Таймири не была настроена удивляться. Хотелось лишь поскорее покончить со всем этим и сбежать от Минорис. Потому что причиной головных болей, как и причиной плывущего перед глазами зала была именно она. Стоило Минорис отойти, как боль улетучивалась, и к Таймири вновь возвращалось чувство реальности.

Они почти одновременно содрали с березы кору — первая с воодушевлением, а вторая с мрачным скептицизмом. Потом вместе усталились на оголенный участок ствола. Таймири уже ненавидела всех вокруг. Она ненавидела и Минорис, и Нариллу, и Магарту-Сакке, и даже березу. Ей казалось, что ее заперли в какой-то клетке и что пространства с каждым вздохом становится всё меньше и меньше.

Ствол березы затягивался новой корой, как при ускоренной съемке. Минорис ахала и восхищенно всплескивала руками. Нарилла посмеивалась позади. Пусть они замолкнут! Пусть замолкнут навсегда! Таймири скрипнула зубами. Черкнув на бересте свое имя и подпись, вскочила и, несмотря на усталость, со всех ног бросилась к заветной сети «кровавых» тоннелей.

22. О грибах и часовых порталах

— Чужое тут всё, чу-жо-е! — твердила Таймири, выбираясь из библиотеки. — Надо руки в ноги — и домой.

По ту сторону стены кричала и суежилась Минорис, что-то громко говорила Нарилла да орала с дивана рассерженная Магорта-Сакке. Сейчас Таймири ненавидела их чуточку меньше. Туман в голове рассеялся, и наконец-то появилась возможность здраво рассуждать. Но даже по здравом рассуждении Таймири решила, что оставаться в мастерской счастья не станет. Бегом спустилась по широкой винтовой лестнице, прошмыгнула мимо дремлющей стражницы и очутилась в прохладном ночном парке, где, в ветвях деревьев, как бриллианты, сияли белые фонари. Ветер принес издалека запах моря, и от этого запаха расцветало в душе безмерное, как горизонт, чувство сладости.

«Остер Кинн обещал, что будет навещать в долину, — пронеслась в уме отрадная мысль. — Я дождусь его. Дождусь, во что бы то ни стало».

Первый день у Норкладда Сэй-Тэнь отсыпалась до обеда. Выпрыгнув из часов несколько раз пронзительно и настойчиво прокуковала кукушка. Из-за двери тут же выглянул недовольный часовщик, хмыкнул и уволок «творение своих рук» в мастерскую, где провозился довольно долго.

Когда вошла разнеженная после сна Сэй-Тэнь, он улыбнулся ей беспечной, почти детской улыбкой и предупредил о предстоящей прогулке.

— Прогулка? — переспросила та. — Это вовсе необязательно.

— Еще как обязательно, — возразил Норкладд. — Я хочу, чтобы ты поверила мне. Чтобы ты всегда мне верила...

Иногда из-за серьезности своих глубоких изумрудных глаз он казался непозволительно молодым. От силы ему можно было дать лет двадцать пять — не больше. Вчера, пока Сэй-Тэнь засыпала, он много рассказывал о своей власти над карманным миром и о том, что время здесь течет в несколько ином русле. Норкладд утверждал, будто он хозяин времени. Будто создает волшебные часы, которые могут влиять на ход событий. Вчера Сэй-Тэнь сочла его выдумщиком. Но в его глазах светилась столь непреклонная, всепобеждающая честность, что с этой честностью нельзя было не считаться.

Она чуть не смахнула с подоконника горшок с геранью, когда открывала форточку. Протяжная стена кустарника отделяла садовый участок от глинистой дороги, за которой темнел небольшой овражек с клокочущим на дне ручьем. На другом краю канавы начиналась усыпанная желтыми иголками солнечная опушка с пухлыми кронами низеньких деревьев да живописными островками зелени.

— Если уж идти гулять, то, пожалуй, туда, — сказала Сэй-Тэнь. — Даже в сосновом лесу массива я не встречала такого буйства красок.

— В лес? Одобряю твой выбор, — усмехнулся часовщик. — Только от меня ни на шаг, а то ищи тебя потом, свищи!

Через канаву был перекинут старый мост. Некоторых досок там не доставало, а некоторые наполовину прогнили, так что приходилось смотреть в оба, чтобы ненароком не угодить в дыру. Всю дорогу до моста Сэй-Тэнь нарочно не поднимала ноги, взметая в воздух облака пыли. Норкладд шел позади и знай посмеивался: до чего же забавная гостья! Сам он

редко хаживал этой дорогой и в лесу бывал нечасто. А она словно разбудила его после навязчивого, утомительного сна, где были только часы, часы да часы. И злополучная кукушка. Сэй-Тэнь радовалась, как дитя. На опушке одна сосна опрометчиво оттопырила нижнюю ветку, за что была весьма сурово наказана. Сэй-Тэнь — настоящее наказание! — болталась на ветке, как обезьянка, и без устали хохотала. Глядя на ее причуды, Норкладд сдержанно улыбался, а думы у него были самые светлые.

В этот день она впервые попробовала малину и незамедлительно ею объелась.

— Вот что я говорил? — ласково журил ее Норкладд, помешивая в глиняной кружке какую-то настойку. — Переборщишь — живот разболится.

— Я до последнего не верила, что от такой вкуснятины может что-нибудь разболеться, — жалобно ответила Сэй-Тэнь. — Спорим, любой бы на моем месте не удержался.

— Просто признайся, что ты несусветная лакомка.

Внезапно часовщик воскликнул: «Ой!» — хлопнул себя по лбу и объявил, что у него возникла гениальная идея.

— Подержи-ка кружку, а я сбегая, подправлю кое-какой механизм. Помнишь тот полуразобранный брегет?

— А что в кружке? — на всякий случай поинтересовалась несусветная лакомка.

— Этот сироп продлевает молодость, и я готовлю его для одной особы, которая придет сегодня пополудни, — таинственно сообщил Норкладд. — Лучше не пей. Тебе ни к чему, — небрежно добавил он и исчез за дверью.

Прошло пять долгих, соблазнительных минут.

«Ну да, как это мне ни к чему? — обиженно думала Сэй-Тэнь. — Вчера под глазом обнаружилась новая морщинка, а он говорит, ни к чему!»

Она прислушалась: Норкладд гремел и грохотал во дворе, налаживая механизм тех самых часов, у которых не ладилось с боем. Они были круглые и плоские, как брегет, но не смогли бы поместиться в кармане ни у одного уважаемого джентльмена. Впрочем, для неуважаемого они тоже были великоваты. Как-никак размером с садовую клумбу. Сэй-Тэнь еще не знала, живут ли в стране «Внутрифонтании» великаны, но эти часы явно принадлежали какому-то Гулливеру.

Перед искушением она не устояла. Покачала в руке чашку, поразглядывала коричневую жидкость — и сдалась.

«Норкладд не сильно рассердится, если я отопью глоток, — решила она. — В конце концов, не ему же одному быть вечно молодым!»

Изрядно намучившись со стальными пружинами, одна из которых угодила ему прямо в лоб, Норкладд вернулся в дом, весь покрытый испариной.

— Ну как, я помолодела? — невинно улыбаясь, спросила Сэй-Тэнь.

Тот упал на стул и расхохотался.

— Ты о лекарстве? Насчет «помолодела» не уверен, но, полагаю, живот больше не болит.

Живот действительно не болел.

— Предатель! — разобиделась Сэй-Тэнь. — Значит, про эликсир молодости ты наврал?

— Не наврал, а лишь чуточку приукрасил правду, — ответил Норкладд, прикладывая к синяку черпак. — Потому что иначе ты бы эту гадость и в рот не взяла.

— Прохиндей! — крикнула та. — Обманщик! — И швырнула в него подушкой.

Норккладд латал свои дорожные брюки, а Сэй-Тэнь протирала мокрой тряпкой башмаки, когда в комнату вбежал раскрасневшийся мальчуган (двери в дом часовщика почти всегда были настежь — заходи, кто хочешь!).

— Учитель, новость дня! — отдышавшись, объявил он. — Ребята затеяли на озере рыбалку, хотят выловить гигантскую щуку!

— Не может быть! Ту самую рыбу-монстра?! — воскликнул Норккладд, отложив шитье. — А что за наживка? Уж не мотыль ли?

— Никак нет, учитель! Изловили соседскую несущку и теперь собираются общипывать! — доложил мальчишка. — Когда я уходил, курица еще кудахта, — ухмыляясь, добавил он.

— Утешительное известие, — саркастически отозвался часовщик. Спустя пару минут он, Сэй-Тэнь и мальчуган летели к озеру, как три... нет, как две торпеды. Сэй-Тэнь за ними едва поспевала и скоро стала выбиваться из сил.

— У госпожи Ликерны будет разрыв сердца! — восклицал на бегу Норккладд.

— Эти сорванцы спят и видят, как бы ей досадить. А ведь добрейшей души женщина!

Малыш, прозванный Фильтром за особую нелюбовь к избранным овощам в супах, обернулся и крикнул:

— Сюда!

Норккладд резко свернул направо, в редкую рощицу, за которой обозначились края широкого водоема.

«Вода в этом озере наверняка такая же прозрачная, как и в том, куда однажды сорвалась яхта Кэйтирона», — перейдя на шаг, подумала Сэй-Тэнь. Сердце стучало уже не в груди, а где-то в горле, и, казалось, вот-вот выпрыгнет наружу.

По глади озера сновали суматошные водомерки, к берегу неторопливой волной прибывало водоросли и мелкий мусор. А у воды толпилась детвора — босоногие мальчишки в изношенных майках и шортах. Чумазые, диковатые, они были похожи на беспризорников. Один держал под мышкой несчастную птицу, которая не переставала хлопать крыльями и надсадно кричать. Хвост у нее был ободран и розовел на фоне майки нескладным обрубком, а пух хлопьями валялся на утоптанной траве.

Высунув кончик языка, высокий рябой юнец методично выдергивал перышко за перышком и весьма бы в этом деле преуспел, если бы на поляну, как тролль из табакерки, не выскочил часовщик. Он яростно размахивал руками и явно хотел что-то сказать, но из-за сильной одышки у него получалось выговорить лишь отдельные слова.

— Кто... надоумил... общипывать... курицу?! — выдохнул Норккладд по частям.

— Вот и я говорю: зачем общипывать, если рыбища и с перьями проглотит! — возмущенно сказал мальчуган лет десяти.

— Да кто тебя слушать будет! Всезнайка нашелся! — язвительно отозвался кто-то из толпы. — Лично я бы на ее месте глотать не стал.

— Сто-оять! Смир-р-рно! — прикрикнул на ораву Норккладд. Ребятишки мгновенно прекратили спор и выстроились в шеренгу. Проводили косыми взглядами пролетевшую мимо муху и прислушались. В тенистой заводи что-то уж чересчур громко шуршал камыш.

Норккладд ходил вдоль шеренги, заложив руки за спину, и готовился произнести назидательную речь.

— Я считал вас своей верной командой, — с упреком начал он, — а теперь вынужден за

вас краснеть. Вам известно, кто такой вор?

— Человек, который берет без спросу? — подал голос курносый крепыш, смущенно протягивая часовщику замученную птицу. Тот, недолго думая, всунул курицу Сэй-Тэнь, которая приплелась сюда минутой назад и не очень-то понимала, что к чему. Когда кого-нибудь отчитываешь, руки всегда должны быть свободны, чтобы и пальцем можно было погрозить, и оплеуху особо непослушному отвесить. А если упрёшься руками в бока и насупишь, как следует, лоб, то, без сомнения, внушишь своим подопечным страх и повергнешь их в трепет.

Норккладд малость перестарался. Если вначале мальчишки еще чувствовали вину и пристыжено смотрели себе под ноги, то, когда он изобразил на лице гнев, стали просто покатываться со смеху.

Сэй-Тэнь вспомнила тетушку Арию. Та тоже не умела толком злиться.

Сообразив, что очутилась в более выгодном положении, курица принялась отчаянно кудахтать и вырываться. Сэй-Тэнь перетрусила, разжала руки — и несущка пустилась наутек.

— Лови! Хватай! — с радостным воплем бросились вдогонку мальчишки. В тот же самый миг в озере забурлила вода — и на поверхность вынырнула громадная чешуйчатая голова древней рыбы, местного Лохнесского чудовища. Дух у Сэй-Тэнь так и занялся. Не рыба — настоящая змея, только ужасно толстая, безобразная и явно себе на уме. Вслед за острой вытянутой мордой показалось тело с шиповатыми плавниками. На солнце оно отливало не то синим, не то фиолетовым. Продержавшись над водою несколько жутких минут, чудовище с презрительным равнодушием оглядело беспокойную компанию, после чего зловеще уползло на глубину. Берег облизала широкая волна. Редко бывают на озере волны такой величины...

— Ума не приложу, как она уместается там, на дне! — потрясенно воскликнул Фильтр.

— А мне другое интересно, — сказала Сэй-Тэнь, скрестив на груди руки. — Кто вообще мог назвать это порождение бездны щукой?! Да чтобы поймать такую, нужно обзавестись, по крайней мере, курятником!

Приятеля потупились. На самом деле они «щуку» и в глаза-то никогда не видели. Наслушались бабушкиных страшилок, вот и решили подвиг совершить, чтобы на всю деревню потом рыбищей хвастать.

Легенд о «щуке» слагалось немерено, однако увидеть ее воочию доводилось разве что рыбакам, которые просиживали на берегу не одни сутки.

— О курице, гляжу, вы и думать забыли. Укудахтала она в заросли, днем с огнем теперь не сыщешь, — сказал Норккладд. — Жаль старушку Ликерну. Что ни день, она при встрече непременно о вас, проказниках, справляется. Угощения приносит. А вы думали, откуда у меня конфеты?

Тут шалунам совсем невольно стало. Один, самый младший, вышел вперед и, шмыгая носом, попросил:

— Учитель, а можно... можно я здесь останусь? Покараулю...

— И мы! И мы! — подхватили еще двое. — Как-никак, мы эту кашу заварили. Нам и расхлебывать.

Норккладд сделал вид, что призадумался. А у самого взгляд плутоватый!

— Как же я вас отпущу? Кто мне в мастерской помогать-то будет?

— Мы весь лес обрыщем!

— И соседнее поле!

— К вечеру управимся!

— И к вам стрелой! — пискнул Марике, тот, что младше всех.

Этот малыш был готов терпеть лишения из-за какой-то курицы, хотя идея поймать щуку вряд ли принадлежала ему.

В чистом небе парил ястреб. За Сэй-Тэнь и Норкладдом шли по пыльной дороге мальчишки и весело болтали. Скоро в ряд потянулись усадьбы, окруженные живыми изгородями из можжевельника, плетеными заборами и железной сеткой. На земле дремали тени цветущих яблонь, рябин и лавровых вишен. Ребятишкам пришлось немного потесниться, чтобы пропустить крестьянку с коромыслом.

— Шастают тут! Ни пройти, ни проехать! — проворчала она. Ей ответили дружным хохотом. — Грубияны одни пошли! — крикнула она им вслед, а потом повернулась и зашагала дальше, кряхтя под тяжестью наполненных до краев ведер.

— Если честно, — сказала Норкладду Сэй-Тэнь, — я немного разочаровалась. Воздух у вас пахнет странно, вода в озере мутная... Совсем не то, что в массиве.

— Нашей, озерной, воде прозрачной нипочем не быть, — отозвался часовщик. — Там же букашки, рыбешки, мелочь всякая водится. Да и рыбаки иной раз грешат — окурки у берега бросают. А вот о массиве я ни разу не слышал.

Сэй-Тэнь удивленно вздернула брови.

— Да кто же не знает массив Лунных гор! В стране Лунного камня любого карапуза спроси — и тот ответит!

— Но мы-то не в стране Лунного камня, — заметил Фильтр, уцепившись за локоть Норкладда. — Наша страна Ланрия. Одна в целом мире! Плоская, что твоя подошва, — важно добавил он.

— То есть как? — опешила Сэй-Тэнь и вопросительно уставилась на часовщика. — Вас разве не учили, что Земля круглая и что на Земле есть материки, острова, океаны?

— Мудрецы-краеведы утверждают, что Ланрия — единственная страна во вселенной и что на краю Ланрии зияет звездная пропасть, — сказал тот.

Сэй-Тэнь пришла в отчаяние:

— Но как же так? Ведь вы меня сами нашли! У фонтана. А фонтан-то был в стране Лунного камня!

— Вот отсюда и следовало начинать! — отозвался часовщик. — Вот, где разгадка! Но об этом позже, — добавил он, указав глазами на неугомонных мальчишек.

Во дворе громко психовал великанский брегет. Тот самый, что не пролазил ни в одну дверь. Внутри посеребренного корпуса что-то вздрагивало и тархтело, а музыка оттуда вырывалась крайне неприятная. У Сэй-Тэнь сложилось впечатление, что часы бьются в предсмертных конвульсиях. Отправив всю компанию в дом и велев накрывать на стол, Норкладд остановился перед «страдальцем». Походил-походил вокруг, да и пнул с досады. Опять переделывать! А ведь за него большая сумма уплачена — двести линаров всё-таки. Великан Орг не поскупился. Знал, что работу выполнят на совесть.

«Золотые у тебя руки, Норкладд!» — гроыхал он в вышине могучим басом. Ох, кабы руки тут были в цене! Тут силушка нужна богатырская, чтобы каждую деталь вынуть, почистить да на место пристроить. Пока обнаружишь поломку, семь потов с тебя сойдет. А возьмешься чинить — запасись терпением. Потому как работы здесь непочатый край.

Вокруг Сэй-Тэнь никогда прежде не собиралась такая внимательная и заинтересованная

аудитория. Каждому хотелось послушать про чудо-страну, где горы переливаются и дышат, а небо усеяно таинственными знаками.

Она сидела на пахнущем опилками, скрипучем диване, а рядышком, на ковре, наострив уши, примостилась детвора. Даже часы стали медленнее тикать, чтобы ни словечка не пропустить.

— В городе Огней, — рассказывала Сэй-Тэнь, — стоит дворец. И в том дворце живет...

— Король? — предположил Филтр.

— Царь! — уверил его товарищ.

— Почти, — улыбнулась Сэй-Тэнь. — Наш правитель зовется Авантигвардом.

Тут в кухню вошел Норкладд, вымыл и высыпал на сковороду собранные в лесу лисички и зажег конфорку. Многообещающе зашипело масло.

— А я смогу стать правителем? — воодушевленно спросил Маттео, у которого за щекой вечно прятался какой-нибудь леденец.

— Когда подрастешь, сможешь, — глубокомысленно сказала Сэй-Тэнь.

— Когда сядешь на диету, — пошутил Филтр. — Потому что короли не едят конфет.

Маттео обиделся.

— Короли раздают конфеты нищим и бродягам, ведь так? — не унимался Филтр.

— Наш Авантигвард еще никогда не раздавал конфет, — покачала головой Сэй-Тэнь.

— Значит, у вас плохой король, — с уверенностью заключил мальчуган.

— Ну, а дальше-то что? Что было после того, как вы уехали из города Огней? — стал допытываться приятель Филтра.

— Ну-у, дальше...

Так, слово за слово, дошли они до опасного перевала через горы.

Часовщик время от времени поглядывал на свою гостью. А та поглядывала на него, криво улыбалась, и было видно, что скоро дети ее доконают.

«Треск!» — сказала сковородка.

«Треск! Пшщ!» — настойчиво повторила она. Норкладд перемешал лопаткой грибы и выключил плиту.

— Перерыв, братцы! Грибочки с пылу с жару! На-ле-тай! — объявил он, и в тот же миг ребята всей гурьбой кинулись к умывальнику, где стояла подставка для тарелок. Каждый стремился ухватить самую глубокую, да желательно с орнаментом.

— Не чавкаем! Ведем себя прилично! — давал наставления Норкладд, обходя стол. — Вилками не драться! А ну, кому сказал?!

Сэй-Тэнь к трапезе не присоединилась — осталась сидеть на софе. Через распахнутую дверь в кухню влетел упитанный шмель. Пожужжал, покружил над тарелками, после чего Норкладд прогнал его полотенцем.

— Почему бы тебе не пообедать с нами? — учтиво спросил он. Выбрал ведь момент, когда Сэй-Тэнь витала в облаках!

— А? Что? Нет, благодарю, — Она подобралась, обхватила колени и выжидающе уставилась на него.

— Знаешь, я ведь в некотором смысле воспитатель для этих сорвиголов, — сказал он, опускаясь на корточки перед диваном. — Их родители и бабушки постоянно пропадают в полях, особенно во время сбора урожая. Вот мне и приходится за мальчишками следить. Обучаю их своему ремеслу, а заодно учу уму разуму.

— Это что же, у вас кружок такой? Починки часов?

— Верно подмечено. Кружок, — сказал Норккладд. — Моя профессия самая прибыльная на селе. Кто ее освоит, без куска хлеба вовек не останется.

Сэй-Тэнь расплылась в зачарованной, ничего не значащей улыбке.

— Послушай, — шепнул он и обернулся. Мальчишки чавкали и работали вилками так, словно на всём свете для них существовали исключительно грибы. — У меня к тебе разговор. Только не здесь, — поспешно добавил он и повлек Сэй-Тэнь за собой, на улицу. — Пойдем!

Они пробалансировали по узкой-преузкой дорожке, окаймленной с обеих сторон кустиками земляники. Завернули за теплицу — и в сарай, где в бочках настаивалась для полива холодная колодезная вода.

Только Норккладд за порог, озорники оживились, побросали вилки-ложки и давай совещаться.

— Спорим, секретничать пошли? — заговорщически подмигнул приятелям Фильтр.

— Да тут и спорить нечего! — ответил Маттео. — Эх, всё на свете бы отдал, лишь бы только узнать, что они там замышляют...

— Так за чем же дело стало?! Организуем слежку!

Ребята зашевелились, повскакивали со стульев и друг за дружкой направились к выходу. Стараясь не шуметь, они проследовали тем же путем, что и Норккладд, потому что знали тайную тропку, как свои пять пальцев. Спрятались в зарослях малины, где по земле ползало много черных муравьев. Но кого могут остановить кусачие букашки, если кусты растут в стратегически выгодном месте? Из этих кустов невероятно удобно подслушивать и подглядывать за тем, что творится в сарае.

— Ой! Меня, кажется, укусили! — заныл Маттео. — Ко мне в штаны заполз муравей!

— Тссс! — шикнули на него. А Фильтр шепотом посоветовал вынуть из карманов все сладости.

Маттео ужасно расстроился, когда увидел, с какой прытью к его конфетам сбегаются муравьи, и пообещал себе, что в один прекрасный день отправит муравьев вместе с их муравьиным царством на тот свет.

— Грибы отвлекут мальчиков надолго, — победоносно улыбнулся Норккладд.

— Ты что, подсыпал туда снотворное? — вполголоса спросила Сэй-Тэнь. Она собралась было добавить пару возмущенных фраз, как вдруг наткнулась в темноте на какой-то предмет и немедленно рухнула на пол, сильно ударившись коленом и ободрав ладони до крови.

Выругавшись словами, какие порядочным часовщикам слышать не подобает, она внезапно вспомнила о своей чудо-способности самоисцеляться, улеглась на деревянный настил и затихла.

Норккладд решил, что дело труба. Схватился за голову, зачерпнул плоской воды и в совершенном отчаянии плеснул мнимой покойнице в лицо.

— Напрасно, очень напрасно, — не сморгнув глазом, проговорила Сэй-Тэнь. — Мне оставалось совсем чуть-чуть, а теперь, видно, придется с синяком ходить.

Норккладд остолбенел:

— Чего «чуть-чуть»?

— Чуть-чуть до полного заживления, — нетерпеливо пояснила та. — С давних пор практикую.

— Ха! — сказал в темноте голос часовщика. — Ни за что не поверю.

— Если ты чего-то не можешь, это не означает, что другие тоже не могут, — гулко

парировал голос Сэй-Тэнь. — А о чем ты хотел поговорить?

— Да вот об этом.

Норкладд засучил рукав, и оказалось, что на запястье у него красуются изящные часики ручной работы — с круглым светящимся циферблатом. Только цифр на циферблате не было и в помине — сплошные бабочки, листочки да звездочки. Большая стрелка указывала на бабочку, а маленькая — на какую-то замысловатую закорючку.

— Ювелирная работа, — похвалила Сэй-Тэнь.

— То, что ты видишь, вовсе не часы, — сказал Норкладд, — а окно в твой мир. В мастерскую счастья Лисса.

— Очень любопытно, — скептически отозвалась та. — И как же оно работает, это окно?

Вместо слов, Норкладд откинул выпуклое стеклышко и перевел стрелки так, что между ними получился развернутый угол: часовую передвинул на завитушку, где должна была бы стоять цифра три, а минутную — на листочек, заменявший девятку. Что тут началось! Циферблат вдруг ожил, закорючки поплыли и растворились, исчезли стрелки. И Сэй-Тэнь уловила странный шум, как если бы где-то вдалеке бурлил источник. Затем на маленьком экране, коим в мгновение ока стал циферблат, появился пустой бордюр фонтана.

— Чтоб меня... — пробормотала Сэй-Тэнь. — А большая водяная рука? Она-то откуда взялась?

Бесконечно довольный своим изобретением, часовщик дотронулся пальцем до жидкого экрана, и тот вмиг расширился. Теперь туда можно было запросто просунуть всю руку целиком.

— Впечатляет?

Сэй-Тэнь переводила взгляд то на него, то на часы. В свете часов льдистые глаза Норкладда излучали какое-то магическое, завораживающее сияние, и казалось, что он может абсолютно всё.

— Признайся, ты чародей, — шепотом сказала Сэй-Тэнь. Она ожидала, что часовщик станет оправдываться. Но тот лишь пожал плечами.

— А кто из нас не чародей? В каждом есть капелька волшебства. Только одни это волшебство запирают на семь засовов, а другие дают ему раскрыться и цвести.

— И у таких людей, как у тебя сейчас, светятся глаза...

Мальчишки в кустах уже порядком извелись. Муравьи да комары-кровопийцы здорово им досаждали, а Фильтр, как припаянный, торчал у стены и упорно молчал.

— Почему затих?! Выкладывай, что у них там происходит! — шипели из кустов.

— Погодите, — припав к щёлке, махал рукою Фильтр. — Они что-то рассматривают. Какое-то светлое пятно. А теперь глядят друг на дружку. Если б я не знал учителя, решил бы, что он влюбился.

— Мне возвращаться пора, — не смея отвести глаз, еле слышно сказала Сэй-Тэнь. — Меня, наверное, давно хватились...

— Я позабочусь, чтобы твоего исчезновения никто не заметил, — тихо произнес Норкладд. — Уж кто-кто, а я умею распоряжаться временем. Причем не только своим.

— Что ж, тогда я, пожалуй, пойду... — Она простерла руку и коснулась подрагивающей пленки экрана.

— Об одном молю, никому не рассказывай, где ты была! — попросил часовщик.

— Не расскажу, — пообещала Сэй-Тэнь. — А ты позволишь мне вернуться?

— Приходи к фонтану через три дня, — сказал Норкладд и, набравшись храбрости, поцеловал ее в лоб. Потом в щеку, потом в другую. И вскоре они уже стояли, обнимаясь так, словно прощаются навсегда. Фильтр за стеной тихонько присвистнул.

— Возвращайся, — измученно выдохнул Норкладд. — Только прошу, пусть о Ланрии больше никто не узнает. Иначе нам не избежать бед.

Обнадежив его многозначительным взглядом, невероятная гостья ступила в светящийся часовой портал.

Молодой пастушок вывел в поле стадо овец, где-то в стойле заржала лошадь, кукушка на ветке прокуковала целых пять раз, когда Сэй-Тэнь была уже очень далеко отсюда...

23. Об Эльтере и его чудесной свирели

Взбив подушку и расчесав короткие волосы, Минорис устроилась на кровати в предвкушении приятных сновидений. Но вдруг ее как обухом по голове: «Таймири! Если сбежит, как предупреждала, я не смогу провести своё исследование!»

Она долго и упорно стучалась в ее дверь, но никто так и не открыл. А Таймири между тем пыталась перелезть через высокую каменную стену, ограждавшую сад мастерской. Ниойтэ, привратница, ни за что бы ее не пропустила. Ночь, темень — мало ли, что может поджидать тебя в пустоши! Кроме того, если уж собрался бежать, то убегай незаметно. Лишние глаза и уши тут ни к чему.

«Эх, зря не попрощалась с Сэй-Тэнь... — жалела Таймири, ощупывая стену на предмет выпуклостей. — В мастерской ничего путного из меня не слепят, а если и слепят, то вряд ли это пойдет мне на пользу. Так что, прощай, мастерская!.. — Оставив надежду вскарабкаться по стене, она прошлась вдоль забора, отыскивала подходящее дерево и закинула ногу на сук, крепче обхватив руками ствол. — Прощай, Сэй-Тэнь...» — Она лезла всё выше и выше, на плече у нее болтался моток веревки, а перед глазами мельтешили светлячки. Все, как назло, роились возле Таймири, словно сигнализируя: «Здесь она, здесь! Попалась, негодница!»

Отмахиваясь от светлячков, она чуть было не слетела с дерева.

«А вот и лишние глаза с ушами, легки на помине!» — подумала беглянка, притаившись в кроне. Мимо, по освещенной аллее, брел Ризомерилл. Либо он был чем-то расстроен, либо попросту дремал на ходу. Его лица было не разглядеть, поэтому Таймири рассудила, что понурился он скорее от усталости, нежели от печали. Да чтобы в мастерской счастья кто-то несчастным ходил!

— Апчхи! — чихнула она. Чихнула — и зажмурилась: «Не видать мне теперь свободы, как собственных ушей! Разве отсюда так запросто выпустят?»

— Будьте таинственны! — апатично пожелал Ризомерилл. Даже голову задрать не удосужился.

Он пребывал в том состоянии, когда ни до чего нет дела. Подумаешь, кто-то чихнул! Пусть себе чихает на здоровье! Казалось, хоть бомба сейчас взорвись — он не дрогнет. Мнительность Ризомерилла подскочила, как ртуть в термометре, до предела. А с повышенной мнительностью ничто не в радость. Философу казалось, будто презирает его Ипва. Когда она смеется, стены так и дрожат, а в ум закрадывается подозрение: уж не над тобой ли она потешается? У него в ушах до сих пор звучала шутливая угроза про возгонку профессоров: «Не хотите ли побыть джинном... в колбе с притертой крышкой?». Каким издевательским тоном была произнесена эта фраза! А намек не понял бы, наверное, только тугодум. Ипва ведь явно пригрозила: не суй носа, куда не просят.

Когда философ прибыл устраиваться сюда на работу, его крайне удивило, что процессом преподавания в училище руководит женщина. «Женщина должна дома сидеть да ребятишек кормить, а в науку соваться ей незачем. Разве что ученых мужей смущать да прогресс тормозить. На это барышни всегда горазды», — был уверен он. И никакое чудо техники, даже генератор тока, его бы не переубедило. Ризомерилл считал, что Ипва не на своем месте. А Ипва считала, что ничто так не вдохновляет, как разряды электричества в атмосфере и потрескивание ее ненаглядной динамо-машины.

«Ну что ж ты так медленно ходишь? Давай уже!» — с нетерпением подумала Таймири.

Ей порядком надоело сидеть на дереве. Как только философ исчез из поля зрения, она размотала веревку и с особым тщанием обвязала верхние ветки. Хороший узел при побеге самое главное. Минут десять Таймири потратила лишь на то, чтобы как следует подстраховаться на случай, если какой-нибудь сук не выдержит и обломится. Длинный конец веревки она перебросила через стену и нечаянно глянула вниз. Высоко забралась. Упадет — косточек не соберет, а если и соберет, едва ли они окажутся целыми... Через несколько опасных мгновений Таймири уже восседала верхом на ограде и весело болтала ногами. Вот спустится — и бегом к старому дереву. А что потом — утром виднее будет. Утром, как ни крути, всегда виднее.

Она решила, что, когда вернется домой, непременно напишет мемуары о своих приключениях и каждый вечер будет читать тетушке по главе.

Не рассчитав длины веревки, Таймири соскользнула на землю и хорошенько приложилась головой о камни ограды. В непроглядной тьме выл ветер. Ему наверняка вторили ужасные порождения мрака, которые выходят ночью на охоту...

— Ну, бояться пускай слабаки! — потирая шишку, громко сказала Таймири. — А я сильная! Кому хочешь перцу задам! — Она погрозила кулаком невидимым порождениям мрака, чтоб даже не вздумали с нею связываться. А потом как припустит к дереву! Только пятки сверкают.

Бежала она, как полагается, без оглядки, а потому не видела, как снаружи, от каменной ограды, отделилась и прокралась к воротам чья-то зловещая тень.

Растопыренный, корявый дуб-старожил в заскорузлой одежде-коре выглядел ничуть не менее зловещим, однако Таймири он показался настоящей крепостью.

— Надеюсь, дерево не трухлявое, — пробормотала она. — Надеюсь, не развалится. С чего бы ему вдруг развалиться? Раз столько лет стояло, значит, и еще постоит.

Остаток ночи она не сомкнула глаз, прислонившись к своему спасительному «щиту». А под утро, когда небо на горизонте из черного сделалось розоватым, послышались чьи-то шаги. Недолго думая, Таймири протиснулась в дупло, которое заметила сразу, едва забрезжил рассвет. Дупло было узкое, высотой с человеческий рост и начиналось у самой земли. Как будто специально вырезали.

Есть укрытия, в которых никто не живет. Они пустуют годами и внимания особо не привлекают. Но данное укрытие к их числу не принадлежало. Не пробыв в дупле и минуты, Таймири стремглав выскочила наружу, где лицом к лицу столкнулась с оторопевшей Минорис.

— Ты что здесь забыла? — хором воскликнули они, исподлобья уставившись друг на друга.

— Да вот, маялась от безделья. Решила за тобой последить, — с деланной непринужденностью ответила Минорис. На самом деле она простояла у ворот почти всю ночь, упрашивая привратницу отпереть засов. Умасливала, как могла. Но Ниойтэ была неумолима. Сначала она заявила, что предписания существуют вовсе не затем, чтобы их нарушать. Потом поинтересовалась, зачем Минорис понадобилось в пустошь. Смиловилась лишь, когда стало светать. — А ты почему такая нервная? Кого-то испугалась?

— Ага, испугалась. Попробуй тут не испугайся! — раздраженно отозвалась та. — Там, в дупле, сидел какой-то тип. Жутко недовольный. Я ему, кажется, ногу отдала.

— Этот тип, к вашему сведению, не сидел, а лежал. И видел замечательный сон, конец

которого вы мне сами сочините, поскольку я его недосмотрел, — придиричиво отозвался обитатель дупла. Он выбрался на свет и выглядел слегка помятым. Однако, несмотря на свою помятость, мог бы вполне занять первое место на состязаниях по разбиванию сердец. Совсем еще юноша, в голубых одеждах до самой земли, перевязанных на поясе широкой лентой, он был само совершенство, и Минорис не придумала ничего лучше, чем выпучиться на него с идиотской улыбочкой.

— Ну, простите! Не хотела я! — в тон ему ответила Таймири. — Но сочинять для вас я ничего не...

— Тише вы! Умолкните! Такое утро испортили! — Юноша выудил из складок одежды полую трубку цвета хаки и подул в нее изо всех сил.

Таймири скривилась, а Минорис от неожиданности даже отскочила в сторону. Очарование вмиг куда-то делось.

— Проверяю, все ли ноты в порядке, — пояснил юноша. — А то вдруг древесина отсырела.

— И вы играете на этой кошмарной дудке каждое утро? — ужаснулась Таймири. — Тогда неудивительно, что вас сослали в пустошь.

— По-моему, я уже рекомендовал вам помолчать, — капризно заметил музыкант. — К тому же, никто меня не ссылал. Я сам...

— Сослался, — подсказала Минорис.

— И не такая уж она кошмарная, моя свирель, — продолжал он, вертя трубочку в руках. — Сами сейчас убедитесь. Звучит просто божественно. Или меня зовут не Эльтер!

И Эльтер заиграл, прикрыв от удовольствия левый глаз. Правый он немного прищурил, потому что с первыми нотами удивительного ноктюрна солнце вспыхнуло огнём, и равнину залил яркий свет. Следующие ноты вызвали к жизни бабочек и жаворонков, а в воздухе разлилось такое благоухание полевых цветов, что у Таймири закружилась голова.

«Если он не брат Вестницы Весны, то определенно какой-нибудь дальний родственник», — подумалось ей. Под ногами уже всюду пестрел ковер разнотравья: качали головками усталые колокольчики, умиленно глядели в небо васильки, пустились в рост одуванчики и клевер.

Эльтер не останавливался и играл теперь, закрыв оба глаза. Причем играл столь самозабвенно, что хочешь — не хочешь, а всё вокруг оживёт. С каждым тактом, с каждой репризой луг цвел пуще прежнего, а на заключительных нотах на пригорок спикировал коршун и утащил в когтистых лапах землеройку.

Таймири и Минорис пребывали в полном восторге. Однако стоило Эльтеру отнять губы от свирели, как представление тотчас закончилось. Равнина очистилась знойным дыханием ветра, вновь став безликой и серой.

— Вы волшебник! — захлопала в ладоши Минорис.

— Только если чуть-чуть, — склонил голову юноша. — Но, вообще говоря, это плод многолетних трудов, которые по вашей вине чуть не пошли насмарку, — добавил он, укоризненно взглянув на Таймири. — Мне нельзя было встречаться ни с кем из смертных.

— Как будто бы вы бессмертны! — отпарировала та.

— Молчание продлевает жизнь, а у меня, по твоей милости, сегодня из жизни выпала целая неделя. Вон сколько я уже наговорил! И, что самое печальное, я не могу остановиться.

— Так, выходит, виновата я?! — вспыхнула Таймири. — А вы лишь несчастная жертва? Знаете, с таким отношением вы точно сойдете в могилу раньше срока.

Слушая их обмен любезностями, Минорис почувствовала, что тоже не прочь вставить пару ласковых, и отошла в сторонку, от греха подальше. Пусть себе препираются, а она тем временем попробует выяснить причину, по которой засохло дерево.

— Ваше поколение так много треплет языком, что просто за голову берешься! Где уж тут останется время на размышления о сущем? — продолжал нравоучения Эльтер.

— Вы говорите как дряхлый старик, — сказала Таймири.

— А я и есть дряхлый-предряхлый старикашка! — злорадно подтвердил Эльтер. — Мне никак не меньше двухсот лет.

— Уже проходили, — язвительно отозвалась та. — Был один такой, по имени Благодарный. Он тоже называл заоблачный возраст. Меня этим не проймешь.

Юноша обреченно вздохнул.

— В безмолвии заключена великая сила, — тихо проговорил он. — До сих пор только эта сила держала меня на плаву. Когда-то давным-давно, чтобы сберечь молодость, я дал обет молчания и поселился в дупле сухого дерева. А расплатой за каждое произнесенное слово должны были стать бесценные дни жизни.

Таймири, кажется, наконец-то ему поверила. Она как-то вмиг посерьезнела и насупилась.

— Тогда замолчите. Ни звука больше.

— Что толку? — пожал плечами Эльтер. — Процесс запущен, его не остановить. Знаешь, как в мастерской выбирают учителей? Учеников с учителями сталкивает случай.

— Хотите сказать, его величество Случай даже важнее ардикты Ипвы? — вздернула бровь Таймири. — Не многовато ли чести?

— Ардикта сама частенько полагается на Случай, — невесело усмехнулся Эльтер. — Это правило установила она. Так что теперь ты моя ученица.

— Вот еще! — фыркнула Таймири. — Я, вообще-то, собиралась сбежать. К тому же, если вы возьметесь меня учить, ничего хорошего всё равно не выйдет. Вы умрёте, а меня до окончания дней будет грызть совесть.

— Лучше раз посветить кому-то во благо и сгореть, чем вечно прозябать в тени, — упорствовал юноша. — Приходи ко мне завтра.

— Но... — растерялась та.

— Никаких «но»! — посуровел Эльтер. — Как ты уже убедилась, перед тобой весьма могущественный волшебник. Не придёшь — из-под земли достану, — пригрозил он и бросил на Таймири быстрый, искромётный взгляд. — А чтобы не томиться на досуге от скуки, советую посетить мой виноградник. Я наколдовал его еще в ту далекую пору, когда магия не была под запретом.

Не успел он договорить, а Таймири уже шагала по направлению к мастерской, озлобленная и раздраженная до предела. За нею, приподняв подол платья, едва поспевала Минорис.

— Ну что? Ты передумала? Возвращаешься? — кричала она вслед подруге.

— Будут меня всякие учить! — вслух возмущалась Таймири. — Туда сходи, то посети, да не забудь явиться к положенному часу! Надоело!

Она вдруг опять поймала себя на мысли, что ненавидит всех лютой ненавистью. Особенно Эльтера, которого, вроде, и ненавидеть-то не за что. Минорис определенно плохо на нее влияла.

— Отвяжись! — развернувшись, рывкнула на нее Таймири. — Хватит за мной таскаться!

Сразу же по возвращении она уединилась у себя в комнатухе и просидела там до вечера, не спустившись ни к завтраку, ни к обеду.

«Зря носом крутишь! — наперебой уговаривали ее Минорис и Лироя, подпирая закрытую дверь. — У повара Мелисса сегодня на редкость удачные блюда! Обычно он их пересаливает и перцу сыплет сверх меры. Но на этот раз его явно посетила муза, причём не просто посетила, а подсунула поваренную книгу с рецептами «Пальчики оближешь»!».

А Таймири сидела на кровати, качалась взад-вперед и глухо рыдала.

Солнце поднялось над долиной уже достаточно высоко, чтобы мелькающая между деревьями Ипва основательно взмокла, а здравомыслящие музы и профессора попрятались в тень. Только Эльтер отчего-то сидел на пекле, сам не свой, и его одолевали мрачные мысли.

«Какой же я глупый! Нельзя столько болтать, — думал он, обвязывая свои длинные волосы голубой ленточкой. — Но что поделаешь, если она выбрала меня учителем? Невольно, конечно, но выбрала. Кто я такой, чтобы перечить воле рока?..»

Дабы в дальнейшем не растрчивать себя попусту, Эльтер решил произносить лишь самые важные слова. Слова полезные, как луговые травы. Как зверобой или ромашка. Он взял свирель и снова заиграл. И степь цвела до самого заката...

Повару Мелиссу несказанно повезло, что тетушка Ария сумела выбраться из адуляровых пещер, и дважды повезло, что ее притянуло именно к его кухне, а не к скромной кухоньке индивидуалиста Има-Рина или к вегетарианской кухне педантичной Магорты-Сакке. Тетушку Арию вообще патологически притягивало к кухням. Авантигвард много потерял, сослав ее на рудники.

Голод не тетка и, если уж навестил, так запросто от него не отделаешься. В положении тетушки Арии выбирать не приходилось. Неумелая стряпня Мелисса поначалу показалась ей настоящим шедевром, и она набросилась на первое предложенное блюдо, как полагается изможденному скитальцу. Ощущение вкуса вернулось к ней чуть позднее.

— Пересолено, — забраковала она второе блюдо.

— Недожарено, — вынесла вердикт третьему.

Мелисс выразил своё священное негодование ударом кулака по прилавку.

— Я вам что, нанимался что ли? От простого местного повара не стоит ожидать чудес.

— Как это простой повар? — захлопала глазами тетушка Ария. — По-вашему, мастерская счастья Лисса для простых? Ну, уж нет!

С такими словами она влетела к нему на кухню и, ни минуты не мешкая, снабдила его таким обилием рецептов и маленьких кулинарных хитростей, что бедняге (хотя в данном случае его можно называть счастливымчиком) пришлось исписать, ни много ни мало, целый блокнот.

Вместе они наготовили столько вкусов, что хватило бы и на свиту Авантигварда. В тот вечер муз от еды было за уши не оттянуть.

Таймири соизволила выйти лишь к ужину, когда тетушка Ария подустала и предоставила Мелиссу хлопотать самостоятельно. Повар скакал по кухне, выделявая всяческие балетные трюки, громогласным басом распевал оперу и был на грани умопомешательства от счастья. Ему еще никогда не удавалось готовить столь аппетитные и ароматные блюда.

Те музы, что стояли в очереди за порциями, слушали его куплеты, разинув рот. А те, кто уже порции получил, с не меньшим удовольствием работали вилками и ножами. Таймири к

«закулисному» концерту не проявила ни малейшего интереса. Задела локтем какую-то музу, наступила на ногу другой — и даже не извинилась. Пролезла вне очереди к прилавку и, не поднимая глаз, хмуро попросила чего-нибудь поесть.

— Поесть? — возмущенно-насмешливым тоном переспросила продавщица. — Блюда «поесть» в меню нет. Не желаете ли отбивную под ромово-лимонадным соусом?

Голос показался Таймири до боли знакомым. Словно бы и не было никакого расставания, словно бы долгий, утомительный путь в неизвестность был всего-навсего сном.

— Тетушка! Тетушка! — прослезилась она. — Как ты здесь очутилась?!

Выбежав из-за прилавка, Ария бросилась племяннице на шею. По дороге она, кажется, расколотила дорогую хрустальную вазу для фруктов и смахнула на пол пару фаянсовых чашек. Но не всё ли равно, сколько посуды ты разбил, если перед тобой во плоти и крови стоит человек, которого ты почитал навеки для себя потерянным?

— Я уж думала, не свидимся, а тут такая удача! — бормотала тетушка Ария, хлюпая носом у Таймири на плече. — Я столько всего пережила! Сначала плети, потом пещеры...

— Ах, как я по тебе соскучилась! — рыдала Таймири. — Как истосковалась по нашему уютному дому, по твоим завтракам и обедам, по перерывам на чай в пять двадцать. По сказкам, что ты читала мне на ночь.

— Вообще-то говоря, — заметила Ария, утирая нос тыльной стороной руки, — сказки я перестала тебе читать лет эдак десять назад.

Они дружно расхохотались, после чего не менее дружно вновь разразились рыданиями.

— Развели тут, понимаешь, сырость, — пробурчал тщедушный старичок, который вёл специальный предмет под названием «становление муз». Пробурчал и прошаркал к прилавку. — Где носит повара? Подайте его сюда!..

— Когда я сообразила, что попала впросак, было уже поздно, — рассказывала тетушка Ария, ковыряя вилкой наскоро испеченный Мелиссом праздничный пирог. Мелисс не пожелал слушать отговорок и заявил, что если и печь пироги, то лишь в таких торжественных случаях, как воссоединение тетушки и племянницы. — Я попала в самый настоящий ад. Представляешь, нас заставляли долбить светящиеся горы!

— Те самые подземные горы? — ужаснулась Таймири. — Я была в одной из мерцающих пещер. Это же настоящая сокровищница!

— Судя по всему, кому-то наши сокровища не дают покоя, — пробормотала Ария. — Но теперь, когда мы вместе, меня уже ничто не заботит. Знаешь, если бы не твоё волшебное письмо-самолетик, не видать бы мне света белого... Это письмо вселило в меня надежду. Запомни, девочка моя, вера и надежда — две великие вещи. Они возрождают падших и укрепляют немощных. Вот и меня, надломленную, укрепили.

Таймири стало стыдно. Ведь она считала Папируса чуть ли не сбрендившим. А тот просто верил в свою затею с самолетиками и никого не слушал.

— Но как ты сюда-то пробралась? Неужто никто не устраивал тебе допросов и церемоний посвящения? — полюбопытствовала она.

К счастью, ни ардикта, ни прочие профессора тетушке Арии не повстречались. Все они заседали в кабинете для совещаний и гадали, что делать с расписанием, которого, в общем-то, никогда и не существовало. Озаботились в кои-то веки!

— Музы свободно разгуливают по мастерской. Никакой дисциплины! Не дай адуляр, возникнет в ком-нибудь надобность! Это ж всё равно, что искать иголку в стоге сена! Магнит нам нужен. Магнит! — настаивал физик Кронвар.

— Вы говорите о музах, как о тиграх, оказавшихся на воле. Куда это годится?! — вспыхнула Овенарис, хрупкая миловидная женщина, ведущая уроки равновесия.

— Давайте не будем идти на поводу у современности! Расписание ограничивает выбор учениц. У них в принципе не остается альтернатив, — веско заметил Каэтта, сцепив руки в замок.

— Но в ином случае выбора лишаемся мы, — сказал мужчина, закутанный в шарф. — Музы выбирают учителей на свой вкус... Хотя порой это прихоть случая. А-апчхи!

— Ваша лестница, ведущая в никуда, уважаемый Има-Рин, является обязательным этапом в становлении любой музыки. Не считайте за дерзость, но конкретно вас никто из учениц по доброй воле не выбирает. Им, как бы так выразиться, приходит повестка. Вроде повестки в армию, — съехидничал Кронвар.

Има-Рин достал носовой платок и громко высморкался. В последние дни простуда не отступала от него ни на шаг, в каких бы закутках он ни скрывался и каким бы чаем ни лечился.

— А когда починят счетчик эмоций? — спросила у Ипвы легкомысленная на вид дамочка в меховой накидке и обтягивающем платье с глубоким декольте. — На носу акт отречения от колдовства, а...

— Будет, будет вам счетчик, — обнадежила ее ардикта. — Но одеваться, Такрана, я бы посоветовала вам поскромнее. Ваши вульгарные платья нарушают чистоту эксперимента. Не помню случая, чтобы во время акта отречения счетчик не зашкаливал. Ставлю на что угодно, глаза на лоб у муз лезут отнюдь не из-за магического атрибута.

— Ах, вы просите о невозможном! — сказала та и противно захихикала. Кронвар с Ризомериллом одновременно скосили глаза в ее сторону.

Магическим атрибутом преподаватели именовали в своем кругу индикаторную волшебную палочку из оптоволокну, которая светила и испускала разноцветные искры во все стороны. Волшебства в ней было, что в варёном яйце. То есть ровным счетом никакого.

— Такрана, покажите-ка палочку нашим ученым господам, чтобы ни у кого не возникло сомнений насчет ее безвредности, — попросила ардикта. И вещица пошла по кругу. Ризомериллу редко приходилось сталкиваться с подобного рода предметами, и он пришел в совершеннейшее изумление:

— И вот с помощью этой штуковины вы проверяете учениц?! Интересно, какие эмоции они испытывают, когда палочка начинает искриться?

— Эммм... сейчас припомню, — замялась Такрана. — В прошлый раз где-то около тридцати процентов обеспокоились за мою судьбу, еще двадцать злорадно ухмыльнулись (я это и без счетчика заметила), у пяти процентов выиграло сердце, а остальные музы пребывали в ожидании, чем же закончится эта комедия.

— Глубоко научный подход! — саркастически отозвался Кронвар. — И, надо полагать, за теми пятью процентами, у которых выиграло сердце, вы теперь неусыпно следите?

— Эти пять процентов, как оказалось, отчаянные музы-камикадзе! И они ежедневно носятся в вашем атомном разделителе в виде корпускул! — сказала Ипва. — Кстати, я собираюсь навестить вас с инспекцией, так что проверьте на досуге всякие там генераторы, сепараторы и прочую лабораторную утварь.

Кронвар промакнул платком лоб. Только инспекции ему не доставало! Если Ипва вздумает что-либо проверить, сделает она это со всей въедливостью и дотошностью, и велик риск, что после ее визита тебя лишат кафедры. Потом Кронвар вспомнил, что и сам ужасно

вбедлив, а главное, изворотлив и умён. Сторговаться с ардиктой для него пустяк.

«Конечно, пустяк. Плёвое дело!» — убеждал себя Кронвар. Коллеги, которые, все без исключения, тихо его ненавидели, с удовольствием отметили, как он побледнел.

Физической лаборатории срочно требовался капитальный ремонт — от покраски стен до замены оборудования, поскольку прежнее оборудование безнадежно устарело. Более или менее исправно работал пока только атомный разделитель. Да и тот в полнолуние барахлил.

— А чего мелочиться-то? — вдруг взбодрилась ардикта. — Я вас каждого по очереди навещу! Не отвертитесь! Поэтому приготовьтесь встречать меня с пирогами, хлебом да солью. Возражения не принимаются!

У Такраны от потрясения задергался глаз, Има-Рин раскашлялся, Ризомерилл съежился, а жилистый азиат, специалист по «Памяти о смерти», который в течение собрания не проронил ни слова, молитвенно сложил руки. Этого узкоглазого преподавателя величали не иначе, как Катори-сан, и его предмет был окружен таким же ореолом таинственности, как и он сам. Поговаривали, будто у него под кроватью хранится ритуальный кинжал, который его дедушка-самурай использовал отнюдь не по назначению: вместо того, чтобы однажды вспороть себе живот в знак верности своему сюзерену, дед Катори рубил этим кинжалом овощи для салата. И с тех пор легло на прославленный род проклятие. Хотя, может, насчет проклятия это всё выдумки, но тогда чего ради японец затачивает своё оружие, причем еженощно в одно и то же время?

Из-за холодящего кровь скрежета, что доносился из его комнаты каждую ночь (а жил Катори-сан прямо над лабораторией Ипвы), у подопытных мышек начиналась паника, и к утру ардикта не раз находила их в плачевном состоянии.

Она предостерегающе посмотрела на самурая, отодвинулась от стола и добавила:

— В общем, готовьтесь. На этой неделе я проведу тщательную проверку, а для провинившихся изобрету какое-нибудь зверское наказание.

«Управлять теми, кто тебя до колик боится, проще простого, — думала Ипва, спускаясь в подземелье. — Иное дело Каэтта. Он вроде бы и зависит от меня, но держится наравне. Не замечала, чтобы он заискивал перед Кронваром, как прочие. Хотя Кронвар тот еще негодяй. Не похож Каэтта и на мелочного Ризомерилла. А этот стойк, я знаю, мелочен до невозможности.

Но не стоит тебе лишний раз высовываться, Каэтта! Потому как я в любой момент могу сдать тебя с потрохами. Твой драгоценный свиток перейдет к Терри, и город Цвета Морской Волны падёт».

С грохотом захлопнулась за ардиктой проржавелая железная дверь, дрогнуло пламя свечей на столике с картой.

«Надо сообщить Терри, что дело сделано и горы в этом регионе разобраны по кусочкам», — Она задула свечу-флажок у мастерской счастья Лисса и провела пальцем по карте.

— Не может быть, чтобы я пропустила такое крупное месторождение! Здесь определенно нужна толстая свеча! — воскликнула она, ткнув в точку где-то на юге. Эта точка робко посвечивалась голубым и, казалось, совсем не хотела, чтобы ее нашли. — Хороша была идея использовать заколдованную карту в качестве адуляроискателя, — вслух похвалила себя Ипва. — За информацию я получаю немалые деньги из дворца. Наука в мастерской процветает только благодаря моим стараниям. Что ни говори, но в любом

предприятии главное найти себе щедрого спонсора.

Динамо-машина потрескивала и урчала, совсем как живая, — ее чуть ли не распирало от важности, когда Ипва вошла в лабораторию. С ее помощью хозяйка уже столько раз посылала сообщения в столицу, и не просто в столицу, а к достопочтимой подруге Авантигварда! Вот и сегодня отправит очередной радиосигнал...

Однако ардикта решила, что радиосигнал может подождать. Оглядевшись, она с неприятным удивлением обнаружила, в какой свинарник превратилась ее любимая и единственная лаборатория.

— Да-а-а, здесь не помешала бы уборка, — пробормотала Ипва, уперев руки в бока. — Всё-таки я должна подавать хороший пример. Лезу к другим с инспекцией, а у самой грязевые прииски.

С такими словами она схватила тряпку и принялась за работу. Генератор тока разочарованно повздыхал, поискрился, а Ипва тем временем разобрала нагромождения клеток, где бегали и тоненько пищали мышки, освободила полки от старых книг, вымыла склянки и выгребла мусор из углов. Почистила ржавчину везде, где только можно, рассортировала посуду по назначению. В общем, так расстаралась, что под конец уже не помнила, зачем пришла в лабораторию. И от усталости завалилась спать.

А за господином Каэтта следили. Затаив дыхание, следили. Когда после собрания он поднимался на смотровую площадку, Минорис едва не задохнулась от волнения. Она не сводила с него глаз.

«Какой же он стал величавый и статный! Как легко колышутся его одежды! А профиль достоин руки живописца. Я была настоящей дурой, когда отказалась от его уроков!» — корила себя Минорис. Раньше она была глупа, потому что не умела зреть в корень. Но отныне с глупостями покончено. В корень смотреть она научилась. Как истинный естествовед, целую четверть часа проторчала на корточках рядом с сухим деревом, присматриваясь к выступающим из-под земли корням. Она сразу заметила: с деревом что-то не так. У самой почвы, среди нормальных тканей корня обнаружились подозрительные голубые прожилки. Как сосуды на руках у немощного старика.

«К дереву Эльтера я еще вернусь, обязательно вернусь, — решила Минорис, когда Каэтта скрылся за поворотом винтовой лестницы. — Вместе с Таймири. Интересно, как она поживает? Если она вечно будет запирается у себя в комнате, я так и не смогу ее осчастливить. Ипва сделает из меня отбивную!»

Мысль об отбивной подгоняла Минорис, как ничто на свете, и придавала ей немислимое ускорение. Спустя пять минут ноги принесли ее в столовую, где Таймири и тетюшка Ария как раз отужинали и собирались уходить.

— О! Вот ты где! — обрадованно вскричала Минорис. — Вы уж извините, — обратилась она к Арии, — мы тут в прятки играем. Таймири прячется, а я ищу.

— Знакомься, — кисло сообщила Таймири. — Моя тетя.

— По-моему, пока я здесь не появилась, у вас обеих был вполне цветущий вид, — проронила Минорис. — Ясно, понятно. Я удаляюсь. Не буду мешать.

Она нерешительно отступила под тяжелым взглядом подруги.

— Ну, ухожу, ухожу, — виновато добавила она. — Только не забудь, завтра встреча с Эльтером. Вы ведь договорились, не так ли? Я отправляюсь с тобой.

— Только этого не хватало! — пробурчала Таймири, когда Минорис ускакала из

столовой. — Она, похоже, вбила себе в голову, что не должна отставать от меня ни на шаг. Это ужасно угнетает.

— Понимаю, — усмехнулась тетушка Ария. — В твоём возрасте у меня тоже была такая подружка. Резвая, неусидчивая и липучая, как водоросли в заливе Оонейль.

— У меня из-за нее голова раскалывается, а внутри как будто давит что-то, — пожаловалась Таймири. — Стоит ей уйти — и боль исчезает.

«Почему только она мне не рада? — недоумевала Минорис, шагая по гулкому коридору. — Ведь, по идее, я должна приносить счастье. А мешочек со спорами, что дала мне Ипва, ничуть не помогает... Уж и не знаю, стоит ли, вообще, верить на слово преподавателю, даже если он верховный? Может, искусными музами вовсе не так становятся? Может, для этого вовсе никаких ухищрений и не нужно?»

Тетушка Ария критически осмотрела комнату племянницы.

— Так вот где тебя поселили? Никакого вкуса, никакого воображения! — проворчала она.

Таймири пожала плечами. Если уж она не сумела привести каморку в надлежащий вид, то тетушка и подавно не справится.

— Здесь не хватает декора, — с апломбом эстета заявила Ария. Слово «декора» она произнесла осторожно, словно бы пробуя на вкус.

— Тетя, ты же ничего не смыслишь в декоре, — с укором сказала Таймири.

— Я, может, и не смыслю. Но, думаю, музы очень даже смыслят, — бойко отпарировала Ария. — Пойдем. В мастерской полным-полно разных комнат. Наверняка в одной из них пылится какой-нибудь короб с вышивками и статуэтками.

24. О параде планет и прожорливой секвойе

В вестибюле было чересчур шумно и оживленно, отчего тетушке Арии немедленно захотелось грохнуться в обморок.

— Не смей, только не здесь, — прошипела Таймири, когда их оттеснили в угол.

— Я не выношу суеты, — простонала Ария. — Нельзя ли найти местечко потише?

В этот момент к стене рядом с ними оттерли какую-то музу. Эта муза была в невероятном охристо-желтом балахоне и широкой соломенной шляпе.

— О, привет! Как поживаете?! — воскликнула она. — Не узнали? Я же Лироя!

У Таймири словно камень с души свалился.

— Как хорошо, что ты здесь! Попробуй разбери, где в этой сутолоке кто! Сегодня что, праздник?

— Бал-маскарад. В честь парада планет! — перекрикивая гомон толпы, сообщила Лироя. — Если хотите участвовать, советую поторопиться. Не то лучшие костюмы разберут.

— Участвовать? Ну, нет! — медленно сползая на пол, подала голос тетушка Ария. — У меня аллергия на маскарады.

— Ваше дело, — с достоинством ответила Лироя. — Но лично я от волшебной одежды в жизни бы не отказалась.

Таймири загорелась любопытством:

— Волшебная одежда, говоришь?

— Да. Во-о-он там! — Лироя махнула рукой в сторону увитой вьюнком, большой застекленной теплицы. — Виноградник открывают лишь по большим праздникам. Что называется, лови момент.

Вход в теплицу заграждала упитанная вахтерша с именной табличкой на груди и требовала соблюдать тишину. Правда, без особого успеха. Тишина, музы и наряды — вещи несовместимые.

— Спокойствие! Всем молчать! Выстроиться в очередь по одному! — выпятив живот, вопила вахтерша.

Таймири и тетушка Ария пробрались к теплице сбоку и прочли вывеску.

— «Виноградник Эльтера»? — пробормотала Ария.

— Вот ни капельки не сомневалась, — фыркнула Таймири. — И он надеялся, что его творение меня здесь задержит?

«Хотя, — пронеслось у нее в уме, — если Эльтер настоящий волшебник, его волшебство может подействовать и на расстоянии. Но что это я! Теперь-то уж меня внутрь никаким пряником не заманишь!»

Вахтерша, казалось, услышала ее мысли. Воинственно насупив брови, она потянула ее за рукав и столь же воинственно осведомилась:

— Новенькие? Если новенькие, вперед шагом марш! Вам можно вне очереди. А ну, живее!

Таймири попробовала возразить, но не успела она и пикнуть, как очутилась в теплице. Следом чуть ли не пинками затолкали тетушку Арию.

— Фу, как невоспитанно! — возмутилась она и вмиг затихла. Вокруг, куда ни глянь, высились зеленые стены винограда. От пола до самой крыши. Пахло черноземом. Искусственный ветерок ворошил листья лоз, а искусственное солнце жарило почти так же

яростно, как и настоящее.

Ария пришла в неописуемый восторг:

— Надо же! Плантации! Всегда мечтала побывать на плантациях! — воскликнула она и помчалась вглубь насаждений. — А ягоды, — крикнула она уже издалека, — их есть можно! Да-да! Попробуй, тебе понравится.

Таймири сложила руки на груди и собралась было заявить, что не коснется винограда и пальцем, но тут тетушка Ария сунула в рот ягоду — и ее незамедлительно раздуло.

— А-а-а! Что со мной! — взывала она. — Снимите с меня эту гадость!

Ее поглотил необъятных размеров красный шар, целиком сделанный из плюша и порядочно набитый ватой. Сел, как влитой.

— Вам еще повезло, что у вас Марс, — сказал кто-то у нее за спиной. С изрядным трудом повернув голову, тетушка Ария убедилась, что голос принадлежал музе в костюме Юпитера, — таком же необъятном, как и ее собственный. К шару Юпитера прилегалось плоское кольцо, а ниже, на ниточках, болтались все его шестнадцать спутников.

— У Марса не такие сложные стихи, — пояснила муза.

— Стихи?! — ошеломленно выпучилась на нее Ария.

— Ну да. Представитель каждой планеты будет читать стихи. Сегодня вечером, на сцене актового зала.

— Проклятье! Если меня выведут на сцену в этом убожестве, я точно сморожу какую-нибудь глупость! У меня аллергия на праздники!

Судя по всему, аллергию на праздники тетушка Ария заработала совсем недавно.

— Разрешите, я вас немножечко потесню, — улыбнулась муза-Юпитер и, после того как Ария с Таймири вжались в зеленую стену из лоз, неуклюже проследовала к выходу. Кто-то у турникета одобрительно хлопнул ее по плечу. То есть по тому месту, где должно было быть плечо.

— Что-то мне подсказывает, что здесь можно приобрести не только костюм планеты, — задумчиво произнесла Таймири. — Что если я немного поброжу по теплице?

Эта идея явно пришлась тетушке не по душе.

— Ага. Тебе бродить, а мне за тобой таскаться!

— Таскаться за мной вовсе необязательно, — возразила племянница. — Я постараюсь выбрать что-нибудь... э-э-эм... менее экстравагантное.

И, пока тетушка соображала, что на это ответить, Таймири исчезла в насаждениях.

Вернулась спустя час, сытая и довольная. В длинном, до пят, кремовом платье со шлейфом и корсетом. Музы вокруг только охали да ахали.

— Повезло — так повезло! — восхищалась Лироя, которую к тому времени пропустили в виноградник. — Точно на заказ шито!

— Кому-то платья, а кому-то килограммы набивки, — брюзжала тетушка Ария. — Да еще и стихи в придачу.

— Теперь я понимаю, почему здесь никогда не пьют вино, — сказала Ария, когда Таймири вывела ее из оранжереи. — Повар говорил, что вин из-за рубежа в мастерскую не поставляют, а местного вина он боится, как огня! Даже от одной ложки этой отравы эффект будет непредсказуемый. Представь, обнаружат Мелисса на полу в каком-нибудь, упаси адуляр, купальнике! Всего изможденного, бледного... и в купальнике! Нет, ты только подумай!

— А почему изможденного и бледного? — поинтересовалась Таймири.

— Ну, смотри: положим, от одной ягодки костюм меняется единожды, — принялась объяснять Ария. — А если выпить сок, где смешаны чары многих ягод? Ведь для такой метаморфозы организму придется затратить бездну энергии! Просто бездну! Иначе и быть не может!

Таймири снова вспомнила об Эльтере. Никого не спросив, создал зачарованный виноград; опять же не спросив, записал ее к себе в ученицы. Неужели она должна считаться с его прихотями?! Пусть этот капризный музыкант-самоучка дряхлеет в пустоши, сколько душе угодно. Подумаешь, процесс у него запущен! Таймири здесь нисколько не виновата. Если кое-кто в болтовне удержу не знает, она вовсе не обязана нести за это ответственность.

Пестрая бабочка-Фараон (над выведением которой, надо сказать, потрудились не одно поколение мастеров) сидела на ароматной гвоздике и мирно шевелила усиками ровно до тех пор, пока не подул ветер. Ветер согнал ее с гвоздики и внушил нехорошую, бунтарскую мысль о том, что в саду бабочке-Фараону сидеть вовсе необязательно. Мозг у летуньи был, конечно, примитивный, но даже в этом примитивном мозгу бунтарские мысли обосновывались необычайно прочно. Взмахнув крылышками раз-другой, она перепорхнула через ограду мастерской и устремилась к горам.

Господин Каэтта проводил беглянку равнодушным телескопическим взглядом. Что он надеялся разглядеть в телескоп утром, было непонятно.

Увидав бабочку, ободрился вышедший погреться Эльтер. Со вчерашнего дня его лоб успели пробороздить две настораживающие морщины.

А бабочка-Фараон держала курс на запад, где, не щадя сил, шагала по равнине одинокий путник. За плечами у него болталась легковесная котомка, а следом крался неутомимый взвод шпионов. Во главе шпионского взвода стоял не кто иной, как Вазавр. А путника, как вы уже, наверное, догадались, звали Карионом. Он понятия не имел, с какой стороны ждать неприятностей, и потому ждал их отовсюду. Мысли у него, в отличие от мыслей бабочки, были четкие и отточенные, как нож для нарезки сыра. Карион предупредит философа Диоксида, чего бы ему это ни стоило! Пусть ночь тянется хоть тысячу лет, пусть густеет, сколько ей вздумается! Он не из тех, кто признаёт поражение при первой же неудаче. Вчера о каменистый речной берег разбилась его лодка. Половина припасов утонула, половину он выловил из ледяной воды и долго потом отогревался у наскоро разведенного костра. Ветры по равнине гуляли холодные, с такими ветрами шутки плохи, и скоро Кариона залихорадило. Но он продолжал идти. Шатался, спотыкался о колючки, падал.

Некоторые из отряда шпионов даже прониклись к нему сочувствием, но виду не подавали. Шпионы, а вместе с ними и Вазавр, нарядились лисами и следовали за юношей рыжей мохнатой стаей.

«Он приведет нас, куда положено. А там мы философа и сцапаем», — думал лис-Вазавр, втайне радуясь, что ему достался лучший плащ-модификатор. Эти плащи придворный Авантигварда изготовил специально для секретной операции. Надвинешь капюшон поглубже, застегнешь молнию — и ты уже не ты, а газель, волк или рысь. Мечтаешь о грации пантеры — пожалуйста! Желаешь меховую шубку — и это исполнимо, был бы только плащ под рукой. И не распознать в тебе будет ни командира, ни соглядатая. Нюх твой станет острым, глаз — зорким, ухо — чутким. Да и мерзнуть по ночам не придется. Вазавру уже давно хотелось узнать, каково это, когда в зверином теле человечья

душа.

Карион не мог заметить слежки. Равнина была холмистая, и лисы, перебегая от одного холмика к другому, держались от путника на расстоянии, чтобы он не насторожился да не сбавил ходу. Во время коротких передышек, когда Карион в изнеможении прилегал на дернистую почву, Вазавр расцеплял зубами застёжку на груди и превращался в самого себя. Доставал тетрадь, фонарик — и принимался строчить рапорт об операции. А чтобы Авантигвард не засомневался в достоверности рапорта и в усердии исполнителя, дополнял сухие данные краткими описаниями и собственными рассуждениями. Писал Вазавр малость неразборчиво, однако — надо отдать ему должное — без единой ошибки:

Ночь 11-ого дня, влажного лета, года Разливов.

Тащиться за мальчишкой — всё равно что шагать в неизвестность. Куда он нас ведёт, леший знает! Мы следовали за ним по реке, но, когда посудину малого раздробило о камни на мелководье, пришлось причалить к берегу. Он ни разу не повел себя странно. Кажется, он просто не замечает нашего присутствия. По вашему совету, воспользовались плащами-модификаторами. Рыскаем меж холмов в облике лис. Донимает голод. Рядовые ропщут, но ничего, я их построю! В меху застревают проклятые колючки. Тут этого репейника пруд пруди. Правда, всё ж лучше, чем в пустыне.

Выражаю свою признательность его величеству, Икротаусу Великому, за оказанную нам милость и проявленное терпение. Клянусь честью, город Цвета Морской Волны будет взят!

Вечер 12-ого дня, вл. лета, года Р.

Преследуемый еле плетётся! Сегодня от силы пять километров прошёл. Как будто нарочно нас изводит! Я насчитал три вещи, от которых можно изнывать: голод, жара и скука. Так вот, скука, доложу я вам, из них самая подлая и коварная. Подозреваю, что даже коварнее меня.

В питье мы не нуждались — воды в реке предостаточно. Проблема была лишь в том, что не могли, как следует, помыться. Во-первых, потому что эта самая вода способна превратить в ледышку кого угодно. А во-вторых, в лисьей шкуре особо не отмоешься. Поэтому мы тащимся по долине, вонючие и грязные, и умираем со скуки.

Карион тоже вёл дневник, в сумерках и при свете месяца. Когда в степи затихали все звуки, когда унимался ветер, а плавные линии холмов озарялись лунным сиянием, он поверял свои мысли и переживания старому, измятому блокноту. Потому как больше поверять эти самые мысли было некому.

Дневник Кариона:

Влажное лето, день 12-ый (возможно, я сбился со счёта). Год Разливов.

Я никогда раньше не бывал в степи. Она точь-в-точь такая, как о ней рассказывал дед. Сухая и безжизненная. Когда ты один, приходится много думать. Думать, как себя прокормить и как защититься от зноя и скорпионов. Скорпионов я боюсь больше всего на свете. Говорят, их яд убивает мгновенно. Пока не встретил ни одного. Припасы скоро закончатся, и у меня опускаются руки, когда я представляю, какую долгую дорогу ещё предстоит проделать. Конечно, лучше ничего не представлять и думать о приятном. Приятно будет вновь увидеть учителя. Где он сейчас, где славный Диоксид? Я наугад иду на север, по течению реки. С лодкой было бы быстрее, но где раздобыть новую? Все бы отдал за плавучее бревно! Но ведь тут даже бревен нет! Слышал я, что в массиве деревья растут. Вот бы на них хоть глазком взглянуть! Но рубить — рубить я бы не стал.

Спокойной ночи тебе, блокнотик. А для меня ночь навряд ли выдастся спокойной...

Дневник Вазавра:

Проклятушая ночь 13-ого дня, вл. лета, года Р.

Почему проклятушая? Да потому что одного из солдат ужалил скорпион, и бедняга (солдат, разумеется) целую вечность корчился в апоплексическом припадке, пока, наконец, не испустил дух. Прежде я ничего подобного не встречал. И понятия не имел, что скорпионы в данной местности настолько ядовиты! Так что теперь к прочим нашим опасениям добавилось новое — опасение напороться на смертоносное жало.

Вдобавок к этой невзгоде, сегодня после полуночи случилось землетрясение. Даже земля трещинами пошла. Было слышно, как в проломы засыпается песок. И мы решили, что настал конец света. А по мне, так лучше бы он и вправду настал... Мальчишка-то, похоже, и сам не знает, куда идет. Плетется в полузабытьи, а потом внезапно останавливается и как будто прислушивается к чему-то. Ни карты у него с собой, ни компаса. Я уже начинаю подозревать, что он хочет нас погубить... Но мы очень осторожны и следим за ним издалека. Вряд ли он преследует именно эту цель.

Дневник Кариона:

Влажное лето, день 13-ый

Казалось, я рождаюсь заново. В эту лунную ночь я лежал на спине и видел звезды. Я лежал — один посреди бескрайней вселенной, и вселенная блистала мне миллиардами звезд. Они были такие яркие, что поначалу я даже впал в забытьё и уже не ощущал себя, когда внезапно земля подо мною задрожала. Я сразу понял: это знак. Всем существом почувствовал, что грядут перемены. О, да похоже, я становлюсь философом! Сегодня я впервые перестал ощущать одиночество и явственно различил, что за плечами у меня бесчисленное невидимое воинство, которое никогда не даст меня в обиду. И теперь, даже если б я того захотел, мне никогда уже не быть одиноким. Куда бы я ни шел, как бы ни был тяжел мой путь, я обязательно достигну цели.

Дневник Вазавра:

Ночь 14-ого дня, вл. лета, года Р.

По-видимому, парень набрался сил и определился с направлением. Прошагал бойко до самого полудня, потом сделал привал и тронулся в путь, как только солнце сдвинулось с мертвой точки в зените. Не завидую тому, кто побывает в нашей, лисьей, шкуре. Преимущества маскировки, конечно, преобладают над недостатками, однако я бы не решился отправиться куда-либо в таком виде. Главное преимущество — скорость. Но с остальным — сущая мука! Пытаешься заговорить, например, а у тебя из пасти вместо слов вырывается какая-то жуткая смесь звуков. Мои подчиненные эти звуки воспринимают превосходно и отвечают на них такой же какофонией. Она непривычна для слуха, но мозг реагирует вполне адекватно. Невероятная штука мозг! Когда я снимаю вечером этот лисий саван, то не могу отождествить себя со зверем. Не могу вспомнить, что я ощущал и как соображал, будучи лисом... Для меня, как, впрочем, и для моей команды, механизм работы плащей — тайна за семью печатями...

Дневник Кариона:

Влажное лето, день 14-ый

Я полон решимости! Я весь одно стремление! Никогда еще река Стрилл не обманывала путника и не искривляла свое русло. Поэтому я буду держаться реки и идти по течению. Как близко сейчас от меня массив Лунного Камня! Он незыблем и величав, как царь. Вот настоящий управитель, вот наш оплот! Чем дальше я иду, тем более прибавляется во мне

уверенности, что я на правильной стезе. И когда ночью я ненадолго смыкаю глаза, всё чудится мне, что массив меня охраняет. Он подталкивает, он говорит — шагай. Словно руководит мною. Каждый новый рассвет для меня всё прекрасней, как будто небо нарочно вынимает из своей сокровищницы самые драгоценные слитки багряного золота.

Воодушевление, не покидай меня!

Дневник Вазавра:

Вечер 15-ого дня, вл. лета, года Р.

Пересекали долину гейзеров и ушли от нее вправо — река сворачивает именно туда. Мы бы живо сварились в этом кипятильнике, если б не срезали путь. Парень, каналья, ведет нас на погибель! Бьюсь об заклад, он заметил преследование и обо всем догадался. И вот теперь думает, как нас в могилу свести. А если так, то, перед тем как самому умереть, я лично порву его в клочья! Ух, как я зол! Зной, нестерпимый зной и голод. Я скоро сгрызу свой хвост! И откуда у мальчишки столько прыти?! Разве он по-особому питается? Разве его рацион чем-то отличается от нашего?...

Нет больше сил. Мы раздражены и озлоблены до предела.

Дневник Кариона:

Влажное лето, день 15-ый

Я был так увлечен своей воображаемой миссией, что истратил уйму энергии. И теперь, боюсь, мне поможет лишь чудо. Где взять пару быстрых ног, если мои меня уже еле держат? Где добыть пищи, если вокруг лежит калящаяся от зноя пустыня? Разве что попробовать ловить рыбу в реке, которая всё так же холодна — прибывающая с гор вода попросту не успевает согреться. Но едва ли мне удастся что-нибудь поймать голыми руками при стремительном течении. Я по-прежнему верю в счастливый исход, но время его наступления отдалилось на неопределенный срок.

Этой ночью Кариону было не до сна. Он знал, что с первыми лучами солнца в долину придет иссушающая жара, а потому стряхивал с себя усталость и шел, шел, шел. На счету был каждый час, каждая минута. Ему очень хотелось ускориться, но как?

Он покривил бы душой, если б сказал, что провидение ему не благоволит. Когда юноше изменили силы и он ничком упал на песок, ободравшись щекою о шип сорной травы, он услышал голос. Не из тех голосов, что чудятся измотанным путникам на пороге смерти. Нет, это был подлинный человеческий вскрик, от которого у Кариона сразу просветлели мысли. Он не единственный путник в степи!

Но что на уме у того, другого? Надо бы проверить, отчего он кричал.

Прощупывая почву, Карион двинулся к месту, откуда, по его мнению, исходил крик. Он ступал так осторожно, что под ногами не хрустнула ни одна былинка. Выверял каждый шаг, пока, наконец, не очутился в достаточной близости от «лагеря» лис. На земле, за холмом, где он притаился, лежал включенный фонарик, а рядом подпрыгивал на одной ноге плотно сложенный мужчина в погонах. Увидав погоны, Карион мгновенно сообразил: с этим типом лучше не связываться, потому как ничего хорошего от него не дождешься. Физиономия командира пятой роты запомнилась ему с того злополучного дня, когда на улицах города появились странные люди в форме.

«Следить за мной вздумали? — недобро подумал Карион. — Ну, так я вам покажу. Обведу вокруг пальца, как нечего делать».

Вазавр тем временем всё так же резво прыгал и чертыхался. Когда он вытряхивал камешек из ботинка, то напоролся на огромную колючку, и теперь своим скулёжом вполне

мог разбудить всю ту лисью свору, что залегла неподалеку. От одного только вида рыжей компании у Кариона душа ушла в пятки. Эти звери не выглядели безобидными. Сразу ясно — нездешние. Не выжили бы они в суровой степи. И почему только Вазавр их не боится?

Когда у Вазавра истощился запас ругательств, он притих и уселся на свой сложенный вчетверо плащ, чтобы вынуть занозу. А лисы как лежали себе, так и продолжали лежать. Только одна лениво приоткрыла глаз.

«Подозрительно это. Ух, как подозрительно!» — подумал Карион, и тут песок под ним начал предательски ползти вниз. Съехав с вершины холма к подножию, юноша беспокойно огляделся. Что если заметили? Что если услышали шорох?

Вокруг установилась такая тишина, что можно было оглохнуть. Неправдоподобная, пугающая тишина. Лишь сердце Кариона, задыхаясь, бешено пробивало себе путь из груди наружу.

Уняв сердцебиение, он вновь прислушался. Ничего. Ни звука. Может, снова взобраться на холм и понаблюдать? Но тут, откуда ни возмись, во тьме перед Карионом зажглась пара зеленых огоньков. Кто-то, приглушенно рыча, ступал мягкими лапами по земле. Обнаружен! Пропал! Карион зажмурился и приготовился к худшему. Но хищник отчего-то медлил. Зашуршала ткань, погасли и вновь вспыхнули зеленые огоньки, а через минуту перед дрожащим юношей предстал Вазавр с электрическим фонариком и переброшенным через плечо плащом. Фонарик ослеплял, но Карион смог различить позади командира армию лис — и у них у всех зловеще светились глаза. Лисы подвывали друг другу, а иногда коротко и раздраженно лаяли.

«Это они так переговариваются, — обреченно подумал Карион. — Решают, как меня лучше съесть». Внезапно ему пришло на ум, что, раз лисицы с Вазавром заодно, Вазавр и сам, в некотором смысле, должен быть лисом. Не заколдовал же он диких зверей! Что за плащ у него в руках? Почему во тьме его глаза тоже светились зеленым? И почему тень, которая надвигалась на Кариона, сперва была раза в три меньше человеческой? Надо, во что бы то ни стало, завладеть загадочным плащом!

— Доигрался, мальчишка, — презрительно сказал Вазавр. — Теперь никуда не денешься. Поведешь нас к Диоксиду, и без глупостей.

Конечно, какие уж тут глупости! Карион и так порядочно наворотил.

— Я бы с радостью, — притворно вздохнув, отозвался он. — Только вот ноги меня уже не держат, а путь не близок. Если бы один из вас одолжил мне на время плащ, дело, несомненно, пошло бы в гору.

У Вазавра пересохло во рту. «Блефует, пройдоха! Откуда ему знать, что плащ-модификатор — это плащ-модификатор?!»

— Вишь, чего захотел! Плащ ему подавай! — зашипел он. — А наших острых зубов отведать не желаешь?!

— Пойдите! — перебил командира какой-то солдат. Этот солдат на вид был самый простецкий: ни тебе отличительных знаков, ни такта, ни учтивого обращения. Таких только на гауптвахту сажать. — Вы бы послушали мальчика. Толково ведь говорит. Если организовать надежную охрану, мы точно наверстаем упущенное время.

От столь неслыханной дерзости Вазавр даже оторопел. Притом, что этот никчемный простофиля посмел говорить с командиром на равных, он еще и плащ, вопреки приказу, снял!

Вазавр побагровел — в свете фонарика это было хорошо заметно. Стал красным, как

редиска. Подскочил, вырвал у рядового плащ и швырнул Кариону.

— Надевай, пока я добрый, — рявкнул он. — А солдата посадить на голодный паёк, и чтоб даже не думал приближаться к реке! — прорычал Вазавр, оборачиваясь лисом.

Солдат предпочел не возражать и вернулся в строй. Было непривычно находиться среди товарищей ростом втрое ниже себя, и возникало непреодолимое желание встать на четвереньки.

Вазавр прямо-таки вскипал от злости. Идея подчиненного, несомненно, заслуживала внимания, но родиться ей следовало отнюдь не в солдатской голове. Идея должна приходить в нужное время и в правильное место.

Пока юноша возился с тугой молнией плаща, ему ко рту подсунули бутылку, где на этикетке красовалась надпись «походное зелье». Отхлебнув «походного зелья», Карион почувствовал небывалый прилив сил и теперь мог поручиться, что никакое недомогание уж не свалит его в дороге.

Бежали днем, бежали ночью. Карион был окружен со всех сторон и даже не помышлял о том, чтобы вырваться из оцепления. На него рычали. Подгоняя, кусали за бока. Карион-лис с пушистым хвостом и белым воротничком на груди время от времени оборачивался к востоку, чтобы не прозевать зарю. Мысль о рассвете придавала ему уверенности. Казалось, что с рассветом всё встанет по местам. Что лисы исчезнут, а Карион проснется у себя дома, на деревянной, занозистой кровати.

Однако утро не принесло ожидаемого пробуждения. Лисы мчались с невиданной быстротой, фыркали, отрывисто чихали на солнце и скулили с досады. После того как мальчишке достался плащ, Вазавр не сделал ни одной остановки. Степные колючки и сухие стебли трав искололи все лапы, неумолимо подступал голод. Карион лихорадочно соображал.

«Километры бегут, расстояние сокращается. Мне никак нельзя привести лис к учителю. Для него это гибель! — думал он. — Надо обмануть конвойных. Что если плащ может превращать не только в лису? Что если постараться и стать, скажем, птицей?»

И он без особого труда представил себя канарейкой, какую однажды видел в университетском справочнике по исчезнувшим видам.

Вспорхнул над землей желтым комочком, щелкнули рядом с хвостом острые зубы.

«Победа!» — пискнула канарейка — и давай работать крыльями! Теперь никто не кусал ее за бока, а подгонял один только ветер. Беспристрастный, великодушный, безликий гигант.

«Проклятье! — рыкнул Вазавр. — Но раз он смог обратиться птицей, я тоже смогу!» Захотел — превратился. Оделся аспидным вороном, взмахнул крыльями и каркнул лисам:

«Делайте, как я!»

Те обрадовались, взмыли в поднебесье черной стаей.

Канарейка головы поворачивать не умеет. Поэтому Карион приостановил полет и развернулся: преследователи не отставали.

Когда за тобой постоянно гоняются, рано или поздно приходится исчезнуть. Вот и Карион исчез — в мгновение ока.

— Карр! Где?

— Карр! Куда? — злобно раздалось за спиной невидимого Кариона-ветерка, который знал, что отныне его уж точно не обуздать. Неукротимый, неуловимый, лёгкий...

— Тысячи магических заклинаний ничто в сравнении с одной-единственной мыслью! — радостно воскликнул он и устремился к массиву, где ему так давно хотелось

побывать.

«Зря кричал, — подумалось ему, когда он услышал позади воронье карканье. — Они полетели на мой голос». Но ветер быстрее птицы, и Карион помчался, что было духу. Пернатые почти сразу отстали. Они растерянно покружили под облаками, а потом повернули прочь от хребтов и вскоре совсем пропали из виду.

Вот теперь можно сбавить темп. Теперь любуйся ландшафтом, сколько душе угодно! А душе Кариона было угодно не только это. По правде сказать, он очень устал за время полета, и в бесконечной череде событий пора было сделать антракт.

Паря над котловиной, он заметил небольшое озерцо с голубой водой. А снизившись, сразу определил, что вода чистая и что в озере можно купаться. Сбросил плащ, рюкзак — и блаженно погрузился в прохладу горного озера. Живящий запах хвои и кристальная вода придавали уму ясность, а воздух, какого Карион прежде никогда не вдыхал, казалось, пронизывал тело насквозь. Ощущение безмерного счастья под надежной защитой сосен и скал. Ни шороха, ни постороннего звука — только плеск озерных волн да скрипучая песня леса.

Вскоре Кариона стало клонить в сон. Выбравшись на берег, он улегся в пещерке, которая была выдолблена как будто специально для него. Заснул, даже не вспомнив о вещах. А когда проснулся, то ни плаща, ни рюкзака поблизости не обнаружил. Кого винить? Себя за свою беспечность или неведомого вора, который был не кто иной, как индеец из неприветливого племени Бурых Року? Это он плащ утащил. И портфелем не погнушался. И Кариона бы за волосы в поселение притянул, если бы тот не укрылся в пещере.

«Ну всё, я обречен», — подумал юноша. Побродил, пошатался по берегу — и направился сам не ведая куда. Лишь бы только куда-нибудь идти.

Спускался во впадины, обходил зияющие чернотой провалы, хватался за гладкие уступы, чтобы не сорваться в пропасть.

Он был бы рад увидеть лазурные горы при других обстоятельствах — когда в желудке не пусто, а вокруг верные друзья. Тогда, может, он бы и восхитился, как полагается. А так — что сосны-великаны, что каменные кручи — всё едино. Карион примостился под деревом, совсем не размышляя, что это за дерево и какую угрозу может в себе таить...

— А ну плюнь! Плюнь, кому говорят! — сотрясал воздух Остер Кинн. Он обошел вокруг секвойи-оглоетки уже несколько раз и даже исполнил ритуальный танец по вызволению пленников, но всё без толку. Ботинки Кариона как торчали, так и оставались торчать из-под земли, у самого основания ствола.

— Слушай, давай договоримся по-хорошему, — предпринял новую попытку Остер Кинн. — Согласна на обмен? Хоть он будет и неравный, зато я не стану тебя срубать.

Секвойя примирительно поскрипела.

— Отлично! — воскликнул меняла с перьями на макушке и, не теряя ни минуты, отправился на охоту. Менее чем через четверть часа он свалил всю свою добычу перед упрямым деревом.

— На, подавись!

В ответ секвойя выплюнула мальчика, губы которого уже посинели, а лицо приобрело нездоровый, мертвенно-бледный оттенок. Потребовались нечеловеческие усилия, чтобы вернуть его к жизни.

— Ну что, самоубийца? Будешь знать, как под секвойю садиться! — отчитал его Остер

Кинн, который выглядел совершенно так, как выглядят индейцы на картинках. Только кожа у него была на несколько тонов светлее. — Я жутко замаялся, пока делал тебе искусственное дыхание, поэтому будь добр, дружок, не доставляй мне больше хлопот.

— А вы вообще кто? — удивленно спросил юноша, к которому постепенно стала возвращаться память о недавних событиях. Он вспомнил и где находится, и в какую попал передрыгу.

— Да я-то?! Я, можно сказать, хозяин этих мест! — воскликнул Остер Кинн.

Когда-то он говорил Эдне-Тау, что ждет знака, чтобы покинуть лагерь индейцев. Ждал, ждал — и дождался. Приснился ему сон, и он сразу понял: сон вещий. Одолжил у краснокожей подруги лодку и пустился по одному из притоков реки Аламер. Правда, перед этим вождь племени Черных Аистов чуть ли не насильно заставил Остера Кинна повесить на шею их племенной амулет, который цеплялся за одежду и мешал работать веслом. Поэтому, едва поселение скрылось за поворотом реки, амулет был брошен в воду без малейшего зазрения совести.

С чужаком Остер Кинн повел себя осмотрительно и не стал растолковывать, кто он такой, а вначале решил всё разузнать про самого Кариона. Тут-то и выяснилось, что оба они знакомы с философом Диоксидом.

— Я, — говорил Карион, делая маленькие глотки из фляги своего спасителя, — был его учеником, всё-таки. Вот и подумал, что негоже ученику от учителя отрываться. Отправился его искать. За мной даже погоня была!

— Вот как? — отстраненным тоном произнес Остер Кинн. — Повезло Диоксиду, что у него такой преданный ученик.

Карион зарделся.

— Вот что, — продолжил спаситель. — Плыдем со мной в лагерь. Мы тебе и припасов в дорогу собираем, и провожатых дадим. Одному тебе все равно из массива не выбраться.

И Карион с радостью согласился, упомянув про потерянный плащ.

— Ну, плащ ты вряд ли отыщешь. Вероятнее всего, пронырливый индеец из вражеского племени прибрал его к рукам.

— Что ж, легко пришло — легко ушло, — смирился тот.

... Он всё дивился, как ловко Остер Кинн управляет с каноэ и какие крутые у реки берега.

В племени Знойной Зари ему оказали радушный прием, усадив у костра и поделившись обедом. В числе прочих молодых людей поселения он удостоился чести беседовать с самим вождем и получить от него благословение и отличительный знак воина.

«Отныне ты не юноша, но муж!» — пошутил Остер Кинн, хлопнув его по плечу после церемонии.

И Карион, шатаясь, побрел к отведенному для него вигваму. Разговор с вождем был долгим и утомительным, и говорил по большей части вождь, а Карион только кивал и изредка вставлял своё нерешительное «угу». Из всей этой двухчасовой речи он усвоил только то, что зовется теперь не Карионом, а Звездной Тенью и может без опаски приходить в индейскую деревню хоть днем, хоть ночью.

«А не такие уж и отсталые эти индейцы гор. Вполне цивилизованные люди», — подумал он, погружаясь в сон.

Празднество посвящения в воины закончилось поздно, шумными танцами и уголюканьем под грохот тамтамов. А с рассветом в племени потекла обычная, размеренная

жизнь, и никто даже не заговорил о вчерашнем торжестве. Индейцы попросту молчали, занимаясь каждый своими обязанностями.

Кариона это потрясло. У него в университете прошедшие грандиозные события могли обсуждаться целую неделю, а то и больше. Студенты не упускали случая, чтобы не напомнить друг другу о том или ином забавном происшествии на празднике. Но здесь! Здесь у участников торжества, похоже, напрочь отшибло память. Они вели себя так, будто ничего особенного не случилось. Карион знал, что посвящение — важный ритуал и с бухты-барахты не проводится. В умных книгах он читал, что в стране Лунного камня индейцы горных племен к посвящению готовятся и духовно, и физически...

— Ну, да! И духовно, и физически, как ты говоришь, — сказал Остер Кинн. — С достоинством живут, с достоинством и празднуют! Молчание — золото. И сегодня, по обычаю, следует молчать, чтобы наполнить свой сосуд золотом до самого горлышка.

— Какой сосуд? — попытался уточнить Карион.

— Тссс! — Собеседник прижал палец к губам. — Меня накажут, если узнают, что я с тобой болтал! Подумай об этом сам. А вечером тронемся в путь.

Когда они вышли из лагеря, луна освещала тропу, повиснув в небе ярким серпом. Гнулись на ветру сосны, клочкотала вдали река, а воздух наполнился ароматами леса.

«Вот оно, воинство за плечами! Вот они, верные друзья! — восторженно подумал Карион. — Таких друзей невозможно подкупить, их нельзя отыскать. Они находятся сами, в непредвиденный час».

25. О колоколах и таинственном послании

Если б Минорис знала всю подноготную про Каэтта и Ипву, то ночами бы не спала, у дверей бы философа сторожила! Ардикта взрастила его с младых ногтей. Воспитала, заменив ему мать, которая, по неизвестной причине, оставила младенца у ворот в мастерскую.

«Но сколько же Ипве, в таком случае, лет?» — спросит сбитый с толку наблюдатель. Не удивится лишь тот, кто наслышан о способности верховной преподавательницы к превращениям. Она без труда изменит свой облик, если в том станет необходимость. И вас научит, если вы ее, как следует, попросите. Диоксида ведь научила! Состариться и помолодеть за минуту не каждый может. А философу это под силу.

Когда Ипва подолгу простаивает с ним на башне, ни у кого не вызывает сомнений, что обсуждают они исключительно методику преподавания или организационные вопросы. Никому и в голову не придет, что под звездами, на ветру, могут делиться друг с другом новостями мать и сын.

— Исправна ли твоя динамо-машина? — поинтересовался Каэтта, когда они стояли рядом против ветра, держась за перила. Лунный свет отражался в объективе телескопа, а внизу, в саду, фонарным светом были вычерчены аллеи.

— Конечно! Что с ней может случиться! — ответила ардикта. — Зачем спрашиваешь?

— Просто меня тревожит, что ты подвергаешь себя смертельной опасности, когда здание мастерской более чем обеспечено электроэнергией.

— Ах, ты же знаешь, у каждого свои причуды! Никакой опасности не существует, уверяю тебя! Незачем беспокоиться. Скажи лучше, как обстоят твои дела. Появились ли ученицы?

— Увы, пока нет, — вздохнул Каэтта. — Но я надеюсь, что Минорис или Таймири когда-нибудь навестят меня в обсерватории...

При звуке их имен Ипву проняла дрожь, глаза забегали, но сын этого не заметил: ночной покров скрывает чувства, написанные на лице.

— Минорис уже моя ученица, поэтому не рассчитывай на нее, — сказала Ипва. — На Таймири тоже особых надежд не возлагай. Она подопытная...

— Подопытная? — Каэтта изогнул одну бровь и обратил взгляд на ардикту, которая в этот момент повернулась к нему спиной. Она поняла, что проговорила. — Подопытная? Мама, не ожидал от тебя такого!

— «Мама»! Как давно я не слышала этого слова! — попыталась сменить тему Ипва.

— Нет! Ты мне лучше скажи, с каких это пор ты ставишь эксперименты над людьми?

— Ах, избавьте меня от нравоучений, господин Каэтта! Я не намерена раскрывать перед вами карты, — сказала ардикта и заспешила к лестнице. Но философ с быстротою молнии схватил ее за запястье:

— Как вам будет угодно, — проговорил он. — На самом деле у меня к вам очень много вопросов, матушка. И на все эти вопросы вы дадите мне ответ. Не сейчас — так потом.

В тот самый миг, как он ее отпустил, своевольный месяц спрятался за тучами. И философу показалось, будто тень напозла на весь мир.

«Берегись, Каэтта, дотошный сыночек! Настанет тот день, когда могущество, которым я тебя наделила, обратится тебе во вред! Тебе и твоему городу. Я проучу тебя — будешь знать,

как совать нос в мои дела! — рассерженно думала ардикта, обходя подземелье и отключая приборы от источника питания. Она гасила лампы, задувала свечи. И чем темнее становилось вокруг, тем отчетливее виднелся позади нее светящийся, как у кометы, хвост, или, лучше сказать, шлейф. — Будь я на твоём месте, взяла бы из замкового хранилища свиток с драгоценными именами и бежала бы обратно в город Цвета Морской Волны. А еще лучше — в пещеры массива. Хотя и там, в облике черной кошки, настигнет тебя провидение...»

Праздник в честь парада планет удался на славу. На носилках тетушку Арию, конечно, не унесли, но она так боялась опозориться, что напрочь забыла слова своего стихотворения. Суфлеру пришлось изрядно потрудиться, прежде чем его подсказки были услышаны.

Сейчас тетушка Ария спала сном праведника. Из костюма Марса ее благополучно вытащили. Напоили успокоительными и притащили в комнату целый поднос с угощениями, какие остались после сладкого стола. Благоухали эти угощения со вчерашнего вечера, да так аппетитно, что унюхала даже непоседливая Минорис.

— Вставай! Ну, вставай же, — тормошила она подругу. — Я тут та-а-а-кое обнаружила! Пойдем, покажу! У старого дерева...

— У дерева? — спросонья пробормотала Таймири. — Не пойду, — И зарылась в одеяло.

— Но ты просто обязана! — напирала Минорис. — У тебя же с Эльтером свидание!

— Не свидание, а встреча. Встреча! — раздраженно поправила та. — Отстань. От тебя голова трещит.

— Тогда поищу врача! В мастерской ведь непременно должен быть врач. Я сейчас, я мигом!

Впопыхах Минорис забыла закрыть за собой дверь.

Таймири со вздохом откинулась на подушку.

— И почему только она меня так угнетает?! Что-то в ней изменилось, — устало пробормотала она. — Минорис плохо на меня влияет. А значит, кто-то плохо влияет на нее. Выяснить бы, кто.

Кое-как выбравшись из-под одеяла, она прошаркала к двери, заперлась на все возможные засовы и, потягиваясь, направилась в ванную.

Сегодня Эльтер назначил ей встречу у дерева в пустоши. Таймири почувствовала, как пульсирует жилка на виске.

«Да пропади она пропадом, эта встреча! Никуда я не пойду. Какой здравомыслящий человек решится убивать другого, да еще таким изощренным способом?! У меня хватит ума остаться в комнате», — думала она.

Таймири поймала себя на том, что уже минут пять смотрит на свое отражение в зеркале. Глаза стали просто огромными, черные зрачки — размером с вишневую косточку. Растрепанные волосы точно воронье гнездо, рот приоткрыт. Щеки впали, сильно выдаются скулы.

— Что-то ты совсем исхудала, — заметила из дверей тетушка Ария. — Питаться надо лучше. Без меня, небось, ела, что придется.

— На себя взгляни, сухофрукт, — мрачно рассмеялась Таймири. — Чтобы съела всё, что на подносе.

Внезапно обе вздрогнули. Наружная дверь сотряслась от ударов.

— Откройте! Откройте! — вопила в коридоре Минорис.

— Открой. Слышишь же, стучат, — прошептала тетушка Ария.

— А может, я никого не хочу видеть, — закапризничала племянница. — Мой дом — моя крепость.

— В мастерской мы всего лишь гости, поэтому не дури и открывай, — подтолкнула ее та.

Едва щелкнул дверной замок, Минорис пулей влетела в комнату и потрясла перед Таймири пузырьком с таблетками:

— Вот, нашла! Я настоящий сыщик! Может, в следопыты податься?

— Они, наверное, ужасно горькие! — раздалось в ответ. — Мне не помогут эти глупые таблетки, потому что голова у меня начинает раскалываться только в твоём присутствии!

— Намекаешь на то, что я болтуня? — поджала губы Минорис.

— Не совсем, — Таймири медленно обошла подругу. — Покажи-ка мне эту штуковину, — потребовала она.

— Амулет?

— Кто тебе его дал?

— Секрет!

— Признавайся, кто дал, иначе... иначе пеняй на себя! — разозлилась Таймири.

— Мне б-было приказано молчать! Под страхом смерти! — сбивчиво проговорила Минорис.

— Неужто под страхом смерти? — пренебрежительно отозвалась та. — Кто тебе важнее? Я или тот, кто приказывает?

— Но ты ведь тоже приказываешь! — смущенно возразила Минорис.

— Ладно, давай сюда свой амулет.

В мешочке оказались черные споры. Таймири высыпала их на стол возле окна. И тут ее скрутило: колени подогнулись, мышцы свело судорогой. Болела теперь не только голова. Казалось, каждый нерв горит, как свечной фитилек. Таймири сжалась и застонала. А Минорис — это в её духе — лишь стояла да хлопала глазами. Одна тетушка Ария сообразила, что надо делать. Распахнув окно, она сдула споры, которые тотчас подхватил и унес ветер.

Ария отпаивала племянницу каким-то настоем, пока та приходила в себя. Минорис тихонько плакала в кресле.

— Что нюни распустила? Доверяешь всем подряд, — упрекнула ее Ария.

— Выходит, даже Ипве доверять нельзя?! — хныча, ответила Минорис.

— Ипва? Так звали кошку, которая натравила на нас тигров, — отозвалась все еще слабая Таймири.

— Тигров? — встрепелась тетушка Ария.

— Кошку? — в унисон с ней переспросила Минорис. — Неужели мастерской счастья правит зло?!

— Как и всем миром, — пожала плечами Таймири. — Разве ты не знала?

Та лишь тяжело вздохнула.

— Прости. А я-то думала, что наконец стану музой...

— Ты станешь ею! — оживилась Таймири. — Забери мешочек и наполни его семенами. Я слышала, здесь есть хранилище семян. Нам ведь уже выдали участки земли, значит, и к хранилищу доступ открыт. Ипва ни о чем не догадается. А мы узнаем, почему она заставила тебя носить на шее эти проклятые споры.

— Она поручила мне повсюду ходить за тобой и следить за твоим настроением, — сказала Минорис. — Быть может, она имеет что-то против тебя?

По истечении определенного срока каждой новой ученице на общем участке земли отводилась небольшая делянка с плодородным черноземом. И не ради забавы, а для того, чтобы посвятить муз в таинство прорастания семян. Но если душа не лежит к садоводству, то никто не поставит вам этого в вину. Чтобы созрел плод, требуется время. Так же и с музами: раз еще не созрели, то и нечего их торопить. Таймири, по мнению старших, была плодом зеленым. Она просто не понимала, зачем в часы досуга копаться на грядке, если существуют занятия куда приятнее. Поэтому ее крохотный надел надолго остался в запустении. Зато Минорис сразу же загорелась желанием разбить свой садик. Порой она настолько увлекалась, что даже пропускала общие лекции, за что потом получала выговор.

Дважды в неделю она спускалась в подземелье и конспектировала лекции под монотонную диктовку ардикты. Ипва начитывала ей основы физики, и не было урока, на котором она бы ни прочла ученице великое будущее, при условии, конечно, что эксперимент со спорами будет выполнен к сроку. Что ж, теперь Минорис придется врать и надеяться, что Ипва не ясновидящая, потому что в мешочке отныне будут лежать семена. А черные споры унес ветер, и кто знает, что из этих спор вырастет, да и вырастет ли вообще...

— Какие-нибудь поганки вырастут, — посмеивалась Таймири, когда они с Минорис шли по аллее к воротам. — Вот увидишь, как-нибудь после дождичка под деревом появится поганка.

— Веселишься. Смешно тебе, — дулась Минорис. — А как они, и правда, в рост пустятся, кого первым делом заподозрят?

— Ну-у, вариантов немного. Или ты, или...

— Или я. Вариант всего один. Ладно, не будем о грустном. Лучше представь, какое мы совершим открытие, если докажем, что камень и дерево — это одно и то же!

Минорис все-таки уговорила подругу сходить к засохшему дереву, и то лишь затем, чтобы взглянуть на корни. Таймири было просто необходимо увидеть это собственными глазами. Конечно, она пообещала себе быть предельно осторожной и постараться не разбудить Эльтера. Она почему-то полагала, что Эльтер спит в своем дупле круглые сутки.

Поэтому услышать его голос, да еще в тот момент, когда они с Минорис спорили о природе камня и древесины, для Таймири стало настоящим потрясением. Это был ее приговор.

— Приятно, что моим убогим жилищем еще интересуются, — откуда-то сверху произнес Эльтер. Подруги выпрямились так, словно их одновременно хлестнули хворостиной.

Дуновение горячего ветра обожгло Таймири кожу, в голове застучала кровь. Нет, нельзя позволить ему говорить с собой! Внезапно она рванула с места да припустила так, что пятки засверкали. Неважно, в каком направлении бежать. Главное не останавливаться. Главное никогда больше с ним не встречаться. У дерева осталась Минорис — ну и пусть. Ей тайна Эльтера неизвестна. Так что если, увлекшись беседой, вместо цветущего юноши она обнаружит рядом дряхлого старика, угрызения совести не будут ее мучить.

«Зачем я вообще согласилась на эту прогулку? — подумала Таймири, собрав остатки сил, чтобы добежать до воображаемой финишной черты. — Ах, да! Всё она, проклятая любознательность. Факт, действительно, презанятный: корни окаменевают и превращаются

в адуляр. Только вот почему?»

Спустя некоторое время ей показалось, что за нею гонятся. Но она списала это на галлюцинации, поскольку бежала, по ее представлению, никак не меньше часа. К тому же, с непокрытой головой, по адской жаре. В таких условиях можно запросто сойти с ума.

Однако, как бы Таймири себя ни убеждала, она всё явственней различала позади чье-то учащенное дыхание... Вдруг кто-то свалил ее с ног, и они вдвоем с преследователем упали на каменистую землю, всего в пяти шагах от обрыва, за которым начиналась глубокая пропасть.

— Вы! — задыхаясь от ужаса, воскликнула Таймири. Настиг-то ее не кто иной, как Эльтер. Видя, что он собирается что-то сказать, она заткнула себе уши. — Даже не начинайте! Я все равно ничего не услышу.

Минута борьбы — и Таймири пришлось сдаться. Эльтеру, похоже, просто необходимо было выговориться, иначе он не стянул бы ей руки за спиной, и уж тем более не употребил бы для этого ленту, которой обычно обвязывал волосы.

— Ты выслушаешь меня от начала и до конца, — сказал он. — Можешь задавать вопросы, можешь прерывать меня, если захочешь подумать над тем, что я скажу. Единственное непозволительно: отсутствие.

— Но я ведь здесь и вряд ли куда-нибудь денусь, — мрачно возразила Таймири.

— Ты знаешь, о каком отсутствии идет речь, — тоном, не терпящим пререканий, произнес Эльтер. — Не витай в облаках. Будь здесь и сейчас... С этой минуты я начну стареть. Я уже старею, медленно умираю с каждым словом, исходящим из моих уст. Хочешь ты того или нет, но остановить этот процесс ни ты, ни я не в силах. Поэтому слушай внимательно, слушай и запоминай.

Он подвел ее к краю обрыва, туда, где каждый год, в сезон дождей, в долину сходили оползни. Сухой, изнуряющий ветер хлестал в лицо разъяренными порывами. Разверзшаяся под ногами бездна тихо гудела, как если бы на дне неспешно просыпался древний вулкан.

— Что видишь? — спросил у Таймири Эльтер.

— Жестокость, — подавленно ответила та. — Жестокость царит повсюду, ее даже не нужно видеть. Она витает в воздухе. Вы жестоки со мной, я жестока с вами. Авантигвард... — она помедлила, вспомнив рассказ тетушки Арии, — непозволительно жесток к своему народу. Мы несем в мир одно лишь разрушение.

Эльтер издал вздох, больше похожий на стон.

— Это потому, что мы и сами час за часом разрушаемся. Кто-то быстрее, кто-то медленней. Но закончим мы все одинаково. Понимаешь, что из этого следует? Нет смысла искать богатств, стремиться к роскоши, завоевывать славу. Богачу бессмысленно превозноситься над бедняком, когда нас всех ждет один конец. Зачем завидовать и желать чужого счастья, если всякое счастье, в итоге, оборачивается смертью? Мы обманываем себя, когда считаем успех и благоденствие целью нашей жизни. Ложь сладка... Хотел бы я, чтобы люди перестали сравнивать!

— Но разве такое возможно? — удивилась Таймири.

— Не будь высокого, не было бы низкого. Выделяя красоту, мы, сами того не осознавая, выделяем и уродство. Когда мы ставим вещь на определенную ступень нашего бытия, появляется противоположность. Появляется возможность сравнения. Подумай об этом. Трудное и легкое определяют существование друг друга. Если бы мы не имели представления о том, что есть трудность, а что легкость, мы не искали бы легкой жизни и

дополнительных благ — и были бы счастливы. Мы стали бы создателями, которые не гордятся и не стремятся превзойти друг друга. Не было бы соперничества, вечной гонки, от которой многие устают и сходят с дистанции. Пусть вещи возникают вдали от твоей гордости. Не старайся подчеркнуть собственную важность. Если создаешь что-либо, не держись за свои достижения, и ты не будешь их терять. Позволяй быть тому, чего ты не в силах изменить. Позволяй вещам происходить, не пытаясь проникнуть в их суть и уловить смысл, который они несут в себе. Только так ты станешь по-настоящему свободной. Только так ты сможешь смотреть на мир с вершины горы без мыслей, которые берегут душу...

Эльтер еще много говорил, и Таймири не пропустила ни звука, хотя его монолог, казалось, длился вечность. Стоя на краю утеса со связанными руками, она не могла пошевелиться. Ноги словно приросли к земле, но усталости не ощущалось, хотя солнце уже клонилось к закату, повиснув в безжизненном небе алым пятном. Таймири совершенно не тревожил голод, хотя с утра она выпила одну-единственную чашку кофе.

Она заметила, как переменился голос Эльтера. Он утратил былую звучность и силу.

— И напоследок, — проговорил усталым голосом Эльтер, — молчи побольше. Слова лишают жизненной силы. Опустошают, как знойный пустынный ветер. Следи за своими словами...

Он замолк, когда угасло зарево заката. А развязав ей руки, едва слышно добавил:

— Придешь завтра к старому дереву. Завтра простимся.

Таймири даже не оглянулась. Медленно двинулась прочь, через ночь, к мастерской.

«Как хорошо, что село солнце, — подумала она, ускорив шаг. — Хорошо, что в темноте мы не видели лиц друг друга. Я боюсь взглянуть на него. Он увядает, словно цветок, распутившийся в неподходящее время. А подходящее время разве распознаешь?»

Кэйтирон ощущал себя загнанным в угол. Ни рулевой рубки, ни навигационных приборов, ни даже шума воды за окном!

— Как будто я на пенсии! — возмущался экс-капитан. — Хотя и это вряд ли, потому что доживать свой век я отправился бы на море. — Ну, вот что эти руки?! — жалобно восклицал он. — Им уж больше не держать штурвала. А эта голова, — И он ударял себя ладонью по лбу, — станет головой безмозглого старикашки, который вскорости и имя-то свое позабудет! Нет, Папирус, нет, друг любезный. Не годится мореходу отсиживаться в комнатухе и питаться, чем адуляр пошлет. Мне нужно раздолье и духовная пища! Где тут у них библиотека? Пойдем, поищем.

Папирус промолчал, проследовав за капитаном через распахнутую дверь. Матрос решил не напоминать Кэйтирону о том, что тот никогда мореходом не был и управлял всего только речной посудинной.

Из пристройки для гостей прямого хода к училищу не было, и во флигеле имелась своя библиотека, которая едва ли уступала по размерам «Тысяче и одному компартменту». Шкафы протянулись в ней вдоль всех стен, по всему периметру, и не было на полках места, которое бы пустовало. Хотя книги там уже порядочно заросли паутиной и покрылись пылью. Гости редко заглядывали в обитель знаний.

Папирус потерянно бродил вдоль книжных рядов, поскольку даже вообразить не мог, что на свете существуют места, где тысячи, десятки тысяч книг способны уместиться под одной крышей. А здесь подобного добра было намного больше. В конце концов, Папирус действительно потерялся. Сперва он застрял где-то между отделом истории и секцией

мифов, потом завяз между стеллажами с древними свитками и сборниками греческих эпиграмм, датируемыми третьим веком до нашей эры. В общем, по уши погрузился в чтение.

Когда капитан вышел из лабиринта книжных шкафов без своего помощника, то невероятно огорчился. Однако кричать в библиотеках не принято, и Кэйтиайрон решил подождать до утра. За ночь Папирус ума наберется и поймет, что от старших отставать не следует нигде и никогда.

А Папирус всю ночь напролет просидел рядом с торшером, подпирая какой-то шкаф. Он обнаружил занятнейший источник, из которого можно было почерпнуть много полезной информации. Информация относилась к разделу коллективной общенародной фантазии. Говоря простым языком, это были мифы. Ох, и охоч был Папирус до мифов! А как падок на парадоксальные явления!

Давно уже так не утешался библиотекарь, как в тот вечер и в ту ночь, когда Папирус попросил разрешения остаться в книгохранилище до рассвета. Мало кого привлекали старинные рукописи, мало кто из заезжих проявлял интерес к историческим очеркам. Разве только редкий ученый да литератор. А Папирус был прост, скромен и робок, чем совершенно покорила библиотекаря. И тот где-то после десяти вечера вышел из зала на цыпочках, оставив ключ на столе. В честь такого события он даже не стал прятать булочки, которые припас для себя на следующий полдник. Пускай читатель подкрепится.

А читатель, едва заалело за окном утреннее небо, вскочил с пола, окрыленный поразительной догадкой. Всю ночь напролет он листал и перелистывал фолианты, чихал от книжной пыли и слепил себе глаза в полутьме, после чего его внимание привлек потрепанный свиток, перевязанный шнуром и снабженный пометкой «устарело». Папирус вообще не понимал значения слова «устарело» применительно к древним мифам. А в рукописном тексте свитка речь шла как раз таки о мифах.

В общем, почерпнув все необходимые сведения и еще раз проверив свою догадку, он, вместо того чтобы явиться к капитану с повинною, покинул флигель и с непреклонной решимостью направился к воротам, которые сторожила черноволосая ключница Ниойтэ. Папирус, конечно, рад был бы повидаться с красавицей-априортой, но у него имелась срочная новость для Таймири. Он так торопился, чтобы изложить ей свою идею, что впопыхах не заметил в пустоши ни одинокого дерева, ни одиноко сидящей рядом девушки в длинном запыленном платье. Она сидела на коленях и обливалась слезами над какой-то тряпицей. И по этой тряпице, а может, по тому, кому она некогда принадлежала, тоскливо звонил колокол на башне в мастерской.

Колокол может звонить всего в нескольких случаях. К началу занятий призывает звонкий колокольчик, младший брат бронзового великана. Средний брат, медный баритон, подает голос лишь тогда, когда нужно добудиться какого-нибудь преподавателя. Захочешь ты разбудить, скажем, почтенного старичка Ризомерилла, начнешь стучаться к нему в дверь — тут-то он и выскочит. Сперва лекцию о хороших манерах прочтет, потом поинтересуется, отчего ты его из ушата не окатил. Почему только в дверь колотил, как ополоумевший. Колоколу таких вопросов не задашь.

Еще бывает звон, от которого музам и профессорам делается не по себе. Его зовут погребальным. Скончался ли кто в училище или в округе, так и знай: будет с утра, не смолкая, колокол бить.

Этот пронизывающий сигнал остановил Папируса у самого входа в мастерскую, и он вспомнил, что во время пробежки от флигеля к воротам видел мельком необычную картину.

Сейчас эта картина встала у него перед глазами так явственно, что он не смог не обернуться. Под искореженной тенью мертвого дерева какая-то девушка рыдала над странного вида свертком. Подойдя ближе, Папирус узнал в плакальщице Таймири.

Эльтер умер еще ночью. Похоже, он даже не смог добраться до дупла — так быстро покинули его силы! От него не осталось ничего, кроме одежды; прах его развеял по пустоши ветер. Не будет отныне звучать свирель, не расцветут луга на истощенной почве.

Иссякли потоки слез, и теперь Таймири просто глядела в одну точку.

Папирус осторожно потряс ее за плечо:

— Э-эй! Ты как? Что стряслось?

Под занавесом спутанных волос скрывалось бледное, заплаканное лицо и застывший, словно каменный, взгляд. Таймири походила на печальную статую, которую зачем-то вынесли в пустошь.

Папирус не умел утешать. Он наплел с три короба всякой бессмыслицы в надежде, что Таймири эта бессмыслица успокоит. А потом заметил, как она что-то чертит пальцем на земле.

— Что это? — спросил он.

— Могилка, — прошелестела Таймири в ответ.

— Руками вряд ли раскопаешь. Тут понадобится заступ, — заметил Папирус.

— Поищи в дупле, — безучастно сказала та.

В дупле не нашлось ничего, похожего на лопату, и тут у Папируса возникла идея.

— Мы можем похоронить останки иначе, — вернувшись к Таймири, сказал он. Та окинула его недоуменным взглядом. — Корни образовали в почве большие полости. Готовые ямы, можно сказать. Чем не место для погребения?

Они вместе пошли посмотреть на ямы. Корни проделали в земле настоящие туннели, так что туда можно было по локоть засунуть руку.

— Ах! Это я во всем виновата! — вздохнула Таймири, пряча сверток под землю. — Если б я не задумала сбежать, ничего бы не случилось, и Эльтер остался бы жив.

— Иногда, — задумчиво сказал Папирус, — нам не дано выбирать. Мы просто действуем, и судьба решает за нас. Кстати, — спохватился он, — у меня для тебя новость. Зря я, что ли, в библиотеке всю ночь проторчал?! Вот, читай.

Папирус развернул перед нею желтый пергаментный свиток, прихваченный из читального зала.

— Нарушение правила номер один, — проинформировала его Таймири. — Из библиотеки ничего таскать нельзя.

— Знаю, знаю, — отмахнулся тот. — Если б речь шла о какой-нибудь безделице, я бы и не стал. Но ты прочти...

Таймири выхватила пергамент у него из рук. Широким каллиграфическим почерком в свитке было написано следующее:

«Владел я лестницей, ведущей в никуда.

Владел давно — владею и поныне.

Но мне не удавалось никогда

Зеленый луг взрастить на сей пустыне.

Я бился над задачей, и не раз;

Попыток много сделал, но напрасно.

Мне нужен ум-хрусталь, душа-алмаз,

Необходим мне взгляд на вещи ясный.

Твой взгляд, о, муза! Помоги, взываю!

Ты к лестнице явись в урочный час!

Познав саму себя, спасешь всех нас».

А ниже была приписка:

«Лунный камень не должен почернеть. Если это произойдет, он навсегда останется камнем, и столбы адуляра не смогут превратиться в деревья, коими по природе являются».

— Луг взрастить, луг взрастить... — как в полусне, бормотала Таймири. — Эльтер был мастер возвращать луга. Но что за лестница?

Папирус пожал плечами:

— В ней-то, по-моему, и суть. Надо искать «лестницу в никуда».

— Думаешь?

— Да ведь поэт прямо к музе обращается! А вдруг эта муза — ты?!

Таймири фыркнула:

— Я? Я никуда не годная, недоученная муза! Меня если и попросят, то только на выход! Но лестницу, ты прав, отыскать не помешает. Только вот с чего начать?

— Начни с мастерской, вернее будет, — посоветовал Папирус.

— Поможешь?

— Куда мне! — махнул рукою тот. — Меня за ворота не пустят. Ваша Ниойтэ страх какая строгая!

— Значит, придется самой, — сказала Таймири, поднимаясь на ноги. Грусть-тоску словно ветром сдуло, потому что ничто так не воодушевляет, как новая тайна. Таймири немедленно задалась целью разыскать легендарную лестницу и попробовать хоть что-нибудь выяснить о затерянном прошлом Эльтера.

Кто знает, вдруг автор свитка был с ним знаком? Вдруг он прольет свет на волшебство, благодаря которому Эльтер заставлял растения тянуться ввысь?

В холле мастерской ее уже поджидала Сэй-Тэнь. Ни слова не говоря, подтащила к доске объявлений, где толпилось и без того море учеников. Недавно доска пополнилась свежими новостями. Так, на желтом, точно специально подпаленном, листке говорилось, что некий филантроп по имени Има-Рин созывает муз к двери-за-которой-пустота для какого-то испытания. В чем конкретно состоит испытание, в объявлении не указывалось.

— Пойдем, а? — предложила Сэй-Тэнь.

— На первом этаже каждая дверь визуально выходит в сад, — сказала Таймири. — И лично у меня не вызывает сомнений, что все они ведут в пустоту. Как узнать, за какой из них будет ждать профессор?

— Напасть на след Има-Рина нетрудно, — заверила ее Сэй-Тэнь. — Надо лишь проследить, куда отправятся остальные. Говорят, у его двери — что ни день — собирается невообразимая очередь.

26. О лестнице, ведущей в никуда

В саду, среди зеленой шелковистой травы, после полудня показались бледно-розовые шляпки грибов. И надо было так случиться, что именно сегодня Ипва вышла подышать свежим воздухом. Она увидела грибы и сразу обо всем догадалась. Садовникам придется изрядно попотеть, прежде чем они приведут сад в надлежащий вид, а Минорис должна будет дать объяснения. И горе ей, если она не сдержала слово и проболталась подопытной.

«Ну, погоди у меня, Минорис! Устрою я тебе допрос с пристрастием. Навек запомнишь, как обманывать Ипву!» — негодовала ардикта, быстро шагая по дорожке, обсаженной рододендронами. В ее глазах сверкал огонь, а вокруг головы образовался трепещущий нимб, поскольку ардикта наэлектризовалась до предела. Минорис, которая притаилась в тени пальм, почувствовала, как сгущаются тучи: в грядущей буре она вряд ли уцелеет.

«До чего же нетерпеливые грибы! Вздумалось им сегодня вылезти! Не могли еще денек подождать», — подумала она и закусил губу. Едва Ипва, светясь от злости, скрылась за поворотом, как Минорис очертя голову бросилась бежать в обратном направлении — в сторону главного входа.

Тем временем Таймири и Сэй-Тэнь дожидались своей очереди у дверей Има-Рина. Им обоим страсть как хотелось заглянуть за эту дверь, иначе они бы уже давно вернулись в свои спальни. Если было невмочь стоять, отлучались поодиночке, но в основном коротали часы вместе, находя утешение в разговорах. И как ни была рассеянна Сэй-Тэнь, она ни разу не упомянула о стране «Внутрифонтании». Не проходило и дня, чтобы она не подумала о Норкладде. Как он там, с ребятами? Спорится ли работа? Удалось ли починить великанские часы?

Вбежала в коридор красная и запыхавшаяся Минорис. Беспокойно озираясь по сторонам, заметила в толпе подруг и ринулась к ним.

— Спасительницы мои! — воскликнула она, вцепившись в Сэй-Тэнь мертвой хваткой. — Спрячьте меня где-нибудь, умоляю! Ипва в бешенстве! Она узнала про споры, и мне теперь не жить!

При слове «спрячьте» у Сэй-Тэнь мгновенно родилась идея: конечно же! Дом Норкладда для прятков самое подходящее место! Пусть Минорис немного побудет у него. А там, глядишь, и ардикта остынет.

— За мной, — скомандовала Сэй-Тэнь и подтолкнула Таймири к двери-за-которой-пустота. — Твоя очередь подошла, — напомнила она. — Не вздумай отлынивать.

Схватив Минорис за руку, она протиснулась сквозь толпу муз и бегом припустила к фонтанному залу.

Зал фонтанов искрился взвесью радужных брызг. Через запотевшую стеклянную крышу матово голубело небо. Вокруг не было ни души.

— Это и есть убежище? — раздосадовалась Минорис. — Если так, то я точно пропала.

— Погоди, дай сосчитаю, — сказала Сэй-Тэнь и принялась пересчитывать фонтаны, чтобы не ошибиться, в каком из них портал. — Четвертый, пятый, шестой... Да, шестой. Пойдем скорее!

— Ты, видно, с ума сошла. Это же тебе не пруд! — с возмущением сказала Минорис, когда Сэй-Тэнь спустила ноги в чашу.

— Напрасно ты нос воротишь, лучше давай следом. А то, еще чего доброго, Ипва

нагрывает.

Эти слова произвели на Минорис магическое действие, и спустя мгновение она уже по колено стояла в воде.

— Попала, так попала! — пробормотала она. — Уж и не знаю, что лучше: получить взбучку от ардикты или промокнуть до нитки...

Они прошли через шипящую водную завесу, и Сэй-Тэнь стала ощупывать статую в центре фонтана. Ту самую, через которую Норкладд в прошлый раз втащил ее к себе.

— Что ты там возишься? — хмуро спросила Минорис. — Вода ледяная. Того и гляди, простужусь!

— Наберись терпения! Скоро ты будешь греться в уютной комнатке.

Минорис уже собралась произнести в ответ свое скептическое «Ха!», как вдруг заметила, что в зале фонтанов кто-то ходит.

«Меня ищут», — похолодела она и инстинктивно вжалась в статую.

Силуэт бродящей по залу дамы (а бродила, несомненно, дама) был окутан коконом рваного, тревожного пламени. И когда она повернулась лицом к фонтану, где сидели Минорис и Сэй-Тэнь, на этом горящем лице сверкнули чернотой узкие глаза Ипвы.

«Ипва пришла за мной», — еще больше похолодела Минорис. В сознании у нее помутилось, и она стала медленно оседать на дно каменной чаши.

— Что с тобой? — всполошилась Сэй-Тэнь. — А ну вставай! Не время тонуть.

Тут и она различила за водной завесой силуэт ардикты. Та направлялась напрямик к ним.

Настала очередь Сэй-Тэнь вжаться в скульптуру. До сих пор ей не приходилось иметь дело с ардиктой (разве что во время церемонии посвящения). Об «огненной одержимости» Ипвы среди муз ходили самые неправдоподобные слухи, однако одно было ясно наверняка: если Ипва «пылает», лучше бежать от нее без оглядки.

Минорис едва ли отдавала себе отчет в происходящем. И когда ее выдернуло из окружающего пространства, на ее лице не отразилось ни тени изумления. Не удивилась она, и когда обнаружила себя в незнакомой гостиной, в мягком кресле, обитом темно-зеленым штофом. Протерла на всякий случай глаза и попыталась отжать юбку. Юбка оказалась совершенно сухой.

— Я же просил тебя, ведь просил — никому ни слова! — долетело до нее из соседней комнаты.

— Это вышло случайно, — послышался жалостливый голос Сэй-Тэнь. — Я хотела ей помочь. Она будет молчать, обещаю!

— Как можно верить твоим обещаниям, если ты уже не сдержала слова?!

— Ах, прости, прости, Норкладд! Чем мне загладить свою вину?

Минорис сползла с кресла и на цыпочках приблизилась к двери, за которой шел этот странный разговор. Но не успела она приникнуть к отверстию в замке, как дверь распахнулась, и в комнату широким шагом вошел юноша с невероятно зелеными глазами.

— Она еще и подглядывает! — воскликнул Норкладд, не удержавшись от улыбки. — Как тебя звать?

Минорис смущенно представилась и с трудом подняла глаза, чтобы еще раз взглянуть на восхитительного хозяина дома.

— Не хотелось бы вас обременять, — выдавила она из себя.

— Ты не обременишь меня лишь в том случае, если сейчас же займешь спальню на

втором этаже и явишься к обеду без опозданий, — сурово припечатал часовщик.

За обедом он был сама доброжелательность. Предлагал добавки, интересовался жизнью в мастерской и рассказывал о здешней природе. Скоро Минорис почувствовала себя раскованней и даже осмелилась спросить часовщика о портале.

— Мы ведь через портал сюда попали, да? Я в этом, знаете ли, кое-что смыслю, — сказала она.

— Здесь нет никакой тайны, — пожал плечами Норккладд. — Но думаю, Сэй-Тэнь тебе лучше всё разъяснит.

Ему нужно было закончить кое-какую работу, и, чтобы его не отвлекать, Сэй-Тэнь позвала подругу на прогулку. Стоило им выйти на дорогу, как Минорис приступила к расспросам. Всё-то ей надо знать: и кто такой Норккладд, и что это за рыба-монстр, о которой случайно обмолвилась Сэй-Тэнь.

— Ты и сама видишь, насколько их мир отличается от нашего, — сказала та, когда черед вопросов иссяк.

Минорис кивнула.

— Я хотела бы никогда не возвращаться в мастерскую счастья! Но послушай, ведь кто-то же создал Ланрию!

Сэй-Тэнь задумалась.

— Без создателя явно не обошлось, — проговорила она. — Но разве человеку под силу сотворить такую красоту? И вообще, почему бы не допустить, что Ланрия существовала изначально, сама по себе? Вдруг создали именно наш маленький, юный мирок, как приложение к Ланрии? Ведь, по сути, так и есть. Портал изобрели не мы, а Норккладд.

— Наш мирок далеко не маленький. И уж тем более не юный, — возразила Минорис. — Ему, по меньшей мере, пять миллиардов лет.

Заметив, что Сэй-Тэнь хмуро потирает лоб, Минорис решила больше ей не надоедать.

— Расскажи только, как мы сюда попали, и я перестану. Честное слово! — попросила она.

— Помнишь статую в фонтане? — утомленно проговорила Сэй-Тэнь. — Когда мы в нее вжались, то надавили на какой-то фрагмент, и портал открылся. Было бы печально, если бы Ипва нас обнаружила.

— А по-моему, она и обнаружила. Просто не успела схватить нас за шиворот.

— Если так, то даже не знаю, кому придется хуже. Нам с тобой или Норккладду.

— Ипва что, ненавидит Норккладда?! — изумилась Минорис.

— Поверь, она на всё способна, — прошептала Сэй-Тэнь. — Если пожелает, может запросто стереть Ланрию с лица земли.

— С лица какой земли? — уточнила Минорис. — Той, что сотворена, или той, что существовала изначально?

Сэй-Тэнь завела глаза к небу и страдальчески вздохнула.

Подняв клубы пыли, проехала мимо запряженная лошадьми повозка.

— Кхе-кхе-кхе! — закашлялась Минорис. — Ну и кошмарный же у них транспорт! Плайверы не в пример лучше.

— Но ведь это были настоящие лошади! — воскликнула Сэй-Тэнь. — До сих пор я видела их только в книгах.

Сойдя с дороги, они углубились в рощицу, за которой раскинулось знаменитое озеро с гигантской рыбиной. Сэй-Тэнь, как ребенок, удивлялась всему, что было вокруг: ярким

незабудкам под ногами, шелесту деревьев и птичьим перекличкам. Быстрым облакам в голубом небе. А Минорис вдруг остро ощутила, как недостает здесь тишины и спокойствия страны Лунного камня.

— Ты слишком болезненно всё воспринимаешь, — отозвалась Сэй-Тэнь на ее замечание по поводу шума. — Ты напряжена. Попробуй расслабиться. Скажи, ты думаешь о Ипве?

— Не только о ней. Гораздо больше меня волнует, почему Ипва предложила провести эксперимент именно на Таймири. Почему ардикта так на нее взелась?!

— Если Ипва и кошка в массиве — одно и то же создание, то неудивительно, что она точит зуб на нашу музу, — откликнулась Сэй-Тэнь. — Видимо, в истории с белыми тиграми Таймири спутала ей карты.

— Знаешь, что, — проговорила она вдруг. — Надо бы нам за Ипвой последить. Выяснить, какие у нее планы.

— Я на это не пойду, — заартачилась Минорис. — Хочешь действовать — действуй одна.

— Вот как? — воскликнула Сэй-Тэнь. — А я-то считала, что разоблачить Ипву — твоя первейшая задача... Кто, как не ты, был у нее в сообщниках?

— Глупости! — фыркнула Минорис. — Я никогда бы не стала играть против Таймири.

— Осознанно — да. А с завязанными глазами — вполне. Как там говорится... Незнание не освобождает от ответственности.

Минорис напустила на себя обиженный вид.

— Хорошо. Раз ты так, придется мне заделаться шпионкой. Только не обессудь, если Ипва меня сцапает, потому как в этом случае мне мало не покажется. Она со мной и за слежку, и за споры расквитается.

— Не расквитается. Я тебе помогу, — сказала Сэй-Тэнь, ободряюще похлопав подругу по плечу. — Мы выясним, что у нее на уме.

Потом добавила, что неплохо было бы заключить договор.

— Договор? — скривилась Минорис. — Почему, чуть какая мелочь, сразу нужен договор? Ты мне что, не доверяешь?

— Подстраховка еще никому не вредила, — уклончиво ответила Сэй-Тэнь.

Роща проводила их встревоженным шелестом листвы, а луг встретил беззаботным шелестом трав. Как выяснилось, даже растения шелестят по-разному. Сэй-Тэнь пребывала чуть ли не в эйфории. Ей казалось, будто вся она окутана ветром и шорохами. Ну, еще бы! Ей же не надо следить за ардиктой! Минорис дулась, отмахивалась от назойливых мух и сетовала на несправедливость, когда Сэй-Тэнь с криком: «Какие барашки!» — устремилась к мирно пасущемуся стаду овец. Стадо тут же пришло в движение. Затрезвонили на коротких шеях колокольчики, засуетились и залаяли овчарки.

Чистивший свою дудочку пастушок спрыгнул с валуна, бросился Сэй-Тэнь наперерез и задал первый пришедший на ум вопрос:

— Из какой вы лечебницы, сударыня?

— Она не из лечебницы, — выдохнула подоспевшая Минорис. — Мы от Норкладда.

— А-а! От Норкладда? Ну, ясно, — протянул пастушок. — Норкладд всякое учудить может. Что на этот раз? Воздухоплавательный аппарат? Машина времени? Откуда он вас таких выискал?

— Скажу, если разрешите погладить барашка, — выпалила Сэй-Тэнь.

— Гладьте, коль вам не терпится, — пожал плечами тот. — Лоуренсий в стаде самый бестолковый баран. И, пожалуй, единственный, кто не возражает против того, чтобы его гладили.

— Лоуренсий? — переспросила Минорис. — Не пышное ли имя для бестолкового барана?

— Сокращенно я зову его Лорик. И мне кажется, эта кличка ему вполне подходит.

У Лорика был пришибленный и несколько обалдевший вид. Пока Сэй-Тэнь чесала его за ухом, он пытался что-то сказать ей на своем незатейливом языке: «Ме-е-е, ме-е-е». Минорис не удержалась и тоже потрепала его по макушке.

Внезапно в отдалении что-то яростно гроыхнуло. Все трое одновременно повернули головы в сторону безмятежно зеленеющего ельника. Грохот исходил именно оттуда.

— Там, за лесом... — побледнев, пробормотал пастух.

— Что?! — хором воскликнули подруги.

— В-вулкан проснулся, — жалобно закончил тот. — Ни дня, ни часа не будете знать, когда нагрянет лихо... Как и предсказывали. А я, между прочим, забыл дома часы! И какое сегодня число, хоть убейте, не помню!

— Так, срочно к Норкладду! — сообщила Сэй-Тэнь.

— А как же стадо? — растерялся пастух.

— Сторожи свое стадо. Мы вернемся вместе с часовщиком. Уж он-то точно что-нибудь придумает!

Схватившись за руки, Минорис и Сэй-Тэнь помчались через луг. Очень скоро пастушок потерял их из виду. Он ни на секунду не усомнился, что будет спасен. Но что если погибнут овцы? Овчар без овец не овчар. Поэтому если уж им пропадать, то и ему пропадать вместе с ними.

Таймири неохотно поглядела вниз и сглотнула подкативший к горлу комок.

— Ступай, ступай! Ох, что за нерешительная муза! — нетерпеливо крикнул Има-Рин. Так крикнул, что даже закашлялся. Таймири решила потянуть время и, пока он рылся в карманах в поисках микстуры от простуды, не двигалась с места. По краям лестницы чернела зловещая пропасть. В этой пропасти колыхалось сизое море, а верхние ступени застилала такие же сизые облака.

Совсем по-другому было вначале. Нагретые солнцем шершавые плиты, обрамленные васильками и клевером. Ароматы южного утра, визгливые крики чаек. Теплый бриз с моря (хотя откуда взялось в кабинете море, было решительно непонятно). Но стоило сделать всего несколько шагов по лестнице-в-никуда, как и чайки, и солнце точно в воду канули. От теплого бриза не осталось и следа.

Има-Рин утверждал, что сторожит лестницу века два, если не больше. Муз, которые к нему приходят, он записывает в специальный журнал — для статистики.

«Владел давно — владею и поныне... — вспомнилась Таймири строчка из послания. — Всё сходится. Неведомый автор есть не кто иной, как Има-Рин. А ищет он ту единственную музу, которая сумеет пролить свет на причину вырождения адуляра».

«Я узнала, кто автор письма. Этого вполне достаточно, — думала она, стоя на двадцатой ступени и ковыряя носком туфли раскрошившийся камень. — Что мешало попрощаться с хранителем и убраться отсюда? Далась мне эта лестница! Впереди неизвестность... И ох как страшно!»

Она считала, что совсем необязательно сталкиваться с трудностями и нарываться на неприятности, чтобы познать себя. Има-Рин считал иначе и готов был впихнуть на лестницу любую непокорную музу.

«Это нечто наподобие прививки, — убеждал он упрямых учениц. — Поначалу оторопь берет. А как только укол сделан, трусишка осознаёт, что теперь он под защитой и коварный вирус до него не доберется».

«Вирус? Вирус — это наше собственное непонимание, слепота! — пояснял он. — Чем она вредит? Да просто не дает расшириться кругозору! Вот вы и идете на лестницу, чтобы там, во мраке неизведанного, отыскать свой лучик света».

Таймири погрузилась во мрак — и едва теплившийся огонек адуляра у нее на груди засиял во всю силу. Ее никто не заставлял. Она могла бы спокойно развернуться, спуститься к Има-Рину и гордо покинуть кабинет. Но предпочла не отступать.

Некоторые выходили от «простуженного» профессора в приподнятом настроении. Другие — мрачнее туч, что угрожающе нависали над лестницей. Таймири опасалась, что окажется в числе разочаровавшихся.

— А вообще, не так страшна лестница, как ее малюют, — громко произнесла она, надеясь, что собственный голос придаст ей храбрости. Но, как выяснилось, лестница именно что страшна. Голос прозвучал тоненько, как будто пискнула мышка. И в нем совсем не чувствовалось уверенности. Туман сгустился еще сильнее, в голове вертелись нелепые мысли.

Подъем уже давно завершился, и теперь Таймири стояла на какой-то площадке. О том, что это площадка, судить было довольно сложно, поскольку вокруг клубился густой белый пар. И чем дальше — тем гуще. Знала бы Таймири, что сотворилось с ее внешностью, пока она была в тумане! На голове у нее уместился облачный тюрбан, под носом выросли небывалой длины усищи, а белая, почти как настоящая, борода опустилась до самой талии!

Когда она, наконец, выбралась на свежий воздух, ее запросто можно было бы спутать со стариком Хоттабычем, потому что туманный наряд (вместе с шароварами, из-за которых у нее не было возможности разглядеть свои туфли) остался при ней, в целости и сохранности.

— Тьфу, что за липучие облака! — разозлилась Таймири и принялась отряхиваться. — Издеваться надо мной вздумали?!

Она так усердно приводила себя в порядок, что не заметила, как перед ней появился юноша со свирелью, облаченный в белоснежную ризу и осиянный дивным светом.

«Тебе так важно, что на тебе одето?» — спросил он. Таймири вздрогнула, медленно подняв глаза.

— Вы?! Я ведь похоронила вас не далее как сегодня утром! — воскликнула она.

«Не волнуйся. Я всего лишь плод твоего воображения. Если б ты не думала обо мне днями и ночами, я бы не появился», — ответил Эльтер.

«Ах, вот оно что! — подумала Таймири. — Вот как сходят с ума те счастливицы, которые покидают Има-Рина с улыбкой на лице!»

«Ты не ответила на мой вопрос», — упорствовала галлюцинация.

«Да-да, разговоры с самим собой — быстрейший путь к умопомешательству...»

— Разумеется, мне важно, что на мне одето! Я же не хочу выглядеть, как чучело! — ответила Таймири.

«А тебе бы очень пошло, будь ты в странах за океаном», — сыронизировал Эльтер.

— Я слышала, там процветает рабство, и женщин там держат в неволе...

«А разве в данный момент ты не рабыня? — насмешливо возразил юноша. — У рабов нет воли — и ты безвольна. Рабы идут, куда им скажут. И ты идешь, но не сама, а следом за проводником».

— Откуда тебе знать, вольна ли я? — крикнула Таймири, — У меня всегда есть выбор. И я сама выбрала подняться на эту лестницу, понятно?!

«А это ты тоже выбрала?!» — грянуло из уст Эльтера.

Ее сбило с ног стремительным потоком и повлекло в расширяющуюся воронку. Не успела она опомниться, как очутилась в центре водоворота. Вода проникала в уши, заливалась в рот, мешала дышать... Очнулась Таймири в ледяной реке.

«Я умерла? Нет. Я брежу!» — подумалось ей. Течением ее уносило все дальше, она видела дно бурной реки, потому что плыла на животе, и — о чудо! — могла дышать, как будто у нее появились жабры. Но до чего же холодна была вода!

«Спокойствие. Главное не суетиться», — сказала она себе. Попыталась перевернуться на спину — и ей это удалось. Теперь, вместо каменистого дна, взору открылось небо, окаймленное ветками сосен.

«Это место так напоминает массив! Не удивлюсь, если я в реке Аламер».

Таймири проплывала мимо полуразрушенной плотины, когда край ее одежды зацепился за сук одного из бревен. Коченеющими руками, из последних сил, ухватилась она за спасительное бревно и продержалась так некоторое время. Но потом бурное течение набросилось на нее, точно голодный зверь, и потащило к водопаду. Водопад! Она слышала его приближение и ничего не могла поделать — лишь довериться плавучему дереву под локтями.

«Ты выдержишь это испытание!» — клокотала река.

«Ты выдержишь!» — твердил утомленный ум.

Таймири надорвано закричала, свергаясь в бездну и пропадая в клубах водяного пара.

То ли она воспринимала происходящее отрывками, то ли кто-то нарочно перематывал события, как киноленту, но теперь она ощущала спиной холодную гладь скалы из ледяного шпата, хотя минуту назад, кажется, разбилась о камни грохочущего водопада.

«Симуляция, — решила Таймири. — Плохонькое подражание. Что воссоздастся на этот раз?»

Ей не пришлось долго гадать — из-за скалы вышли белые тигры и, утробно рыча, обступили ее, показывая острые зубы.

— Какая приятная встреча! Я прямо пляшу от радости! — язвительно произнесла Таймири.

Она знала, что тигры ее не разорвут, а если всё-таки посмеют, то она непременно очнется в другом кадре, с другими декорациями.

— Ну, давайте, попробуйте, троньте меня!

Она видела, как двигаются лопатки на мохнатых спинах — так тигры разминаются перед прыжком.

«Ну, вот, сейчас. Наверное, будет больно. А может, я ничего и не почувствую...»

— Дочка, беги, спасайся! — крикнул кто-то. Дочка. Ее еще никогда так не называли. Вглядевшись в сереющий за тиграми лес, Таймири различила фигуру капитана Кэйтирона.

«Не может быть! — пронеслось у нее в голове. — Да как он посмел звать меня дочерью?! Ах, как же я его ненавижу!»

По всей видимости, тигры сочли капитана куда более аппетитным, по сравнению с

худосочной девушкой. Развернувшись, они медленно направились к Кэйтирону.

Бравада вдруг начисто растворилась в страхе, и Таймири проняло до кончиков ногтей: «Не стой! Залезь на какое-нибудь дерево, иначе они сожрут тебя!». Эти слова завязли у нее в горле. Она только и могла, что зажмуриться, чтобы не видеть, как погибает храбрый, но безрассудный капитан. Солнце внезапно померкло, и Таймири сползла на землю по гладкой скале. Из глаз заструились слезы... Она забыла, что это всего лишь искусная имитация ландшафта да игра воображения.

«Ты даже пальцем не пошевелила, чтобы помочь несчастному! — укорил ее голос Эльтера. — Помочь своему отцу!»

«Он мне не отец!» — крикнула Таймири сквозь слезы.

«Тогда почему ты плачешь?»

Она шла по иллюзорному лесу и заламывала руки.

«Я должна была простить его и принять... таким, как есть. У меня был шанс, но я его не использовала!»

— Знаешь, в чем главное призвание муз? — возникнув рядом, вкрадчиво спросил Эльтер.

Таймири взглянула на юношу и тут же отвела глаза — слишком яркий исходил от него свет.

— В том, — продолжил Эльтер, — чтобы дарить людям любовь. Нищим и бродягам, больным и убогим, опечаленным и обездоленным. Всем! Тем более родным. Сколь многое может сделать одна лишь улыбка! Один добрый взгляд способен выволить человека из плена тягостных дум!

— Я поняла, — перебила Таймири. — Вы пытаетесь воззвать к моим дочерним чувствам.

— Я? Да что ты! Меня не существует! Я живу в твоём подсознании... — И юноша растворился, точно призрак. (Но, собственно, он и был призраком.) А вместе с ним растворился и лес, и голубой адуляр под ногами. Таймири снова стояла на облаке, по щиколотку погружившись в мягкий, невесомый пух.

Лестница отыскалась сама собой, и по мере приближения к ее верхней ступени туман всё рассеивался, пока совсем не исчез.

Таймири почувствовала небывалое облегчение.

«Значит, это было не взаправду? Конечно! Я с самого начала знала, что кругом обман. Настоящие здесь только профессор да лестница».

Ей по-прежнему было неловко и приторно от мыслей о капитане. Однако теперь стало ясно одно: он для Таймири вовсе не пустое место. Да, пусть он когда-то бросил их с тетушкой на произвол судьбы, но ведь всему можно найти объяснение. Раз он их оставил, значит, так было нужно. Значит, так было полезнее и им, и капитану.

«Оттого, что я буду таить обиду, богатства у меня не прибавится, — неожиданно подумала Таймири. — Хорошего настроения тоже. Так почему бы не помириться?»

А еще ей подумалось, что если человек тебе дорог, то даже самому беспечному его поступку найдется оправдание.

С такими мыслями она сбежала с лестницы и, пропустив мимо ушей вопрос Има-Рина: «Ну, что?» — хлопнула дверью. Има-Рин бросил в сторону выхода недоуменный взгляд, однако уже через минуту морщины на его лбу разгладились, и он просиял улыбкой.

— Работает лестница. Хоть и стара, а справляется! Вот и еще одну музу окрылила.

Глядишь, скоро все ученицы крылышками обзаведутся... Ну, кто там следующий?! — позвал он, выглянув в коридор.

27. О наказаниях и злом роке

— Не кажется ли вам, что Таймири зачастила в пустошь? — обратилась ардикта к Кронвару, отодвигаясь от окна физической лаборатории.

— Кажется. Еще как кажется. А ведь музам строго-настрого запрещено выходить за ворота и тем более общаться с гостями! — заискивающе ответил Кронвар. Ему очень не хотелось получить выговор за неустройство в лаборатории, где он так и не успел убраться к проверке.

— Как бы нам ее приструнить, а? Что посоветуете? — холодно осведомилась Ипва.

— Кто я такой, чтобы давать советы верховному преподавателю! — с деланной скромностью воскликнул физик. — Вот если б я был советником, а заодно и управляющим...

Ипва воззрилась на него с высокомерным интересом.

— Дайте-ка, догадаюсь. Вы бы не подвели, не так ли?

— Я бы не подвел! Не подвел! — с готовностью подхватил Кронвар.

— Что ж, в таком случае, назначаю вас управляющим. Когда Таймири вернется, преподайте ей урок. Накажите хорошенько, поручите какую-нибудь грязную и муторную работу. Надеюсь, вы меня поняли.

— Отлично понял! Превосходно понял! Будет сделано! — заюлил тот. Проводив ардикту до дверей, он утер со лба пот и самодовольно улыбнулся своему отражению в заляпанном зеркале.

Новый управляющий не придумал ничего лучше, чем заставить Таймири разбить сад на том самом клочке земли, который она забросила вначале. Таймири, конечно, упиралась. Придумывала разные отговорки. Но Кронвара не проймешь, и если уж ему поручили ответственную должность, он из кожи вон вылезет, но указ в точности исполнит.

«Что может быть грязнее и муторней, чем целыми днями копать в земле? — думал физик. — Вот именно, ни-че-го! Эх, находчив я! Ипва останется довольна».

Провинившуюся музу поручили некоей Сатикоре, которая следила за порядком в «испытательной теплице». Она снабдила Таймири лейкой, лопаткой и пакетиком семян; показала, где брать воду, как готовить удобрения. Всё это производилось под такие тяжкие вздохи ученицы, что Сатикора не выдержала и обратила на нее свой грозный взгляд:

— Нет смысла вздыхать, а уж тем более распускать нюни! Сама напросилась! — произнесла она тем непререкаемым тоном, каким учителя младших классов отчитывают напавших детей. — Ты вроде бы взрослая, а простых правил не понимаешь...

— Да я в тот момент вообще не думала! — в порыве чувств воскликнула Таймири. — Разве с вами такого не случалось?

— Со мной? Никогда! — отчеканила Сатикора. — Я сердцу не доверяю и полагаюсь исключительно на холодный разум. Спонтанность до добра не доводит.

— Ах, не доводит?! — проговорила Таймири, оставшись наедине со своим необработанным участком. — А вот и неправда! Потому что примирение с родителями дело всегда доброе.

— Капитан, а, капитан? — поелозил Папирус. — О чем это вы с Таймири разговаривали?

— Не твоего ума дело! — пряча улыбку, буркнул тот.

— Ну, расскажи-ите! — стал канючить матрос. — Скучно же до невозможности! Библиотеку закрыли на ремонт, информации ноль, так может, от вас хоть каких новостей услышу?

— Ты меня скоро в табак сотрешь! — раздраженно воскликнул Кэйтирон. — Поди, поищи себе занятие! Хоть ковер возьми, выбей!

— Да-а, табак бы нам сейчас не помешал... — пробормотал Папирус и на цыпочках вышел за дверь, потому что капитан впал в глубокую задумчивость. Правда, Кэйтирон лишь сделал вид, что задумался. Едва Папирус скрылся, он вскочил с кресла и, пританцовывая, закружился по комнате. Радости у него было хоть отбавляй. А всё оттого, что его наконец-то посетила муза. Да не просто муза — родная дочь.

— Она простила меня, простила! — повторял он вслух. — На старости лет я снова счастливый отец!

Натанцевавшись до упаду, он рухнул в кресло и стал припоминать все подробности того неожиданного визита.

«Явилась, как снег на голову, в каких-то обносках. Я уж подумал, стряслось что. А она мне с порога: «Глупая я была, отец! Того, что имела, не ценила! Ты уж не держи зла на меня, неразумную!»

Видно, в мастерской-то ей мозги вправили. Или, как там говорится, затронули тонкие струны души... Капитан был не мастак по части лирических отступлений. Так или иначе, Таймири одумалась.

... «Прибежала взволнованная, сама не своя, — вспоминал Папирус, прохаживаясь по дорожке рядом с флигелем. — Мне, говорит, с капитаном повидаться нужно. Тут Папируса, конечно, попросили... Нет, я-то не против! Просто подумал, что дело в свитке и в загадке с лестницей. Видимо, ошибся».

К вечеру народа в «испытательной теплице» стало прибывать, и Лирое, которая сбежала с занятий специально затем, чтобы больше времени провести со своими растениями, приходилось всё чаще подниматься с колен, чтобы уступить ученицам межу. Музы сновали между участками и никак не могли уgomониться. Одной понадобился шланг, другой — удобрения. Все были чем-то заняты. Кто пропалывал грядку, кто с ведерком шел за водой, кто щелкал секатором, обрезаая кустики самшита. Лишь одна муза не подавала признаков жизни. Хотя совсем недавно, Лироя могла бы подтвердить, вскапывала свой огород так рьяно, словно хотела вымолоть землю в муку. Таймири — а это была именно она — снова всех ненавидела. Причем на первом месте в ее черном списке значился Кронвар. Она не могла взять в толк, как другие ученицы могут возиться в грязи и получать от этого удовольствие. Вначале она скрежетала зубами и, не щадя сил, пыталась показать свое отвращение к «копанию на грядке». Однако вскоре усталость взяла верх: Таймири поникла и мало-помалу задремала. Она не сразу отреагировала, когда ее окликнули.

— Эй, тетеря ты сонная, здесь не самое подходящее место для спанья!

— На-нарилла? — вздрогнула та. — Ты ведь та девушка из библиотеки?

— Она самая, — прищурилась Нарилла. — Вот уж кого-кого, а тебя я ожидала здесь увидеть меньше всего. По-моему, уже вся мастерская знает, что ты рьяная противница садоводства.

— Думаешь, я по своей воле горбачусь? Меня наказали за частые отлучки, —

проворчала Таймири, сдувая с лица мешающую прядь. — Глянь, во что превратились мои руки! — пожаловалась она. — А мне, представь, до ночи тут пахать.

— Да-а, — протянула Нарилла. — Не понимаю я тебя. Выращивать цветы — мечта любой музы.

— А кто сказал, что я муза! — вспылила Таймири. — Меня сюда притащили насильно. Я даже убежать пыталась.

— Вот как? — хмыкнула та. — Сбежать из мастерской не так-то просто. За воротами полно препятствий, одно из которых ты, кажется, устранила.

Таймири вспомнила об Эльтере и сверкнула на Нариллу глазами из-под черных ресниц.

Тем временем по одному из мрачных и таинственных коридоров быстро шагала Ипва. Полы ее рваного, запачканного кровью халата воинственно развевались позади. Она надеялась застать Ризомерилла в столовой, а Ризомерилл как раз уплетал за чаем третий бисквит с корицей и уж никак не думал, не гадал, что к нему на чай придет сама ардикта. Да не просто придет, а внезапно возникнет за спиной, спугнув и аппетит, и расположение духа.

— Вам постучать? — участливо спросила Ипва, когда Ризомерилл зашелся диким кашлем, подавившись крошкой бисквита. Вместо ответа она услышала лишь сипение и, недолго думая, ударила философа кулаком по спине.

— Спа... спасибо! Так-то лучше! — с усилием произнес он. — Ох, и любите же вы устраивать сюрпризы!

— Для вас этот сюрприз был явно не из приятных, не так ли? — ответила Ипва с металлической интонацией в голосе. По этой интонации философ понял, что на поблажки нечего и рассчитывать. — У меня к вам дело.

«Ах, вот оно что! Всем обязательно что-нибудь нужно от старого, доброго Ризомерилла. Теперь уж мне нипочем не отвертеться!» — с огорчением подумал философ, а вслух сказал:

— Весь к вашим услугам.

— Мне нужно кое-кому отравить жизнь, — тут же призналась Ипва и, понизив голос, добавила: — В рамках научного исследования, разумеется.

— О, разумеется! — поддакнул Ризомерилл, решив, что она шутит.

— Это не розыгрыш, друг мой, — сказала ардикта, сверля его взглядом. — Если вы не согласитесь, придется подыскать вам замену... Кардинальную замену, разумеется.

— О, разумеется... — пробормотал философ, догадавшись, куда она клонит. — Я согласен.

— Мне нравится ваш подход к делу, — с удовлетворением сообщила Ипва. — Итак, от вас требуется проникнуть в комнату Таймири и спрятать в ее подушке эти травы, — сказала она, протягивая философу пучок сухих листьев. — Для удобства можете их измельчить.

— А почему именно Таймири? И что будет, если она зайдет, в то время как я... ну, вы понимаете...

— Вопросы излишни. В случае провала пеняйте на себя.

Ипва была непреклонна, перечить ей было бессмысленно, поэтому Ризомериллу только и оставалось, что покорно кивнуть.

«У меня предчувствие, что в случае провала я сам стану чем-то вроде подопытной крысы...» — мрачно подумал он.

Когда он вернулся к себе, на него набросилась извечная подруга и союзница — апатия. Сковала стойка, согнула, оплела... и жизнь ему вдруг стала не мила.

Сэй-Тэнь и Минорис бежали без оглядки. Луг остался далеко позади, а вулкан всё не унимался, и его зловещее гроыхание разносилось по всей округе.

— Что... происходит? — хватая ртом воздух, крикнула Минорис.

— Боюсь, это конец света! Их света! — бросила Сэй-Тэнь. — Надеюсь, Норкладд разъяснит, в чем дело...

Норкладд, окруженный притихшими ребятами, настороженно смотрел в окно. Завидев подруг, он выбежал на крыльцо и сделал им знак поторапливаться.

— Вы уже в курсе? — с места в карьер спросила Сэй-Тэнь.

— Я знал, что так случится, — коротко ответил он. — Возможно, это ложная тревога. Но, кто знает, вдруг вулкан разошелся не на шутку?

— Там пастух на лугу, с овечками, — напомнила Минорис. — Мы его обнадежили.

— Мы сказали, что вернемся с вами и вы что-нибудь придумаете, — пробубнила Сэй-Тэнь.

— Вы, правда, так сказали? — опешил Норкладд. — О, я несчастный! Что я-то могу придумать?!

Сэй-Тэнь залилась краской.

— А ваши часы? Это ведь портал, верно? — нашла Минорис.

— Верно, — пробормотал тот. — Молодчина! Не будем же тянуть резину. Все на луг!

По пути к выпасу Сэй-Тэнь несколько раз приставала к нему с вопросом, кто же всё-таки создал Ланрию, а он знай отмалчивался. Собравшись, наконец, с мыслями, поведал он ей вот какую историю:

«Жила-была на свете чудесная девушка Вернале. Она жадно постигала науки в мастерской счастья Лисса, и учителя не могли ей нарадоваться. Единственной, кому не по нутру пришлась ученость Вернале, была Ипва, которая отчего-то всеми силами старалась отвадить талантливую ученицу от пагубного, по мнению ардикты, пристрастия к естествознанию. А пристрастие это было до того сильным, что позволило Вернале разгадать тайну зарождения жизни и вернуть плодородие земле вокруг училища. Это был первый шаг, и он поверг Ипву в трепет. Когда же на возле мастерской вырос дивной красоты сад, ардикта ополчилась на юную волшебницу и задумала сад погубить. Перепробовала она все возможные способы: и саранчу, и невероятный зной насылала, и поливала кислотой корни деревьев... Да только без толку всё. Сад выстоял и даже еще разросся. Ипва была в ярости.

«Хватит нянчиться с этой особой! — сказала она себе. — Лишу-ка я ее дара врачевать природу. Лишу — и выгоню из училища!»...»

— Не могу поверить! — перебила Норкладда Минорис. — Неужели Ипва была на такое способна?

— Она и сейчас способна, — заметил часовщик.

— А что было потом? — полюбопытствовала Сэй-Тэнь. — Вернале изгнали?

— Не совсем. От худшей доли ее избавил ваш покорный слуга, — ответил Норкладд. — Я в то время работал в мастерской и, прознав о намерении ардикты, предупредил Вернале. Тогда она сама решила уйти, не дожидаясь, пока Ипва отнимет у нее силы. Конечно, она не забыла своих благодетелей, то есть меня и нескольких моих товарищей, и создала страну, куда мы переселились, подальше от глаз Ипвы. Узнав о бегстве, верховная преподавательница разбушевалась и сгоряча предала страну Лунного камня проклятию. «Пусть не дают посевы всходов на истощенной земле! — повелела она. — Пусть птицы забудут дорогу в заброшенный край! Пусть знают: это всё, Вернале, из-за тебя!». В стране

Лунного камня изгнанницу прозвали Вестницей Весны, и ей до сих пор не удалось разрушить мощные чары ардикты...

— Вестница Весны? Мы ее видели! Она бродит по пустыне в одиночестве, а люди ее презирают... — сказала Сэй-Тэнь.

— Но ведь земля стала неплодородной задолго до того, как Ипва наложила это ужасное проклятие? — уточнила Минорис.

— Верно. Но никто не знает, что явилось первопричиной катаклизма...

А между тем новый катаклизм надвигался с ужасающей быстротой. На юге, над зубчатым краем леса, постепенно разрастаясь и затмевая собою небо, повисло черное клубящееся облако.

— Я чувствую, как земля дрожит, — подал голос Фильтр.

— Ой, мне страшно! — тоненько пропищал Марике и вцепился в руку учителя.

— Давайте поторопимся! До пастбища уже недалеко, — сказал Норкладд. — А у страха глаза велики. Кроме того, у меня есть план.

При этих словах детвора мгновенно оживилась.

— А вот и стадо! — воскликнула Минорис. — Успели!

Пастушок уже бежал им навстречу. Он размахивал руками и что-то кричал, но из-за усилившегося рокота его невозможно было расслышать.

Земля сотрясалась пуще прежнего, а воздух из хрустального сделался мутным — в нем появились частички пепла.

— Вы спасете нас? Меня и моих овец? — выговорил пастух. Он чуть не налетел на Норкладда, споткнувшись о булыжник у дороги.

— Я постараюсь спасти вас всех! — ответил тот. — Если выбирать из двух зол меньшее, то уж лучше вам, друзья мои, немного потеснить Ипву в ее мастерской, чем погибнуть от извержения огненной горы.

— Уверена, Ипва поймет, — сказала Сэй-Тэнь.

И в это мгновение со звуком, похожим на взрыв торпеды, в небо над лесом взметнулась лавовая пробка, которая долгие годы закупоривала жерло дремавшего вулкана. Вершина горы разверзлась с оглушительным ревом, точно пасть исполинского чудовища. Друзья бросились ничком на землю, прикрывая головы, — как раз вовремя: сверху на них посыпались мелкие обломки горных пород. Овцы разбежались, и когда пастушок поднял глаза, то обнаружил, что на лугу остался один только Лорик. Барашек с трудом держался на трясущихся ногах и жалобно блеял.

— О нет! — вскричал пастух и, вскочив, метнулся к своему любимцу. — Моё стадо! Я соберу его, во что бы то ни стало!

Он вернулся на дорогу под градом обломков, и, не обращая внимания на сочащуюся из руки кровь, передал барашка Минорис. Пастух не находил себе места: то он порывался бежать через луг, то какие-то силы влекли его назад, к Лорику, присмирившему в руках чужеземки.

— Каменный дождь стихает, а солнца по-прежнему не видно, — сказала Сэй-Тэнь. — Норкладд, что там с механизмом часов?

— Часы исправны! Вот, сейчас я переведу стрелки...

В глазах Фильтра застыл ужас, и, когда остальные мальчишки посмотрели в ту же точку, куда был устремлен взгляд их товарища, у них из груди одновременно вырвался крик: в этой катастрофе им не уцелеть. Вершина вулкана увенчалась гибельной, ржавой короной из

магмы, и раскаленные лавовые потоки устремились в долину, сметая всё на своем пути.

— Бегите, приведите сюда своих отцов и матерей! Портал вот-вот откроется, — обратился к детям Норкладд.

— Слишком поздно! — ответил кто-то.

— Наши дома далеко, и мы не успеем.

— Правду говорят: без пастуха овцы не стадо! — всплеснул руками пастушок. — Надо срочно их найти!

Он сорвался с места и, что было духу, помчался по суходолу.

— Стой! Они в лесу, а лес сейчас затопит лавой! — крикнула ему вдогонку Минорис. Но ее призыв не мог соперничать по силе с теми звуками, что исходили из кузницы вулкана. — Позвольте мне вернуть его! Он сошел с ума! Это же верная смерть!

Сэй-Тэнь тронула ее за плечо.

— Ты ничего не сможешь поделать. Уже ничего...

Они видели, как мощная лавовая волна накатилась и скрыла под собой часть лесной опушки, поглотила пятую часть луга и стала неумолимо приближаться к дороге.

— Портал открыт! — объявил Норкладд. — Давайте-ка, ребятки, поживее в фонтан!.. Сэй-Тэнь, помоги расширить проход! Только ты знаешь, как это делается.

Он держал распрямленную руку на уровне плеч, пока Сэй-Тэнь постепенно углублялась во временной коридор. Этот трюк едва ли произвел на детей большее впечатление, чем грохочущий вулкан. Они тревожно переглянулись:

— А как же вы, мастер? Ведь вы пойдете с нами?

Ох, как же Норкладду хотелось оттянуть этот миг, отсрочить жестокое признание! Он никогда не войдет в портал.

Молчать, когда на тебя трогательно смотрят десятки детских глаз, — невыносимо. Он даже не представлял, как сильно эти озорники его любят.

Соврать? Соврать Норкладд не мог по одной простой причине: он не знал, как это делается.

— Запаситесь мужеством, друзья! Не думайте обо мне. Спасайтесь сами! Часы работают лишь на моей руке. Стоит расстегнуть ремешок, и всему конец.

— Учитель, — выступил вперед малыш Марике, — без вас мы не двинемся с места!

Его тут же поддержали остальные.

А горячее лавовое месиво всё подступало и подступало, сжигая каждый сантиметр земли, заполняя овраги и канавы. В воздухе витал дух смерти — смрадный серный дым.

— Нет, так нельзя! — воскликнула Сэй-Тэнь. — Ребятки, очнитесь! К чему бессмысленная жертва? У вас впереди вся жизнь! Ступайте в проход, а с Норкладдом мы уж как-нибудь разберемся.

Часовщик прервал ее всего одним пронзительным взглядом, и она прочитала по его губам: «Нет».

— Но ведь должен быть какой-то выход! — не сдавалась Сэй-Тэнь. — Что, вы так запросто отдадитесь на волю судьбы?

Мальчишки сложили руки крестом на груди и насупились.

— Послушай, — произнес Норкладд, — я бы очень хотел, чтобы они избежали злого рока, но, как видишь, уговорам они не поддаются.

— Мы вас не бросим! — храбро проговорил Маттео.

— Ни за что! — отставив ногу, изрек Фильтр.

— И никогда! — подхватил Марике.

Сэй-Тэнь прослезилась и судорожно всхлипнула.

— Да как же я могу вас, таких хороших и преданных, насильно загнать в портал?! Может, мне взять пример с вас... и через минуту превратиться в мумию?

Тут кто-то потянул ее за рукав.

— Давай, скорее! Время не ждет! — прохрипела Минорис, наполовину высунувшись из портала. Сернистый газ ожег ей горло.

— А вот куда я не пойду! — заупрямилась Сэй-Тэнь. Но почувствовав, как ее ступни опалило огнем, мгновенно передумала и прыгнула в портал. Она отдавила Минорис ногу, и обе они чуть не свернули себе шеи, кубарем скатившись в фонтан. Тогда и только тогда Норккладд щелкнул крышкой часов.

— Крепитесь, друзья, — сказал он, сдерживаясь, чтобы не застонать от боли. — Конец — это лишь начало...

28. О вездесущем философе Каэтта

Нерадивая муза сидела на корточках, вычищала грязь из-под ногтей и хлюпала носом.

— Куда подевалась Сатикора? Все разошлись, а мне здесь, что, до утра куковать?

Оставив влажный след, по щеке скатилась слеза. А потом еще, и еще. Действительно, почему бы не поплакать, пока никто не видит?

Таймири рыдала в три ручья, орошая огород своими слезами — огород с ровно прочерченными бороздками и посаженными семенами гвоздики.

— Я не вправе уйти, пока Сатикора меня не отпустит! Иначе сегодняшний день не зачтется и мне прибавят сроку! — убивалась она. — Скоро полночь...

— А в полночь происходят чудеса, — загадочно проговорила Лироя, присев рядышком. — Вытри слезки. Глянь, какое чудо ты только что сотворила!

— От-откуда ты? — растерянno пробормотала Таймири и уставилась на зеленеющую борозду. Она не могла связать и двух слов.

Отороченные мелкими листочками, поднимались над землей тонкие стебельки. Завивались, распрямлялись, утолщались — как при быстрой съемке.

Таймири вяло улыбнулась.

— Признайся, Лироя, ты нарочно окропила землю каким-нибудь средством, чтобы меня утешить.

— Ничего подобного! — отрезала та. — Во всём училище не раздобыть такого средства, которое бы ускоряло процесс прорастания. Так что этим маленьким чудом ты обязана не какой-то там несуществующей жидкости, а самой себе.

— Когда вокруг тебя чуть ли не каждый день происходят странные вещи, рано или поздно привыкаешь, — пробормотала Таймири и ухватила за руку Лирои, чтобы встать.

Сатикора предстала перед полуночницами не в самом ухоженном виде: нижние края ее халата были оборваны, белые оборки на воротнике замяты и запачканы, в волосах точно буря пронеслась, а улыбка на лице даже и не ночевала.

— Ну что, будем закругляться? — спросила она. В ее ледяном тоне проскользнуло пренебрежение.

— Конечно, конечно, мы уже уходим, — заторопилась Лироя и подтолкнула Таймири к выходу. Но та немного помедлила.

— Извините, а вы не отметите меня в журнале? — робко поинтересовалась она у Сатикоры. Смотрительница теплицы скорчила недовольную гримасу.

— Как будто я без вас не знаю, что должна делать! — надменно произнесла она. — Все вообразили, будто у Сатикоры в одно ухо влетает, а в другое вылетает! Следите лучше за собой. Идите уже, идите!

Она поспешно выпроводила учениц за дверь, прислонилась лбом к холодной штукатурке стены и проворчала:

— Ох уж этот мне сепаратор! После каждого сеанса приходится снова и снова собирать себя по крупицам. Неужели атомарным музам суждено вечно распадаться на атомы?!

— Кончай ворочаться! — шикнула на Таймири тетушка Ария. — Сама не спишь и другим не даешь!

— Ну, не спится мне. Что поделать?! — раздраженно отозвалась племянница.

— А коль не спится, возьми да погуляй по саду!

...В саду было свежо, и Таймири пожалела, что не прихватила из комнаты свитер.

— Я так устала, что с ног валюсь, а глаз не сомкнуть! — пожаловалась она Ниойтэ, добравшись до ворот. Закутанная в одеяло Ниойтэ сняла чепчик, который был надвинут ей на глаза, и зевнула.

— Со всяким случается, — сказала она, откинувшись на спинку стула, приставленного к каменной ограде. — Со мной тоже пару раз бывало. Но априорте спать не положено. Априорта должна бодрствовать круглые сутки. Знаешь, как я приспособилась? Приучила полушария мозга работать порознь: когда левое отключается, правое в действии, и наоборот. Конечно, порой, по старой привычке, тянет на боковую... Так я однажды и попалась: Ипва меня звала, звала, да не дозволялась и принялась расталкивать. Ох, и высыпала ж она мне тогда!

— Твой мозг почти всегда отдыхает, а у меня в мыслях настоящее стихийное бедствие! — сказала Таймири. — Надо дать мыслям устояться, но для этого нужен сон.

— Другой вариант — поделись наболевшим с другом, — подмигнула Ниойтэ. — Поразвлеки меня малость. Скучно весь день без новостей сидеть... На вот, возьми плед, а то простудишься.

Таймири примостилась на краешке стула и стала рассказывать:

— Мне в руки попал древний свиток, где говорилось, что столбы адуляра — это превращенные деревья, и если столбы почернеют, то деревьям нам вовек не видать. Сначала я думала, что не всё потеряно и что, если как следует позаниматься, возродить природу удастся в два счета. Но потом оказалось, что на это способна лишь Вестница Весны...

— Не говори мне, пожалуйста, о Вестнице! — воскликнула Ниойтэ. — Я лично видела, с каким позором ее изгнали из мастерской. В тот день Ипва прилюдно провозгласила, что отныне Вестнице в училище ход закрыт... Но постой-ка минутку. О каком свитке идет речь?

— Папирус, помощник отца, обнаружил его в библиотеке и принес мне.

— А что если Папирусу свиток подсунули? Нарочно, чтобы тебя запутать?

— Не думаю. Да и кому бы это могло понадобиться? Его подлинность не вызывает сомнений. Во-первых, корни старого дерева в пустоши частично окаменели и приобрели лазоревый оттенок. А во-вторых, в свитке упоминалось о лестнице, ведущей в никуда, и о ее владельце, которого я видела собственными глазами. К тому же, мои слезы. Стоило мне полчаса поплакать над грядкой, как семена проросли.

— Слезы? — оживилась Ниойтэ. — Точно, слезы! Я вспомнила! Только никому не проговорись! Вестница Весны доверила мне важную тайну, и если о ней кто-нибудь узнает...

— Не беспокойся. Я лучший хранитель секретов, — обнадежила ее Таймири.

— Тогда слушай. Утром, в день изгнания, Вестница призналась, что, после того как она создала сад вокруг училища, — да-да, и не смотри так; именно тот самый сад, где мы с тобой находимся, — в общем, с тех пор ей не удалось вырастить ни одного, даже самого жухлого растения. Она не могла подозревать никого конкретно, но сказала, что если виновник ее неудач раскается, слезы раскаяния станут целительным бальзамом для всего нашего края. Думаю, без Ипвы не обошлось...

— Ба! Что я слышу! — воскликнул Каэтта, отделяясь от стены. — Сплетни?

— Что вы, профессор! — побледнела Ниойтэ. — Никаких сплетен. Всё чистая правда.

Таймири чуть не упала со стула. Как долго этот мистер-Внезапность дежурил за их спинами?

— Вы что же, испугались? — попечительно осведомился Каэтта, поддерживая за локоть потерявшую равновесие Таймири.

— Н-нет, — пробормотала та. — Просто в черном капюшоне и длинном плаще до пят вы здорово смахиваете на мрачного жнеца.

— Позвольте полюбопытствовать, дорогая Ниойтэ, — обратился Каэтта к привратнице. — Неужто вы полагаете, будто здесь замешана Ипва?

— Я этого не утверждаю, — смущенно сказала априорта. — Просто чувство...

— На вашем месте я бы не руководствовался одними чувствами, — скользнув по привратнице колючим взглядом, ответил тот. — Без доказательств ваши заявления пахивают клеветой. А с клеветниками в старину разговор был короткий.

Ниойтэ мелко задрожала, но тут же взяла себя в руки.

— Мне пришлось упомянуть ее имя исключительно затем, чтобы разъяснить ситуацию Таймири. А вы подслушали всё до единого слова, и теперь вам тоже известна тайна Вестницы Весны... Ой, мамочки, что же делать?! — спохватилась она.

— Я вам не враг и тайны не выдам. Но и вы пообещайте, что впредь будете аккуратно обращаться с именем верховной преподавательницы.

— Обещаем, — сказала Таймири, виновато склонив голову. Когда она выпрямилась и огляделась, господина Каэтта уже не было. Он исчез.

Таймири вопросительно взглянула на Ниойтэ:

— Так, и что теперь?

— Теперь у нас есть новая тема для обсуждений и... сплетен, — выдавила из себя привратница. — Вот скажи, почему Каэтта так тревожится за честь Ипвы? Что их связывает?

— То же, что связывает с ардиктой других преподавателей: трудовой договор, — отшутилась Таймири.

Минорис молча отжимала над чашей фонтана край платья, а Сэй-Тэнь с огорчением осматривала оплавившиеся подошвы своих туфель и вздувшиеся на пятках волдыри, не представляя, как будет теперь ходить. Что ж, это ненадолго отвлечет ее от более грустных мыслей.

Лорик резвился в воде фонтана, такого освежающего, прохладного... «Не то, что этот кипящий ад под названием Ланрия», — заметила бы Минорис, будь у нее голос. Но вулканический газ, который не причинил особого вреда ее подруге, отчего-то сильно навредил ей самой, и сейчас каждое слово давалось ей с трудом.

— Это я во всем виновата, — сказала наконец Сэй-Тэнь. — Если бы я не задержала Норкладда со своими расспросами, ребят еще удалось бы спасти.

— Ты сделала, что могла, — с усилием прохрипела Минорис.

Сэй-Тэнь прикрыла ей рот ладонью:

— Молчи, тебе нельзя напрягать связки! А мне надо как-то привязать Лорика, чтобы не убежал...

Минорис выразительно посмотрела на тонкий пояс на талии подруги.

— А что, ведь это выход! — обрадовалась та и принялась спешно развязывать бант. Через минуту барашек был уже на поводке.

Теперь перед ними во всей своей неразрешимости встала другая проблема: как добраться до комнаты незамеченными? При желании любой житель мастерской сможет выследить их по мокрым следам. Если учесть, что одна авантюристка, без преувеличения,

инвалид, а другая остро нуждается в помощи врача-отоларинголога, то Ипве не составит особого труда притащить обеих в свою лабораторию и вырвать из них признание. Ко всему прочему добавляется овца, которая уж точно привлечет всеобщее внимание.

— Да уж, без чуда здесь не обойтись, — почесывая затылок, проронила Сэй-Тэнь.

— Чудо заказывали? — звучно осведомился господин Каэтта, появляясь из-за фонтана в своем черном плаще. Челюсть у Минорис отвисла чуть ли не до пола, Лорик потерянно заблеял, а Сэй-Тэнь от испуга едва не свалилась обратно в воду.

— Извиняюсь за неожиданное вторжение, но у вас тут, кажется, небольшая неприятность... и баран, к тому же... — криво улыбнулся Каэтта. — Я мог бы вам помочь.

— Правда? — сощурилась Сэй-Тэнь. — А Ипве не расскажете?

Философ всплеснул руками:

— И они туда же! Неужели я так похож на доносчика?!

— Вы вполне могли бы стать профессиональным шантажистом, — хихикнула Сэй-Тэнь. — Шучу я, шучу! Так какую услугу вы хотели нам оказать?

И тут философ несколько сконфуженно предложил ученицам воспользоваться своим плащом-невидимкой.

— Плащ-невидимка? — удивленно переспросила Сэй-Тэнь, в то время как ее безмолвная подруга буравила философа ледяным взглядом. — Ого! А я думала, такое бывает лишь в сказках!

— К счастью, нет, — сказал господин Каэтта, и на его лице промелькнула тень улыбки. — Вчера и сегодня я только тем и занимался, что испытывал его волшебные свойства. Могу смело утверждать: испытания он прошел успешно. Если им накрыться, даже самый зоркий наблюдатель вас не заметит.

— Отлично! — воскликнула Сэй-Тэнь. — Как нам вас отблагодарить?

— Угостите меня чаем. Зайду к вам вечером, — обезоруживающе улыбнулся тот. Минорис представила, как он безмятежно попивает чай у нее в комнате, и ее передернуло. Единственным, кого она предпочла бы никогда не видеть, был Каэтта.

Когда он удалился, Сэй-Тэнь и Минорис переглянулись.

— Как только попадем в комнату, позову врача, — сказала Сэй-Тэнь и вдруг нахмурилась. — Но почему тебя трясет? Ты простыла?

Минорис отчаянно помотала головой.

— Не простуда? Тогда неужели из-за него, из-за философа?

Минорис поколебалась, прежде чем утвердительно кивнуть.

— Ну, да. Еще бы! После того, как ты брала у него уроки на яхте Кэйтиайрона... — Сэй-Тэнь запнулась, уловив на себе пристальный взгляд, который как бы говорил: «Душу не трави, и без тебя тошно». — Ой, прости, прости! Больше ни слова об этом. Уйдем отсюда, пока нас не застала Ипва.

Широкий плащ вместил всех троих, причем Лорику досталось место под капюшоном.

«Плащ надо будет непременно постирать, — думала Сэй-Тэнь, еле передвигая ноги, к которым словно приложили каленое железо. — За доброту нельзя платить черной неблагодарностью. И если капюшон будет вонять... овцой, вряд ли Каэтта захочет принять свое одеяние обратно».

Пока Минорис записывала названия лечебных трав под диктовку местного доктора, Сэй-Тэнь кропотливо выстирывала в ванной плащ. Специально для этой цели она подобрала самое душистое мыло и, стоя на коленях, так усердно терла черную ткань, что заработала

себе мозоли на руках. Окончив работу, уселась на холодный плитчатый пол и запрокинула голову. На побеленном потолке крутились темноватые змейки, шныряли из угла в угол полупрозрачные паучки и расцветали невиданные травы. Она поскорее закрыла глаза, но змейки и паучки не исчезли.

В это время в ванную зашла Минорис. Без единого слова подняла подругу с пола и с горем пополам дотащила до дивана.

— Вот, — потрясла она исписанным листком. — Будем лечиться вместе. Я буду спасать свое горло, а ты — обрабатывать волдыри и мозоли.

Потом весь остаток дня Минорис бегала в сад и в теплицу за травами, на кухню за разрешением занять конфорку (на что повар милостиво согласился).

В комнату она уже не бежала, а почти ползла, неся тяжелую кастрюлю с остывшим отваром.

— Вам помочь? — спросил кто-то у нее за спиной. Каэтта! Его голос ни с чем не спутаешь. Вот ведь напасть!

Он взял кастрюлю из рук Минорис и двинулся вперед. До заветной двери оставалось еще десять шагов. Девять. Восемь. Семь. Лишний вздох смерти подобен. Шесть. Пять. Четыре. Как хорошо, что Минорис можно молчать! Три. Два. Один. Она берется за изогнутую ручку.

Сэй-Тэнь привстала с дивана и тут же плюхнулась обратно.

— Не ожидала увидеть вас так рано! — воскликнула она. — Да еще с лечебным отваром. Спасибо, что поднесли.

— Сущие пустяки! — сказал философ, опуская кастрюлю рядом с диваном. Минорис тотчас вооружилась черпаком и сделала несколько глотков.

— Ну как? Действует? — поинтересовалась Сэй-Тэнь.

— Теперь мне гораздо лучше, — кивнула та.

Каэтта уселся в кресло и озабоченно оглядывал комнату, пока Сэй-Тэнь его не окликнула.

— Ваш плащ, — нерешительно проговорила она. — Его пришлось постирать. Мы были страшно грязные. Кроме того, Лорик... У овец специфический запах, вы же понимаете...

— Где он? — насторожился Каэтта. — Где плащ?

— В ванной. Сохнет, — сглотнула комок Сэй-Тэнь.

Философ опрометью бросился в указанном направлении. На веревке сушился его драгоценный «исчезательный» плащ и всю благоухал ромашкой. Вопреки опасениям, он нисколько не уменьшился в размере.

— Надо бы проверить, не утратил ли он волшебных свойств, — пробормотал философ, набрасывая на голову капюшон. Из ванной он вышел царственной походкой и выглядел что-то уж больно надменным. Как будто его только что короновали на царство. Минорис и Сэй-Тэнь сделали вид, будто ничего не произошло. Тогда Каэтта изысканно поклонился и стал выделывать руками странные пассы. Ноль реакции. Осмелев, он принялся корчить рожи, и вот тут-то обе стали безудержно хохотать, чем привели его в сильнейшее замешательство.

— Что, разве меня видно? — удивился он, краснея.

— А почему... вас должно быть... не видно? — сквозь смех спросила Сэй-Тэнь. Заметив, что Каэтта хмурится, она постаралась вести себя сдержанней, но, несмотря ни на какие усилия, уголки ее губ все равно чуть-чуть подрагивали. В конце концов, Сэй-Тэнь не выдержала и разразилась таким хохотом, что философ, в высшей степени оскорбленный,

выскочил за дверь.

«Какое унижение! — думал он, унося с собой испорченный плащ. — Какая черная неблагодарность!»

А Сэй-Тэнь не перестала хохотать даже после его ухода, и скоро ее нервный смех перешел в рыдания. Не зная, что делать, Минорис просто сидела рядом и подавала ей носовые платки. Когда на журнальном столике скопилась приличная гора носовых платков, Сэй-Тэнь обвела комнату затуманенным взглядом и хрипло произнесла:

— Нет мне прощенья! Норккладд и ребята погибли по моей вине, и я должна была сгинуть вместе с ними. Ох, Норккладд! Ты подарил мне столько чудесных мгновений! А я? Как я тебе отплатила?! Это не жизнь теперь, а одна сплошная боль...

Она застонала. Сперва почти неслышно, а потом всё громче и громче. Казалось, еще немного — и Сэй-Тэнь провалится в бездну отчаянья, откуда нет пути назад. Подскочив, как ошпаренная, Минорис бросилась вон из комнаты, чтобы позвать на помощь.

Ланрия была разрушена, сожжена, испепелена. Ланрии настал конец. Дома, луга, озера и реки покрылись коркой застывшей лавы. Небо застлала громадная сизая туча, и подчас могильную тишину прорезывал скорбный вой великанов, которым без крошечных друзей-людей было безмерно одиноко и тоскливо. Великаны мало пострадали от извержения, разве что их большущие сапоги пришли в негодность, побывав в горячей лаве. Они могли подняться над нависшим облаком пепла, и солнце могло бы светить для них, как прежде. Но что им солнце! Куда этому солнцу тягаться с теми тысячами солнц, что пламенели в сердцах жителей Ланрии!

Неужто великаны так и будут неприкаянно бродить по обезлюдевшей земле? Неужто до конца времен будут слышны их душераздирающие вопли?..

Великан Орг трепетно, двумя пальцами поднес к лицу серебряные часы с цепочкой, которые Норккладд успел починить и вручить хозяину до того, как произошло извержение. Часы мелодично пробили полдень.

«Полдень!» — зашептались нетронутые макушки елей.

«Полдень?» — удивился ветер и полетел разметать пепельную мантию неба.

«Полдень, полдень!» — содрогнулась земля. И растрескалась корка. Эту корку пробил кулак человека, нового человека, сильного человека. И в его груди искрились тысячи солнц. Он стал неуязвим. Он закалился в горниле испытаний. Этот человек был Норккладд, и он был не один. Вместе с ним из могилы восстали обновленные жители Ланрии.

— Ты гляди! — воскликнул Фильтр, пробившийся сквозь лавовую скорлупу. — Моя кожа отливает золотом!

— И моя! — обрадовался Марике.

— И моя! — стали вторить остальные.

— А твои волосы! Они цвета спелого кофе!

— Зрелой вишни!

— Ржаных колосьев!

И мальчишки принялись прыгать, высоко-высоко, словно кто-то поставил для них огромный батут. И смеяться — так задорно, так звонко, что от их смеха в небесной выси стали вновь заливаться птицы.

Люди пели и ликовали, дружный хор гремел на каждой улице. А у Норккладда в глазах светилась печаль: он потерянно взирал на расколотый циферблат наручных часов.

— Эх, не свидимся мы больше, Сэй-Тэнь, — пробормотал он. — Не горюй обо мне...

Дети взялись за руки, подбежали к учителю, и они всей компанией двинулись через луг. А в лесу, под деревом, одиноко сидел пастушок и не мог утешиться, потому что его овцы так и не нашлись. Что, если они не сумели выбраться из-под затвердевшей лавы? Что, если животные не претерпели волшебного превращения, подобно людям? Какую тварь он будет теперь пасти? Голь вокруг, ни травинки, ни ящери. Ни жучка, ни комарика. Только дивные птицы парят в вышине.

— Пропадем мы, народ эры огненной, пропадем без еды и воды! — посетовал пастушок.

Да, пропал бы народ эры огненной, если б нуждался он в воде и еде. Но отныне и голод, и жажда были чужды людям диковинным. Их отныне питало солнце.

А однажды случилось вот что. Яркоперая, ясноокая птица как-то раз спустилась на землю, на лужок, где играл Фильтр.

— Вот так хвост! Прямо как у павлина! — ахнул тот и приноровился, чтобы птицу за хвост поймать. Но «павлин» оказался увертлив, и сколько мальчишка ни прыгал, как он ни старался, а не смог даже перышка выдернуть. И так он увлекся, что сам не заметил, как взлетел. Теперь ему было уже не до птицы.

Этих птиц послала в Ланрию Вестница Весны, чтобы они научили людей летать. Когда рассекаешь воздух, становится так хорошо и привольно, что забываешь обо всем. Может, именно поэтому Норкладд так и не создал новый портал? Может, поэтому он навсегда забыл о своей взбалмошной чужестранке?..

Минорис нагнала философа в коридоре.

— Прошу вас, умоляю! Сэй-Тэнь совсем худо!

— Что такое с Сэй-Тэнь? — хладнокровно произнес Каэтта. — Недавно ей, кажется, было очень весело.

— Да поймите же, мы пережили сущий кошмар! Не принимайте ее смех на свой счет! Она глубоко несчастна.

— Вот как? — иронично отозвался Каэтта. Он собрался было добавить к своему «вот как» пару колких замечаний, но Минорис схватила его за руку и потянула за собой. Откуда вдруг такая храбрость, такое самоотвержение в стыдливой и робкой ученице? Ведь недавно Минорис едва ли удостоила бы его и словом.

«Видно, дела и впрямь плохи, раз она обратилась за помощью именно ко мне», — подумал философ.

Зайдя в комнату, он тотчас отступил за порог: ужасающие стоны и нечеловеческие всхлипы Сэй-Тэнь были почти осязаемыми. Комнату от них буквально распирало.

— Уныние и не до такого доводит, — пробормотал Каэтта, рассчитывая в уме свои дальнейшие действия. Перво-наперво следовало привести страдалицу в чувство, для чего понадобилась бы лишь пара отрезвляющих пощечин. Но философу этого показалось мало, и он опрокинул на нее кастрюлю с охлажденной настойкой.

— Увы, я был вынужден пойти на крайние меры, — оправдался он, заглядывая в лицо Сэй-Тэнь в надежде на помилование.

— Пф-ф! — фыркнула та, слезая с насквозь промокшего дивана. — Вы бы хоть предупредили! Знаете, сколько его теперь сушить придется?! Неделю! Нет, даже две! — запальчиво воскликнула она.

— Похоже, теперь она в полном порядке, — удовлетворенно сообщил Каэтта

ожидавшей у двери Минорис. — Может, расскажете мне, в какую такую историю вы влипли?

— Мы не влипли. Это произошло само собой, — не разжимая зубов, произнесла Минорис.

— Ладно, пойдем, пойдем, — примирительно сказал философ, уводя ее в коридор. — Сейчас Сэй-Тэнь нужно побыть одной. К тому же, для нее нашлось занятие, которое займет у нее много, очень много времени.

29. О волшебных палочках и атомных разделителях

Минорис шла, опустив взгляд в пол. Ее пальцы по привычке потянулись к плечу, где раньше всегда была коса.

— Вам действительно так важно знать эту историю? — нерешительно спросила она.

— Конечно! Должен же я иметь представление о том, где располагаются в нашем училище входы в параллельные миры!

— В параллельные миры? С чего вы взяли? — опешила Минорис.

— Ах, я же не слепой! — воскликнул Каэтта. — Овца, которую вы вынесли из фонтана, — такое нечасто приходится видеть. Давайте договоримся: вы выкладываете мне всё начистоту, и я от вас отстану. Будет, как в той пословице: и волки сыты, и овцы целы.

— Вот уж велика награда! — пробурчала Минорис.

— Поднимемся на башню, — предложил Каэтта, когда они были уже у винтовой лестницы. — Там нас никто не услышит.

«Очень хорошо! Замечательно! — думала Минорис, восходя по ступенькам. — Там он из меня всю душу и вытрясет!»

С пустоши дул холодный ветер — с пустоши веяло отдаленной угрозой. Минорис пробрало до костей.

— Накиньте на плечи, а то замерзнете, — сказал философ, подавая ей бывший плащ-невидимку. — Итак, куда ведет портал в фонтане? — без предисловий начал он.

— П-портал? — ежась, переспросила Минорис. — Да в цветущую страну Ланрию, которая за считанные минуты из цветущей превратилась в настоящее пекло! Не попала б я туда, если бы не Сэй-Тэнь да не Ипва.

— Ипва?! — удивился философ. — При чем здесь ардикта?!

— Так ведь она за мной гналась! Я ее ослушалась, вот она и гналась, — поспешила объяснить Минорис. — Пусть ищет себе другого наемного отравителя! Я для этой роли не гожусь... Или вы мне не верите?

— Охотно верю. Ардикта сама мне в этом призналась. Кстати, стояла она на том же самом месте, где и вы сейчас.

— Я польщена, — буркнула Минорис.

— Похоже, мне из вас клещами придется слова вытягивать, — словно про себя сказал философ. — Так какое же горе постигло Ланрию?

— Вулкан. Извержение, — кратко сообщила та. — И крошечная тьма. Ланрии больше не существует. И смелого часовщика. Так что не ищите портал. Вероятнее всего, он уже не работает. Редкий механизм выдержит накал в тысячу градусов.

— Я понимаю.

— Как, по-вашему: извержение было спонтанным или его кто-то вызвал? — смело взглянув на философа, спросила Минорис.

— Будьте откровенны, я не люблю намеков и недомолвок.

— Боюсь предположить, не замешана ли в катастрофе Ипва...

На этот раз, выслушав возмутительное обвинение, Каэтта даже бровью не повел. Он и сам уже сомневался в непричастности ардикты ко всему происшедшему. Она гналась за Минорис — значит, вполне могла вычислить местоположение портала и применить к нему запрещенную магию. То, что философ узнал за последние дни, сильно подорвало его

уверенность в непогрешимости матери.

— Знаете что, — задумчиво произнес он, — я попытаюсь прояснить это обстоятельство. Вам следует рассказать о портале Таймири. Она интересовалась несколько схожим вопросом у нашей привратницы. А теперь прошу меня извинить, мне надо кое над чем поразмыслить.

Минорис не стала задерживаться на башне и, сложив плащ у телескопа, оставила философа наедине с его думами. А думы у него были такие:

«С моим-то наметанным глазом — и не раскусить Ипву?! Позор! Я уже предвижу последствия очередной попытки вникнуть в ее замыслы. В тот вечер она очень четко дала мне понять, что не любит подобных вещей. Но ради блага страны Лунного камня я выясню, что она скрывает».

Слушая Минорис, Таймири не могла отделаться от чувства, что в истории с Ипвой и Вестницей Весны упущена какая-то существенная деталь. Навязчивая мысль прямо-таки сверлила Таймири мозг. Самое главное-то она ведь уже узнала: Ланрию создала Вестница Весны. Именно с Вестницей не поладила Ипва. А теперь вставляет палки в колеса ей новоиспеченной музе! Только не понятно пока, чего ардикта опасается. Разве способности Таймири могут сравниться с талантом Вернале?

Всему виной было предсказание гор. Оно не давало Ипве спать по ночам, заставляло принимать бесполезные меры и прибегать к разным ухищрениям, чтобы сжить со свету новую ученицу. Скользкая, как угорь, библиотекарьша Магорта-Сакке, хотя и умолчала о пророчестве, не сумела скрыть волнения от Таймири. И теперь той только и оставалось, что строить догадки.

«Ха! — подумала она. — А может, передав мне книгу в желтом переплете, Вестница Весны тем самым препоручила мне вернуть почве плодородие? Что, если это был знак? Кроме того, мои слезы оказались волшебными! А раз так, то чем я хуже Вестницы? Надо действовать, пока Ипва не прознала про слезы и про всё остальное...»

— Слушай, Минорис, — на полуслове оборвала ее Таймири. — Тебе придется изобразить, что ты возненавидела меня лютой ненавистью и под этим предлогом вернуться к Ипве в обучение.

— З-зачем? — напряженно спросила та.

— Сама посуди. Привратница утверждает, что лишь слезы раскаявшегося в своих злодеяниях человека способны возродить к жизни нашу страну. А кто у нас самая большая злодейка? Ипва! Она прогнала Вестницу Весны, она преследует тебя и меня, она, скорее всего, потопила Ланрию в лаве...

— Я не утверждала, что Ланрию потопила именно она.

— В любом случае, от нее исходят такие отрицательные флюиды, что волей-неволей считаешь ее злодейкой, каких свет не видывал. И да, я кое-что вспомнила: Ниойтэ убеждена, что именно ардикта заколдовала землю страны.

— Хочешь сказать, ардикта иссушила ручьи и создала пустыни? Заставила расти столбы адуляра? Основала, наконец, массив Лунных гор?! И затем позволила кормить народ легендами?! Это звучит нелепо, — с горячностью воскликнула Минорис. — Но это вполне может быть правдой.

— Мы так мало знаем, а возможности верховной преподавательницы так велики, — подперев подбородок, пробормотала Таймири. — Как вызвать у нее чувство вины?

— Давай для начала порасспросим профессоров, видели ли они хоть раз, чтобы Ипва плакала или, на худой конец, билась головой о стенку в порыве раскаяния, — предложила Минорис.

— Это опасно. Среди них у ардикты могут быть сообщники. Поступим иначе: ты отправишься на секретное задание. И твоя цель — довести Ипву до слез.

Минорис беззаботно отдала честь, повернулась кругом и солдатским шагом вышла из комнаты. Будущая миссия представлялась ей не более чем игрой.

А о том, в какие игры играла ведьма Терри, не мог судить даже сам Авантигвард. Он вконец заврался и себе, и людям, которые требовали справедливости и чуть ли не приступом брали его дворец. По мнению некоторых, правитель заслуживал худшей из смертных казней. Он допустил к престолу ведьму! Эта новость уже давно облетела все города и окрестности. Люди пребывали в страхе и трепете. Сперва мужчин, а потом и женщин среди бела дня хватили на улицах, чтобы сделать рабами и рабынями. Негодование масс умирало, публично зачитывая поддельные акты об аресте тех или иных граждан. Если кто-то шел добиваться правды в одиночку, его отправляли на каторгу без суда и следствия.

Очень скоро улицы опустели. Из дому выходили лишь считанные смельчаки. Самые дальновидные жители заблаговременно запаслись провиантом и сидели по своим норкам тихо, как мышки. Они всё еще надеялись переждать смутные времена...

Раз в несколько недель Терри связывалась с Ипвой, и та указывала ей точное расположение новых, необработанных подземных пещер. Их сотрудничество оказалось плодотворным, и одной приносило прибыль в виде залежей светящегося адуляра, а другой — в виде золотых слитков из сокровищниц Авантигварда. Откуда, спрашивается, Ипва могла знать, где сосредоточены бесценные залежи? Две ученицы из мастерской счастья Лисса, сами того не ведая, уже приоткрыли завесу этой тайны. Да-да, Ипва — хозяйка не одной лишь мастерской, но и массива Лунных гор, и каменных лесов, и подземных пещер. Но она создает их лишь затем, чтобы разрушать. Разве так поступают истинные творцы?! Творцы с чистым сердцем, такие, как Вестница Весны, потерпели поражение. Но люди не теряли надежды и верили, что справедливость восторжествует.

«Справедливость восторжествует, — думала Таймири, возвращаясь из «испытательной теплицы». — Рано или поздно они поймут, что мне не пристало возиться с растениями».

Она спешила к себе, чтобы поскорее принять ванну и хорошенько отмыться от грязи и тепличных запахов. Но поравнявшись с дверью в комнату Минорис и Сэй-Тэнь, кое о чем вспомнила:

«Я ведь хотела поглядеть на барашка, которого они прихватили из Ланрии! Нельзя такое на потом откладывать».

Она вошла без стука... и застала Сэй-Тэнь за приготовлениями к отъезду. Если твоя подруга носится, спотыкаясь о стулья, и в спешке сваливает на покрывало разную снедь и одежду, тут уж сложно ошибиться: она собралась удариться в бег.

Встретившись взглядом с Таймири, Сэй-Тэнь засуетилась и невзначай поскользнулась на мокром полу, приземлившись ровно на пятую точку.

— О-ох! — закрыв лицо ладонями, простонала она. — Зачем ты здесь?

— На Лорика посмотреть, — честно призналась Таймири.

— На Лорика? Он там, за занавеской, — устало махнула рукой Сэй-Тэнь. — Мы

соорудили для него небольшую ограду, чтоб не удрал.

— А сама-то ты? — спросила Таймири. — Неужто так несносна жизнь музы?

— Мне теперь никакая жизнь не в радость, — отозвалась та. — Буду бродяжничать, чтобы хоть как-то отогнать тоску. Знаешь, жизнь скитальца полна лишений — этим она и ценна. Ценна для тех, чьи лишения несоизмеримо больше.

— Тоску? Кажется, я что-то пропустила...

— Разве Минорис тебе не рассказала?

— Ах да, Норкладд!

— Не произноси при мне его имени, не то я наложу на себя руки! Честное слово! — воскликнула Сэй-Тэнь.

— Кажется, я знаю, где тебе непременно стоит побывать, — внезапно осенило Таймири. Невзирая на отчаянные протесты Сэй-Тэнь, она вытащила ее из комнаты и захлопнула дверь. — Держим курс на лестницу Има-Рина!

У загадочного кабинета всё еще стояла довольно длинная очередь. Но Таймири известила учениц, что у нее неотложный случай, и рассыпалась в таких изысканных извинениях, что никто даже и не подумал ей препятствовать.

Комкая бумажную закладку, Има-Рин озадаченно просматривал журнал посещаемости. Но едва перед ним появилась Таймири, журнал, шелестя страницами, полетел на пол.

— Вернулись! — обрадовался профессор. — В прошлый раз вы выскочили отсюда просто пулей!

— А я должна была отчитаться... прежде чем высказывать? — Таймири приблизилась к нему настолько, что бедняге пришлось отступить.

— Нет, что вы, что вы! — замахал руками Има-Рин. — Всего лишь указать свое имя и поставить подпись.

— Так я сейчас это сделаю! — Выхватив у опешившего профессора авторучку, она расписалась в журнале прямо на полу и даже не удосужилась водворить его на место.

— А где же Сэй-Тэнь? — спохватилась она. — Куда делась?

Сэй-Тэнь в это время уже по колено стояла в морской воде и гипнотизировала горизонт.

— Вы что, хотите обрести вечный покой?! — ужаснулся Има-Рин и бросился к ней, несмотря на свою простуду. Прошлепал по линии прибоя, замочил туфли и штаны, но, тем не менее, выволок абсолютно отрешенную Сэй-Тэнь на берег моря Забвения. — Вам не туда! Вам сюда! — И он указал дрожащей рукой на лестницу.

— Какая жалость, — тихо произнесла Сэй-Тэнь. — Вечный покой — это именно то, что мне было нужно...

— Давай, — легонько подтолкнула ее Таймири. — Иди наверх и, что бы ни случилось, не отступай. Там ты найдешь свое утешение.

Та стала подниматься. Медлительно, неохотно, как будто на нее навесили вериг. Повсюду белел густой, липкий, как кисель, туман. В таком тумане теряются всякие ориентиры, и становится по-настоящему страшно. Ни неба, ни земли — ты слеп, беззащитен и одинок.

Сэй-Тэнь постояла-постояла, да и уселась, скрестив ноги, прямо в гущу молочно-белого пара.

— Если таков вечный покой, то я беру свои слова обратно, — сказала она. — Как-то уж очень здесь тоскливо и безжизненно.

Внезапно облачное покрывало прохудилось, развеялось, и перед нею возникла

лестница. Только это была какая-то неправильная лестница. Совершенно новая, с блестящими перилами и гладкими мраморными ступенями, она вела вверх, тогда как вести следовало вниз.

— Безобразие, — проворчала Сэй-Тэнь и повернулась, надеясь отыскать в тумане ступени прежней, каменной лестницы. Однако вместо ступеней она обнаружила кое-что другое, и это кое-что заставило ее похолодеть. Со всех сторон к ней тянулись тонкие, колеблющиеся руки облачных дев, вылепленных по образу и подобию самой Сэй-Тэнь. Одна рука коснулась ее щеки — такая же липкая, как и туман. Другая ухватила за лодыжку. Было, отчего перетрусить. Сэй-Тэнь со всех ног рванула по мраморной лестнице, и облачные девы, по-видимому, очень огорчились. Очертания их силуэтов начали таять, расплываться, а пространство огласилось леденящим душу воем. Но Сэй-Тэнь была уже далеко. Вернее сказать, высоко. Теперь назад ее и калачом не заманишь!

Лироя изо всех сил старалась расслабиться. Но пока у нее не очень получалось, и она никак не могла избавиться от зажатости мышц плечевого пояса, как рекомендовала Овенарис. Уроки равновесия давались Лирое с трудом.

— Вы должны парить в эфире, легкие, как бабочки, — мелодично давала указания Овенарис, стоя на одной ноге и разводя руки в стороны. — Тянуться к небу, как тростинки бамбука. Слейтесь с природой, ощутите гармонию...

«Ага, как же, — подумала Лироя. — И ощутите дружеское плечо соседа, спасшее тебя от падения». Несколько человек в зале не удержались на ногах и шлепнулись на животы — «бамбуковый» лес поредел на три или четыре «деревца».

— Концентрация, концентрация! — напомнила Овенарис и закрыла глаза. Должно быть, она слилась с природой. А потерпевшие неудачу музы встали с пола и, разгладив одежду, приняли исходное положение. Урок продолжался добрых два часа.

Такрана взмахнула волшебной палочкой, и над кафедрой расцвел голубой цветок. Палочка была безобидной лишь условно, потому что иной раз с ее помощью создавались такие оптические и осязательные иллюзии, что начинающая муза могла и не устоять.

— О! Блёстки! — показала пальцем какая-то ученица.

— Не блёстки, — поправила ее Такрана, — а пыльца.

Она еще раз взмахнула палочкой, и цветок пропал.

— А теперь скажите, кто из вас хотел бы стать богаче самого Авантигварда? — поинтересовалась у муз преподавательница. Те дружно подняли руки.

В тот же миг на столе перед каждой ученицей возникла груда золотых монет, браслетов, колец с бриллиантами — в общем, всего, что только можно пожелать.

Пока музы примеряли драгоценности, Такрана прохаживалась между рядами в своей пушистой накидке, склонялась над каждой партой и заглядывала девушкам в глаза, справляясь, по нраву ли им подарки. Она надеялась и одновременно боялась уловить в их глазах огоньки алчности и азарта. Смогут ли музы равнодушно расстаться с драгоценностями, когда волшебная палочка прочертит в воздухе свой приговор?

«Вот мы сейчас и узнаем», — промурлыкала Такрана себе под нос, и парты опустели в мгновение ока. Ученицы тщетно искали на своих запястьях золотые браслеты и ощупывали шеи на предмет ожерелий. Всё это испарилось по велению Такраны.

— Так не честно! — возмутился кто-то.

— Издевательство! — прошипели с задних столов.

Такрана сделала вид, что не расслышала. Она продефилировала к кафедре и с изяществом сломала волшебную палочку, из которой тут же посыпались тысячи искр, а потом повалил серый дымок.

— Вот и всё! — объявила она, швырнув «останки» магического атрибута в мусорную корзину. — Вас разве не предупредили, что на этом уроке вы отречаетесь от колдовства?

Но корзина крепко приковала к себе ошеломленные взгляды учениц, и ответа не последовало.

«Впервые вижу такую реакцию! — подумала Такрана. — Предыдущие группы переживали утрату гораздо спокойнее. Может, что-то не в порядке с палочкой?»

На лицах присутствующих застыло выражение вселенской скорби. За окном кабинета застрекотал сверчок, но тотчас затих. Такрана не выдержала:

— Ну что вы! Нельзя же так расстраиваться! Вот вам новые палочки! — И она раскрыла перед собой веер позолоченных волшебных палочек. Как тут заволновались ученицы! Повскакивали со стульев и, отталкивая друг дружку, бросились к кафедре.

— Поразительно! — воскликнула Такрана, стоя с вытянутыми руками. — Вот бы вы с таким же рвением расхватывали билеты на экзаменах!

Она не могла больше контролировать ситуацию: в то время как на нее наступала толпа, музы, получившие волшебные палочки, уже всю тренировались.

— Поддай мне мешок драгоценностей! — приказывала одна.

— Сделай радугу! — взмахивала палочкой другая.

— Сотвори мне туфельки с пряжками! — чуть ли не взвизгивая от удовольствия, распоряжалась третья.

Такрану, наконец, оставили в покое, и она пришла в ужас, увидав, что творится в аудитории. Набрав в легкие побольше воздуха, она крикнула:

— Девочки, девочки! Что за балаган?! Мы же в приличном заведении!

Те немедленно прекратили колдовать, и в помещении установилась прежняя тишина... Нет, не прежняя. Какая-то напряженная. Ученицы не сели за парты, как им полагалось. Всё их внимание сосредоточилось на двери. Такрана угадала ход их мыслей и заградила собою проём.

— Не пуцу! Вы должны разломать эти палочки и отречься... отречься от...

Надо было видеть, как она отбивалась, как старалась заслонить дверь своим хрупким телом. Но ученицы оказались сильнее, и через несколько роковых мгновений проход был очищен. Музы-предательницы ринулись в коридор.

— На помощь! — не своим голосом крикнула Такрана. — Измена!!

На зов вскоре прибежали Кронвар и Има-Рин, но о том, чтобы остановить муз, уже не могло быть и речи. Разве ж их всех переловишь?!

Ответ на этот вопрос могла дать только Ипва, поскольку музы, завладев волшебными палочками, отправились к ней в подземелье.

— Так-так, очень хорошо, — с расстановкой говорила Ипва, шагая вдоль стены, где выстроились ее новые прислужницы. — Подчиняющее заклинание работает безупречно, и я могу собрать целую армию непокорных, которые отныне будут покоряться только мне! Слышите, мне! — победно возгласила она, но ни одна из учениц не шелохнулась. — Более хитроумного способа добыть палочки, да еще и тех, кто бы с ними управлялся, не изобрести!

Она окинула шеренгу быстрым взглядом и со злорадством отметила про себя, что музы

стали похожи на бездумные машины, наподобие генератора тока. Она могла читать их, как раскрытую книгу.

— С вами и еще сотней таких, как вы, я стану управлять училищем и сумею сломить любое сопротивление! — торжествовала она.

«Если Такрана не прекратит проводить сеансы отречения от колдовства, быстрое пополнение армии мне обеспечено. Потому что заклятие способно передаваться только через волшебные палочки... Ну, а я уж позабочусь о том, чтобы уроки нашей утонченной дамы продолжались», — подумала Ипва. Потом краска вдруг прихлынула к ее щекам, и в глазах запылал огонь ярости.

— А ведь всё из-за тебя, Каэтта! — крикнула она в сторону, как если бы там, в цепях и кандалах, томился ее сын. — Это ты истощил источник моего терпения! «Что за Вестница Весны?» — стал допытываться ты. Что ж, ты удовлетворил свое любопытство, не так ли? Удовлетворил ложью! Ха-ха-ха! А правды я вовек не открою, разве... разве только расскажут очевидцы, — Тут она перешла на зловещий шепот. — Но с ними мы разберемся. Очень скоро...

Очень скоро Минорис поняла, что не сможет сделать больше ни шагу по направлению к лаборатории ардикты. На ум не приходило ни одного путного оправдания. В сущности, Минорис была отступницей, а отступников непременно наказывают, если не лишают жизни. Она прислонилась к каменной кладке и ощутила, как колотится сердце. Нет, дальше идти нельзя. Нужен план.

В следующую минуту из глубины коридора послышались чьи-то шаги, и Минорис задрожала всем телом: «Пожалуйста, только не сейчас! Только не Ипва!»

Несколько мгновений спустя она уже мчалась по коридору, неуклюже вписываясь в повороты и задевая препятствия. Одним из таких препятствий стал обладатель загадочного кинжала, Катори-сан. Он как раз направлялся в свои покои, чтобы предаться размышлениям о тщете всего сущего и обрести душевное равновесие. Но траектория его движения в корне изменилась, как только в миллиметре от него просвистел неопознанный летающий объект, коим, как вы могли догадаться, была Минорис. Вслед за Минорис гналась разъяренная Ипва, которая ненавидела, когда от нее убегают. Ореол вокруг нее светился особенно ярко, а шипящий электрический «хвост» сделался настоящим оружием, которое опрокинуло не только ошеломленного китайца, но и нескольких муз, потихоньку кравшихся за ним по пятам. Музы пришли в сильное замешательство, обнаружив, что их всех смело в одну кучу, причем преподаватель находится в самом ее низу. Они отдавили несчастному азиату всё, что только можно было отдавить, и, перебивая друг друга, принялись просить прощения. Но Катори-сан, истолковав это происшествие по-своему, повелительно поднял руку и объявил музам, что с сегодняшнего дня берет их к себе в обучение.

Неизвестно, что спасло бы Минорис, если бы, свернув за угол, она не обнаружила плохо притворенную дверь в физическую лабораторию. Но не успела она юркнуть внутрь, как ею занялся Кронвар. Теперь Минорис уже не могла однозначно утверждать, что взрывоопасность Ипвы намного хуже, нежели то хладнокровие, с которым Кронвар запихивал ее в атомный разделитель, приняв ее за атомарную музу. С другой стороны, сепаратор — одно из тех немногих мест, где можно переждать бурю на случай, если ардикта вломится в лабораторию. А ардикта была такова — вломилась.

— Ну что, коллега, как ваши дела? — спросила она, оглядывая помещение с

бдительностью коршуна, выслеживающего добычу. — Кто это у вас там вертится?

— В сепараторе? — переспросил Кронвар. — Да очередная любительница адреналина! Залетают ко мне без предупреждения.

— Вот как? Хм. А я уж было решила, что вы от меня что-то скрываете. Не могли бы вы... вынуть ее оттуда?

— Сейчас это невозможно, — развел руками Кронвар. — Аппарат работает на высоких оборотах, и если мы его остановим, за последствия я не ручаюсь. К тому же девушка может пострадать.

— Что ж, тем хуже дня нее, — пробормотала Ипва. — Ладно, а что слышно о Таймири? Она уже несет наказание?

— О да! Причем исправно! Я отослал ее в теплицу, хе-хе. Вот уж самая грязная работенка!

Ипва подскочила так, словно наступила на дикобраза.

— Кронвар! Да вы ослеп! Вы сами роете себе яму!

— Что... что я сделал не так? — слабым голосом спросил тот.

— Таймири наш враг номер один! Ее и близко нельзя было подпускать к теплице! О-о-о! Иногда мне кажется, что мои подчиненные идиоты! Но ничего, когда я наберу армию муз, все вы останетесь не у дел.

— Арм-мию м-муз? — переспросил Кронвар.

— Вот именно. Волшебные палочки, которые Такрана раздает на своих занятиях, зомбируют учениц. Не нынче-завтра я приберу мастерскую к рукам и кое-кого проучу. А от вас избавлюсь. Вы правильно делаете, что дрожите. Продолжайте в том же духе! Всего хорошего! — сказала Ипва и, злобно сверкнув глазами, вышла из кабинета.

Несмотря на жуткую круговерть, поднявшуюся вокруг, Минорис подслушала разговор от начала и до конца. С того момента, как она перестала ощущать свое тело, ее разум превратился в сверхчувствительный анализатор, воспринимающий не только громкие звуки, но и шепот; не только шепот, но и слова, застрявшие в горле.

Безусловно, атомный разделитель произвел на нее немалое впечатление. Однако, спокойно приняв тот факт, что ее, Минорис, более не существует, что она теперь сродни знойному сирокко, она переключила внимание на происходящее за стеклянными стенками сепаратора. Когда разгоряченная ардикта хлопнула дверью лаборатории, Минорис уже знала, что предпримет.

— Позвольте, это не на вас так рассердилась Ипва? — поинтересовался Кронвар, после того как Минорис вернулась в свое прежнее состояние.

— Ага! — вылезая из сепаратора, кивнула та. — Понимаю, вы расстроены и боитесь за свою судьбу. Но я собираюсь добровольно сдать ардикте и кое-что проверить. Если всё получится, то и мастерская, и преподавательский состав не пострадают.

— Что вы говорите?! — воскликнул физик. — А ведь я поклялся служить Ипве верой и правдой!

— Но вы же видите, фортуна повернулась к вам спиной. Ардикте больше не выгодно с вами сотрудничать.

— Что верно, то верно, — вздохнул Кронвар.

— Так вы хотите спасти свое место и не потерять крыши над головой?

— Что от меня требуется? — с готовностью отозвался профессор.

30. О самоотверженности и коротких замыканиях

Этой ночью не спалось многим. Такрана тщетно пыталась сомкнуть глаза, ручейки слез на ее щеках почти не пересыхали, и она с ужасом представляла, что принесет ей новый день. Вдруг опять неудача? Вдруг ардикта посчитает, что вести уроки отречения — призвание кого-нибудь другого?

— Ах, что же на них нашло? Почему музы предпочли искусственную магию магическим свойствам собственной души? Неужели им невдомёк, что только тот, кто не колдует, может творить настоящие чудеса?! — жалобно причитала Такрана, лежа в своей кровати.

Между тем в покоях китайского учителя велась неторопливая беседа о смысле жизни и о том, как следует готовиться к ее исходу. По такому поводу Катори-сан даже отменил ритуальное затачивание дедушкиного кинжала. Ученицы сидели на ковре и жадно вслушивались в его слова.

— Вот что букашка? — говорил Катори-сан. — Ползет себе, ползет и знать не знает, что ее деньки сочтены. А чем мы лучше этой букашки? Как погрязнем в мелочах житейских, так и не выберемся из них до самой смерти.

— Извините, — робко перебила его одна из муз. — Люди всё же кое-чем отличаются от насекомых. Они изо всех сил ищут то, ради чего стоит жить; какую-нибудь догму, идею, высшее предназначение...

— Которого в принципе не существует, — закончил Катори-сан. Ученицы удивленно переглянулись. Они были иного мнения на этот счет. — Вся наша жизнь сводится к тому, чтобы достойно из нее уйти!

«Как пафосно», — подумала робкая муза.

«Фи!» — скривились две ее соседки.

Катори-сан явно поторопился с выбором учениц.

— Я вот к чему веду, — не сдавался он. — Каждое утро думайте о том, как надо умирать. Когда ваша мысль будет постоянно вращаться около смерти, ваш жизненный путь будет прям и прост.

— Да- да, это всё очень хорошо, но нам пора, — сказали девушки, поднимаясь с ковра.

— Куда? Куда пора? — всполошился Катори-сан. — Мы же только начали!

— Спать пора, — отрезали музы и выскользнули за дверь. Они раз и навсегда зареклись связываться с философами в мастерской и решили посвятить свою жизнь физике.

Минорис набросила на спину кофту, что потеплее, и двинулась на башню, где господин Каэтта считал звезды. Маловероятно, чтобы там, наверху, вместо звезд, он считал овец, прыгающих через забор. Не та сегодня ночь, чтобы носом окуней ловить.

Минорис не спалось в преддверии завтрашних событий, и ей было просто необходимо хоть как-то отвести душу.

— Кто здесь? — услышав шаги, насторожился Каэтта.

— Позвольте мне посмотреть на звезды, как тогда, на яхте, — нерешительно попросила Минорис.

— А, это вы! Посмотреть? Ну, конечно! Становитесь сюда, — И Каэтта уступил ей место у телескопа. — Но как на яхте уж не будет, — вздохнул он. — На яхте я был стариком,

а у вас была длинная коса.

Он замолчал, рассчитывая, что Минорис что-нибудь скажет, но та словно воды в рот набрала.

— Кхм, — кашлянул философ. — Я тут справлялся у Ипвы насчет катастрофы в Ланрии. Так вот, она утверждает, что ни о какой Ланрии не слыхала.

— Однозначно врет, — заключила Минорис, не отрываясь от объектива. — Значит, ей есть, что скрывать.

— Вы так полагаете? На всякий случай я поинтересовался у нее, кто такая Вестница Весны...

— А вот это вы зря. Мне кажется, именно поэтому она набирает команду из учениц. Видно, вы ее окончательно допекли. Ипва не из тех, кто станет откровенничать.

— Команду?! — вскричал Каэтта.

— Да тише вы, тише! Вдруг кто подслушивает?

Она покинула свой пост у телескопа, чтобы изложить философу, как обстоят дела.

... - Ардикта говорила, что хочет кого-то проучить, — шептала Минорис. — Как бы этим кем-то не оказались вы. Я посоветовала бы вам быть начеку.

— Спасибо, что предупредили, — вполголоса отвечал Каэтта. — Ипва знает мое слабое место. Если она и намерена мстить, то гнев ее, в первую очередь, падет на свиток с именами жителей моего города. Я, дурак, внял ее увещаниям и сдал свиток в книгохранилище! Если Ипва до него доберется, не миновать беды. Надо срочно переложить его в укромное место. Не могли бы вы сделать это для меня?

— В укромное место? — задумалась Минорис. — Пожалуй, у меня получится.

— Только не откладывай в долгий ящик. У нас мало времени, — сказал напоследок философ. — И... я буду рад видеть тебя снова.

«Тебя! Он сказал «тебя»! — ликовала Минорис, сбегая по ступенькам. — Неужели это значит, что мы больше не чужие друг для друга? И всё снова будет, как на реке Стрилл? Мои волосы вновь отрастут, а Каэтта... надеюсь, он не состарится».

«Глупая, чему радуешься! — тут же осадил она себя. — «Снова» может и не наступить. Вспомни о том, что тебе предстоит. Уж кто-кто, а Ипва точно не станет с тобой церемониться».

Библиотекарша Магорта-Сакке скрепя сердце пропустила ее в секретный архив, да и то лишь потому, что Минорис предоставила ей письменное поручение от господина Каэтты. Прежде чем забрезжит рассвет, бесстрашная девушка отнесет свиток в пустошь и спрячет в дупле старого дерева, где некогда жил Эльтер. А потом надо непременно успеть на сеанс отречения от колдовства, ведь единственный способ попасть в логово ардикты — притвориться зачарованной...

...Засыпая на ходу, Минорис добралась до свободной парты в кабинете, куда с минуты на минуту должна была войти Такрана. Музы пребывали в возбужденном состоянии, и только одну непреодолимо клонило в сон. Так и тянуло уронить голову на руки. Но расслабляться было рано.

Минорис нащупала в кармане платья тонкую палочку, переданную ей Кронваром, — копию магического атрибута, которая, в отличие от оригинала, не была заколдована. (Ведь ардикта навела чары почти на все волшебные палочки в мастерской!) Минорис очень надеялась, что ее маленькая хитрость сработает.

Преподавательница явилась с опозданием, бледная и взволнованная.

— Следовало бы отменить занятие, но свыше поступило распоряжение, чтобы я придерживалась графика. Поэтому начнем, — умирающим голосом произнесла Такрана. Где ей завладеть вниманием учениц! Не проще ли сразу выдать им палочки и удалиться восвояси? Нет, она зачем-то медлила.

— Не мучьте себя, — обратилась к ней Минорис. — Приступайте прямиком к завершающей стадии отречения. Эти музы поведут себя ничуть не лучше вчерашних, и вы не сможете им помешать.

Такрана смерила ее презрительным взглядом.

— Полно нести вздор! Кто здесь учитель, в конце концов?! Девушки, девушки, эй, прекращайте балаган! Не на базаре ведь!

Галдеж в кабинете стоял неопиcуемый, и попытка призвать муз к тишине обернулась полным провалом.

«Вы так грациозны, — подумала Минорис, — и вновь грациозно сядете в лужу. О предыдущем вашем фиаско трубят на всю мастерскую».

Провала было не избежать, и уже на середине урока музы взбунтовались. На сей раз Такрана не встала у них на пути и позволила беспрепятственно покинуть кабинет. Она решила просить отстранения от должности. А Минорис теперь придется заглушать в себе любые чувства, потому что ей выпало играть роль безответной рабыни. Справится ли она?

«Если б ты вернулась, не ходила бы я в оборванном платье и мы бы не страдали от голода, — мысленно укоряла маму Айрин, сидя на коленках у окна. — Папа злится, потому что я не слушаюсь. Это он во всем виноват. Зачем он прогнал тебя? Мамочка, возвращайся домой, и мы проживем как прежде. Гулять на улице сейчас опасно. Папа говорит, детей стали похищать. И меня похитят, если я хоть на шаг отойду от дома. Когда ты приедешь, я уверена, всё закончится. Только приезжай! Не забывай нас...»

Сэй-Тэнь встала с кровати и несколько раз прошлась по комнате. Лестница-в-никуда придала ей мужества, и о том, чтобы уехать из училища, мысли больше не возникало. Но Айрин, Айрин! Она ждет, что мама вернется. Ох, как нескоро это произойдет!

— Честное слово! Похоже, пора прекращать общения при помощи медитаций! — воскликнула Сэй-Тэнь. — Слишком много боли, слишком часто щемит сердце. Если не прогонять тоску, то, боюсь, я скоро слягу. Дочка жалуется, что ей не уделяют должного внимания, что наступили голодные времена. Что ж, это мне известно. Она не понимает одного: мое возвращение вряд ли что-нибудь изменит. Айрин еще очень мала, чтобы понять.

«Думаешь, мама сильная? Думаешь, мама примчится и одной рукой сметет с престола Авантигварда, а пальцем другой руки раздавит ведьму? Увы, мне далеко до полубогов античности...»

Сэй-Тэнь знала, что страна лежит в руинах, знала о порабощении горожан и о безумствах правителя. Но многое было скрыто от нее. Например, связь между Ипвой и Терри. Как раз в данную минуту ардикта пересылала ведьме свежие координаты необработанных подземных пещер и сообщала, что в скором времени сделает мастерскую счастья Лисса собственной крепостью, где Вазавр сможет разместиться вместе со всем своим взводом.

Вазавр! Далеко от истины тот, кто полагает, будто командир потерял след мальчика. Стоило Кариону выйти из массива, как воронья стая с карканьем набросилась на него и буквально облепила бедного юношу. Птицы заклевали бы его до смерти, если бы не

подоспели индейцы с палками да копьями и не пообломали бы воронам крылья. Вазавру и его покалеченным воинам не осталось ничего другого, кроме как принять истинный облик и вступить в борьбу с краснокожими. Схватка продолжалась недолго, и вскоре индейцы потерпели поражение. Их томагавки и стрелы не могли поспорить с оружием белых, да и численное превосходство было явно не на их стороне.

Когда Кариона окружили, изрядно взмыленный и потрепанный Вазавр не без удовольствия обвязал его шею веревкой.

— Будешь теперь как цепная собака. Меня еще никто не сумел обвести вокруг пальца, и тебе не удастся.

С этой поры солдаты стали еще больше сторониться Вазавра и вели себя тише воды, ниже травы. А если поступал какой-нибудь приказ, опрометью бросались его исполнять, лишь бы только грозный мучитель не рассвирепел да не обрушил свой гнев на их головы.

...Был самый суровый, самый темный час, когда Карион, истерзанный хлестким кнутом, замертво упал на землю. Солдаты подумали, что ему пришел конец, и сняли шапки в знак скорби. Пока Вазавр стегал мальчика, полагая, что тот притворяется, они сгрудились в сторонке и стали шептаться.

Если бы на востоке не занялась заря и кое-кто не крикнул, что видит вдалеке башню мастерской, Карион бы уже, наверное, отправился на тот свет. Но, едва долгожданная новость облетела роту, Вазавр бросил кнут в песок. Вперед, только вперед! А мальчишка? Его решили оставить на дороге — иссушающее, испепеляющее солнце пустыни довершит начатое Вазавром.

Ипва медленно шагала вдоль выстроившихся рядами учениц. Созерцать свою волшебную армию, которая за прошедшие сутки еще и умножилась, доставляло ей явное удовольствие.

— Ах, вы мои музы войны, — говорила она. — Странное дело, почему-то никто, кроме меня, не догадался ввести в классификацию муз войны. Покровительницы астрономии — пожалуйста, танца — милости просим, поэзии — ну, куда уж без муз поэзии! У войны тоже должны быть покровительницы, не так ли?

Девушки молча держали перед собой волшебные палочки, концы которых время от времени вспыхивали голубоватым пламенем. Только палочка Минорис не подавала признаков «жизни». К счастью, ардикта этого не заметила. Она заметила лишь то, что Минорис у нее в строю.

— Надо же! Кого я вижу! — потирая руки, воскликнула она. — Уж теперь-то я сполна на тебе отыграюсь. Ты загипнотизирована, ты безвольна, а значит, я могу делать с тобой всё, что захочу, — И ардикта небрежно похлопала ее по щеке.

Злорадство Ипвы было встречено с каменным лицом, но внутри всё так и кипело. Ах, лучше б Минорис и вправду была под гипнозом! Как вынести ей эти муки? От кого ждать заступничества?

«Мне велено довести ардикту до слез, но, судя по всему, раньше до слез доведут меня», — крепясь изо всех сил, думала она.

Первым делом Ипва заставила муз войны выдраить полы в лаборатории, почистить клетки с крысами и вымести паутину из углов. Сама ардикта редко бралась за метлу, а жить в грязи ей совсем не хотелось.

Минорис досталась особая служба: она выполняла функцию подставки для ног — чего-

то наподобие живого табурета, куда Ипва клала ноги во время отдыха. Разумеется, пока ардикта отдыхала, остальные музы трудились не покладая рук. А Минорис покорно стояла на четвереньках, выдерживая поток едокостей и колкостей со стороны своей хозяйки.

Волшебное воинство увеличивалось с каждым днем, и Ипва эксплуатировала муз по своему усмотрению, забывая, что собирала их отнюдь не для домашней работы. Возможно, она ждала, пока число учениц не станет достаточным, чтобы очистить мастерскую от «лишних» профессоров и муз. Так или иначе, требовалось освободить пространство для отряда Вазавра на ночь, а то и на две. Ипва собиралась передать командиру свиток господина Каэтта, чтобы помочь завоевать город Цвета Морской Волны. Так она надеялась снискать милость Авантигварда и доверие Терри. Она всё продумала и мысленно уже наслаждалась жизнью в шикарном особняке, где-нибудь на берегу моря Санмир. Правитель, несомненно, пожалует ей особняк у моря в награду за заслуги перед короной, и Ипва будет роскошествовать там, как какой-нибудь набоб. Нет, как три набоба! Перед ней предстанут невиданные возможности, ей будут доступны последние чудеса техники, и наука в стране расцветет под ее руководством. Более всего она мечтает о карьере и славе ученого, и всемирное признание ее ума станет для нее высшей отрадой.

Но довольно тебе, Ипва, купаться в вымышленном золоте — пора бы вернуться в реальность. Почему вдруг стали чахнуть музы войны? Вот уже двое суток ты гнетешь их, лишая самого насущного — отдыха и пищи. Забыла, что твои прислужницы тоже люди?

От внезапного осознания этого факта ардикта выпрямилась в кресле и так сильно надавила ногами на спину ослабевшей Минорис, что у той захрустел позвоночник.

— Хватит, хватит! — крикнула она на весь зал. — Перестаньте! Работа окончена!

Она велела им рассестись вдоль стены, а сама отправилась к повару.

Загипнотизированные, усыпленные музы не двигались с места и даже не смотрели в сторону Минорис, которая боролась с дверным замком, гадая, как бы его сломать.

— Я не была готова к тому, что ардикта станет морить нас голодом, — бормотала она. — Скоро этот подвал превратится в настоящий склеп. Вот куда она теперь пошла? Не иначе, за гробовщиком. Завтра истекает третий день без пищи и воды — значит, мы протянем ноги. Нет больше сил притворяться...

Когда-то Ипва хвалилась, что продумывает всё до мелочей. Но на сей раз она упустила из виду кое-какие обстоятельства, и одним из таких обстоятельств стал Лорик. Он выбрался из непрочного загончика в комнате Сэй-Тэнь, процокал по паркету через приоткрытую дверь и благополучно провалился в ту самую дыру, куда некогда упали Минорис с Ризомериллом. С недоуменным «ме-е-е!» проехался на хвосте по каменной трубе и плюхнулся прямехонько на белую перину. Гостям, угодившим в нехитрую ловушку, Ипва обеспечивала мягкое приземление.

Лорику очень повезло: музы у стенки в данный момент больше походили на статуи, чем на живых людей, и его появление не вызвало у них ровным счетом никаких эмоций. Что и говорить, если даже в голове у здравомыслящей Минорис на секунду возникла мысль: «Ням-ням, баранина!». Впрочем, эта мысль тут же исчезла, потому что в аппетитной «баранине» девушка признала Лорика.

— И что ж тебе в загончике не сиделось? — вздыхала Минорис, поглаживая его по волнистой шерсти. — Теперь тебя надо куда-то спрятать. Только вот куда?

Медлить было нельзя — с минуты на минуту должна была вернуться Ипва. Одно облегчение — музы не выдадут местонахождение Лорика, даже если пытаться их самыми

изуверскими пытками. В итоге, Минорис заволокла упирающегося барашка в лабораторию и заперла в шкафчике для посуды. Посуду она предварительно вынула и расставила по полкам. Правда, нашлась одна вредная колба, которая решила показать характер и разбилась вдребезги. Судорожные поиски совка и метлы ни к чему не привели, поэтому острые осколки пришлось собирать на ладонь.

— Ай-яй! — вскрикнула Минорис. Надо же было ей пораниться!

Кто-то снаружи стал поворачивать ключ в замке. Наскоро обмотав руку первой попавшейся тряпкой, она выбежала из лаборатории в главный зал, где вновь опустилась на четвереньки перед креслом «хозяйки». Только бы ардикта ничего не заподозрила! Ах, только б не заподозрила!

Ардикта разъяснила повару суть своей проблемы еще на кухне, и сейчас Мелисс вышагивал вслед за нею, придерживая животом неохватную кастрюлю.

— Так, сюда, осторожнее, — командовала Ипва. — Ставьте в центре. Огромное вам спасибо!

— Да уж не за что! — заулыбался повар. — Вижу, ваши ученицы совсем выдохлись. Как науку любят, а!

— Пылают бескорыстной страстью! — подтвердила Ипва.

— Пусть себе пылают, лишь бы поесть вовремя не забывали, — ухмыльнулся Мелисс. — А как ваш предмет-то называется? У вас здесь факультатив, что ли?

Ардикта сверкнула на повара ненавистным взглядом, и того из подземелья точно ветром сдуло. Минорис знала, что ей не достанется ни ложки из его стряпни. Пока музы толклись возле кастрюли, источавшей дивные ароматы, она глотала слюну и мысленно облизывалась. А верховная преподавательница, скрестив ноги на ее спине, почитывала какой-то научный журнальчик. Для Минорис она припасла другое «лакомство» — картофельные очистки и кожуру тепличных томатов. Дождавшись, когда музы покончат с варевом, она поставила перед изголодавшейся рабыней тарелку с отбросами и окунула ее туда носом.

— Лопай!

В этот момент из лаборатории послышалось блеяние. Почувяв запах съестного, Лорик засуетился в своем укрытии и проломил копытом дверцу ветхого шкафчика, да там и застрял. Минорис призвала на помощь всё свое самообладание, чтобы не выдать испуга. Зато ардикта не пожалела ушей окружающих и разразилась такими страшными ругательствами, что отборная матросская ругань не шла с ними ни в какое сравнение. Отпихнув Минорис, так, что та не удержалась на коленях, она стрелой вылетела из зала. То ли закончилось действие гипноза, то ли любопытство взяло верх над чарами, но все ученицы потянулись за ней, и скоро в лаборатории было не продохнуть. Минорис подошла на цыпочках и привстала, чтобы видеть, что творится у шкафчика.

Ипва искрилась, как бенгальский огонь. Казалось, еще немного, и она начнет метать молнии.

— Откуда здесь эта тварь?! — орала она. — Какой идиот догадался... — Тут ардикта запнулась и обвела взглядом собравшуюся толпу. — Нет, какая идиотка?! Что ж, это мы быстро выясним. А ну, построиться!

Шеренга образовалась быстрее, чем сгорела бы спичка. Надо признать, в этом была заслуга Ипвы. Она вымуштровала учениц так, что позавидовал бы даже Вазавр.

На сей раз ардикта не ограничилась простым разглядыванием предполагаемых

виновниц, она искала различия. И одно различие прямо-таки бросалось в глаза: у всех руки были вытянуты по швам, а у последней музы — заведены за спину.

— Покажи руки, Минорис! — потребовала Ипва.

— Вы решили заняться хиромантией? — попыталась отшутиться та. Но от ардикты не отшутиться и не отвертеться. И обмануть ее редко кому случалось. Разъярившись, она схватила бедняжку за волосы и потащила к лаборатории по живому коридору из застывших муз, которые не удосужились даже скосить глаза в сторону плачущей и умоляющей Минорис. Под конец она уже перестала плакать и умолять, а Ипва всю дорогу цедила, не разжимая зубов:

— Ах ты, дрянь! Гнусная предательница! Я так и знала, что ты выкинешь нечто подобное. Таких, как ты, нужно или на гильотину, или на костер. Но я придумала кое-что получше: будешь донором крови, донором клеток, тканей и всего остального. Захочу поставить на тебе серию опытов — вколю снотворное или просто ударю по голове. Побудешь в шкуре моих крысок!

На Ипву было страшно смотреть: ее лицо перекосилось от ярости, а звериный оскал сделал ее до ужаса неузнаваемой. Пылающая электрическая корона и взметающаяся электрическая мантия стали срастаться с плотью, проникать в органы, завладевать разумом. Теперь Ипву жгла изнутри уже даже не злоба. Ее душил огонь. Она чувствовала, что сгорает, подобно метеору, прорывающемуся сквозь слои атмосферы.

Жертву свою ардикта с нечеловеческой силой отшвырнула в дальний конец лаборатории, где она и осталась лежать. Сквозь пелену, застилавшую глаза, Минорис видела, как ардикта склонилась над Лориком и принялась его остригать.

«Неужели она решила ставить опыты и на нем тоже?» — пронеслось в мыслях у Минорис.

Она попыталась встать, но тело не слушалось. Кожа головы пылала, а боль в спине не прекращалась ни на миг. Минорис чувствовала себя так, будто ее долго волокли по стиральной доске. Не найдя в себе сил встать, она просто вытянула руку в том направлении, где Ипва возилась с барашком; вытянула — и уронила на пол.

Откуда ей было знать, что у ардикты аллергия на овечью шерсть? О, да если б Минорис знала, то была бы уже наготове — она бы уже раздобыла пипетку и стаканчик, чтобы собирать туда слезы. И чихание ардикты прозвучало бы для нее, как стартовый выстрел для участника марафона. Но вот раздалось последнее жутковатое «Апчхи!», и увертюра сменилась основной частью — слезопролитием.

Ипва всё стригла и стригла, а неприятная, солоноватая на вкус жидкость катилась и катилась у нее по щекам, попадала в рот и капала на забрызганный реактивами халат.

— Тьфу! Да что же это такое? Что за мерзость течет у меня из глаз?! — в исступлении воскликнула она. Раньше ей никогда не доводилось плакать.

«Может, девчонка навела на меня порчу? — сверкнуло молнией у нее в голове, и она гневно глянула на Минорис. Но та лежала в углу без сознания. — Тогда, может... может, во всем виновато это животное? Эй, ты ведь из страны, которую я собственноручно предала огню!» — Ипва пнула Лорика в бок, и барашек отскочил с жалобным блеянием. Она ненавидела ситуации, в которых не разбиралась.

Слезы продолжали литься, как ни в чем не бывало, и на Ипву нашло настоящее безумство. Она стала метаться по лаборатории, сшибать с полок посуду и изрыгать проклятия. Колдовские чары уже давно перестали действовать на муз, и они покинули

логово верховной преподавательницы, недоумеая, как сюда попали. Остановить Ипву было решительно некому. Она осталась совсем одна, если не считать забившегося под раковину барана и безмолвной Минорис. Минорис к тому времени хоть и очнулась, но виду предпочла не подавать.

В пылу гнева Ипва нечаянно вывела из строя генератор тока, отчего обозлилась еще больше. Многоликий на ее месте уже давно разорвался бы на части. Ардикта разрываться не спешила — с ней произошло несколько иное: ее закоротило, как какой-нибудь электроприбор. Импульс прокатил по телу волной и опрокинул навзничь. Больше Ипва не буйствовала.

Услышав страшный вскрик, за которым последовал глухой удар об пол, Минорис вскочила на ноги и подбежала к своей бездыханной мучительнице.

— О, нет, только не это! — заламывала она руки. — Вам нельзя умирать! Не сейчас! Как же теперь добыть слезы раскаяния?!

Она внимательно осмотрела адикту: капли у ресниц вряд ли сойдут за плоды раскаяния, как и те, что замочили рукав. А может, дерзнуть? Вдруг в какой-то момент Ипва всё же испытала сожаление? Девушка порылась в ящиках и нашла флакон, куда можно было собрать жидкость. Битое стекло хрустело под ногами, Лорик тихонько копошился под раковиной, генератор тока нервно искрил.

Могло только показаться, будто Ипве настал конец. Она всего-навсего отключилась из-за невыносимого напряжения, и Минорис отшатнулась, заметив, как у тиранки задергалось веко.

На доньшко флакона упало несколько капель. Казалось бы, можно уходить. Но Минорис решила подстраховаться: мало ли, что взбредет в голову ардикте, когда она придет в себя?

Не помешала бы крепкая веревка... Но шнур от генератора тоже вполне сгодится.

«Р-р-р!» — прорычала Ипва, открыв глаза. Она сидела, связанная, спиной к своей ненаглядной динамо-машине. Кто-то смел стекло в одну кучу у урны, затворил дверцы шкафчиков и унес клетки с подопытными животными. Тут ардикта припомнила всё до мельчайших подробностей, и ее стал бить озноб. Минуты две она силилась освободиться от пут, но потом быстро сообразила и превратилась в черную кошку. Пути ослабли сами собой.

«Мяу!» — Она запрыгнула на столик возле двери и надавила лапами на ручку. Но тот, кто убрался в лаборатории, предусмотрительно запер дверь на хитроумный замок. И кошке ничего не оставалось, кроме как следовать по сети вентиляционных труб. Было просто необходимо разнюхать обстановку. План с захватом мастерской потерпел полный провал, однако у кошки всё же оставался один козырь — свиток с именами. Она незамеченной пробралась по коридорам, неслышно юркнула в отверстие «Тысяча и одного компартмента» и, проигнорировав почтительный полупоклон Магорты-Сакке, проникла в отсек с ценными документами. Шкатулка, где лежал свиток, оказалась пустой.

«Тысяча корявых сосен! — выругалась Ипва. — Они его перепрятали!»

Но что за трудность для кошки отыскать пропажу? Ведь можно использовать нюх! Покинув библиотеку, она вскоре напала на след, ведущий из здания в пустошь...

— Таймири, Таймири, я сделала это! Ты не поверишь! — взволнованно говорила Минорис.

— Почему же? Волей-неволей поверишь, раз ты стоишь здесь и вопишь, как

ненормальная, — улыбнулась та.

— Вот! Я добыла ее слезы! Пора действовать! — не унималась Минорис.

— Что тут у вас происходит? — появившись в дверях, осведомилась Сэй-Тэнь. — На нас из пустоши движется армия!

— Армия? — вздрогнула Таймири.

— К тому же, вооруженная. Господин Каэтта бьет тревогу. Слышите колокола?

Только сейчас Минорис и Таймири обратили внимание на гулкий перезвон в вышине, недоступной их взорам.

— Если это то, о чем я думаю... — пробормотала Минорис. — О, небеса! Свиток Каэтта просил выбрать для него надежный тайник, а я...

— Что еще за свиток? — удивилась Сэй-Тэнь. — Не та ли это рукопись, которую философ отказался сдавать на хранение?

— Она самая, — кивнула Минорис.

— Но почему с ней носятся, как с писаной торбой? — спросила Таймири. — Эка важность, какой-то свиток!

— О свитке поговорим потом, — заторопилась Минорис. — Мне срочно надо в пустошь!

Когда она умчалась, Таймири и Сэй-Тэнь переглянулись: что за срочное дело могло возникнуть у нее в пустоши? Уж не собралась ли Минорис в одиночку противостоять отряду?

Не говоря друг другу ни слова, они одновременно бросились за подругой вдогонку. По дороге им встретился бледный и измученный Ризомерилл. Он выглядел так, словно попал под молот. Весть о нападении прозвучала для него как гром среди ясного неба.

На первом этаже Таймири замешкалась — у нее возникла кое-какая идея.

— Я догоню! — крикнула она Сэй-Тэнь. — Мне надо в «испытательную теплицу»!

Та пожала плечами и направилась к выходу в сад.

— Не нравится мне это, ой не нравится, — бормотала Сэй-Тэнь, огибая клумбы с розами. — Мы втроем сумеем обезоружить солдат только в том случае, если до смерти их насмешим.

В обрамлении желтовато-белых облаков пылало полуденное солнце, а розовые узоры на голубом холсте сложились в такую живописную картину, что могли бы доставить истинное эстетическое удовольствие ценителю облачных пейзажей. Но только сейчас этот ценитель был абсолютно не настроен ничего оценивать. Его волновало происходящее на земле.

Если бы спешившая к дереву Минорис остановилась и глянула на башню, то увидела бы, что сверху за ней наблюдает Каэтта. Благодаря своей подзорной трубе он уже успел определить размеры надвигающегося отряда и с замиранием сердца следил, как Минорис метр за метром преодолевает расстояние от ворот до старого дерева. Столкновения было не избежать. Что сделают матерые солдаты? Пленят ее? Убьют? Об этом даже страшно было подумать. В конце концов, философ не выдержал — пулей слетел с винтовой лестницы и взял такой темп, что даже ардикта, натренированная в вылавливании учениц на коридорах, не поспела бы за ним. Он не оставит Минорис в этот трудный час.

«Слабо верится, что Ипва обезврежена, — думала Минорис на бегу. — Я как-то упустила из виду, что она способна менять облик. Если свиток попадет в плохие руки, я никогда себе этого не прощу!»

«Если с Минорис что-нибудь случится, никогда себе этого не прощу!» — в отчаянии

думал Каэтта, пробегая по садовой дорожке. Он чуть не сбил с ног Сэй-Тэнь и, проронив какое-то несуразное извинение, помчался дальше.

— Стой! Куда?! Мне приказано тебя не впускать! — жестко произнесла Сатикора, становясь в оборонительную позу. Таймири сжала кулаки.

— Кем приказано?

— Ардиктой. Ты не пройдешь! — припечатала смотрительница теплицы и заградила собою проход.

— Это мы еще посмотрим, — сквозь зубы проговорила Таймири, снимая с шеи цепочку с сияющим кулоном. — У меня для тебя кое-что есть.

— Подарок? — тут же обомлела Сатикора. — Давай, давай его сюда!

Она потеряла всякую бдительность, а Таймири только того и ждала. Удар в живот разом положил конец пререканиям, и теперь проход в теплицу был открыт.

— Как же, размечталась, — процедила Таймири. — Так я тебе его и отдам.

Она скрылась за дверью, в то время как смотрительница, скорчившись от боли, со стоном сползла на пол. Времени оставалось в обрез.

Таймири чувствовала, что судьба мастерской зависит от нее одной, но не знала, с чего начать. А решение было совсем близко. Стоило лишь протянуть руку... и зачерпнуть горсть зерен из ящика, откуда ученицы обыкновенно брали семена для своих опытов.

— Ну что, дорогая, ты узнала, как идут дела с завоеванием строптивного городишки? — поинтересовался Икротаус Великий, приоткрыв заплывшие веки. — Хи-хи, я говорю так, словно этот город — ничтожное существо. Муха, которую можно взять да прихлопнуть.

— Да, мой господин. Очень скоро город падет. На днях хозяйка мастерской счастья сообщала, что единственное средство укрощения находится под крышей училища и будет передано отряду, как только тот подойдет к воротам.

— Очень хорошо, замечательно, — лениво улыбнулся правитель. — Ты умна, моя милая Терри. Не пойму, зачем я пытался с тобой воевать, вместо того чтобы прислушаться к твоим словам!

— О, государь, не приписывайте мне качеств, которыми обладаете сами. Ведь только мудрый человек из множества предложений способен выбрать верное, — раболепно произнесла она, поправляя одеяло, под которым нежился Авантигвард. Полностью отдавшись ее воле, признав себя пораженным болезнью, которая якобы не позволяет ему полноценно править страной, он целыми днями валялся в постели, вкушал редкие яства, тучнел, глупел и предавался праздности. Ему льстила забота Терри, и мысль его не простиралась дальше дворцовых стен. А что там, за этими стенами? Страдания, разруха, бедность? Кого это волнует! Главное, что Авантигвард купается в роскоши. Он перестал смотреться в зеркало, потому что это было бесполезно — отражение больше не появлялось. Странное, неправильное зеркало! Когда-нибудь он разобьет его.

31. О том, как укореняется зло

У старого дерева было беспокойно — не так, как всегда. Минорис еще издали услышала лай, а вместе с лаем — шипение. Пусть выгибается дугой черная кошка. Пусть изворачивается, сколько хочет, но белый щенок не даст ей проникнуть в дупло.

— Зюм! Зюм! Это ты?! — крикнула Минорис.

— Дух гор! Он вернулся, чтобы нам помочь! — обрадовалась Таймири, отставшая от нее всего на несколько шагов. Следом бежала Сэй-Тэнь, а за нею — с одышкой и прихрамывая — господин Каэтта.

Девушки окружили шипящую кошку и переглянулись.

— Да это же Неара! — воскликнула Таймири.

— Не Неара, а Ипва! — поправила Минорис. — Ипва... — добавила она испуганным шепотом.

— А почему щенок защищает дупло? Там спрятано что-то ценное? — спросила Сэй-Тэнь.

— Свиток, — пояснила Минорис. — Вот, оказывается, к чему подбиралась ардикта! Чтс будем с ней делать?

— Она очень агрессивна, ее голыми руками не возьмешь! — сказала Таймири. — Обцарапает.

Тут в разговор вступил Каэтта:

— Вы решаете, что делать с кошкой, а надо бы решать, что делать с отрядом. Его предводитель уже вон у того холма!

— Как? Уже?! — Таймири почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Вероятно, так душа уходит в пятки.

— Срочно хватаем свиток и бежим в мастерскую! — сообразила Минорис.

— Прятаться от отряда не выход, — глухо проговорил философ, сжимая в руках подзорную трубу. — Да и как ты заберешь свиток? Посмотри на этих двоих! Грызутся ведь, как кошка с собакой!

— А кошка в любой момент может превратиться в человека, — еле слышно добавила Таймири.

Не успела она договорить, как вокруг кошки поднялся густой черный дым. Когда дым рассеялся, перед ними стояла и криво ухмылялась верховная преподавательница.

— Мама, зачем тебе понадобился свиток?! — воскликнул Каэтта. — Неужели ты и вправду собралась мстить? О, какой же я идиот!

— Не мешайся здесь! — рыкнула ардикта. — И ты не мешайся, зловердный пес! Вы оба вечно путались у меня под ногами. Но теперь я покончу с этим! Ты, Каэтта, дважды идиот. Ты даже не хотел замечать моей неприязни к тебе. А ведь я тебе не мать. Ты подкидыш.

— Прекрати, — тихо сказал Каэтта.

— Жалкий, никому не нужный подкидыш!

— Прекрати! — в исступлении крикнул он.

— Нет, не прекращу. Воспитывать маленького оборванца было для меня сущей мукой. Всякая новая наука давалась ему с трудом. А то, чем он является на данный момент, — плод моего упорства. Я всё делала через силу и никогда, слышишь, никогда тебя не любила!

— Зачем, — прошептал Каэтта. — Зачем ты говоришь мне это?

Минорис с беспокойством взглянула на него. Униженный, раздавленный, он поник, как никнет по жаре трава.

— Господин Каэтта, не поддавайтесь, — с мольбой произнесла она. — Не позволяйте себя сломить! Ведь именно этого ардикта и добивается. А вы... вы, в первую очередь, сын Земли, как и все мы.

Философ задержал на ней полный благодарности взор, медленно выпрямился и произнес:

— Это правда. Клянусь Полярной звездой, это правда! А ты, — обратился он к Ипве, — с первого дня, как мы пришли в мастерскую, ты внушала мне недоверие. Какие-то опыты на ученицах, недосказанности, утайки. Теперь ты жаждешь заполучить свиток? Так получи же сперва мой урок! — И он замахнулся на нее подзорной трубой. Ипва вскинула руку перед собой, чтобы защититься, однако удара не последовало.

— Остановись! — прозвучал в этот миг властный голос. — Не доводи до греха! Позволь мне свести с нею счеты.

Каэтта оторопел. Голос шел со стороны дерева. Оттуда, где стоял щенок.

— С нами говорит дух гор! — воскликнула Таймири и восторженно завела глаза к небу. Она никак не предполагала, что дух гор вдруг начнет таять, растворяться в знойном воздухе и, в конечном счете, станет походить на джинна из бутылки. Правда, джинн около дерева клубился недолго. Перед изумленными подругами, перед обмершим философом и перед Ипвой, которую ничем не проймешь, вскоре предстала...

— Вестница Весны! Какое счастье! Теперь мы спасены! — запрыгала от радости Минорис.

— Вернале?! — потеряв самообладание, вскипела Ипва. — Ты?!

Отряд Вазавра преодолевал последний километр пути. Преодолевал с кряхтением, ропотом и нытьем, на какое способен только тот, кто потерял остатки разума. Ведь ныть при командире — это всё равно, что размахивать перед быком красной тряпкой. Вазавр попеременно грозился то сослать плакс на каторгу, то прилюдно выстегать их бичом, однако ни одна из этих угроз уже не работала. Рядовые едва волокли ноги, да и Вазавр был не в лучшей форме. Он не то, что выстегать, он бы и отлупить никого не смог. Впереди он уже ясно различал высокую каменную стену, а на ее фоне — несколько силуэтов и дерево. Вот оно, значит, какое, училище муз! Здесь ему и должный прием обеспечат, и об отдыхе позаботятся. А о свитке и потом подумать можно, потому что свиток хранится в мастерской. Недаром мальчишка так туда торопился.

— Что тебе здесь надо?! Зачем вернулась? — отрывисто, точно лая, проговорила ардикта.

— Ты знаешь, зачем, — спокойно ответила Вестница Весны. В этот момент она напоминала скорее богиню, нежели человека. Ясноокой деве в бирюзовой тунике, с ниспадающими на плечи белокурыми прядями для полного сходства с небожительницей не хватало только крыльев за спиной. Единственным недостатком, по мнению Минорис, было отсутствие растений и птиц. Но волшебница сумела произвести впечатление, и не пользуясь своей «свитой». Философ утратил способность здраво размышлять: спроси его, кто такой Аристотель, — и он бы не нашел, что ответить. Таймири молитвенно сложила руки и расплылась в глупой улыбке. Минорис сделалась пунцовой, как маков цвет. Недоумевала

одна лишь Сэй-Тэнь. Поведение друзей привело ее даже в более сильное замешательство, чем появление Вестницы Весны.

— Таймири, приди в себя! — взывала она. — Солдаты совсем близко, надо что-то делать.

— Минорис, эй! Прием! У тебя есть план?

— Зачем беспокоиться, если вернулась Вестница Весны... — рассеянно отвечала та. — Она нас всех спасет.

— Постой-ка, а ведь у меня был план, — вспомнила Таймири и сунула руку в карман с семенами. — Мне понадобятся слезы Ипвы.

— Слезы? А! Слезы! — нашла Минорис и протянула ей пузырек с несколькими капельками на самом дне. — Только к чему лишняя морока, если наша избавительница здесь?

— Ниойтэ говорила, что исцелить землю могут лишь слезы раскаяния, — присев на корточки, пробормотала Таймири. — Думаете, Ипва раскаялась?

— Сомневаюсь, — протянула Сэй-Тэнь.

— Скорее массив Лунных гор расколется надвое! — припечатал философ.

Издалека отряд Вазавра казался грозным и воинственным. Таймири колотило, философ изрядно побледнел и сжал свою подзорную трубу так крепко, что побелели костяшки пальцев. Минорис, задержав дыхание, следила, как зернышко падает на дно флакона. Сэй-Тэнь через каждую минуту исправно напоминала, что враги не за горами, и просила поторапливаться. Философ сыпал советами юному огороднику, то есть Таймири, которая собиралась зернышко посадить. Та только морщилась — ее напрягала вся эта излишняя суета.

Ипва же была так поглощена вновь вспыхнувшей враждой к Вернале, что совершенно позабыла про ненавистную четверку, совещающуюся позади.

«Пшшш!» — Ардикта запустила в Вестницу огненным шаром. Шар был встречен вовремя возникшим щитом. Тогда Ипва пустила в ход канонаду проклятий, коими был так богат ее словарный запас. Однако и это нападение было успешно отражено. Не побрезговала она ни булыжниками, валявшимися на земле, ни песком, брошенным в глаза бесстрастной противнице. Всё без толку: Вернале была неуязвима.

Ипва с самого начала избрала неверную тактику: перво-наперво следовало провести словесную атаку, после чего метать камни и уж затем, если эти средства не помогут, швыряться колдовскими шарами. Но ардикта всё перепутала, и теперь не знала, что предпринять. Спокойствие Вестницы Весны лишь усугубляло ее растерянность, а всем известно, что Ипва в растерянности долго пребывать не может. Когда негодование взяло верх, ардикта снова стала искриться, как большой бенгальский огонь. Даже земля наэлектризовалась — из крошечных нор посыпались, повыбегали ящерицы и пауки.

Таймири как раз посадила зерно в вырытую ногтем ямку и на всякий случай вылила туда же оставшуюся жидкость из флакона. Минорис разочарованно заметила, что ничего не произошло.

— Никакого эффекта, — сказала она. — Может, ты что-то не так сделала?

Ипва продолжала атаковать Вернале волшебными снарядами. Та парировала удары легко и как бы нехотя. Земля дрожала, но отнюдь не из-за тяжелой поступи отряда, который вот-вот должен был поравняться с деревом. Земля дрожала от ярости ардикты. Ей пришлось выудить из памяти такие приемы, от одного названия которых компетентному человеку

сделалось бы не по себе.

— Ой, попляшешь ты у меня, — злобно бормотала она, обращая хищные взгляды на ангельски-безмятежную соперницу. Ипва готовила свой коронный прием — ваяла из воздуха стрелы страха. Нечто сродни стрелам Купидона, но гораздо менее приятное.

Вестнице действительно не поздоровилось. Эти стрелы пронзили ее все разом, и ее душой завладел страх. Ипва немедленно представилась ей непобедимой и могущественной, а собственные силы — какими-то уж очень незначительными. Она отступила к дуплу, измученно опустила на песок, да так и осталась сидеть. Теперь ее можно было с легкостью оттащить от дерева за волосы. Ардикта ликовала.

Тем временем господин Каэтта приспособливал свою подзорную трубу для боя. Он решил использовать ее как дубинку. Если б он видел, что творится у него за спиной, то непременно поспешил бы Вестнице на помощь. Но философ смотрел совсем в другом направлении.

«Солдаты, — думал он. — Их много, у них оружие. Но и я не с пустыми руками. Умру, как подобает воину!»

Девушки согнулись над ямкой, где лежало присыпанное пылью зерно.

— Неужели проиграли? Неужели не работает? — жалобно вопрошала Минорис. Она то ожидала, что померкнет солнце, что небо озарится молнией или пойдет трещинами земля. — Почему-то мои надежды никогда не оправдываются, — расстроено вздохнула она.

Подруги сидели на корточках друг напротив друга и молчали. Со стороны могло показаться, что они оцепенели. Как будто стрелы страха пронзили и их сердца тоже. Никому не хотелось встречаться с опасностью лицом к лицу.

«Вот мне и конец, — думала Сэй-Тэнь. — А я так ничего полезного и не сделала. Привыкла всю жизнь бегать от проблем — добегалась».

«Какая-то нелепая смерть получается, — хлюпала носом Минорис. — Тем, кто хочет спасти мир, положено выживать и становиться героями. Хотя какие из нас герои? Ланрию не уберегли, страну Лунного камня так и не исцелили. А еще претендовали на звание муз».

«Сразу надо было сообразить: злодеи не раскаиваются, — корила себя Таймири. — Выходит, я собственноручно чуть не сгубила Минорис. Ведь из-за меня она подвергалась такой опасности! Я всех подвела! На меня надеялись, а я подвела. Ведь и кольцо, и сон на кедре, и даже послание в старинном свитке указывали на меня. Муза по имени Таймири спасет страну, муза по имени Таймири излечит бесплодную землю. Какая жестокая ирония!»

По щеке скатилась горькая слеза раскаяния. За ней — другая, а там и третья подоспела. Сэй-Тэнь и Минорис не выдержали и тоже разрыдались. Они сидели над ямкой с зерном и дружно оплакивали свою никчемную жизнь.

Внезапно земля поколебалась: началось такое сильное землетрясение, что на ногах не устоял никто, включая Ипву. Она упала на колени, а ее длинные прямые волосы свесились набок. Солдат из роты Вазавра раскидало промчавшимся ветром, точно игрушечных солдатиков.

«Свершилось!» — с трепетом подумала Минорис.

Природа пробуждалась после долгого сна. Из-под земли доносились, нарастая, необычные звуки, похожие одновременно и на взрывы хлопушек, и на шипение гейзеров.

Сэй-Тэнь стала уже опасаться, не новое ли это извержение вулкана, не грядет ли гибель страны Лунного камня вслед за гибелью Ланрии. Но тут же сообразила, что вулканов

поблизости нет, а эпицентром землетрясения является всего-то лишь ямка с семечком. Как круги идут по воде от единственной капли, так и по пустыне концентрически расходились благодатные волны, простираясь по равнинам и холмам, взбираясь на столбы адуляра и огибая массив Лунных гор. От мыса Арн до мыса Чинго, от берегов южных до берегов северных — всю страну облетел беззвучный завет: «Цвети, укрепляйся, дыши, край бесплодный! Монарх твой свергнут, а престол его обвит плющом. Страданиям пришел конец! Радуйтесь, веселитесь, люди! Приветствуйте солнце, которое испепеляло, а теперь дарует жизнь. Танцуйте под дождем, который столько лет лил впустую, а теперь полнит землю живительной силой. Радуйтесь, ибо на смену упадку пришли времена процветания!»

Таймири сразу же захотелось пуститься в пляс и запеть от счастья. Но тут она заметила, что Вестница Весны плачет. Почему она плачет? Разве ее мечта не сбылась, разве пустошь не преобразилась? А может, это слезы счастья, которое так велико, что не уместится в груди?

Зато Ипва позеленела от злости. Вернее, позеленели одни лишь ее волосы, а вот сама Ипва... Таймири выпучила глаза: ардикта одеревенела! Неуверенно приблизившись к деревянной статуе, Таймири дотронулась до длинной плети с желто-зелеными листочками.

— Да это ж... — запнулась она.

— Ее волосы. Волосы-ветви, — печальным колокольчиком прозвенел за плечом голос Вернале. — А на коре, если взглянуть, видно лицо.

— Выходит, у нее и корни есть? — растерянно спросила Таймири.

— Как и у всех деревьев. Верховная преподавательница стала плакучей ивой.

Тут к крючковой иве подлетел господин Каэтта.

— Что вы с ней сделали? Зачем в дерево превратили?! — накинулся он на Вестницу Весны.

— Я не виновата, — развела руками та. — Это закон природы.

— Какой еще закон? Не знаю никаких законов. Будьте добры, расколдуйте ардикту. Я должен... Нет, я просто обязан выяснить у нее, кто моя настоящая мать.

— Едва ли я смогу вам помочь, — вздохнула Вернале.

— И что, теперь Ипва будет доживать свой век в таком вот виде? — обреченно спросил Каэтта.

— Думаю, тут уж от нее самой зависит, как долго продержится на ней ивовое «платье», — сказала Вестница. — Когда из нее выветрится вся злость, когда не останется под корой ни обид, ни гордости, ни коварства, возможно, она вновь превратится в человека.

— Природу не обманешь, плакучая, — назидательно сказала Таймири и поводила пальчиком перед деревянным носом. На секунду ей показалось, что нос недовольно сморщился.

В этот миг сияющим душем полил с неба солнечный дождик. Шумный, смеющийся. От такого грех прятаться.

Поодаль сидели на коленях Сэй-Тэнь и Минорис и, задрав головы, подставляли лица под прохладные струи. Они упивались этим новым, неизъяснимым чувством перерождения земли и самих себя. А вокруг расстился пышный травянистый ковер. Пустыни больше не было.

— Эй, поглядите-ка, — сказала Таймири и приподняла ногу. На песке мгновенно выросла молодая травка.

— Вот так диво! — поразился философ.

— Вы лучше послушайте, как поют птицы! — обратилась к ним Вернале. — Наступила истинная весна!

Таймири посмотрела на небо: высоко-высоко рассекали воздух ласточки, соревновались на скорость стрижи, да чирикали неугомонные скворцы. Но не обилие пернатых заставило ее раскрыть от удивления рот — малиново-золотые узоры исчезли, и было похоже, что навсегда. Она подергала философа за рукав:

— Поверить не могу! Ваши любимые облака пропали!

— Не велика беда, — примирительно сказал Каэтта. — Зато теперь можно будет исследовать звезды, Млечный путь, ближние галактики... Знали бы вы, какое незабываемое зрелище являет собой рождение новой звезды! — И он многозначительно взглянул на Таймири. — Ваша звезда уже зажглась. Вон, что вы сделали! Только благодаря вам мы сейчас не сидим в осаде и не отбиваемся от солдат камнями. Как только предводитель роты обратился деревом, солдаты бросились врассыпную.

И действительно. Оказалось, что Вазавр укоренился в почве безлистным вязом. Его ствол уже начал покрываться мхом, а верхние ветви, точно костлявые руки, скрючились у голой верхушки.

— Он тоже когда-нибудь примет прежний вид, ведь правда? — спросила Таймири у Вестницы Весны.

— Конечно! Когда увидим вяз в цвету, это и будет знак, что в скором времени он станет человеком. Но меня больше беспокоят солдаты. Они рассеялись, как семена одуванчика!

— Наверняка драпанули к массиву. А там их, небось, индейцы поджидают... с копьями да луками. Сварят из них бульон, — мрачно заключил Каэтта.

— Не говорите так! — ужаснулась Таймири. — Эти индейцы призваны сеять добро. Поэтому ни о каком бульоне и речи идти не может.

— М-да, — протянул философ. — И то верно... Припоминаю я одну индианку, как мы с ней одно время общались...

Таймири прыснула:

— С Эдной-Тау что ли? Эй, слышишь, Минорис, господин Каэтта соскучился по нашей краснокожей подруге! — крикнула она с задором. К тому моменту дождь почти перестал и только нашептывал, тихо-тихо пробираясь по свежей траве.

Минорис, конечно же, всё расслышала и покраснела до ушей. Покинув блаженствующую Сэй-Тэнь, она в смущении подошла к философу. Сейчас или никогда.

— Позвольте мне снова быть вашей ученицей, — не поднимая глаз, просительно сказала она.

Каэтта просиял.

— Мечты сбываются, — загадочно изрек он, и в эту минуту на земле не было никого счастливей философа.

Так Минорис стала музой астрономии. А Каэтта в один день приобрел сразу двух учеников: когда он полез в дупло за свитком, то вместе со свитком обнаружил там исхудалого Кариона, который, хоть и выглядел, как ободранный петух, чувствовал себя отменно.

— Вчера нашла его умирающим от истощения, — пояснила Вестница Весны. — Пришлось спрятать в дупле, от беды подальше.

— Всунула мне какую-то гадость, — пробурчал Карион. — Сказала: съешь — поправишься.

Философа он не признал. Отстранился, говорит: «Не знаю вас, дяденька». Пришлось философу ненадолго превратиться в седобородого старика и изобразить немощь. Тут у мальчишки челюсть и отвисла. Потом всем миром его успокаивали, убеждали. А Минорис засвидетельствовала, что Каэтта и есть тот самый философ Диоксид, с которым Карион некогда попрощался на пристани.

— Так значит, вы можете менять обличье? — обрадовался Карион. — А меня научите?

— Сперва научись, дружок, определять расстояние между планетами, — беззлобно посоветовал ему господин Каэтта.

32. О том, как летают на крыльях фантазии

Кто это мчится по лугу, весь всклокоченный? Чьи юбки полощутся на ветру? Кто в комнате не усидел и после землетрясения тотчас побежал в пустошь? Да уж известно, кто: тетушка Ария. Она, конечно, не могла предвидеть, что пустошь вдруг зазеленеет, а потому разволновалась и бросилась к племяннице, как к спасительному островку в бушующем море.

— Вы не объясните, что происходит? — спросила она, проглотив половину фразы.

— Мы совершили настоящий переворот! — воскликнула Таймири.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Ария и недоверчиво покосилась на Вестницу Весны. — А это кто?

— Это? — Таймири со значением подняла указательный палец. — Это наша новая верховная преподавательница.

Среди всеобщего ликования Сэй-Тэнь чувствовала себя безмерно одинокой, покинутой и никому не нужной. Природа искрилась множеством красок, пела птичьими голосами, раскрывалась навстречу солнцу яркими соцветиями. А Сэй-Тэнь, обесцвеченной тоскою, хотелось сжаться в комок, ничего не видеть и не слышать.

«Почему так? — думала она, обводя всё вокруг тусклым взглядом. — Когда другим весело, у меня внутри начинают вскрываться старые раны. Неужели они никогда не затянутся?»

Она еще немного посидела на траве, а потом поднялась и медленно зашагала к училищу, не обращая внимания на недоуменные взгляды друзей.

— Эй, ты куда? — окликнула ее Таймири.

— Нездоровится мне, — ответила та. — Да и Лорика надо покормить. После того как Ипва его остригла, у него ведь стресс...

«Ходит как в воду опущенная, придумывает неуклюжие отговорки... значит, точно что-то затевает», — решила Таймири.

Тем временем к зазеленевшему дереву поспешал капитан Кэйтийрон. Тетушка Ария узнала бы его, обрядись он хоть пугалом, и непременно накинулась бы на него с упреками да порицаниями, что она и сделала. В этот погожий день она так пропесочила беднягу, что тот навсегда запомнил и день, и время, и место, а главное, обстоятельства: шелестящую листву дерева, которое прежде никогда не давало листьев; порхание невиданных созданий над головой, глубокую зелень травы. Насыщенную синеву неба, в которой так и хочется раствориться. А еще изумленные лица окружающих.

Вестница Весны, казалось, была смущена таким поворотом событий. Но если она и смущалась, то недолго. После очередного обвинительного высказывания Арии Вернале щелкнула пальцами, и на тетушку обрушился такой поток дождя, что она разом запомняла, отчего распалялась.

— Миритесь, — властно сказала волшебница. — Ваша племянница уже помирилась с капитаном, так почему бы вам не последовать ее примеру?

— Мне? — переспросила Ария, ошалело хлопая глазами. — Действительно, а почему бы и нет? Если уж Таймири простила, то я и подавно должна простить. Эй, слышишь, Кэйтийрон, — она ткнула капитана в бок, — я тебя прощаю!

— А? Что? — вздрогнул капитан, который в продолжение всей головомойки витал в

облаках. — Мир, говорите? А я согласен! Вы не заметили, какая нынче стоит погода? Великолепная погода!

«Надеюсь, чтобы уехать, специального разрешения просить не нужно», — думала Сэй-Тэнь, блуждая по коридорам училища и не зная, где приткнуться. Вначале она хотела заглянуть к Кронвару, поскольку машинами в мастерской (а стало быть, и плайверами) распоряжался именно он. Но оголтелые крики выбегающих из физического кабинета атомарных муз ее отпугнули, и с визитом было решено повременить.

«Раз эти бедняжки разбегаются от Кронвара, как от огня, видимо, он выставил себя в дурном свете», — подумала она. А с физиком, и правда, творилось что-то странное. После землетрясения он обнаружил, что его суставы закостеневают, голова начинает туго соображать и совершенно утратился слух. Ожидавшие у сепаратора музыки никаких особых перемен в учителе поначалу не замечали. Не замечали ровно до тех пор, пока Кронвар не заскрипел от ужаса. Дело в том, что, на свою беду, он посмотрелся в зеркало. Посмотрелся — и обмер. Оттуда на него таращилась его собственная голова, а из головы торчали самые настоящие ветки. Потом зрение пропало так же резко, как и слух. Еще некоторое время деревообразный Кронвар мог передвигаться на растолстевших, негибаемых ногах и застыл посередине кабинета лишь тогда, когда последняя муза в ужасе выскочила за дверь. Зайди сейчас в лабораторию Сэй-Тэнь — и ее взору предстало бы лишь безобразное дерево, склонившее над сепаратором сучковатые ветви.

Она бродила по первому этажу, где было так пусто и тихо, что чириканье залетевшей на подоконник птички казалось чересчур уж громким. В душе у Сэй-Тэнь тоже была пустота.

«Не хочу прощаться, — думала она. — Удобнее всего было бы незаметно сбежать. Никаких тебе слез, никаких причитаний... Только вот без плайвера далеко не убежишь».

— Вы кого-то ждете? — поинтересовался проходивший мимо Има-Рин. — Не стойте на сквозняке, подождите лучше в моем кабинете.

Сэй-Тэнь не стала возражать. Какая разница, где обдумывать план побега?

— ...О летающих аппаратах? Нет, не слыхал, — сказал Има-Рин, поправляя шарф. — Последний плайвер пришел в негодность еще в позапрошлом году. А вы, как я понимаю, собираетесь домой?

— Угу, — хмуро подтвердила Сэй-Тэнь.

— Вижу, сильно тоскуете... — сочувствующе заметил профессор. — Но это дело поправимо, — сказал он с улыбкой. — У меня тут кое-что завалилось...

И он направился к шкафу, который — Сэй-Тэнь могла поклясться — возник у восточной стены минуту назад. Долго в нем рылся, выбрасывал какие-то разноцветные тряпочки, платочки, карнавальные принадлежности, пока, наконец, не высунулся из-за дверцы, весь взмокший и ужасно довольный.

— Вот они, фантазийные крылышки, — сказал Има-Рин, держа двумя пальцами на отлете пару крыльев вроде тех, какие дети надевают на утренники. Только эти крылья были в несколько раз меньше.

На лице Сэй-Тэнь появилось выражение глубокого скепсиса.

— Вы раскопали в груде пролежавшего реквизита какое-то старье и думаете, что оно меня осчастливит?

— Нет-нет-нет, — поспешил разуверить ее Има-Рин, — это вовсе не старье! Крылья

фантазии попросту не старятся!

— Что еще за крылья? — с недоверием спросила Сэй-Тэнь.

— Они не бутафорские, а волшебные, — приглушенно начал профессор. — Прикрепите их на спину и вообразите, что взлетаете! Ну-ну, смелее! Дайте-ка, я вам помогу, — И он прищепил крылышки к ее кофте. — А теперь представьте, что отрываетесь от пола. Долой мнительность! Будьте, как ребенок, который верит в чудеса.

Сэй-Тэнь собралась с духом и закрыла глаза. Ей совершенно не пришлось напрягаться. Всё получилось как-то само собой: крылья увеличились и расправились — они словно стали частью ее тела. Белые, как снег на недоступных вершинах массива. Легкие, точно облако.

Ей вдруг сделалось так хорошо, что она незаметно для себя воспарила к потолку.

— Я лечу! Лечу! — радостно крикнула она. Там, где заканчивался потолок, начиналось бирюзовое небо, глядящее в море Забвения. Она пропорхала вдоль берега моря, обогнула лестницу-в-никуда и вернулась к кафедре. — Скажите, в ближайшее время вам крылышки не понадобятся? — поинтересовалась она у Има-Рина.

— Нет, — рассмеялся тот. — Ни в эту вечность, ни в следующую. Забирайте насовсем.

Он умолчал о том, что запросто может смастерить такие крылья для целой группы учениц.

«Вот так радость! — думала Сэй-Тэнь. — Я и в гости к индейцам слетаю, и над городами покружу. Погляжу, что там да как. Айрин будет в восторге!»

Она поднялась на смотровую площадку, где обычно любовался звездами Каэтта, и прыгнула оттуда вниз. А потом, заливаясь смехом, взмыла к облакам.

— Ай да я! Ай да Сэй-Тэнь! Малышка-синица тебе и в подметки не годится! Да что там синица! Даже орел! Вон, парит в вышине. А ведь раньше и клюва к нам не казал!

Она спустилась на луг вместе с ветром, а в ветре кружились лепестки распутившихся в саду хризантем и гибискусов.

Минорис и Таймири не сдержали возгласов удивления:

— Ты ли это?

— Невероятно!

— Сегодня первый день весны, сегодня день чудес! — ответила им Сэй-Тэнь. — Я отправляюсь навестить индейцев в горный лес. Потом зажгу я фонари, что в городе Огней. И к Айрин прямиком пушусь — соскучилась по ней.

— Приветствуй от нас Остера Кинна и Эдну Тау! — крикнула вдогонку Таймири.

— И скорее возвращайся! — прибавила Минорис. Но последнее напутствие завертелось в ветре, развеялось и осыпалось на провожающих золотистой пылью. Сэй-Тэнь умчалась, и лепестки понеслись за нею.

— Ну, а теперь что? — раздосадовано спросила Таймири.

— Предлагаю пойти ко мне на башню, выпьем по стаканчику лимонной воды, — предложил Каэтта. Все моментально приободрились:

— Закажем Мелиссу вишневый пирог!

— Устроим пир на весь мир!

— На всю мастерскую!..

Таймири стряхнула с платья цветочную пыльцу, поправила волосы и, окинув горизонт затуманившимся взглядом, медленно двинулась за остальными.

«Сэй-Тэнь вернется, обязательно вернется... И мы снова будем путешествовать, потому что, похоже, без путешествий я уже не смогу».

Пристроившись за лебяжьей стаей, Сэй-Тэнь летела к массиву. Вдалеке виднелась Великая Вершина. Горы блестели и переливались в солнечном свете посреди колышущегося моря зелени.

Сэй-Тэнь казалось, что от счастья она действительно поднялась на седьмое небо. Ее ни на минуту не покидала легкость. Впереди сиял массив Лунного камня, внизу бежала по изумрудному ковру быстрая речушка. Откуда только она взялась? Сосновый лес и индейская деревня становились видны всё отчетливей, и наконец пришла пора снижаться.

Не Эдна Тау ли там, с пером на голове? Не она ли присела у костра и глядит на огонь? А Остер Кинн? Не он ли, случайно, разлегся под деревом и выстреливает дудочку ножом?

Сэй-Тэнь повалила индианку наземь, спикировав на нее, точно коршун.

— Эй, ты откуда взялась? — воскликнула та.

Остер Кинн подскочил, отложив свое ремесло.

— Чудеса в решете! — подивился он. А потом полез обниматься.

Сэй-Тэнь плакала и смеялась.

— Ах, как же я рада вас снова видеть! Если бы не крылья, не знаю, что б я делала!

Еще никому не устраивали в поселении столь теплого приема, какой устроили в тот вечер нежданной гостье. Индейцы разожгли праздничный костер и пустились в пляс по кругу, а вождь Знойной Зари чествовал Сэй-Тэнь так, словно та сама была вождем какого-нибудь племени.

— Навеки бы с вами осталась, — говорила она на следующее утро, сидя у ложа Эдны-Тау. — Да не могу.

— Понятно, — отвечала индианка, переворачиваясь на бок и подтягивая тигриную шкуру к самому подбородку. — Следуй зову сердца. Его нельзя игнорировать, иначе потом сама знать не будешь, отчего навалилась тоска.

Выйдя из вигвама и поклонившись дымящему трубкой вождю, Сэй-Тэнь взмахнула крылышками-крыльями-крылищами фантазии — и только ее и видели. Вождь от неожиданности поперхнулся дымом: летающие люди были для него внове.

Носясь под облаками, она чувствовала небывалое воодушевление. Каждый взмах крыльев поднимал ее на новую высоту, и радость прямо-таки захлестывала сознание.

«К такому невозможно привыкнуть, — думала Сэй-Тэнь. — Вернее, нет: к такому нельзя привыкать. Я не хотела бы привыкать ни к чему на свете!»

Остались позади несколько горных пиков, река Аламер, сверкающие водопады. Вдоволь налетавшись над зеркальным озером, куда однажды угодила яхта Кэйтирона, Сэй-Тэнь устремилась к городу Цвета Морской Волны. По пути туда она надеялась попетлять между столбами адуляра, которые когда-то высились в речной долине. Но теперь у нее, конечно, ничего бы не вышло, потому что, вместо столбов, повсюду стояли исполинские деревья. Они многозначительно шелестели листвой, растопырив ветви и важно нахлобучив внушительные шапки крон.

В городе Цвета Морской Волны, несмотря на недавнее вторжение, жизнь текла по-прежнему мирно. С высоты птичьего полета жители выглядели весьма довольными. Они не спеша прогуливались по улочкам, украшенным разноцветными лентами и флажками. Почти на каждом углу торговали цветами, сладостями и сувенирами. Подготовка к дню города была в самом разгаре. Академию, где раньше работал философ Диоксид, отреставрировали, а ему самому начали воздвигать памятник, видимо, узнав о его роли в истории с

безуспешным завоевательным походом Вазавра.

Поразил Сэй-Тэнь город Огней. Она стала терять высоту и, чуть было, не потеряла сознание, увидав столицу издалека.

— Куда подевались все дома?! — воскликнула она и, точно ее подстегнули, ринулась вниз.

Вместо отливающих лазурью каменных зданий, — тех, что были вытесаны из столбов адуляра, — вдоль улиц, развесив тяжелые ветви, красовались секвойи-великанши, дубы обхватов в десять и клены, листья которых многие уже приспособили под ковры в своих видоизменившихся жилищах. Дочурка Сэй-Тэнь, Айрин, жила теперь в стволе толстого-претолстого ясеня, верхушка которого уходила в самые небеса и маячила там, словно флаг. Дом тетушки Арии — добротный, некогда вытесанный из цельной глыбы адуляра — возвышался над близстоящими деревьями и заслонял трепещущей пальмовой кроной диск заходящего солнца.

Сэй-Тэнь решила переждать наступающую ночь там. Расположение комнат в доме ничуть не изменилось, и комната Таймири по-прежнему имела собственный выход на улицу. Правда, теперь вместо лестницы из лунного камня вниз вели три-четыре прочные лианы, обвившие пальмовый ствол. Прилегши на деревянную кровать подруги, Сэй-Тэнь заснула блаженным сном, чтобы на следующий день раскрыть свои объятия ненаглядной дочери. Так и не отцепила она крыльев от кофты и, лежа на боку, всё грезилась и грезилась во сне, будто летает, будто ветер развеивает ее волосы, а некая фантастическая сила позволяет светиться и радоваться каждой клеточке тела. И было так легко-легко...

Остер Кинн, неутомимый путник, которого даже заботливость Эдны Тау не удержала в индейском селении, месяца два спустя наведаясь в город Огней. Небрежно так наведаясь, не вынимая рук из карманов и беспрестанно жуя табак. Занесло его на бывшую главную площадь столицы, где от некогда величественного дворца остались одни только развалины.

Недолго думая, Остер Кинн пристал к какому-то пожилому гражданину. Этот гражданин мирно отдыхал на лавочке в тени огромной вайи и, когда к нему подсел странный тип в грязной одежде и мокасилах, от неожиданности даже подскочил. А тот давай возмущаться:

— Странное дело, я вам скажу! Почему массив Лунных гор и развалины не переродились? Всё переродилось, а они — нет! Вот с чего бы это?

Он хлопнул себя по коленям, сплюнул табак и повнимательней пригляделся к молчаливому собеседнику. У бедняги явно сдали нервишки: глаз подергивался, сам отодвинулся к краю скамейки и на всякий случай даже вооружился клюкой.

— Ты чего? Чумной я, что ли? — обиделся Остер Кинн. Обиделся — и побрел восвояси.

Развалины проводили его холодом от полуразрушенных колонн, обвалившихся стен и потрескавшихся адуляровых ступеней. Они так и остались стоять в назидание потомкам — как вечное напоминание о позорном правлении Икротауса Великого. О капле, которая не пожелала пожертвовать собой во имя жизни.

Сколько лет ни проходят люди мимо лазоревых развалин, каждый раз говорят друг другу:

— Эй, смотри, вон два дерева в камне застряли.

Оба ростом с тебя и с меня.

Первое, глянь, цветет.
Но цветков ты его не нюхай.
Даже пчелы на них не садятся.
Ну, а те, что садятся, гибнут.
А у дерева рядом ветви
опустились, совсем поникли.
Плодоносит оно едва ли
не с рождения моего.
Но плоды его несъедобны.
Сухи слишком, тверды, как камень.
На верхушке — шапка с рубинами.
Пусть с рубинами — не снимай ее.
Ты и сам знаешь, друг, нет нужды нам в них.
Мы без них богачи и счастливыцы.
А богатство — вокруг: в небе, в солнце.
В травке, что под ногами шепчется.
В глубине морской и в криницах чистых.
В рыбе, звере и птице.
Они просто радуют глаз,
а деревья питают нас.
Уж прощаться пора?
В добрый час!

Больше книг на сайте - Knigolub.net